

В. ВАСИЛЬЕВСКІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ

ПО

ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Выпускъ I.

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Блашова, Екатерининскій кан., № 80.

1890.

211

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый первый выпускъ „Обозрѣнія трудовъ по византійской исторіи“ представляетъ перепечатку, съ нѣкоторыми дополненіями, статей, появившихся въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 — 1889 годовъ. Какъ показываетъ самое заглавіе, имѣлось въ виду не обозрѣніе источниковъ византійской исторіи, а обозрѣніе трудовъ по изданію и непосредственному объясненію источниковъ, начиная съ эпохи Возрожденія. Въ настоящемъ выпускѣ это обозрѣніе доведено до XIX столѣтія, — въ слѣдующемъ должны заключаться окончаніе главнаго отдѣла и затѣмъ характеристика новѣйшихъ и болѣе общихъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Византіи, а также перечисленіе русскихъ частныхъ изслѣдованій въ этой области.

Исторія византійскихъ ученыхъ занятій — какъ иначе можно обозначить тему нашего опыта — до сихъ поръ не была еще предметомъ specialнаго и цѣльнаго обозрѣнія. Вѣглыи очеркъ г. Саеы (Sathas), помѣщенный во введеніи къ четвертому тому его „Средневѣковой Библиотеки“ (*Bibliotheca graeca mediae aevi, Μεσαιωνική βιβλιοθήκη*), не можетъ быть принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ почти ничего, кромѣ перечисленія именъ главныхъ дѣятелей (на 14 страницахъ). Впрочемъ, мы должны признаться, что этотъ очеркъ все-таки послужилъ программой для нашихъ университетскихъ лекцій, представлявшихъ вступленіе въ одинъ изъ specialныхъ курсовъ по византійской исторіи, откуда произошли и вышеозначенныя статьи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; такимъ образомъ мы обязаны г. Саеѣ первою идеею нашего труда. Само собою разумѣется, что при составленіи своего обозрѣнія мы пользовались тѣми готовыми пособіями, какія заключаются въ библиографическихъ и биографическихъ изданіяхъ, а также въ трудахъ историко-литературныхъ, касающихся византійской письменности. Такъ, мы должны назвать:

„Греческую Библиотеку“ Фабриція въ обработкѣ Гарлесса (*Fabrigius Harless, Bibliotheca graeca*);

„Историческую библиотеку“ Струве въ изданіи Мейзеля (Struve, Bibliotheca historica, ed. Meusel. Voluminis V pars I = tom. IX; Lipsiae. 1790);

„Историю византийской литературы“ Николаи (Nicolai, Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur — первоначально въ Encyclopedie v. Ersch und Gruber, t. 87 (1869), затѣмъ какъ третій томъ исторіи греческой литературы: Griechische Literaturgeschichte: Dritter Band. Die nachklassische Literatur. Magdeburg. 1879);

Nicéron. Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres de la république des lettres (многотомное изданіе прошлаго вѣка);

Biographie universelle ancienne et moderne (Paris. 1811—1828);

Bursian. Geschichte der classischen Philologie in Deutschland (1883);

Βρετου Νεοελληνική Φιλολογία (1854);

Σαθα, Νεοελληνική Φιλολογία (1868) и т. д.

Впрочемъ, когда дѣло шло о знаменитѣйшихъ дѣятеляхъ въ нашей области—объ Алляціѣ, Меурсіѣ, Дюканжѣ, Монфокопѣ или Бентли, мы обращались за біографическими данными къ спеціальнымъ ихъ жизнеописаніямъ, а для внѣшней исторіи изданій пользовались преимущественно парижскимъ и боннскимъ изданіями византийцевъ, въ которыхъ сохранены предисловія и посвященія прежнихъ изданій.

С -Петербургъ.

25-го мая 1890 года.

I.

ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВЪ.

1.

Отъ Иеронима Вольфа до Дюжанжа.

Эпоха возрожденія въ Итали; занятія греческимъ языкомъ и классическою греческою литературою. — Ученые греки: Хрисолоръ, Виссаріонъ Никейскій, Фодоръ Газа и ученики ихъ. Лиовардо Бруни и его переводъ Проконія. Шестнадцатый вѣкъ: эллинизмъ во Франціи, Янъ Ласкарисъ, Антоній Епархъ; переводы и изданія Коперника, Беата Ренана, Етьенней во Франціи.—Иеронимъ Вольфъ, какъ основатель византійской исторіи, Вузбекъ, Мартинъ Крузій.—Ксиландръ.—Бонавентура Вулканій.—Галсандръ.—Леунклавій, Гешель, Петавій, Гретсеръ и Понтанъ; Меурсій.—Алеманъ и Алляцій.

Когда на Западѣ и прежде всего въ Итали въ такъ-называемую эпоху Возрожденія дѣятельно принялись за изданіе и изученіе древнихъ классиковъ, тогда стали ближе знакомиться и съ византійцами, хранителями сокровищъ древняго образованія. Хотя при этомъ мало думали объ изученіи византійской исторіи и литературы, даже относились къ нему съ пренебреженіемъ, однако это отношеніе должно было по необходимости измѣниться. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ греческимъ языкомъ, приобрѣтеніе запаса греческихъ рукописей были необходимыми предварительными условіями и для византійскихъ будущихъ занятій, приготовляли для нихъ почву.

Во второй половинѣ XIV вѣка Петрарка и Боккачіо, познакомившись съ Гомеромъ, пришли отъ него въ восторгъ и начали отыскивать людей, которые, зная основательно греческій языкъ, могли бы облегчить имъ чтеніе бессмертныхъ поэмъ въ подлинникѣ.

Къ сожалѣнію, первые учителя греческаго языка въ Италіи были люди необразованные и даже не знавшіе своего языка ученымъ образомъ; то были Барлаамъ, и Леонціо Пилато, калабрійцы родомъ, говорившіе по гречески потому, что въ Калабріи во все теченіе среднихъ вѣковъ со времени византійскаго господства греческіе говоры держались въ мѣстномъ населеніи, отчасти сохранились и до новѣйшаго времени. Такіе люди, конечно, не могли принести существенной пользы, и только въ началѣ XV вѣка занятія греческою литературою были поставлены на болѣе прочную основу. Въ это время появился въ Италіи Мануиль Хрисолоръ, человѣкъ высокообразованный, котораго весьма уважали въ Византіи какъ отличнаго учителя. Его личныя высокія, нравственныя качества внушали къ нему почтеніе и въ италіанцахъ. Онъ основалъ школу въ Италіи и училъ лучшихъ людей того времени—Гварино, Роберто Росси, Ліонардо Бруни, Чевчи и другихъ. Онъ возбудилъ въ своихъ ученикахъ такой интересъ къ греческой литературѣ, что италіанцы начали ѣздить въ Византію, чтобы почерпнуть греческую мудрость изъ самаго источника и приобрѣтать греческія книги. Первымъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи былъ Гварино, за нимъ послѣдовалъ Джіовани Ауриспа; послѣдній въ продолженіе своего пребыванія въ Константинополѣ (въ 1422 и 1423 гг.) скупалъ массу греческихъ книгъ, какъ классическихъ, такъ и византійскихъ; въ числѣ ихъ были произведенія Прокція. За Ауриспою, поѣздка котораго была особенно удачна, послѣдовалъ Филельфо и другіе; началось то переселеніе греческихъ рукописей въ Италію, а послѣ и въ другія страны Европы, которое обогатило и прославило бібліотеки Медичисовъ и папскую, въ послѣдствіи — Лаврентійскую (Флорентійскую) и Ватиканскую. Сами греки помогали оскудѣнію книгъ въ своемъ отечествѣ, такъ какъ переселяясь на западъ, они привозили съ собою и памятники своей литературы ¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ у *Фойхта*: Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма—въ русскомъ переводѣ *Рассадина*, томъ I, 243 и сл. Далѣе относительно эпохи возрожденія мы пользуемся тѣмъ же сочиненіемъ, а также трудомъ *Леграна*: *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs au XV et XVI siècles par Emile Legrand*, Paris, 1885. Обширныя введенія при первомъ и второмъ томѣ описанія содержатъ чрезвычайно тщательно составленныя біографіи Хрисолора и прочихъ грековъ.

Въ 1438 году въ Феррарѣ былъ созванъ соборъ по вопросу о соединеніи церквей, который потомъ былъ перенесенъ во Флоренцію и закончился Флорентійскою уніей. По этому случаю собралось въ Италиі не мало византійцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ, оставшись на Западѣ, приобрѣли большое вліяніе; таковъ, напримѣръ, Георгъ Гемистъ Плевонъ, одинъ изъ послѣднихъ греческихъ философовъ, нашедшій много приверженцевъ своему ученію, которое основывалось на Платонѣ и его комментаторахъ. Съ этого времени начинается усиленное переселеніе грековъ въ Италию, что объясняется плачевнымъ состояніемъ Византійской имперіи, все болѣе и болѣе тѣснимою и наконецъ окончательно завоеванной турками.

Самымъ выдающимся изъ этихъ переселенцевъ былъ безъ сомнѣнія Виссаріонъ, архіепископъ Никейскій ¹⁾, ученикъ вышеупомянутаго Плевона, богословъ-философъ; онъ былъ однимъ изъ представителей Византіи на Флорентійскомъ соборѣ, первый согласился принять римскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и былъ назначенъ кардиналомъ. Виссаріонъ остался жить въ Римѣ и сдѣлался центромъ кружка италіанскихъ и греческихъ ученыхъ. Онъ писалъ богословскія сочиненія преимущественно о догматѣ *Filioque* и проповѣди, но кромѣ того, занимался греческою философіей, Платономъ и Аристотелемъ и переводилъ греческія сочиненія на латинскій языкъ. Большая заслуга Виссаріона заключается еще въ томъ, что онъ собиралъ греческія книги и рукописи; онъ отчасти приобрѣталъ ихъ въ даръ или покупкой, а еще чаще путемъ переписыванія; особенно много книгъ приобрѣтено было имъ послѣ паденія Константинополя, но и раньше онъ дѣлалъ закупки въ самой Италиі, напримѣръ, въ греческомъ монастырѣ св. Николая близъ Отранто (Касульскомъ). Виссаріонъ поручалъ копировать рукописи писцамъ, извѣстнымъ своимъ искусствомъ и умѣньемъ; часто такими переписчиками были люди ученые, переселившіеся въ Италию греки. Извѣстенъ разказъ объ экземплярѣ Иліады, переписанномъ для Филельфо Газою, считавшимся однимъ изъ лучшихъ каллиграфовъ: когда Виссаріонъ хотѣлъ приобрести этотъ манускриптъ для своей бібліотеки, то Филельфо ни за что не хотѣлъ уступить сокровища, котораго, по его словамъ,

¹⁾ Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на феррарско-флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма. *Александра Садова*, С.-Петербургъ. 1883.

ничего въ жизни не было для него драгоцѣннѣе ¹⁾. Передъ своею смертію Виссаріонъ (въ 1472 году) подарилъ Венеціи всю свою бібліотеку, и прежде всего именно рукописи она составила основаніе венеціанской бібліотеки св. Марка.

Въ то же время при папскомъ дворѣ въ Римѣ жило множество переселившихся грековъ, изъ которыхъ болѣе образованные были учителями и переводчиками, другіе же—переписчиками рукописей. Къ числу ихъ принадлежитъ Георгій Трапезунтскій, бывшій учителемъ логики и діалектики, риторики и краснорѣчія. Онъ перевелъ Евсевія, Іоанна Златоуста и нѣкоторыхъ другихъ отцовъ церкви, кромѣ того, „Законы“ Платона; но переводы его отличались крайнею недобросовѣстностію, которую замѣчали даже его современники; онъ выпускалъ мѣста, которыя ему не нравились, вставлялъ и передѣлывалъ цѣлыя отрывки. Сюда же принадлежитъ и Θεодоръ Газа, котораго мы уже назвали, и который перевелъ нѣкоторыя сочиненія Аристотеля, Теофраста, и исправлялъ текстъ Плинія и Геллія.

Знаменитый въ исторіи Возрожденія папа Николай V до завоеванія Константинополя и послѣ того скупалъ рукописи въ Греціи и въ азіатскихъ владѣніяхъ турокъ. Дѣло это велось тайными агентами, потому что стыдились подобныхъ мирныхъ сношеній съ заклятыми врагами христіанской вѣры, также потому, что бездѣятельность папы во время потрясающихъ событій 1453 года уже вызывала негодованіе. Ославленная греческая неопрятность и пыль, которою были покрыты пергаменные свитки, полученные изъ турецкихъ владѣній, были для папы пріятнѣе тѣхъ греческихъ пословъ, которые являлись къ нему просить помощи и денегъ. Гуманистъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Греція не гибнетъ, а только переселяется въ Италію. Прежде Византія была неистощимымъ рынкомъ для добычи рукописей, но теперь, со времени турецкаго завоеванія, дѣла принимали иной оборотъ; количество книгъ, погибшихъ въ это время, бывшій Русскій митрополитъ, кардиналъ Исидоръ опредѣлялъ въ 120,000 томовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Византія сдѣлалась на первое время недоступною для христіанскихъ купцовъ и агентовъ; приходилось ограничиваться Мореей и греческими островами, остававшимися подъ властію Венеціи, гдѣ, однако, венеціанцы и флорентійцы часто опережали папу. Извѣстно, что Николай V уже помышлялъ объ устройствѣ публичной бібліотеки

¹⁾ Два письма Филельзо, писанныя по этому поводу, сохранились; они приведены у *Леирана* въ биографіи Газы.

въ Римѣ, но эта мысль была осуществлена лишь гораздо позже, при папѣ Сикстѣ IV (1471—1484), когда значительная часть рукописныхъ сокровищъ папы Николая была уже растрчена небрежностью его ближайшихъ преемниковъ ¹⁾.

Занятія греческою литературою въ эпоху Возрожденія ограничивались переводами греческихъ авторовъ на латинскій языкъ. Кажется бы, что не имѣло смысла переводить съ иностраннаго языка на мертвый; но дѣло въ томъ, что въ тѣ времена на Западѣ почти никто не зналъ греческаго языка, а всѣ образованные люди могли читать по латыни. Когда начали заниматься латинскими классиками и узнали ихъ поклоненіе греческому краснорѣчію и греческой образованности, явилось настоятельною потребностью познакомиться съ греческими авторами. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ положенъ Мануиломъ Хрисолоромъ, переведшимъ „Государство“ Платона. Ученики его шли по его стопамъ: Джіакомо да Скарпарія перевелъ космографію Птолемея, Роберто Росси—нѣкоторыя аристотелевскія сочиненія, Палла Строцци—Плутарха, Платона и Златоуста. Но всѣ эти переводы не отличались большими достоинствами, потому что переводчики недостаточно знали латинскій языкъ. Всѣхъ своихъ товарищей и даже своего учителя превзошелъ Ліонардо Бруни, который одинаково хорошо зналъ и по латыни и по гречески. Онъ перевелъ прежде всего слово Василія Великаго о пользѣ изученія языческой литературы, въ 1406 г., потомъ рѣчи Демосеена, затѣмъ Плутарха, нѣкоторые діалоги Платона, Аристотеля. Переводы эти по своимъ относительнымъ достоинствамъ доставили Бруни громкую извѣстность; новѣйшіе ученые признаютъ, что они передаютъ подлинникъ не всегда вѣрно и по большей части совсѣмъ не точно. Однако не надо забывать, что въ то время не было никакихъ ученыхъ пособій, ни грамматикъ, ни словарей, и что переводы дѣлались не для ученыхъ, а для любознательныхъ дилетантовъ, которые искали новаго научнаго матеріала и требовали легкаго и красиваго слога: имъ нельзя было представлять греческаго автора со всѣми его трудностями и темными мѣстами. Особенною заслугою считалось придать греческому философу или историку римское краснорѣчіе, которое, по соображеніямъ тогдашнихъ переводчиковъ, должно было заключаться и въ оригиналѣ. Съ этой

¹⁾ См. *Фойхтъ*, Возрожденіе, т. I, стр. 123. Папа Каликстъ III, уважавшій только каноническое право, подарилъ престарѣлому Русскому митрополиту Исидору 200 греческихъ кодексовъ.

точки зрѣнія надо смотрѣть и на плагиаторство Бруни; онъ нѣсколько разъ, сдѣлавъ вольный переводъ какого-нибудь древняго автора, выставлялъ на книгѣ свое имя, вмѣсто имени оригинальнаго писателя. Онъ написалъ „Комментаріи на греческую исторію“ и выдавалъ этотъ трудъ за свой, не упоминая о томъ, что онъ почти цѣликомъ взятъ изъ „Греческой исторіи“ Ксенофонта. Его комментаріи на первую Пуническую войну представляютъ не что иное какъ передѣлку Поливія. Точно также Бруни перевелъ или, лучше сказать, передѣлалъ сочиненіе Прокопія „О Готской войнѣ“ и въ 1441 г. посвятилъ его кардиналу Чезарини, не упоминая нигдѣ имени Прокопія. Эта тайна открылась еще при жизни Бруни; когда Флавіо Біондо задумалъ писать свои „Историческія Декады отъ паденія Рима“ (собственно отъ взятія Рима Аларихомъ), представляющія первый пытъ научной исторіи среднихъ вѣковъ, и заказалъ для этого Христофору Персонѣ переводъ Прокопія, онъ къ крайнему удивленію замѣтилъ, что представленный ему переводъ ни въ чемъ не разнится отъ сочиненія Бруни¹⁾. Знаменитаго переводчика обвинили въ плагиатѣ, но онъ защищался тѣмъ, что воспользовался древнимъ авторомъ точно также, какъ Ливій или Поливій пользовались чужими сочиненіями, которыхъ никогда не называли. Дѣйствительно, здѣсь не слѣдуетъ думать объ умышленномъ обманѣ, и сужденіе г. Сааы, поддерживающаго обвиненіе Бруни въ плагиатѣ, кажется слишкомъ строгимъ; нѣкоторые современники знали, что Бруни не оригинальный писатель, а передѣлываетъ древнихъ авторовъ.

Другой ученикъ Хрисолора, Траверсарри, переводилъ больше всего отцовъ церкви, Василия Великаго, Златоуста, Григорія Назіанзина и др.²⁾ Въ эпоху Возрожденія переводили по большей части греческихъ классиковъ, и только съ XVI вѣка начинаютъ болѣе дѣятельно переводить и издавать византійскихъ писателей.

Между тѣмъ подготавливалась почва для греческихъ византійскихъ занятій и въ другихъ странахъ Европы, за Альпами. Греческій языкъ преподавался въ Парижѣ еще при Людовикѣ XI грекомъ Георгіемъ Гермопимомъ³⁾; на нѣкоторое время появился здѣсь и Андроникъ

¹⁾ О Ф. Біондо и его достопамятномъ трудѣ есть отдѣльная монографія: *Marius, Flavius Biondo sein Leben und seine Werke*. Leipzig. 1879; рецензія Вильманса въ *Gotting. Gelehrt. Anz.* 1879 s. 1432.

²⁾ Объ его открытіяхъ (Оригенъ) см. *Фойхтъ*, Возрожд. II, 244.

³⁾ Ранѣе Гермонима, около 1470 или даже около 1453 года, упоминается Тиссерна, какъ преподаватель греческаго языка въ университетѣ, но его дѣятельность мало извѣстна и не имѣла важныхъ послѣдствій.

Каллисть, ради приобретѣнія средствъ для далекаго путешествія разставшійся съ своею богатою коллекціею рукописей, проданною въ Миланѣ; затѣмъ онъ переселился въ Англію. Учениками Гермонима въ Парижѣ были три знаменитыхъ гуманиста, Гильомъ Бюде (Bude), возстановитель греческихъ занятій во Франціи (*restaurateur des études grecques en France*), Рейхлинъ, имѣвшій потомъ подобное же значеніе для Германіи, и самъ Еразмъ Роттердамскій, виновникъ ученаго раскола по вопросу о древне-греческомъ произношеніи. Гермонимъ, кромѣ преподаванія греческой грамматики, занимался также перепискою книгъ, такъ какъ былъ хорошимъ каллиграфомъ, а обычай копировать греческія рукописи удержался даже послѣ открытія книгопечатанія; каллиграфія довольно долго выдерживала въ этой области конкуренцію съ типографскимъ искусствомъ; не только отъ Гермонима, но и отъ нѣсколькихъ позднѣйшаго по времени дѣятеля Вергенія съ острова Крита сохраняются до сихъ поръ рукописные изящные экземпляры въ Парижской Національной библіотекѣ. Шрифты, впервые отлитые для основанной въ 1539 году Парижской королевской типографіи, должны были увѣковѣчить прекрасныя формы греческаго алфавита, къ которымъ приучили глаза знатоковъ названныя византійскіе каллиграфы. Впрочемъ, греческія книги стали печататься въ Парижѣ ранѣе того въ частныхъ типографіяхъ; первая изъ нихъ, содержавшая въ себѣ греческій букварь (*Alphabetum graecum*), съ приложеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній, появилась въ 1507 году. По образцу коллегіи трехъ языковъ, возникшей въ Лувенѣ (*Louvain*) благодаря стараніямъ Еразма, въ Парижѣ, при томъ же королѣ, который былъ виновникомъ порученія, даннаго Гарамону (относительно матрицъ для греческаго шрифта), основано было новое независимое отъ Сорбонны и богословія ученое учрежденіе, долженствовавшее служить въ одно и то же время и академіей, и высшею школою, и прославившееся подъ именемъ Французской коллегіи, *Collège de France*; преподаваніе классическихъ языковъ стояло въ немъ на первомъ планѣ. Францискъ I, сверхъ того, можетъ быть считаемъ настоящимъ основателемъ французской королевской, теперешней Національной библіотеки, и въ частности ея богатаго греческаго рукописнаго отдѣла. Въ самомъ началѣ его царствованія прибылъ въ Парижъ съ рекомендательными письмами отъ папы Льва X знаменитый грекъ Янъ (*Ἰάνης, Janus*) Ласкарисъ, потомокъ бывшихъ Византійскихъ императоровъ, послѣ взятія Константинополя турками еще въ дѣтствѣ перевезенный въ Венецію по требованію кардинала Виссаріона и на

его счетъ обучавшійся въ Падуанскомъ университетѣ, вмѣстѣ со многими другими греками, нашедшими убѣжище подъ покровомъ республики. Ласкарисъ имѣлъ за собою уже длинную біографію и не въ первый разъ сближался съ Французскимъ королемъ. Послѣ кончины перваго своего покровителя, кардинала Виссаріона, онъ жилъ во Флоренціи, гдѣ съ блестящимъ успѣхомъ преподавалъ греческій языкъ, снискавъ себѣ расположеніе Лаврентія Медичи, который поставилъ его во главѣ своей бібліотеки; для обогащенія этой бібліотеки греческими рукописями, онъ совершилъ два путешествія на Востокъ; въ первомъ онъ посѣтилъ Корфу, Солунь, гдѣ нашелъ своихъ однофамильцевъ, и что особенно замѣчательно—былъ на Аеонѣ: вотъ когда началось переселеніе рукописныхъ сокровищъ Хиландарской и Ватопедской лавры на Сѣверь. Во второе путешествіе Ласкарисъ дольше всего оставался въ Константинополѣ, гдѣ представилъ рекомендательныя письма отъ Медичи султану Баязету II, и при помощи мѣстныхъ ученыхъ со всѣхъ сторонъ скупалъ манускрипты. Онъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду и другую, политическую цѣль: ознакомиться съ состояніемъ умовъ на Востокѣ между христіанскимъ населеніемъ и опредѣлить, какія вѣроятности успѣха могла бы имѣть попытка борьбы съ Турками. Послѣ этого понятно сближеніе Ласкариса съ королемъ Французскимъ Карломъ VIII, отъ котораго всѣ ожидали, что послѣ завоеванія Неаполя, послѣ утвержденія своего преобладанія въ Италіи, онъ обратится на Востокъ и будетъ ожидаемымъ освободителемъ грековъ и Цареграда: одинъ изъ потомковъ Палеологовъ уступилъ въ пользу его свои права на византійскій престолъ; болѣе существенныя услуги могъ оказать Ласкарисъ, увѣрившій, что множество янычаръ, насильно обращенныхъ въ мусульманство, ждутъ только сигнала, чтобы поднять знамя возмущенія. Извѣстно, какъ скоро эти надежды разсѣялись. Впрочемъ, Ласкарисъ и въ промежутокъ между смертью Карла VIII и восшествіемъ на престолъ Франциска не прерывалъ своихъ связей съ Франціей—ни ученыхъ, ни дипломатическихъ, такъ какъ служилъ ея посломъ при Венеціанской республикѣ. Побѣдитель при Мариньяно нашелъ въ немъ прекраснаго и опытнаго совѣтника въ ученыхъ дѣлахъ, а именно въ отысканіи средствъ къ умноженію греческихъ книгъ въ бібліотекѣ, основанной Францискомъ въ Фонтенбло и вскорѣ умноженной вывезенною изъ Италіи и хранившеюся въ Блуа ученою добычею Карла VIII: по указанію Ласкариса обратились въ Венецію, гдѣ жило много грековъ, для которыхъ каллиграфія была средствомъ жизни; подъ наблюденіемъ королевскихъ пословъ при республикѣ по

двѣнадцать копистовъ за разъ постоянно работали для библіотеки французскаго короля. Въ письмахъ зиткъ пословъ къ Франциску содержатся иногда очень подробные отчеты о ходѣ всего дѣла¹⁾. Значительное количество готовыхъ греческихъ кодексовъ было получено изъ Венеціи отъ греческаго уроженца острова Корфу, Антонія Епарха. Этотъ греческій дворянинъ (*gentilhomme grec*), какъ его называли французы, занималъ особое выдающееся положеніе среди своихъ земляковъ, осужденныхъ жить подневнымъ трудомъ переписки книгъ; онъ велъ свои дѣла на широкую и благородную ногу, онъ не продавалъ, а подносилъ собранныя имъ рукописи королю французскому и получалъ въ вознагражденіе не плату, а богатые подарки. Антоній Епархъ для своихъ дѣлъ, то-есть для приобрѣтенія рукописей, нѣсколько разъ ѣздилъ изъ Венеціи на востокъ, то на счетъ папы, то по порученію короля французскаго, онъ посѣщалъ монастыри Леванта и былъ вообще главнымъ поставщикомъ греческихъ оригинальныхъ рукописей на итальянскомъ рынкѣ около половины XVI вѣка. Не одни французы поживились отъ него: одну свою коллекцію онъ продалъ городскому совѣту Аугсбурга; книги, вывезенныя изъ послѣдней своей поѣздки въ Морею и вообще въ Грецію (1566 г.) и назначавшіяся первоначально для библіотеки Ватиканской (такъ какъ самая экспедиція устроена была на счетъ папы), приобрѣтены были—впрочемъ уже по смерти Антонія отъ его наследниковъ—испанскимъ посломъ короля Филиппа II Гусманомъ для своего государя и послужили основаніемъ греческаго собранія рукописей Эскуріальской библіотеки. Собранія Діега Гуртады Мендозы (*Don Diego Gurtado Mendoza*), довѣреннаго сановника и дипломата при королѣ и императорѣ Карлѣ V, а также ученаго епископа тарраконскаго и гуманиста Антонія Августина, обогатившія потомъ (1576. 1587 гг.) Эскуріальскую библіотеку, составились такимъ же путемъ, то-есть отчасти приобрѣтеніемъ оригинальныхъ греческихъ рукописей, подъ которыми разумѣются кодексы, вывезенные съ востока и писанные греками для грековъ, частію путемъ заказовъ переписчикамъ въ Италиі. Посредникомъ и поставщикомъ Мендозы былъ грекъ Николай Софіанъ изъ Корфу, ѣздившій по его поруче-

¹⁾ См. письма Pellicier въ книгѣ *Delisle, Cabinet des manuscrits de la bibliothèque nationale* (Paris, 1868), I, 154. См. тамъ же и вообще о дѣятельности Ласкариса, а равно у *Лейбана*, написавшаго превосходную біографію Ласкариса въ видѣ введенія къ каталогу принадлежащихъ ему печатныхъ изданій.

нію въ Грецію и на Авопъ, авторъ первой новогреческой грамматики, а у Августина грекъ Дармарій, усердный, но мало добросовѣстный переписчикъ манускриптовъ ¹⁾. Что касается опять Франціи, то сюда приходили кодексы изъ самой ихъ родины, еще отъ Пьера Жилля (Gille), автора Топографіи Константинополя, который отправленъ былъ Францискомъ на востокъ въ концѣ царствованія именно съ цѣлю пріобрѣтенія рукописей. При Карлѣ IX королевская бібліотека перенесена была изъ Фонтенбло въ Парижъ и сдѣлалась доступною для пользованія публики. Въ ней было тогда около 250 греческихъ рукописей; но не слѣдуетъ упускать изъ виду существованія другаго, еще болѣе обширнаго собранія, принадлежавшаго Екатеринѣ Медичи, недоброй памяти матери короля Карла IX. Это послѣднее собраніе, составленное первоначально въ Италіи подъ руководствомъ Яна Ласкариса и заключающее въ себѣ до 800 рукописныхъ, болѣею частію греческихъ кодексовъ, было присоединено къ королевской бібліотекѣ при Генрихѣ IV стараніями президента Де-Ту. Между тѣмъ не только въ Парижѣ, но и въ другихъ мѣстахъ завелись греческіе шрифты и стали печататься греческія книги. Мануцій Альдъ въ Венеціи давно уже началъ издавать греческія грамматики Хризолора и Газы, а затѣмъ и греческихъ классиковъ, а въ 1516 году Фробенъ въ Базелѣ напечаталъ греческій текстъ Новаго Завѣта, приготовленный къ изданію Еразмомъ Роттердамскимъ ²⁾. Обращаемся къ такому рода явленіямъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ византійской литературѣ.

Въ 1509 году грекъ съ острова Крита, переселившійся въ Италію, проживавшій то въ Венеціи, то въ Римѣ и занимавшійся тамъ перепискою и преподаваніемъ греческаго языка, Захарія Каліерги, извѣстный въ исторіи классической филологіи изданіями Теокрита и Пиндара, сочиненіями объ Аристотелѣ, а также изданіемъ Большого Этимологикона (Μέγα ἑτομολόγιον) на счетъ Анны, дочери Луки Нотары, напечаталъ подлинный греческій текстъ увѣщательныхъ главъ императору Юстиніану діакона Агапита: Ἀγαπητοῦ διακόνου παρανεητικά κεφάλαια πρὸς Ἰουστιανόν ³⁾. Сочиненіе это, издававшееся не менѣе восемнадцати разъ въ теченіе одного XVI вѣка, было

¹⁾ Объ Евархѣ, кромѣ Лепрана см. *Graux*, Essai sur les origines du Fonds grec de l'Escorial (Paris. 1880). Тамъ же и о Соеланѣ и Дархаріѣ.

²⁾ *Didot*, Alde Manuce et l'hellénisme à Venise. Paris. 1875.

³⁾ Точное воспроизведеніе заглавнаго листа у *Лепрана* I 95.

потомъ любимо и у насъ и часто встрѣчается въ каталогахъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ. Въ томъ же году знаменитый астрономъ Николай Коперникъ издалъ въ Краковѣ латинскій переводъ писемъ Теофилакта Симокатты, которыя привлекли его вниманіе, конечно, своимъ отчасти естественно-научнымъ содержаніемъ, а впрочемъ не имѣютъ большаго значенія; важнѣе было бы издать Исторію дѣяній императора Маврикія того же автора, касающуюся великаго переселенія славянъ за рѣку Дунай въ концѣ VI вѣка; но хотя Коперникъ былъ славянинъ, исторія славянъ его не занимала.

Въ 1531 году въ Базелѣ появилось изданіе подъ заглавіемъ *De rebus Gothorum, Persarum et Vandalorum*; оно принадлежало извѣстному нѣмецкому гуманисту, ученику Еразма Роттердамскаго, не чуждому стремленій къ изученію и родной нѣмецкой древности; Беату Ренану (собственно Bild изъ Шлеттштадта). Въ этомъ изданіи были помѣщены латинскіе переводы сочиненій Прокопія и Агаѳіи о войнахъ Юстиніана, принадлежавшіе Рафаилу Волатеррану и Христофору Персонѣ, передѣлка Бруни Аретина о войнѣ италійцевъ противъ готовъ (*De bello Italogum contra Gothos*) и въ первый разъ сочиненіе Прокопія о постройкахъ (*De aedificiis*) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ ¹⁾. Въ томъ же городѣ былъ отпечатанъ нѣсколько позже (1536) Каталогъ Константинопольскихъ императоровъ и патріарховъ Никифора Ксанеопула или Каллиста, который и самъ былъ патріархомъ около 1341 года ²⁾. Гораздо болѣе важное и обширное сочиненіе того же автора, именно, его Церковная исторія отъ Рождества Христова до 610 года, также обратило на себя вниманіе уже въ XVI вѣкѣ и, начиная съ 1560 года, много разъ (по счету Саенъ — девять) была издаваема въ латинскомъ переводѣ; былъ и одинъ французскій переводъ, греческій подлинникъ явился только въ слѣдующемъ столѣтіи ³⁾. Не чуждою византійской исторіографіи была и дѣятельность Етьенней, столь достопамятная въ исторіи французскаго Возрожденія ⁴⁾. Ро-

¹⁾ О Беатѣ Ренанѣ и его историческихъ занятіяхъ: см. *Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie* (Munchen. 1885) стр. 134 и 135.

²⁾ *Catalogus imperatorum et patriarcharum C. Politanorum* (въ стихахъ: *graecae et latinae editus una cum Theodori Prodromi epigramm.* Basileae, 1536.

³⁾ *Nicephori Callisti, Historia ecclesiastica latine reddita à Langio.* Basileae, 1560. см. у *Поттхаста* (*Potthast, Bibliotheca medi aevi*).

⁴⁾ См. *Egger, L'hellénisme en France au XVI siècle* (Paris. 1869) I, 198; *Michelet, Renaissance*, p. 378—380.

доначалаыякъ этой знаменитой, по выраженію Мишле, династія еллинистовъ, Генрихъ Етьеннъ или Стефанъ открылъ въ 1502 году небольшую типографію подъ вывѣскою кроликовъ на одной изъ глухихъ парижскихъ улицъ; скоро она прославилась своими изданіями. Это была уже вполне ученая типографія; Генрихъ Етьеннъ былъ друженъ съ извѣстнымъ греческимъ гуманистомъ Яномъ Ласкарисомъ, который, говорятъ, даже работалъ въ его типографіи, какъ корректоръ; другими справщиками были грекъ съ острова Крита Петръ Портъ, вышеупомянутый Беатъ Ренанъ и многіе другіе, славившіеся тогда знатоки греческаго и латинскаго языковъ; въ самомъ семействѣ Етьенней даже женщины говорили не иначе какъ по латыни; простые наборщики въ типографіи понимали этотъ языкъ³⁾. Извѣстны и по своему изяществу и по своему значенію для развитія идей Реформаціи изданія Новаго Завѣта въ подлинникѣ и переводахъ, выходившія изъ типографіи Генриха Етьенна. Его сынъ и наслѣдникъ Робертъ, прославившійся составленіемъ большаго словаря латинскаго языка (*Thesaurus linguae latinae*), издалъ въ подлинникѣ церковныхъ писателей IV и VI вѣка: Евсевія Кесарійскаго, Сократа, Созомена и Θεодорита, Анагноста и Евагрія. Изданіе это было принято по порученію и при денежномъ вспоможеніи короля Франциска I и появилось въ 1544 году; оно было перепечатано съ нѣкоторыми исправленіями и прибавленіемъ разночтеній въ 1602 году въ Женевѣ, но до появленія новыхъ изданій церковныхъ историковъ Генриха Валезія (*Valois*) во второй половинѣ XVI вѣка, изданіе Етьенна оставалось лучшимъ не только по внѣшнему своему изяществу, но и по внутреннему достоинству. Внукъ Генриха старшаго и сынъ Роберта, Генрихъ младшій Етьеннъ († 1598) съ пятнадцати лѣтъ зналъ греческій языкъ какъ природный; онъ знаменитъ своимъ словаремъ или Сокровищницею греческаго языка (*Thesaurus linguae graecae*), который и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ филологовъ, такъ какъ на замѣну его не явилось чего-нибудь подобнаго латинскому словарю Форчеллини; въ настоящемъ столѣтіи этотъ словарь былъ изданъ съ исправленіями и дополненіями, стараніемъ

³⁾ Биографъ великаго филолога Казобона замѣчаетъ, что его жена, дочь Генриха II Етьенна, хотя и знала латинскій языкъ, столь общій въ домѣ ея отца, но впоследствии его, должно быть, забыла, такъ какъ сдѣлала по французски свою замѣтку въ Есемеридахъ (дневникѣ) мужа, писавшаго по латыни. *Pattison, Isaac Casaubon* (London. 1875) pag. 98.

типографщика и издателя Дидо (Didot), во многом напоминающего по характеру своей деятельности Етьенней. Хотя при составлении Сокровищницы греческого языка Генриха Стефана собственно византийский период и не был принят в расчет, все-таки сюда вошли слова и речи Священного Писания в перевод с семидесяти толковников, а также и словоупотребление древнейших греческих отцов церкви, так что и всякому византисту приходится обращаться за справками к этому пособию. Упомянем еще, что Генрих младший Етьенн в 1581 году в первый раз напечатал подлинный текст греческого историка Зосимы, описывающего время Константина Великого, Юлиана и Феодосия; у Поттгаста это издание пропущено (см. об этом издании ниже).

Таким образом мы видим, что в первой половине XVI века и позднее появлялись пока отдельные издания, касающиеся византийской истории, именно первоначального ее периода, в сущности более римского, а также сочинения по истории церкви того же периода; никто еще не произносил слов „Византийская история“. Честь воскрешения Византии из мертвых вполне принадлежит немецкому филологу, современнику Лютера, Иерониму Вольфу (1516—1580). С юности пристрастившись к классическим занятиям, молодой Вольф отказался от хорошей служебной карьеры, на которую вступил бы по воле отца; по окончании университетских занятий в Тюбингене, он остался педелем при университете, чтобы избежать не нравившейся ему придворной службы; он провёл два года в Виттенберге, куда вызвал его Меланхтон, был школьным учителем в Нюрнберге и других городах, посетил Базель и Париж, наконец основался в Аугсбурге, где занимал место секретаря и библиотекаря в доме знаменитого патриция, богача и мецената Якова Фуггера⁴⁾; всем известна роль этой фамилии в эпоху Реформации, когда Фуггеры ссужали деньгами в качестве банкиров Карла V, и когда их агенты сопровождали продавцов индульгенций, именно даже Тецеля, для контроля поступлений, имеющих послужить к погашению заранее сдланной ссуды. Фуггеры имели большую библиотеку и сношения с Константинополем; по внушению и указанию своего патрона, Иероним Вольф, занимавшийся

⁴⁾ *Bursian*, Geschichte der classischen Philologie in Deutschland, 210 — 213. Есть специальное сочинение: *Passow*, Wolfs Jugendleben в *Historisches Taschenbuch Rauvera*, 1830.

классическими греческими писателями, Исократомъ и Демосѣеномъ, издавiемъ которыхъ и оставилъ послѣ себя память въ исторiи классической филологiи, обратился сначала къ Зонарѣ, а потомъ къ другимъ византийскимъ историкамъ. Изданiе хроники Иоанна Зонары, жившаго въ началѣ XII вѣка, вышло въ свѣтъ въ 1557 году въ Базелѣ, подѣ слѣдующимъ заглавiемъ: *Ioannis Zonarae monachi, qui olim Byzantii Magnus Drungarius excubiarum seu Byglae et proto-secretarius fuit, compendium historiarum, in tres tomos distinctum: quorum Primus agit de rebus iudaicis, ab exordio mundi usque ad Hierosolymitarum excidium Secundus Historiam Romanam ab urbe condita usque ad Constantinum Magnum breviter complectitur Tertius imperatorum res gestas à Constantino Magno usque ad obitum Alexii Comneni tractat. Opus praeclarum ac diu desideratum: nunc vero demum liberalitate magnifici et generosi viri D. Antonii Fuggeri — et labore Hieronymi V. Volfii graece et latine quinque codicibus inter se collatis, quam emendatissime fieri potuit, in lucem editum. Singulis tomis additi sunt indices et variarum lectionum Annotationes.* (Слѣдуетъ еще указанiе на привилегiи императора и короля Французскаго Генриха II). *Basileae, per Ioannem Oporinum. 1557.*

Въ предисловіи, въ которомъ Вольфъ обращается къ Антонию Фуггеру, говорится о трудностяхъ изданiя; трудности происходятъ отъ несправности списковъ, отъ ихъ неразборчивости вслѣдствiе того, что они писаны каллиграфически—съ разными сокращенiями признанiе довольно наивное съ точки зрѣнiя нынѣшнихъ требованiй отъ издателя греческихъ текстовъ. Но я, говоритъ Вольфъ,—употреблялъ всѣ старанiя къ болѣе исправному изданiю автора; однако и самое усердiе, рассуждаетъ онъ,—ни къ чему бы не повело, еслибъ у меня не было достаточнаго числа списковъ. Изъ нихъ три я получилъ, пишетъ Вольфъ,—изъ твоей библиотеки, для которой они были приобрѣтены съ большими издержками въ Константинополѣ старанiемъ отличнаго мужа, знаменитаго не менѣе древняго Улиса своимъ умомъ, странствованiями и большою опытностью въ дѣлахъ, Иоганна Дерншвама (*Ioannis Dernschvum*; о немъ см. ниже). Далѣе приводится надпись, собственноручно сдѣланная Дерншвамомъ на древнѣйшемъ изъ списковъ: „Хроника Иоанна Зонары, раздѣленная на два тома (первый—до разоренiя Иерусалима Титомъ, второй—о царяхъ Греческихъ и Римскихъ до Алексѣя Комнина), куплена мною въ Константинополѣ, въ Перѣ или Галатѣ, за 150 дукатовъ угорскихъ отъ отличнаго господина Антонiя Кантакузина, коего фамилія, пока стояла Византия, была импе-

раторскою, а теперь, при турецкомъ владычествѣ, обращена въ частное состояніе: и онъ просилъ меня, чтобъ это произведеніе когда нибудь было напечатано, и экземпляръ печатнаго изданія былъ бы присланъ ему за сохраненіе Зонары. Сверхъ того, второй томъ Зонары объ императорахъ я приобрѣлъ для сличенія отъ Александра хартофилакса (діакона при Великой церкви) за 30 угорскихъ дукатовъ. Наконецъ, еще одинъ списокъ Зонары о дѣлахъ имперіи и церкви съ Константина Великаго до Юстиніана я позаботился снять съ иного древняго кодекса*. Это—слова Дерншвамма. Вольфъ прибавляетъ, что четвертый списокъ, начинающійся съ Константина Великаго, доставила ему богатая бібліотека его мецената Иоганна Якова Фуггера; наконецъ, по благосклонности королевскаго совѣтника Гаспара Нейдруга (Nudrug) сверхъ всякой надежды, онъ получилъ изъ Вѣнской бібліотеки еще пятый и полный кодексъ Зонары, при помощи котораго и восполнилъ многіе пробѣлы другихъ списковъ. Съ напряженными усиліями и не щадя своего здоровья, Вольфъ кончилъ всю работу, включая и переводъ на латинскій языкъ, въ девять мѣсяцевъ, желая засвидѣтельствовать свою преданность Фуггеру. Предисловіе датировано: въ Аугсбургѣ, ex bibliotheca herili (Вольфа или Фуггеровъ?), ноябрь 1556.

Изданіе хроники Зонары само по себѣ было уже большою заслугою, каковы бы ни были его недочеты и пробѣлы; оно вводило уже въ самую средину византійской исторіи, такъ какъ Зонара доводилъ свой разказъ отъ сотворенія міра до кончины царя Алексѣя Комнина въ 1118 году. Но еще важнѣе было то, что Вольфъ на этомъ не остановился, и вслѣдъ за Зонарою занялся другимъ византійскимъ историкомъ, Никитою Акоминатомъ изъ Хонъ (древнихъ Колоссъ), котораго поэтому мы привыкли звать Хоніатомъ¹⁾. Побужденія, которыя руководили при этомъ Вольфа, объяснены опять имъ самимъ въ предисловіи къ изданію творенія Никиты, вышедшему въ 1557 году. Прежде всего выставляется на видъ, что трудъ Никиты Хоніата служитъ естественнымъ продолженіемъ Хроники Зонары; тамъ, гдѣ одинъ кончается, начинается повѣствованіе другаго, обнимая періода времени въ 86 лѣтъ отъ смерти Алексѣя Комнина до взятія Кон-

¹⁾ Подробности объ изданіяхъ исторіи Никиты можно найти въ сочиненіи *Θ. И. Успенскаго*: Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. С.-Пб. 1874. Тамъ приведено и длинное заглавіе изданія Вольфа, которое мы, поэтому, не выписываемъ.

стантинополя франками и основанія Латинской имперіи (1206 г.). Не могъ такой опытный и не лишенный вкуса филологъ, какъ Иеронимъ Вольфъ, остаться равнодушнымъ и къ высшимъ литературнымъ достоинствамъ позднѣйшаго писателя, по сравненію съ безжизненнымъ хронографомъ, лишеннымъ всякой искры одушевленія и всякихъ признаковъ изящнаго вкуса. Вольфъ еще не догадывался, что Зонара совсѣмъ даже не самостоятельный писатель, а компиляторъ, почти механически списывающій другихъ; но сужденія его о литературныхъ достоинствахъ, о языкѣ и слогѣ Никиты Хоніата не лишены основательности. У него, по видимому, осталось такое впечатлѣніе, что эта странная рѣчь, представляющая на первый взглядъ какую-то пеструю амальгаму или мозаику, составленную изъ смѣшенія Иліады и Одиссеи съ Библіей, фразеологии, добытой изъ Гомера и драмъ Эврипида, съ изреченіями изъ псалмовъ Давида и посланій апостола Павла, все-таки служитъ выраженіемъ сильнаго и оригинальнаго ума, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи другаго орудія для выраженія своихъ мыслей на письмѣ, кромѣ искусственнаго языка, на которомъ уже не говорили ни въ народѣ, ни въ обществѣ, и однако умѣвшаго справиться съ разнообразными его элементами, унаслѣдованными отъ прошедшаго, умѣвшаго слить ихъ въ нѣчто цѣльное, не лишенное своеобразной красоты и выразительности. Во всякомъ случаѣ, Вольфъ говоритъ о краснорѣчьи (*facundia*) Никиты, хотя и съ примѣсью нѣкотораго стремленія къ искусственному, необычному изяществу: *nescio cujus insolentis elegantiae affectationem*; ему нравится подробное повѣствованіе историка Комниновъ и Ангеловъ не только потому, что всякій вообще обстоятельный разказъ интереснѣе сухаго и краткаго сообщенія о событіяхъ, но и потому, что оно изложено плавно (*planius at fusius orationis genus*). Сверхъ всего прочаго, сочиненіе Никиты представлялось Иерониму Вольфу практически поучительнымъ для его современниковъ, точно также какъ послѣ Юсту Липсію, который въ своей политикѣ особенно рекомендуетъ чтеніе Никиты государственнымъ людямъ ¹⁾. Никита съ горькою скорбію описываетъ нападенія

¹⁾ Отзывъ Липсія весьма любопытенъ и потому не лишнимъ будетъ привести его здѣсь. *Nicetas Choniates parum adhuc vulgo notus, fateor: sed dignissimus notitia, parum rectumque ingenium, si aliud illo aevo. Stilus ejus operosus, poetas et Homerum saepe respiciens: at res et narratio ipsa distincta, composita, sine vanitate, sine ineptiis, brevis, quod satis est, et fida. Crebra apud eum et opportuna monita: judicia non libera solum, sed sana. Ad summam: legite vos, politici! Gratiam mihi aliquis pro judicio habebit, certe debebit.*

варваровъ, борьбу грековъ или ромеевъ съ персами или, что то же, съ турками; эта борьба въ сущности есть прелюдія той, которую западный христіанскій міръ съ большою для себя опасностью и явными потерями въ продолженіе XVI столѣтія долженъ былъ выдерживать противъ полчищъ Солимана и его преемниковъ. Въ южной Германіи естественно было думать о завоеванной турками Венгріи и тревожиться за свою собственную безопасность. Вольфъ надѣется, что чтеніе византійскаго историка можетъ возбудить умы и энергію его соплеменниковъ къ защитѣ своей страны и особенно паннонскихъ провинцій, такъ какъ въ сочиненіи Никиты выставляются блистательные примѣры императоровъ Конрада и Фридриха (Барбароссы) и высокими похвалами превозносятся ихъ храбрость и самоотверженіе при завоеваніи Сиріи и Святой земли и т. д. ¹⁾. Греческій текстъ Никиты былъ сообщенъ Вольфомъ по рукописи, принадлежавшей опять-таки Фуггеру и купленной для него вышеупомянутымъ Дерншваммомъ въ Константинополѣ у хартофилакса Александра, діакона Великой церкви, но этотъ списокъ былъ неполный, имѣлъ посредніе пробѣлы; для сличенія и восполненія служили два другіе кодекса, одинъ—изъ городской Аугсбургской бібліотеки, другой—изъ наслѣдственной; первому Вольфъ отдаетъ преимущество на основаніи болѣе простоты языка. На сей разъ нѣтъ рѣчи о пользованіи рукописями Вѣнской бібліотеки, въ которой находился несравненно лучший списокъ исторіи Никиты Акомината, отмѣченный послѣ Аллаціемъ; тѣмъ менѣе доступны были Вольфу другіе списки, которые теперь указываются въ италіанскихъ и французскихъ бібліотекахъ ²⁾.

За Никитою Хоніатомъ послѣдовали Византійской исторіи Никифора Григоры одиннадцать книгъ отъ Θεодора Ласкариса до смерти Андроника младшаго (вышла въ 1562 г.) ³⁾. Изъ предисловія, обращеннаго по прежнему къ Фуггеру, видно, что Вольфъ нѣкоторымъ образомъ уже вошелъ во вкусъ византійцевъ. Онъ признается, что за Зонару онъ взялся первоначально не столько по собственному влеченію, сколько побуждаемый предложеннымъ ему отъ Фуггера вознагражденіемъ, приходившимся въ то время весьма

¹⁾ Ср. *Θ. И. Успенскаго*, Никита Акомината, стр. 32.

²⁾ См. статью *Θ. И. Успенскаго*: О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной бібліотекѣ въ *Ж. М. Нар. Пр.*, ноябрь, 1877 года.

³⁾ *Nicéphorae Gregorae Byzantinae historiae libri XI a Theod. Lascari usque ad Andronici posterioris obitum graec. et lat. edid. Hieron. Wolfus* Basileae, 1562 fol.

кстати¹⁾; Хоніатомъ онъ уже занимался съ большею охотою, такъ какъ ему больше нравился самый стиль писателя помимо бѣльшаго интереса содержанія. Окончивъ этотъ послѣдній трудъ, Вольфъ не столько былъ радъ его завершеиію, сколько смущенъ былъ представленіемъ, что онъ остановился какъ бы по срединѣ дороги, не достигши настоящаго предѣла и развязки своей исторіи. И вотъ въ это время ему, сверхъ ожиданія, предложенъ былъ Фуггеромъ Никифоръ Григора (Γρηγορας), разказывающій дальнѣйшую исторію Византійской имперіи отъ латинскаго завоеванія до смерти Андроника Младшаго въ теченіи 137 лѣтъ (ошибочно сказано, 145 лѣтъ, такъ какъ Андроникъ III умеръ въ 1341 году) и восполняющій повѣствованіе Зонары и Хоніата. Но все-таки оказывалось, что Григора не доводилъ византійской исторіи до близкой къ XVI вѣку эпохи, а между тѣмъ Вольфъ не зналъ никакого другаго историка, который описывалъ бы послѣдніе дни Византійскаго царства и исторію взятія Константинополя турками. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, когда одинъ юристъ изъ Вѣны (Gundelius) прислалъ ему недавно изданный въ латинскомъ переводѣ трудъ Лаоника Халкокондила „О происхожденіи и дѣлахъ турокъ и паденіи Греческой имперіи“, въ которомъ разказъ начинается отъ 1298 года и доходитъ до 1462²⁾. Пробѣжавъ томъ съ жадностью, Вольфъ уже не нашелъ нужнымъ хлопотать объ отысканіи и обнаруженіи греческаго подлинника, а остановился на мысли передать въ сокращеніи недостающее у Григоры, пользуясь готовымъ переводомъ Клаузера. Сверхъ того, Вольфъ послѣ замѣтилъ, что въ извѣстномъ отдѣлѣ своей исторіи—именно отъ Михаила Палеолога до отпаденія Каталонской компаніи при Андроникѣ Старшемъ въ 1305 году,—Григора представляетъ большое сходство съ другимъ историкомъ той же эпохи, съ Пахимеромъ, и какъ

¹⁾ По свидѣтельству Іереміи Марція, который помогалъ Вольфу при копированіи текста Зонары и Никиты съ рукописей, плата, предложенная Фуггеромъ, была очень значительна; самъ Марцій, избравшій потомъ медицинскую карьеру въ Стразбургѣ и тамъ издавшій медика Ножна, съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ сотрудничествѣ и о щедрой за него наградѣ. См. предисловіе Дюканжа къ его изданію Зонары.

²⁾ Laonici Chalcocondilae, Historia de origine atque rebus Turcarum et imperii Graecorum interitu interprete Conr. Clausero latine prodiit, Basil. 1556 fol.—Гунделусъ и самъ занимался Халкокондиломъ, даже перевелъ его сочиненіе на латинскій языкъ, но этотъ переводъ остался не изданнымъ и только послужилъ Клаузеру при второмъ изданіи его труда (въ 1562 г.).

будто у него заимствуется, только сокращая повѣствованіе; ближе ознакомившись съ Пахимеромъ, по списку Аугсбургской городской библіотеки, Вольфъ извлекъ отсюда то, что казалось полезнымъ прибавить къ Григорѣ въ видѣ дополненій, впрочемъ только на латинскомъ языкѣ. Не смотря на всѣ эти усовершенствованія, нужно все-таки признать, что послѣднее изданіе, а именно основная его часть, исторія Григоры, явилась въ видѣ гораздо болѣе несовершенномъ, чѣмъ Никита Ховіатъ. Списки, которыми пользовался издатель, были крайне неисправны, да притомъ и далеко не полны; исторія Григоры имѣетъ въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ не 11 книгъ, а 38, и простирается далѣе 1341 года, такъ что Вольфомъ напечатана была собственно только четвертая почти часть цѣлага.

Такъ или иначе, не теперь получалась полная и связанная исторія Византіи, начиная отъ основанія Константинополя до его завоеванія турками, притомъ съ нѣкоторымъ общимъ введеніемъ о предшествовавшихъ судьбахъ міра. Иеронимъ Вольфъ ясно сознавалъ и первый отчетливо высказалъ эту идею о цѣльной и самостоятельной византійской исторіи. Обращаясь къ Фуггеру, онъ пишетъ: „Я думалъ бы, что по нѣкоторому рѣшенію судьбы (а не случайно) дѣло пришло къ тому, что нашимъ современникамъ могла быть предложена византійская исторія въ цѣльномъ своемъ составѣ, почти совершенномъ во всѣхъ частяхъ“ (*Integrum totius byzantinae historiae corpus et omnibus prope numeris suis absolutum nostris hominibus proponeretur*). Дѣло въ томъ, конечно, что именно для современниковъ и соотечественниковъ Иеронима Вольфа византійская исторія заключала-де въ себѣ особую поучительность: отъ своихъ внутреннихъ болѣзней Византія оказалась безсильною предъ турецкимъ завоеваніемъ; такая же участь могла постигнуть и Германію, если не прекратятся раздоры ея князей и правителей, и гроза была тѣмъ страшнѣе и ближе, что въ Венгріи уже господствовали османы.... Труды Вольфа возбудили большое къ себѣ вниманіе въ Европѣ, и общій интересъ къ византійской исторіи выразился въ различныхъ болѣе популярныхъ изданіяхъ извлеченныхъ имъ на свѣтъ Божій писателей. Французы первые издали въ одномъ томѣ латинскіе переводы Иеронима Вольфа и назвали этотъ сборникъ „*Corpus universae historiae, praesertim Byzantinae*“. Парижское изданіе сборника 1567 года было перепечатано три раза во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1568, 1574 и 1587 гг.; послѣдній разъ подъ заглавіемъ *Historia rerum in Oriente gestarum*. Тотчасъ же появились италянскіе переводы Зонары, Никиты Ховіата,

Никифора Григоры (въ 1560 1562 1569; см. Potthast, Bibliotheca medii aevi). Они печатались въ Венеціи, гдѣ связи съ христіанскимъ Востокомъ были особенно тѣсны и живы. Въ концѣ столѣтія, въ Женевѣ, сдѣлано было новое изданіе исторіи Никиты Хоніата не только съ греческимъ текстомъ, заимствованнымъ, какъ и латинскій переводъ, у Вольфа, но и съ нѣкоторыми дополненіями, имѣющими цѣлью облегчать пользованіе книгой ¹⁾). Особыя обстоятельства содѣйствовали распространенію изданныхъ Иеронимомъ Вольфомъ византійскихъ историковъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ полемикѣ, возгорѣвшейся между папистами и православными по поводу уніи, тѣ и другіе искали себѣ либо оружія, либо защиты въ исторіи византійской церкви и государства. Паписты проводили ту мысль, что самое паденіе Византіи было явнымъ послѣдствіемъ ея вражды къ Римскому престолу, выставляли на видъ отдѣльные факты рѣзкаго проявленія ненависти грековъ къ католикамъ, отмѣчали признаки постепеннаго оскуденія нравственной силы и образованія между ними; оружіе заимствовалось, преимущественно, изъ только что изданныхъ сочиненій Зонары, Никиты Хоніата и Григоры, какъ это можно видѣть на страницахъ вышедшей въ 1617 году Оборсны уніи Льва Кривзы. Православные обязаны были защищаться оружіемъ изъ того же арсенала, указывать умолчанія и лжетолкованія своихъ противниковъ. Въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго, относящейся къ 1621 году, приводятся цѣлыя страницы изъ исторіи Никиты Хоніата (о разореніи Цареграда латинами въ 1204 году); онъ ссылается и на подлиннаго Зонару, отличая его отъ славянскаго переводнаго, дополняетъ ссылку Кривзы на Грегораса и т. д. ²⁾).

Германія имѣла много побужденій къ ближайшему ознакомленію съ современнымъ положеніемъ Турецкой имперіи, не исключая и религіозныхъ симпатій протестантовъ къ православному греческому ея населенію, симпатій, высказывавшихся со времени Лютера. Страшные успѣхи турокъ, передавшіе въ руки Солимана почти всю Венгрію (три ея четверти), заставляли Габсбурговъ, Карла V и его брата Фер-

¹⁾ См. объ этомъ изданіи 1593 года у *Θ. Η. Успенскаго*, Никита Акоминать, стр. 2 и 3. Оно принадлежало Симону Гулару (Goulart).

²⁾ Оба сочиненія напечатаны въ шестомъ томѣ Русской исторической бібліотеки, издаваемой археографическою комиссіею, подъ редакціею *Π. Α. Гиллельбрандта*; см. составленный имъ указатель подъ словами Зонара, Хоніать, Григора. Экземпляръ перваго изданія Зонары въ бібліотеку С.-Петербургскаго университета достался изъ Полоцкой іезуитской коллегии.

динанда держать своихъ пословъ при Оттоманскомъ дворѣ, хотя имъ всегда грозила опасность попасть въ Семибашенный замокъ; когда такими послами были люди образованные въ духѣ гуманизма, тогда можно было ожидать отъ нихъ интереса къ греческому языку и къ греческимъ рукописямъ. Таковъ былъ уже Антонъ Вранчичъ (Ve-gantius, Vrančić), родомъ хорватъ-далматинецъ, занимавшій послѣдовательно важнѣйшія епископскія каеедры Венгрии, отправленный посломъ въ Царьградъ въ 1553 году и подробно описавшій свой путь отъ Буды до Адрианополя въ сочиненіи, которое, впрочемъ, въ первый разъ было издано только въ XVIII столѣтіи (1744, въ Венеціи, а затѣмъ недавно мадьярскою академіею); его сопровождалъ упомянутый выше корреспондентъ Фуггера Дерншваммъ (или Дорншваммъ), въ свою очередь оставившій подробный дневникъ о своемъ пребываніи въ Турціи и доселѣ остающійся не изданнымъ ¹⁾. Затѣмъ посломъ короля Римскаго Фердинанда (вскорѣ затѣмъ императора и уже тогда государя Венгрии и Чехіи) былъ знаменитый Ожье Гизелинъ Бузбекъ, родомъ изъ Фландрии, отправленный туда въ самую критическую минуту, когда почти все зависѣло отъ искусства посла, и проведшій въ Константинополѣ и Турціи около шести лѣтъ, съ 1555 по 1562 г. Онъ описалъ свое путешествіе и свое пребываніе при дворѣ Солимана въ письмахъ, составившихъ послѣ крайне интересную книгу ²⁾. Изъ нея мы между прочимъ узнаемъ, что онъ заботился и о приобрѣтеніи рукописей, хотя, по его собственному замѣчанію, ему приходилось собирать послѣдніе колосья на нивѣ, уже сжатой другими; тѣмъ не менѣе, у него же мы читаемъ о цѣлыхъ возахъ греческихъ рукописей, отправленныхъ на корабли для нагрузки; около 240 греческихъ кодексовъ прибыли черезъ Венецію въ Вѣну, будучи назначены для императорской бібліотеки, основанной Максимилианомъ I ³⁾.

¹⁾ О Вранчичѣ, его предшественникахъ и преемникахъ см. любопытныя статьи *Матковича* въ южно-славянскомъ *Рады* (*Matkovič, Putovanja po Balkanskom poluostrvu XVI vieka (Rad jugosl. Acad. LXXI (1884), XLIX (1879), LVI (1881), LXII (1882)*). О рукописяхъ дневника *Дерншвамма*, хранящихся въ Прагѣ и Вольфенбюттелѣ, сообщаетъ краткое извѣстіе Е. Иречекъ: *Greček, Heerstrasse, pag 2*.

²⁾ A. Gisleni Bussbequi omnia quae extant. Lugd. Batavorum. Ex officina Elsevieriana. Anno 1633 (ранѣе были другія изданія). Письма Бузбека недавно появились въ англійской обработкѣ въ книгѣ: *The life and letters of Ogier Ghiseline de Busbecq, by ch. Thornton Forster. In two volumes. London, 1881*; только первый томъ касается пребыванія въ Греціи.

³⁾ Ad haec librorum Graecorum manuscriptorum tota plaustra, totas navos.

Вслѣдъ за ними, но нѣсколько позже, прибрѣтенъ былъ отъ придворнаго турецкаго доктора удивительный и прославленный списокъ Діоскорида, украшающій и теперь Вѣнскую придворную бібліотеку. Посломъ Максимилиана II и Рудольфа II къ султану Селиму былъ баронъ Угнаде, съ 1573 г., также весьма образованный человѣкъ, стоявшій на сторонѣ протестантизма. Онъ захотѣлъ взять съ собою благочестиваго и знающаго греческій языкъ проповѣдника; по рекомендаціи герцога Вюртембергскаго избранъ былъ Стефанъ Герлахъ, магистръ, а послѣ докторъ богословія въ Тюбингенскомъ университетѣ: его товарищи, тюбингенскіе протестантскіе богословы, среди которыхъ выдающуюся роль игралъ Мартинъ Крузій (Crusius), возлагали на предпринятую Герлахомъ поѣздку большія надежды. Онъ долженъ былъ ближе ознакомиться съ религіознымъ положеніемъ современныхъ грековъ, съ ихъ догматическими вѣрованіями и церковными обрядами, а также и съ церковнымъ устройствомъ; онъ долженъ былъ собирать и ученые свѣдѣнія о книгахъ и бібліотекахъ, о греческомъ языкѣ, которымъ теперь говорили на востокѣ; особенно же стараться войти въ тѣсныя сношенія съ лучшими представителями греческаго духовенства. Герлахъ прекрасно выполнилъ данныя ему инструкціи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его высокозанимательный дневникъ, напечатанный, впрочемъ, почти черезъ сто лѣтъ его внукомъ¹⁾. Но черезъ его посредство уже и самъ Мартинъ Крузій завязалъ личную переписку съ греческимъ патріархомъ, который былъ тогда Іеремія II, а также съ окружавшими его учеными совѣтниками, риторомъ Великой церкви Іоанномъ Зигомалою и его сыномъ Θεодоромъ. Плодомъ этихъ литературныхъ связей было появленіе въ 1584 г. драгоценной книги, которую Крузій назвалъ Туркогреціей²⁾. Кромѣ двухъ трактатовъ о судьбахъ и бѣдствіяхъ Константинополя, написанныхъ одинъ—Крузіемъ, а другой—Θеодоромъ Зигомалою, книга содержитъ въ себѣ анонимную исторію патріарховъ Константинопольскихъ съ 1453 г. (*Patriarchica Constantinopoleos historia*), съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями издателя, а затѣмъ болѣе по-

Sunt credo libri haud multo infra 240, quos mari transmisi Venetias, ut inde Viennam deportentur. Nam Caesareae bibliothecae eos destinavi sunt aliquot non contemnendi, communes multi. Converri omnes angulos, ut quicquid restabat hujusmodi mercis tanquam novissimo specilegio cogere (Эльзевировскаго изданія, pag. 391).

¹⁾ Stephan Gerlachs des älteren Tagebuch: herfürgegeben durch seinen Enkel M. *Samuelem Gerlach*. Franckfurth am Mayn. 1674.

²⁾ *Turrograeciae libri octo a Martino Crusio, in Academia Tyvengensi Graeco et Latino professore, utraque lingua edita. Basileae.*

ловины тома посвящено ученой перепискѣ Крузія съ Константинополемъ. Не имѣя нужды и возможности на ней останавливаться, замѣтимъ только, что традиціи благожелательныхъ и дружескихъ отношеній между греческими учеными богословами и нѣмецкими протестантскими еллинистами держались и послѣ, да же не остались безъ вліянія на ходъ византійскихъ занятій. Какъ увидимъ ниже, одинъ изъ учениковъ Іеронима Вольфа, Гешель, былъ въ дружбѣ съ грекомъ Маргуніемъ и пользовался его сотрудничествомъ при своихъ ученыхъ предпріятіяхъ.

Іеронимъ Вольфъ имѣлъ нѣсколькихъ учениковъ и послѣдователей. По его совѣту и указанію, на счетъ сыновей Антона Фуггера нѣмецкій еллинистъ изъ Гейдельберга, Вильгельмъ Голцманнъ (Holzmann), а по ученому наименованію, подъ которымъ онъ гораздо болѣе извѣстенъ, Ксиландръ, издалъ въ 1566 году сочиненіе Георгія Кедрина, жившаго въ XII вѣкѣ¹⁾. Кедринъ есть писатель однородный съ Зонарою въ томъ отношеніи, что и онъ не былъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ историкомъ близкихъ къ нему по времени событій, извѣстнаго царствованія или періода, а составилъ историческій Синописисъ (Σύνοψις ἱστορίων) или хронику, по обычаю начинающуюся отъ сотворенія міра и доведенную далѣе половины XI столѣтія, при чемъ даже и самая послѣдняя часть не принадлежитъ ему, а рабски списана у другихъ. Еще Іеронимъ Вольфъ замѣтилъ, что въ извѣстныхъ отдѣлахъ и періодахъ компиляція Кедрина имѣетъ преимущество предъ таковою же Зонары, по большей полнотѣ и подробности повѣствованія²⁾. На кодексѣ, содержащемъ въ себѣ сочиненіе Кедрина и находившемся въ библіотекѣ Фуггеровъ, Вольфъ даже написалъ, что еслибы съ самаго начала онъ имѣлъ возможность выбора, то предпочелъ бы издать Кедрина. Самъ Ксиландръ нашелъ въ предложенномъ ему трудѣ много интереснаго для себя и для другихъ; по его мнѣнію, хроника Кедрина могла послужить не только къ восполненію древнихъ писателей, Зонары и Прокопія, а также и новѣйшихъ Куспи-

¹⁾ Georgii Cedreni Annales ab O. C. ad Isaacum Comnenum gr. et lat. cum notis à G. Xylandro. Basileae. 1566.

²⁾ Противъ этого замѣчанія послѣ слегка возражалъ Дюканжъ (въ предисловіи къ изданію Зонары): отымъ Вольфа не можетъ, де, относиться къ первымъ двумъ томамъ Зонары, содержащимъ исторію до Константина Великаго, такъ какъ они составлены гораздо лучше и толковѣе, чѣмъ соответствующая часть компиляціи Кедрина, да и въ дальнѣйшихъ изложеніи краткость Зонары соответствуетъ его плану и намѣреніямъ.

піана, Панвиніо и т. д., а равнымъ образомъ къ обогащенію географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о Константинополѣ и его окрестностяхъ. Греческій текстъ былъ изданъ по двумъ рукописямъ, но обѣ были неисправны и съ пробѣлами, хотя одна была писана въ самой Византіи еще при Ангелахъ, то-есть, въ концѣ XII столѣтія, какъ оказывалось изъ приписокъ и замѣтокъ переписчика на поляхъ. Кромѣ латинскаго перевода, Ксиландръ прибавилъ свои примѣчанія, которыя, впрочемъ, довольно скудны и неудовлетворительны. Въ предисловіи издатель чистосердечно признается въ своемъ маломъ знакомствѣ съ языкомъ и терминологіей византійца; его очень смущали слова варварскія и полуварварскія, отчасти совсѣмъ неизвѣстныя древнимъ грекамъ и латинамъ: одни изъ нихъ обозначаютъ вещи, какъ *scagamangium*, *tuldum* и т. д., другія — названія должности, какъ *barangi*, *protovestiarius*, *logotheta dromi*, *protospatharius* и т. п.; съ барангами (то-есть, варягами) Гольцманнъ такъ и не справился. Послѣ Гоаръ во многомъ дополнилъ и исправилъ комментаріи своего предшественника, но надъ барангами и онъ затруднился и готовъ былъ производить отъ бароновъ: *barapagium*—*baronium*.

Въ тѣхъ рукописяхъ, по которымъ издается хроника Кедрина, она оканчивается восшествіемъ на престолъ Исаака Комнина въ 1057 году, а затѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ прилагается въ видѣ продолженія отрывокъ изъ Іоанна Скилиція Тракисійскаго; но этотъ послѣдній началъ свое сокращеніе исторіи съ гораздо болѣе ранняго времени и состоитъ въ особенномъ внутреннемъ родствѣ съ Кедриномъ. Въ значительной части своего сочиненія, начиная съ Никифора I, (съ 812 г.) преемника Ирины, Кедринъ, вполнѣ зависитъ отъ своего предшественника Іоанна Скилиція, является по отношенію къ нему совершеннымъ плагиаторомъ. Отношенія эти были совсѣмъ не ясны для первыхъ издателей, да невольно разъяснены и до сихъ поръ, потому что отдѣльнаго изданія хроники Скилиція (начинающейся съ 812 года) въ подлинникѣ до сихъ поръ не появлялось; это сдѣлалось почти не нужнымъ вслѣдствіе того, что она цѣликомъ вошла въ составъ Кедрина, исключая только той доли, которая продолжаетъ исторію Византіи до середины царствованія Никифора Вотаниата (до 1079 г.): эта послѣдняя доля и прилагается въ новѣйшихъ изданіяхъ къ хроникѣ Кедрина въ видѣ ея продолженія. Отдѣльное полное изданіе Скилиція существуетъ только въ латинскомъ переводѣ іезуита Габія, вышедшемъ въ Венеціи въ 1570 году—подъ заглавіемъ: *Joannis Curoralatae*

Scilizzae historiarum compendium, quod incip. à Nicephori imperatoris à Genicis obitu ad imper. Js. Comneni pertinet, Latine ed. J. Vart. Gabius. Venet. 1570 fol. Къ нему и приходится обращаться въ случаѣ нужды ¹⁾.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и оживленныхъ центровъ умственнаго движенія и ученой дѣятельности въ концѣ XVI вѣка сдѣлался Лейденскій университетъ, основанный голландцами въ самый разгаръ борьбы за свое освобожденіе отъ испанскаго ига и католическаго гнета (въ 1575 году). Представителями классической филологіи были здѣсь въ данный періодъ, кромѣ знаменитаго латиниста Юста Липсія (*Lipsius*), Бонаventura Вулканій; собственно *de-Smet*, и первый кураторъ университета, важный государственный дѣятель времени освобожденія, Янъ Дуза съ другими членами той же фамиліи (*van der Does*). Бонаventura Вулканій (1538—1595) родился въ Брюгге; отецъ его Петръ Сметъ состоялъ въ перепискѣ и дружбѣ съ Еразмомъ Роттердамскимъ: понятно, что сынъ долженъ былъ получить хорошее гуманистическое образованіе. По окончаніи онаго, онъ поступилъ къ кардиналу Франциску Мендозѣ, архіепископу Бургосскому въ Испаніи, воспитателемъ его сына, но исполнялъ также при знатномъ и образованномъ прелатѣ должность секретара для сочиненія латинскихъ писемъ, а сверхъ того завѣдывалъ его библіотекою, въ которой было не мало греческихъ рукописей, прибрѣтенныхъ во время пребыванія Мендозы въ Италіи и затѣмъ умноженныхъ позднѣйшими заказами греческимъ переписчикамъ въ Римѣ: часть этой коллекціи находится теперь въ Мадридской публичной библіотекѣ. Возвратившись на родину по случаю смертельной болѣзни отца, Бонаventura, не принимая участія въ политикѣ, удалился въ Германію и жилъ нѣкоторое время въ Кельнѣ и Базелѣ, занимаясь изданіемъ сочиненій греческихъ отцовъ церкви (Кирилла Іерусалимскаго); онъ воротился въ отечество, послѣ того какъ миновалъ опасный и критическій періодъ борьбы, и въ 1588 году былъ назначенъ профессоромъ греческаго языка въ Лейденскомъ университетѣ ²⁾. Бонаventura Вулканій для насъ важенъ какъ издатель продолжателя Прокопія и историка послѣднихъ лѣтъ Юстиніана, Агаѳи Миринейскаго ³⁾, какъ

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ заглавіи перевода Габія есть неточность. Хроника Скилиція не оканчивается у него восшествіемъ Исаака, а идетъ далѣе.

²⁾ *Athenae Batavae: Meursii opera* X, 510.

³⁾ *Agathiae De imperio et rebus gestis Justiniani Libri V. Graece cum interpre-*

издатель сочиненія Константина Багрянороднаго о *Темахъ* ¹⁾, то-есть, объ отдѣльныхъ провинціяхъ или военныхъ округахъ византійской имперіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Вулканій издалъ только часть сочиненія, то-есть первую книгу, касающуюся восточныхъ или что то же, азіатскихъ *темъ*; вторая часть, содержащая описаніе западныхъ или европейскихъ провинцій, была обнародована нѣсколько позднѣе (въ 1609 году) Морелемъ, профессоромъ въ королевской коллегіи (*Collège de France*) въ Парижѣ и въ то же время типографомъ ²⁾. Георгъ Дуза первый познакомилъ ученыхъ съ сочиненіемъ Гезихія о происхожденіи и древностяхъ города Константинополя, которое онъ издалъ подъ именемъ *Кодина*. ³⁾ Другое сочиненіе, уже безспорно принадлежащее *Кодину*, жившему въ XV вѣкѣ, о придворныхъ должностяхъ византійскихъ появилось нѣсколько ранѣе, а затѣмъ было перепечатано въ Гейдельбергѣ, въ типографіи Коммелена, въ которой было издано и первое только что упомянутое произведеніе о древностяхъ *цареградскихъ* ⁴⁾. Издателемъ *Кодина* оба раза былъ Францискъ Юніусъ, родомъ изъ Буржа, гугенотъ, удалившійся въ Нидерланды и бывший насторомъ французской реформатской общины въ Антверпенѣ, искавшій потомъ убѣжища въ Гейдельбергѣ, бывший профессоромъ богословія въ Лейденѣ. Первое изданіе, выпущенное подъ псевдонимомъ, самъ издатель скоро сталъ считать неисправнымъ и даже негоднымъ, тѣмъ болѣе что ученые друзья снабдили его новыми рукописями, но и второе изданіе оказалось впоследствии неудовлетворительнымъ. Коммеленъ, имя котораго не безвѣстно въ исторіи классической филологіи по его ученымъ сношеніямъ съ Казобономъ и Скалигеромъ, былъ по своему происхожденію

tat. latina et notis Bonavent. Vulcanii. Lugduni Batavor. 1594. (Есть въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета).

¹⁾ *Περὶ θεμάτων sive de praefecturis imperii orientalis sapientissimi regis Constantinī Porphyrog. (и т. д.)...liber nunquam antehac editus. Ex bibliotheca et versione Bonav. Vulcanii. Cum notis ejusdem. Lugduni Batavor. 1588.*

²⁾ *Constant. Porphyrogenisi de thematibus occiduae partis orientalis imperii a F. Morello recensiti. Lutet. Paris. 1609.*

³⁾ *G. Codini Selecta de originibus Constantinopolis graecae et latine primum ed. Georg. Douza. Heidelbergae apud Commelin. 1596. Есть въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета.*

⁴⁾ *Codini de officialibus palatii Constantinopolit. et officis magnae ecclesiae. Nunc primum graecae et latine in lucem editus. Ex biblioth. Julii Pacii (op. Fr. Junii). Lugdun. 1588. Второе изданіе: Gr. et latine notis illustravit lacunas ope manuscript. supplevit Fr. Junius. Ex officina Commeliana 1596.*

соотечественникъ, а также единовѣрецъ Юніуса; его типографія служила преимущественно протестантскѣмъ ученымъ. Въ ней же появились за одинъ разъ два изданія, посвященныя сочиненіямъ Теофилакта Симокатты: греческій подлинникъ, приготовленный къ печати Грутеромъ и украшенный посвященіемъ Скалигеру, гдѣ оплакивается смерть одного изъ сыновей Яна Дузы, и латинскій переводъ того же самаго текста, принадлежащій Кимендовку, уроженцу Нидерландовъ, но проживавшему въ Гейдельбергѣ, ревностному защитнику евангелическаго исповѣданія не только противъ католиковъ, но и противъ лютеранъ ¹⁾. Нужно при этомъ замѣтить, что, не смотря на пышное заглавіе, указывающее на полное изданіе всѣхъ сочиненій Симокатты, въ немъ все еще не было самаго главнаго — подлинной исторіи Симокатты, сочиненія довольно обширнаго и по изложенію весьма подробнаго, а вмѣсто того—его оглавленіе или періоха изъ библиотеки Фотія, да отрывки, помѣщенные въ Извлеченіяхъ (*Collectanea, Excerpta*) Константина Вагрянороднаго о посольствахъ. Въ такомъ же родѣ было, конечно, и то изданіе Симокатты, которое приписывается Бонавентурѣ Вулканію и обозначается въ библиографическихъ руководствахъ: Грутеръ въ предисловіи хвалится, что его Симокатта полиѣе, чѣмъ вышелъ два года передъ тѣмъ подъ редакцію (только предполагаемую) Вулканія. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о принадлежащемъ Θεодору Дузѣ изданіи Георгія Акрополиты, очень важнаго византійскаго историка, описывающаго событія отъ 1204 года до возстановленія греческаго господства въ Константинополѣ при Михаилѣ Палеологѣ (по 1264 г.); основою для изданія послужила рукопись, вывезенная изъ Царьграда братомъ Θεодора, вышеупомянутымъ Георгомъ: послѣ оказалось, что рукопись была не изъ лучшихъ и не передавала вполнѣ подлинника.

Не безъ успѣха также трудились въ XVI вѣкѣ и юристы надъ изданіемъ памятниковъ греко-римскаго права. Здѣсь первое мѣсто по времени занимаетъ Григорій Галоандръ или Алоандръ (*Haloander*), по настоящему Мельцеръ (*Meltzer*, нѣмецкое *Maltz* приравнено къ греческому ἄλωρ, ἀλώα гумно), ученикъ нѣмецкихъ гуманистовъ, посѣтившій Италію. Онъ въ первый разъ издалъ въ подлин-

¹⁾ *Theophylacti Simocati quae reperiri potuerunt omnia. Graece ex biblioth. A. Schotti (ed. Gruterus). Ex officina Commeliana. 1598. Th. Simocatti opuscula omnia J. Kimendoncius e graeco vertit. 1598 (въ той же типографіи). Оба изданія есть въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета.*

никѣ новеллы императора Юстиніана, въ 1531 г., въ Нюренбергѣ, вслѣдъ за другими частями Юстиніанова собранія. Галоандръ пользовался уже готовою копіей, сдѣланною однимъ италіанскимъ ученымъ, Болоньини, съ рукописи, принадлежавшей прежде Марціанской (Венеціанской), а теперь находящейся въ Флорентійской бібліотекѣ; это было собраніе, составленное еще во время Тиберія II, и заключавшее въ себѣ 168 новеллъ. Но изданіе Галоандра не было полнымъ, а состояло только изъ 122 новеллъ; 23 новеллы приведены въ рубрикахъ (summae) или оглавленіяхъ, 20 со-всѣмъ нѣтъ: Галоандръ опускалъ тѣ, которыя не принадлежали самому Юстиніану. Тѣмъ не менѣе изданіе Галоандра было весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ науки; латинскій переводъ, принадлежащій самому издателю, заслуживалъ одобренія ¹⁾. Въ теченіи 50 лѣтъ это изданіе новеллъ перепечатывалось девять разъ, и столько же разъ латинскій переводъ до 1567 года; экземпляръ перваго изданія, принадлежавшій самому Галоандру и подаренный имъ Ебнеру, находится въ бібліотекѣ С.-Петербургскаго университета. Только появленіе изданія шотландца Скримгера стало вытѣснять трудъ нѣмецкаго ученаго; оно вышло въ 1558 году въ Женеvѣ, подъ надзоромъ Генриха младшаго Етьенна, который тогда находился въ бѣдственномъ положеніи и жилъ внѣ своего отечества, въ изгнаніи, работая въ разныхъ типографіяхъ ²⁾. Въ 1540 году было издано (Суаллембергомъ) руководство или краткое изложеніе законовъ Арменопула (Πρόχειρον νόμων), составленное въ XIV вѣкѣ и получившее потомъ большое приложеніе въ странахъ православнаго исповѣданія. Французъ Бонифидій (Bonpéfol) издалъ свои Три книги восточнаго права ³⁾: небольшой томъ, заключающій въ себѣ на греческомъ языкѣ съ присоединеніемъ латинскаго перевода: 1) императорскія конституціи — болѣею частію не подлинныя, а въ извлеченіи изъ историческихъ сочиненій, сообщающихъ только содержаніе законодательства, 2) постановленія по дѣламъ церковнымъ Константинопольскихъ патриар-

¹⁾ О Галоандрѣ и объ его изданіи новеллъ см. особенно *Stintzing, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft* 1, 180 и сл. 197 и сл., и *Mortreuil, Histoire du droit Byzantin*, I, 32 и сл.

²⁾ *Imperatorum Justiniani, Justinii et Leonis novellae constitutiones. Exeudebat Henr. Stephanus Huld. Fuggeri typographus* (только по гречески). *Genevae. 1558.*

³⁾ *Juris orientalis libri tres ab E. Bonifidio digesti et notis illustr. Gr. et lat. excud. H. Stephanus. 1573.*

ховъ и 3) отвѣты, письма и опредѣленія каноническія прочихъ патриарховъ и святыхъ отцовъ, гдѣ наиболѣе значительный отдѣлъ составляютъ отвѣты Θεодора Валсамона (XII в.). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность Леунклавія (или собственно Loeuwenklau). Этотъ ученый нѣмецъ, родомъ изъ Вестфалии (р. 1533 — 1593), былъ вмѣстѣ филологъ и юристъ, историкъ и ориенталистъ. Нѣкоторое время онъ преподавалъ греческій языкъ въ Гейдельбергѣ, въ педагогіумѣ, затѣмъ онъ много путешествовалъ; во время своего пребывания въ Турціи онъ изучилъ турецкій языкъ и собралъ драгоценные матеріалы для оттоманской исторіи, которой никто до сихъ поръ лучше его не зналъ; по возвращеніи вращался при разныхъ дворахъ (между прочимъ при Савойскомъ), былъ назначенъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ, но не занималъ каѳедры, поселился въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ. До его времени на западѣ мало были знакомы съ византійскимъ сводомъ законовъ, составленнымъ при Македонской династіи и, правда, почти безъ измѣненій воспроизводящимъ римское Юстиніаново право, съ такъ-называемыми Василиками (τὰ Βασιλικά). Леунклавій впервые издалъ по рукописи, найденной въ Тарентѣ, извлеченіе изъ нихъ, отчасти буквальное, отчасти сокращенное, составленное около X вѣка, такъ-называемую Еклогу или Синописисъ (обозрѣніе) шестидесяти книгъ Василикъ¹⁾, и это изданіе до послѣдняго времени оставалось единственнымъ, не смотря на свои большіе недостатки. Только латинскій переводъ нѣсколькихъ книгъ Василикъ былъ обнародованъ раньше французомъ Негвет²⁾; за тѣмъ важное значеніе по отношенію къ означенному памятнику (Синописису) имѣютъ замѣчанія, исправленія и дополненія, обнародованныя впослѣдствіи французскимъ ученымъ юристомъ Шарлемъ Лаббэ (Labbé, Labbaeus)³⁾. Преждевременная смерть помѣшала Леунклавію издать самому всѣ сокровища, имъ собранныя. Въ 1596 году послѣ его кончины, вышелъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, подъ редакціею Фрегера (Freher) посмертный сборникъ Леунклавія, извѣстный подъ названіемъ „Jus Graecoromanum“⁴⁾, гдѣ собрано много важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ

¹⁾ LX librorum Βασιλικῶν i. e. universi juris romani graecam in linguam traducti Ecloga sive Synopsis, nunc edita per *Leunclavium*. Gr. et lat. Basileae. 1575.

²⁾ Libri VIII Βασιλικῶν διατάξεων—*Herveto* interprete. Lutetiae Paris. 1557.

³⁾ *Caroli Labbaei*, Observationes et emendationes in Synopsim Basilicorum. Paris. 1606.

⁴⁾ Juris graecoromani tam canonici quam civilis tt. II. *Jo. Leunclavii* studio¹

церковнаго (въ первомъ томѣ) и гражданскаго права (во второмъ): Арменопула Сокращеніе церковныхъ каноновъ, новеллы императоровъ о дѣлахъ и привилегіяхъ церковныхъ, синодальныя постановленія Константинопольскаго патріархата, отвѣты посланія по разнымъ вопросамъ каноническаго права другихъ іерарховъ, отвѣты по разнымъ вопросамъ каноническимъ Валсамона, Матвѣя Властаря вопросы о брачныхъ дѣлахъ, небольшое сочиненіе Арменопула о Сектахъ или ересяхъ; Синописисъ Михаила Атталапы, Еклога Льва и Константина, новеллы позднѣйшихъ императоровъ (послѣ Юстиніана) свѣтскаго содержанія, юридическій трактатъ Евстаѣя Римлянина, законы военные, земледѣльческіе, морскіе. Сверхъ того, Леунклавію принадлежитъ та заслуга, что онъ впервые ознакомилъ ученый міръ съ весьма важнымъ историкомъ послѣднихъ столѣтій Римской исторіи, грекомъ Зосимомъ, котораго онъ издалъ въ латинскомъ переводѣ вмѣстѣ съ Прокопіемъ, Агаѣемъ и др. (въ Базелѣ въ 1576 году). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, трудъ Зосима появился и въ подлинникѣ, изданный Генрихомъ Стефаномъ (1581 г. и снова въ 1611 г.), впрочемъ не въ полномъ видѣ, а только первыя двѣ книги изъ шести, и это кажется отчасти страннымъ, потому что, какъ видно изъ одного письма Леунклавія къ Стефану, не только переводъ, но и списокъ подлинника былъ сообщенъ первымъ въ Женеву по адресу Стефана (см. Praefatio Рейтемейера въ новыхъ изданіяхъ Зосима). Полный греческій текстъ Зосима появился только въ 1590 году, изданный Зильбургомъ на основаніи списковъ Леунклавіева и Палатинскаго, которымъ и пользовались до появленія изданія Рейтемейера (въ 1783 г.): исключенный изъ Парижскаго собранія, Зосимъ вновь появился въ Боннскомъ, мало измѣнившись послѣ рецензіи Е. Беккера. Возвращаясь къ Леунклавію, мы должны отмѣтить еще два его переводныя изданія второстепенныхъ византійскихъ хроникъ—Михаила Глики до 1118 г. и Константина Манасси, жившихъ въ XII вѣкѣ и ничего самостоятельнаго не имѣющихъ: послѣдній, доведши свое изложеніе до Алексѣя Комнина, до 1801 года, впрочемъ, гораздо обширнѣе и замѣчательнѣе какъ по своей стихотворной формѣ, такъ и по вниманію къ нему позднѣйшихъ славянскихъ переводчиковъ: слѣды его есть и въ русскихъ позднѣйшихъ лѣтеписныхъ сводахъ. Интересна повѣсть или

ex variis bibliothecis eruti latineque redditi, nunc primum editi cura *Freheri* Fref. 1596.

реляція о посольствѣ императора Мануила Комнина къ армянамъ, открытая и изданная Леунклавиємъ по гречески съ латинскимъ переводомъ (перепечатана въ Патрологіи Мяннѣ), а также наставленіе императора Мануила Палеолога къ сыну Іоанну о царскомъ воспитаніи ¹⁾. Остается еще цѣлый рядъ трудовъ по турецкой исторіи, которыхъ мы не перечисляемъ.

Ученикъ Іеронима Вольфа, ректоръ гимназіи и бібліотекаръ въ Аугсбургѣ, Давидъ Гешель (Hoeschel), или, какъ онъ именуется на греческой манеръ, Есхелій, состоявшій въ дружбѣ съ знаменитымъ филологомъ Казабономъ, а также въ перепискѣ и дружескихъ сношеніяхъ съ грекомъ Маргувиємъ, епископомъ острова Чериго (Цитеры), проживавшимъ большею частію въ Венеціи, при содѣйствіи ихъ обоихъ, француза и грека, въ 1601 году, издалъ словарь писателей (Μυριοβιβλος) или Библіотеку патріарха Фотія и собраніе его писемъ. Въ первомъ сочиненіи патріархъ даетъ отчетъ о книгахъ, которыя онъ прочелъ, сообщаетъ характеристики авторовъ, дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія: замѣтки его тѣмъ болѣе важны, что многіе писатели съ тѣхъ поръ пропали и извѣстны намъ только по сообщеніямъ Миріовивлія. Самъ князь тогдашнихъ филологовъ и величайшій филологъ всѣхъ временъ, Юстъ Скалигеръ, просматривалъ корректурные листы изданія ²⁾. Объ историческомъ значеніи писемъ Фотія нѣтъ нужды и говорить; довольно припомнить, что въ одномъ изъ посланій упоминается о крещеніи Руси. Въ настоящее время мы, конечно, имѣемъ лучшія изданія того и другаго сборника, для писемъ—изданіе Валетты (Valetta). Кромѣ того, Гешелю принадлежитъ первое изданіе одной части извлеченій (Excerpta, Collectanea), сдѣланныхъ при Константинѣ Багрянородномъ изъ разныхъ историковъ, именно отдѣла о посольствахъ (de legationibus), заключающаго въ себѣ между прочимъ отрывки изъ писателей-историковъ послѣднихъ временъ Римской имперіи и начальныхъ византійскихъ, какъ-то изъ Дексиппа, Евнапія, Менаандра. Тотъ же самый Гешель, на основаніи двухъ парижскихъ списковъ, скопированныхъ и доставленныхъ ему Скалиге-

¹⁾ Legatio imperatoris Manuelis Comneni ad Armenios gr. et lat. Basil. 1578 — Manuelis Paleologi imperatoris praeepta educationis regiae. Basil. 1578.

²⁾ Bernays, Joseph Justus Scaliger. Berlin. 1855, pag. 183. Скалигеръ содѣйствовалъ также изданію Прокопія. Объ участіи Казабола въ изданіи Фотія см. Pattison, Isaac Casaubon, pag. 144.

ромъ и Казобомъ и одного баварскаго, издалъ въ подлинникъ исторіи Прокопія о войнахъ, чего до сихъ поръ не было сдѣлано, и повторилъ изданіе греческаго текста вышеупомянутаго трактата Прокопіева О постройкахъ Юстиніана (*De aedificiis*) въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ это было сдѣлано ранѣе. Какъ извѣстно, большія сочиненія Прокопія были переведены или, по выраженію Гиббона, изуродованы (*mutilated*) на латинскій языкъ Христофоромъ Персоною и Рафаиломъ Волатерраномъ, которые даже не заглядывали въ подлежащія рукописи Ватиканской бібліотеки, гдѣ они были префектами. Изданіе Гешеля для своего времени было большимъ прогрессомъ; послѣ, Прокопія опять постигла злая доля (при Парижскомъ изданіи). Кромѣ того, заслугу Гешеля составляетъ первое изданіе Алексіады, то-есть, дѣяній императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), описанныхъ его дочерью, знаменитою Анною Комниною. Существованіе этого сочиненія было извѣстно еще Иерониму Вольфу, который на него указывалъ въ предисловіи къ своему Зонарѣ, объясняя, на сколько скуднымъ и краткимъ представляется разказъ этого хронографа въ сравненіи съ спеціальными историческими сочиненіями. Гешель издалъ въ 1610 г. интересное твореніе греческой царевны по одному только списку, XV вѣка, который нашель въ Аугсбургской бібліотекѣ и который теперь находится въ Мюнхенской; но этотъ списокъ представляетъ не полный трудъ Анны, а сокращеніе его (*epitome*), сдѣланное, какъ доказываютъ новѣйшіе рецензенты текста Алексіады, очень рано, еще при жизни Анны. Особенно сокращена вторая половина; въ восьмую книгу, которая здѣсь приходится послѣднею, заключено все, что въ полной редакціи составляетъ текстъ отъ седьмой книги до четырнадцатой. По видимому, рукопись была писана труднымъ и неразборчивымъ почеркомъ, такъ что Гешель иногдѣ не понималъ и дѣлалъ пропуски.—Послѣ издавали Анну по Флорентійскому и Коаленеву спискамъ—въ гораздо болѣе исправномъ видѣ.

Около того же времени, именно въ 1615 году, появилось въ Женевѣ изданіе трехъ византійскихъ историковъ—Григоры, Акрополиты и Халкокондила: въ этомъ изданіи, представляющемъ въ остальномъ перепечатку уже извѣстнаго, въ первый разъ являлся въ подлинникъ и съ латинскимъ переводомъ хотя и поздній по времени (XVI вѣка), но очень важный по содержанию историкъ паденія Византии и возвышенія турокъ. Сочиненіе Халкокондилы обнимаетъ

время отъ 1298 г. по 1452 годъ ¹⁾. Изданіе, явившееся анонимно, принадлежало Баумбаху, профессору греческаго и еврейскаго языковъ въ Гейдельбергѣ ²⁾. Иезуитъ Радеръ, уроженецъ Тироля, умершій въ Мюнхенѣ, извѣстный своимъ изданіемъ Марціала (въ Ингольштадтѣ, 1602 г.), напечаталъ Пасхальную или Александрійскую хронику, въ послѣдней своей части содержащую важныя подробности для царствованія Ираклія (начало VII вѣка) и даже подлинныя его посланія или реляціи о побѣдахъ во время борьбы съ ново-персами; остовъ хроники составляетъ собственно росписание годовъ отъ сотворенія міра съ обозначеніемъ различныхъ эпохъ и по различнымъ эрамъ, и къ этому уже прибавлены замѣтки о событіяхъ, извлеченныя изъ готовыхъ источниковъ и принимающія иногда довольно обширныя размѣры: въ нѣкоторомъ отношеніи Пасхальная хроника, слѣдовательно, напоминаетъ нашу первоначальную лѣтопись, почему къ ней и обращаются при объясненіи состава послѣдней (такъ, между прочимъ, сдѣлано въ изслѣдованіи М. И. Сухомлинова). Ясное дѣло, что Пасхальная хроника представляетъ первостепенный интересъ для научнаго изученія хронологіи, чѣмъ стали заниматься съ большимъ усердіемъ со времени появленія знаменитыхъ трудовъ Скалигера, который собственно и обратилъ вниманіе на это сочиненіе и другіе сродные ему византійскіе памятники. Мы разумѣемъ при семъ не столько общее, болѣе теоретическое произведеніе Скалигера—*De emendatione temporum*, имѣвшее уже при его жизни два изданія (1583 и 1598 годовъ), хотя уже и въ немъ есть указанія на византійскихъ писателей, но преимущественно большой историческій архивъ, свидѣтельствующій о необъятной учености и необыкновенной критической проницательности составителя, такъ называемый *Thesaurus temporum*, явившійся въ 1606 году. Издавалъ здѣсь хронику Евсевія въ Иеронимовомъ переводѣ и сохранившихся отрывкахъ, Скалигеръ попалъ на слѣдъ заимствованій, сдѣланныхъ изъ нея византійскимъ писателемъ, Георгіемъ Синкелломъ, и первый

¹⁾ *Laonici Chalcocondylae, Historia de origine atque rebus Turcorum et imperii Graecorum interitu.* Общее заглавіе: *Tres Historiae Byzantinae scriptores.* Genevae. 1615 (=Coloniae Allobr.).

²⁾ Объ авторствѣ Баумбаха сообщаютъ знающіе издатели Парижской коллекціи византійцевъ. Его имя встрѣчается въ недавно изданныхъ документахъ для исторіи Гейдельбергскаго университета: *Winkelmann, Urkundenbuch der Universität Heidelberg.* Bd. I №№ 1523. 1524 (годъ 1620).

указалъ его важное значеніе для древней исторіи. Кромѣ того, Скалигеръ не мало здѣсь пользовался Кедриномъ, перепечаталъ хронографію патріарха Никифора, а главное — сообщилъ извлеченія изъ Пасхальной хроники по копіи, полученной отъ Казобона, и сдѣланной Дармаріемъ: она послѣ поступила въ собственность Гольстена. Такая честь, оказанная византіяцамъ великимъ французскимъ филологомъ, должна была сообщить имъ новую привлекательность въ глазахъ ученыхъ, что и сказалось какъ въ занятіяхъ Радера, такъ и въ дальнѣйшемъ движеніи византіискихъ занятій.

Иезуиты, которые были тогда вождями католической реакціи, съ завистью смотрѣли на ученое торжество своихъ противниковъ въ лицѣ Скалигера и его голландскихъ послѣдователей. Они уже ранѣе поняли, что для господства надъ умами имъ необходимо имѣть первенство и преобладаніе въ сферѣ собственно научной дѣятельности. Да и вообще, если отношеніе католической реакціонерной партіи къ классическимъ занятіямъ въ первой половинѣ XVI вѣка было враждебнымъ, то къ концу столѣтія это совершенно измѣнилось. Практическое чутье іезуитовъ помогло имъ догадаться, что гораздо больше можно извлечь пользы покровительствуя классическому образованію, чѣмъ преслѣдуя его. Со времени извѣстной Ratio Studiorum обученіе въ іезуитскихъ школахъ построено было на классической основѣ — въ противоположность даже парижскому университету, который пока держался схоластической средневѣковой традиціи. Иезуиты старались привлекать къ себѣ способныхъ и даровитыхъ юношей, направляли ихъ на изученіе древнихъ языковъ, особенно греческаго, который съ конца XVI вѣка очень хорошо былъ поставленъ въ ихъ школахъ, по крайней мѣрѣ во Франціи и Германіи, поощряли ихъ къ ученымъ трудамъ, доставляли имъ всякія средства и досугъ, что при громадныхъ средствахъ ордена было не трудно дѣлать. Этимъ отчасти объясняется такое множество іезуитовъ на всѣхъ поприщахъ ученой дѣятельности въ XVII вѣкѣ, а между прочимъ и въ области византіискаго изученія. Кромѣ Радера, къ іезуитамъ принадлежали Фронтонъ-ле Дюкъ (Fronton-le Duc), издавшій въ подлинникѣ церковную исторію Никифора Каллиста (о латинскомъ переводѣ ея см. выше), а также сочиненія Златоуста, Дамаскина; Жакъ Сирмондъ, за свою учевость вызванный изъ Франціи въ Римъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ Аквавивы, генерала ордена, и пользуясь расположеніемъ Баронія имѣлъ доступъ къ Ватиканской бібліотекѣ, посвятившій послѣ возвращенія на родину свою дѣятельность преимущественно

изданію памятниковъ французской исторіи и оказавшій въ этомъ отношеніи неоцѣненные услуги наукѣ, а въ исторіи византійскихъ занятій достопамятный изданіемъ сочиненій Θεодора Студита, письма котораго составляютъ важный источникъ для эпохи иконоборства. Затѣмъ слѣдуютъ Гретсеръ (Gretser), Понтанъ и Пето или Петавій. Наиболѣе важенъ для насъ послѣдній. Діонисій Петавій (Denis Petau 1583—1652 г.) былъ сынъ французскаго купца и еще въ школѣ изучилъ греческій языкъ на столько, что могъ защищать свои тезисы на первую ученую степень на этомъ самомъ языкѣ, при чемъ оказалось, что онъ превосходилъ въ знаніи его профессоровъ Сорбонны; съ юности онъ не зналъ другаго высшаго удовольствія какъ сличеніе рукописей въ королевской библіотекѣ въ Парижѣ; знаменитый Казобонъ угадалъ его призваніе и поручилъ ему приготовить изданіе сочиненій Синезія (писателя времени Θεодосія Великаго и его сыновей); поступивъ въ орденъ іезуитовъ, Пето сдѣлался его славой и опорой, во всѣхъ своихъ трудахъ обнаруживая громадную ученость, а также остроуміе и вкусъ, но запальчиво и ожесточенно преслѣдуя протестантскихъ ученыхъ, а также яansenистовъ Портъ-Ройяля. Вслѣдъ за Скалигеромъ и отчасти съ намѣреніемъ подорвать его авторитетъ, онъ занимался хронологіей; въ этой области классическое значеніе имѣетъ его трудъ *De doctrina temporum* (1627 г.), а также *Uranologia* (1630 г.), въ которыхъ идетъ рѣчь и о христіанскихъ системахъ лѣтосчисленія. Еще ранѣе того онъ издалъ текстъ весьма цѣнной византійской исторіи патріарха Никифора (жилъ въ VIII вѣкѣ), въ которой описываются событія отъ смерти Маврикія до Константина Копронима (602 г.—770 г.) и которая носитъ названіе *Исторіи* и сокращенной, *Ἱστορία σύντομος*, или Бревіарія историческаго въ отличіе отъ другаго труда, еще болѣе краткаго и представляющаго простой списокъ царей и патріарховъ: *χρονολογία σύντομος* = „лѣтописецъ вскорѣ“ славянскихъ переводовъ.¹⁾ Петавій напечаталъ сочиненіе патріарха Никифора по копіи, которая недавно была сдѣлана въ Римѣ съ одного списка Сирмондомъ и которая, по его собственному признанію, изобиловала всяческими неисправностями; оставляя въ текстѣ многое безъ измѣненія, Петавій дѣлалъ удачныя поправки въ примѣчаніяхъ; сверхъ того, въ видѣ приложенія здѣсь были помѣщены отрывки изъ Тео-

¹⁾ *Nicephori patriarchae, Ἱστορία σύντομος sive Breviarium historicum—et cet. Nunc primum vulgatum ac latine redditum op. D. Petavii cum ejusdem notis chronologicis, Paris, 1616.*

фана, Никифора Григоры, Пахимера. Тридцать лѣтъ спустя изданіе было повторено въ общемъ парижскомъ изданіи византійцевъ. Что касается Хронографіи Никифора, то она уже была напечатана два раза — въ Базелѣ въ 1561 году Камераріемъ и Скалигеромъ въ его *Thesaurus temporum* (1606 г.). Иезуитъ Гретсеръ, профессоръ въ Ингольштадтѣ, главною очагъ католической реакціи предъ Тридцатилѣтнею войною, отличавшійся громадною ученостію, но также рѣзкостью и грубостію своей полемики противъ протестантовъ¹⁾, оставилъ массу трудовъ, но изъ нихъ для насъ имѣетъ значеніе только его большой трактатъ „*De Sancta Cruce*“, къ которому приложены многочисленныя сказанія о происхожденіи и исторіи Крестнаго древа: помимо апокрифическихъ, между ними есть и чисто историческія, представляющія подлинникъ къ славянскимъ повѣстямъ, перепечатаннымъ теперь въ Макарьевской Миней за сентябрь мѣсяцъ. Изъ византійцевъ обратилъ на себя вниманіе Гретсера Кодиць (*De officiis et officialibus magnae ecclesiae*) и отрывки не сохранившейся позднѣйшей хроники Ипполита Фивейскаго, которыхъ онъ издалъ въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ; при этомъ сильно досталось прежнему протестантскому издателю Кодина, Юніусу²⁾. Яковъ Понтанъ собственно *Sprammüller* изъ Вгиске въ Чехіи, откуда и его прозваніе († 1626 г.) извѣстенъ въ исторіи педагогіи какъ авторъ многихъ учебниковъ, долго употреблявшихся во всѣхъ школахъ Европы, а въ исторіи византійскихъ занятій — изданіемъ въ греческомъ подлинникѣ большого историческаго сочиненія Теофилакта Симоватты, а также переводомъ на латинскій языкъ Исторіи Іоанна Кантакузина, сочиненія Георгія Франдзи, и разныхъ богословскихъ статей и трактатовъ какъ древнихъ учителей церкви, такъ и позднѣйшихъ — патриарха Филоеоя, Симеона Младшаго.

Къ другой школѣ принадлежалъ Іоаннъ Меурсій (*de Meurs*, 1579—1639 гг.), профессоръ въ Лейденскомъ университетѣ сначала по исторіи, а потомъ по кафедрѣ греческаго языка, которую онъ зани-

¹⁾ Впрочемъ даже его смиреніе проявлялось въ неприглядной формѣ, если вѣрять анекдотъ о томъ, какъ онъ жителямъ роднаго городка, желавшимъ имѣть его портретъ въ ратушѣ, посоветовалъ взять и нарисовать ослиную голову.

²⁾ *Georgius Codinus Curopalata de officiis et officialibus magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae, latine versus, adjunctis tribus commentariorum, observationum et emendationum libris et ceteris*. Paris, 1625. Fol. и въ *Gretseri opera* t. XV.

малъ съ великимъ отличіемъ (съ 1610 года), достигшій званія исторіографа новообразованной республики соединенныхъ Нидерландскихъ штатовъ, при началѣ поприща воспитатель дѣтей, а впослѣдствіи приверженецъ и другъ знаменитаго Барнефельда. Съ сыновьями Барнефельда онъ путешествовалъ по Европѣ, посѣтилъ дворы большей части христіанскихъ государей, при чемъ, однако, особенное вниманіе обращалъ на бібліотеки; изъ этихъ послѣднихъ онъ извлекъ много важныхъ памятниковъ, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ, или же неизданныхъ, которыми и воспользовался впослѣдствіи—во время пребыванія въ Лейденѣ. По собственнымъ словамъ Меурсія, въ пятнадцать лѣтъ своего профессорства онъ издалъ болѣе греческихъ книгъ, чѣмъ ихъ было обнародовано въ пятидесятилѣтіе, протекшее отъ основанія университета до удаленія его изъ Голландіи: въ этомъ дѣлѣ, составляющемъ задачу и настоящую славу университета онъ, де, никѣмъ не былъ превзойденъ, да едва ли имѣлъ кого равнаго себѣ ¹⁾. Послѣ казни Барнефельда, подвергаясь преслѣдованіямъ противной партіи, оскорбляемый въ самой своей аудиторіи, Меурсій вынужденъ былъ принять предложеніе датскаго короля, предложившаго ему каѳедру исторіи въ академіи въ Сорое, на островѣ Зеландіи, основанной за два года до того, и кончилъ свою жизнь въ Даніи, сдѣлавъ многое и для исторіи Скандинавскаго сѣвера. Его труды по римскимъ и греческимъ древностямъ должны быть извѣстны классикамъ; насъ интересуютъ его изданія, относящіяся къ византійской исторіографіи. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ знаменитое и столь для насъ, русскихъ, дорогое сочиненіе Константина Багрянороднаго, содержащее «наставленія собственному своему сыну Роману», именно Меурсіемъ окрещенное заглавіемъ: „de administrando imperio“. Императоръ объясняетъ сыну принципы имперской византійской политики, и прежде всего перечисляетъ народы и племена, опасныя для имперіи, указывая, посредствомъ какихъ другихъ народовъ можно ихъ обуздывать: тутъ идетъ рѣчь о русскихъ, печенѣгахъ, мадьярахъ, хозарахъ, болгаряхъ; затѣмъ переходитъ къ сообщеніямъ о происхожденіи, нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ и о взаимныхъ ихъ отноше-

¹⁾ Для біографіи Меурсія мы пользуемся статьей, помѣщенной въ его сочиненіи *Athenae Batavae*, содержащемъ біографіи знаменитыхъ голландскихъ ученыхъ; хотя авторъ статьи и говоритъ о Меурсіѣ въ третьемъ лицѣ, но она носитъ въ себѣ явные признаки автобіографіи—нѣсколько самодовольнаго и педагогическаго ученаго. См. *Meursii opera*, ed. Lamé, t. X, pag. 546. 547.

ніяхъ между собою; здѣсь идетъ рѣчь объ арабахъ или сарацинахъ, о западныхъ европейскихъ народахъ, о венеціанцахъ, хорватахъ, сербахъ, далматинцахъ, о Венгріи, Моравіи, печенѣгахъ, Хозаріи, Аланіи, Арменіи, Кавказѣ; въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ внутреннимъ дѣламъ имперіи, говорится о славянахъ въ Пелопоннискѣ. Что касается достоинствъ и достовѣрности впервые изданнаго Меурсіемъ текста, то нужно знать, что, по собственному его сообщенію, онъ обнаруговалъ произведеніе Вагрянороднаго по копіи, которую ему удалось снять во время пребыванія въ Гейдельбергѣ съ тамошней (Палатинской) рукописи; а это былъ въ свою очередь довольно поздній списокъ, приготовленный по неизвѣстному оригиналу Антоніемъ Эпархомъ почти еще въ дѣтствѣ (въ 1509 году). Меурсій далѣе напечаталъ Тактику Льва Мудраго, царствовавшего въ началѣ X вѣка. гдѣ даются указанія, какъ устроить и обучать войско, какъ сражаться съ разнаго рода непріятелями, примѣнительно къ ихъ военнымъ привычкамъ, описывается характеръ тогдашнихъ враговъ Византіи, печенѣговъ, болгаръ, мадьяръ; впрочемъ Левъ Мудрый много заимствовалъ изъ такого же сочиненія, приписываемаго императору Маврыкію. Последнее еще болѣе важное по своимъ извѣстіямъ о древнѣйшемъ бытѣ славянъ и антовъ было издано въ Упсалѣ Шефферомъ въ 1664 году. Существуетъ редакція Тактики, приписываемая Константину Вагрянородному, но первоначально составленная его дядею, одноименнымъ съ нимъ сыномъ Василя I македонянина: она также была напечатана Меурсіемъ. Переведенная Леунклавиемъ хроника Манасси была напечатана Меурсіемъ въ греческомъ подлинникѣ съ сохраненіемъ готоваго перевода, (*Lugduni Batavor. 1616*) и съ посвященіемъ шведскому королю Густаву Адольфу. Онъ же въ первый разъ издалъ письма Теофилакта, архіепископа болгарскаго— въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, заключающія въ себѣ чрезвычайно важныя данныя для внутренней исторіи Византіи въ этотъ періодъ: послѣ собраніе было дополнено Лами, издателемъ полнаго собранія сочиненій Меурсія. Къ первичнымъ изданіямъ (*editio princeps*), которыми особенно хвалился Меурсій, должна быть причислена и напечатанная имъ Исторія Римская отъ Юлія Цезаря до Константина Великаго—Теодора Метохиты, оказавшаяся вполнѣ простымъ отрывкомъ хроники Глики. Меурсій занимался также Кодиномъ, и однимъ изъ первыхъ его трудовъ были составленные имъ примѣчанія къ константинопольскимъ древностямъ этого писателя (вышли въ Орлеанѣ, въ 1607 году), который въ сущности буквально выписывалъ

изъ Гезихія, не смотря на то, что сей послѣдній имѣлъ въ виду свое время, то-есть эпоху Юстина и Юстиніана; существуютъ также изданія текстовъ Гезихія и Кодина, принадлежащія Меурсію. Церковная литература обязана ему появленіемъ въ печати одного важнѣйшаго произведенія изъ разряда патериковъ, то-есть, собранія краткихъ поучительныхъ повѣствованій о святыхъ пустынноикахъ и отшельникахъ, вообще о монашествующихъ; разумѣемъ Лавсакъ Палладія (перепечатано въ Патрологіи Миня) ¹⁾. Всего больше Меурсій сдѣлалъ для Константина Багрянороднаго; послѣ отдѣльныхъ изданій неизданныхъ прежде сочиненій de Administrando imperio и Тактики Меурсій обнародовалъ въ 1617 году въ Лейденѣ у Ельзевировъ полное собраніе всѣхъ дотолѣ сдѣлавшихся извѣстными трудовъ Багрянороднаго, при чемъ соединены были вмѣстѣ прежде разрозненныя двѣ части сочиненія о еемахъ (въ изданіяхъ Вулканія и Фридерика Мореля): не доставало сочиненія de ceremoniis aulae Byzantinae, но помѣщены были новеллы императора Константина, ранѣе изданныя Леунелавіемъ и Лаббэ. Нужно затѣмъ принять къ свѣдѣнію, что всѣ византійскія изданія Меурсія были включены въ полное собраніе его трудовъ, вышедшее во Флоренціи въ двѣнадцать томахъ въ 1741—1763 годахъ (Meursii opera, ed. Lami), занимая тамъ томы VI-й (тактика Льва, Константинъ Багрянородный), VII-й (Манасси, Кодинъ, Метохита, Юлія Африкана Кастои) и VIII-й (разнаго рода богословскія сочиненія Прокопія Газскаго и другихъ, Палладія Лавсакъ, слова Кирилла Иерусалимскаго, письма Теофилакта Болгарскаго). Издатель трудовъ Меурсія, ученый Лами, съ своей стороны сдѣлалъ при этомъ многія прибавленія и улучшенія. Напримѣръ, Тактика Льва была напечатана Лами по Флорентійскому списку, который былъ полнѣе и лучше того, которымъ пользовался Меурсій (Парижскій Медицейскій); Тактика Константина точно также перепечатана по Веронскому списку и т. п.; письма Теофилакта Болгарскаго были умножены прибавленіемъ новой ихъ серіи. Ко времени Меурсія издано было столько византійскихъ памятниковъ, что ощущалась необходимость какого-нибудь пособия для легчайшаго ихъ пониманія. Для классическаго языка существовалъ словарь Генриха Стефана (Thesaurus graecae linguae), но онъ оказывался недостаточнымъ для уразумѣнія собственно средневѣковаго греческаго языка, особенно для объясненія техническихъ словъ и реченій, какія затруд-

¹⁾ *Palladii episcopi Helenopoleos Historia Lansiaca, seu vitae SS. Patrum*

няли, на примѣръ, Ксиландра: Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ Меурсій издалъ еще въ 1599 году *Glossarium graeco-barbarum*, словарь не филологическій, а скорѣе реальный, объясняющій преимущественно юридическіе термины византійской эпохи. Не много позже Николай Риго (*Rigault*) составилъ свой словарь византійскихъ терминовъ¹⁾. Что касается изданія Лаббэ „*Veteres glossae verborum juris*“ (Paris. 1606), то оно заключаетъ переводъ на греческій языкъ или толкованіе латинскихъ юридическихъ терминовъ, не самимъ Лаббэ составленное, а извлеченное изъ старинныхъ рукописей византійскаго періода.

Не мало услугъ оказали византійской исторіи и приобрѣли большую славу два грека, жившіе въ Римѣ: Николай Алеманнъ и Левъ Алляцій. Алеманнъ, отецъ котораго былъ грекъ съ острова Андроса, родился уже въ Италіи (въ Анковѣ) и девяти лѣтъ (въ 1592 году, а родился въ 1583 г.) былъ отправленъ въ Римъ для обученія, гдѣ и поступилъ въ основанную папою Григоріемъ XIII греческую школу (*collegium Athanasianum, collegium graecum*), предназначенную именно для приготовленія въ средѣ природныхъ грековъ дѣятелей католической или уніатской пропаганды. Алеманнъ съ успѣхомъ занимался науками, особенно греческимъ и латинскимъ языками; заранѣе предназначивъ себя къ духовному званію, онъ былъ посвященъ въ иподіаконы по греческому обряду, но затѣмъ, говорятъ біографы, — прямо перешелъ въ католичество; потомъ самъ былъ преподавателемъ въ коллегіи по кафедрѣ греческаго языка и риторики, оставивъ послѣ себя въ этомъ отношеніи хорошую память, такъ что школа долго сохраняла его портретъ. Учениками Алеманна были Алляцій, Францискъ Аркудій, извѣстный потомъ своею дѣятельностью по укрѣпленію уніи въ Литовской Руси, куда онъ два раза былъ посылаемъ изъ Рима²⁾, а также Сципіонъ Кобелутти. Послѣдній, получивъ влія-

¹⁾ *Rigault's Glossarium τακτικὸν μισοβάρβαρον. De verborum significatione quae ad novellas imp. qui in oriente post Iustinianum regnaverunt de re militari constitut. pertinent. Lutetiae. 1601.* Въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета находится экземпляръ, подаренный самимъ Риго Меурсію.

²⁾ О пребываніи Аркудія въ Литвѣ есть русскіе документы. Онъ прибылъ изъ Рима вмѣстѣ съ Ипатіемъ Потѣемъ, который и поручилъ ему управленіе братскою школою въ Брестѣ; послѣ Аркудій былъ сдѣланъ архипресвитеромъ Пинскимъ и архимандритомъ Лавришевскаго монастыря. Двѣ пожалованныхъ грамоты короля Сигизмунда III, данныя по этому случаю, напечатаны въ Актахъ Западной Россіи т. IV, №№ 141 (стр. 196) и 155 (стр. 241) отъ 1601 года.

тельное мѣсто при папѣ, доставилъ учителю мѣсто секретаря у кардинала Боргези. Въ 1614 году Алеманнъ былъ назначенъ книгохранителемъ (custos) въ Ватиканской библіотекѣ, мѣсто хотя второстепенное, но почетное; главными библіотекарями (bibliothecarius) бывали здѣсь обыкновенно высшіе сановники церкви, кардиналы, между прочимъ послѣ Баронія самъ Кобелутти. Усердно занимаясь греческими рукописями, Алеманнъ издавалъ мало, но ему посчастливилось сдѣлать одну важную находку, которая и обезсмертила его имя. Онъ первый открылъ и издалъ съ критическими и историческими примѣчаніями 'Авѣхдота Проконія, сочиненіе по самому характеру своему способное надѣлать много шума, помимо неожиданности появленія ¹⁾. Дѣло въ томъ, что это произведеніе Проконія находилось въ видимомъ противорѣчии съ тогда уже извѣстными другими сочиненіями того же автора. Между тѣмъ какъ Проконій раньше прославлялъ Юстиніана за его побѣдоносныя войны, Вандальскую и Готскую и, казалось, представлялъ его образцовымъ и великимъ государемъ, онъ теперь изображалъ его злымъ тираномъ и человѣконенавистникомъ, который самія войны велъ не ради славы или завоеванія, а просто ради опустошенія цвѣтущихъ странъ и ради истребленія людей; кровопійцею, который налагалъ на своихъ подданныхъ непомерныя подати изъ одной жадности къ деньгамъ, просто изъ злобной ненависти къ римлянамъ и грекамъ, да изъ пристрастія къ варварамъ, осыпаемымъ безъ нужды подарками; который нарочно назначалъ министрами не знающихъ состраданія взяточниковъ, чтобы дѣлиться съ ними добычею, наконецъ—изображалъ не только вампиромъ, высасывающимъ послѣднюю кровь изъ народа, но и буквально демономъ въ образѣ человѣческомъ, котораго, впрочемъ, благочестивые люди видали возсѣдающимъ на тронѣ въ настоящемъ его видѣ, то-есть, въ видѣ дьявола. Жену Юстиніана, императрицу Θεодору, которая прежде выставлена была женщиною геронческою (въ разказѣ о возстаніи Ника), теперь

¹⁾ Оно появилось подъ такимъ заглавіемъ:

Procopii Caesariensis V. J. 'Ανέκδοτα.

Arcana Historia.

Qui est liber nonus Historiarum.

Ex bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, latine reddidit, notis illustravit.

Nunc primum in lucem prodit triplici indice locupletata.

Lugduni sumptibus Andreae Brugiotii bibliopolae Romani. MDCXXIII.

Это изданіе есть въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

Прокопій изображалъ въ самомъ ненавистномъ и позорномъ видѣ, разказывалъ грязныя исторіи изъ тѣхъ временъ, когда она была мимическою актрисой, и будто бы являлась предъ зрителями въ циркѣ въ крайне соблазнительныхъ сценахъ. Вообще *’Ανέκδοτα* или, какъ перевелъ Алеманнъ заглавіе по латыни, *Historia arcana*, представляла нѣчто въ родѣ скандальной хроники императорскаго двора. Алеманнъ обрадовался не только своей находкѣ, но и самому содержанию сочиненія; развѣичавіе императора Юстиніана, а тѣмъ болѣе Θεодоры, могло только послужить къ возвеличенію папскаго престола. Въ своемъ предисловіи, которое начинается посвященіемъ изданія кардиналу Лудовизи, Алеманнъ развивалъ такую мысль, что слава Юстиніана вообще была подозрительна, такъ какъ онъ позволялъ себѣ вмѣшательство въ духовныя дѣла, предписывалъ церкви свои уставы, касался даже догматическаго ученія, а главное непочтительно обращался съ Римскими первосвященниками, какъ будто совсѣмъ не признавая ихъ главенства, даже, по внушенію своей жены, нечестивой Θεодоры, подвергая ихъ гоненіямъ, ссылкѣ, истязаніямъ; дурной католикъ не могъ быть хорошимъ человѣкомъ и достойнымъ правителемъ. Объ этомъ-де догадывался покойный кардиналъ Бароній авторъ недавно появившихся знаменитыхъ „Церковныхъ лѣтописей“ (*Annales ecclesiastici*: о значеніи ихъ для Византійской исторіи будетъ сказано ниже); изъ упоминаемой Свида и патріарха Никифора Ксанόпула (о сочиненіи послѣдняго было сказано выше) Бароній зналъ о томъ, что существовало нѣкогда сочиненіе Прокопія съ вышеозначеннымъ многообъщщающимъ заглавіемъ, и какъ будто предчувствовалъ, что отсюда онъ могъ бы узнать настоящую и прямую правду о нравственныхъ качествахъ и о правительственныхъ способностяхъ этого государя и о препрославленномъ его благочестіи, сомнительный характеръ котораго не могъ ускользнуть отъ вниманія проницательнаго изслѣдователя. Что касается Θεодоры, то онъ уже и безъ того сравнивалъ ее съ Далилою Самсона, называлъ Иродіадою, жаждущею крови праведниковъ, и т. д. Теперь все разъясняется, христіанскій міръ не будетъ болѣе смущаться предъ небывалою аномаліей; остается только оплакивать судьбу Юстиніана, который, уклонившись отъ праваго пути, преткнулся о камень и уготовалъ себѣ погибель. Я увѣренъ, замѣчаетъ Алеманнъ,—что Бароній радъ былъ бы появленію этой книги, о потерѣ которой онъ сожалѣлъ,—хотя, прибавимъ, она, по ироническому замѣчанію Гиббона, хранилась подъ его собственной охраной (*custody*) въ Ватиканской библіотекѣ. Въ особомъ из-

ложенія собственнаго взгляда на Прокопія и его Тайную исторію (de Procopio et arcana ejus historia judicium), Алеманнъ высказываетъ предположеніе, что издаваемое имъ сочиненіе особенно не понравится юристамъ, которые привыкли преклоняться предъ именемъ Юстиніана, какъ законодателя, предъ Юстиніановымъ кодексомъ и пандектами; ожидаемыя ихъ возраженія издатель уже заранѣе старался обезоружить указаніемъ на то, что и въ исторіяхъ о войнѣ персидской и готской встрѣчаются болѣе или менѣе открытыя порицанія Юстиніанова правительства, что упреки тамъ высказываемыя иногда (будто бы) даже тяжелѣе, чѣмъ въ секретной исторіи; онъ ссылается также на свидѣтельства другихъ близкихъ и современныхъ источниковъ, такъ или иначе — отрывочно, косвенно, иногда даже прямо подтверждающихъ показанія Тайной Исторіи. Ожиданія Алеманна оправдались; Юстиніанъ нашелъ себѣ горячихъ защитниковъ и особенно среди юристовъ. Однимъ изъ первыхъ выступилъ нѣкто Триворъ (Trivogius), историографъ Французскаго короля Людовика XIII. Онъ объяснялъ дѣло такъ, что Прокопій, будучи тайнымъ язычникомъ, всегда питалъ въ душѣ ненависть къ христіаннѣйшему государю, защитнику вѣру и церкви, гонителю еретиковъ (аріанъ), Юстиніану, но сначала сдерживалъ свои чувства, хотя уже и въ исторіяхъ позволилъ себѣ нѣкоторыя неодобрительныя выходки противъ правительства; когда же императоръ, справедливо раздраженный—съ одной стороны, слѣдами язычества въ сочиненіяхъ Прокопія, а съ другой—его неблагонамѣренными отзывами объ администраціи, сталъ оказывать ему прямую немилость, не давая ему повышенія, исключая отъ высшихъ государственныхъ должностей, то оскорбленное самолюбіе талантливаго писателя и честолюбиваго чиновника—выразилось сочиненіемъ злостнаго памфлета. За довольно поверхностнымъ сочиненіемъ французскаго историографа, явившемся въ 1631 году, послѣдовали другія болѣе серьезныя. Профессоръ правъ въ Гельмштедтѣ, Ейхель, перепечаталъ (въ 1654 г.) текстъ Тайной исторіи съ латинскимъ переводомъ Алеманна, прибавивъ отъ себя обширное введеніе и критическій комментарий въ концѣ; то и другое было направлено къ обличенію ея лживости на основаніи свидѣтельствъ другихъ современниковъ¹⁾; сверхъ того Ейхель, переработалъ и одно-

¹⁾ 'Avéxōta seu historia arcana Procopii caesariensis Nicolao Alemanno defensore primum ex bibliotheca vaticana prolata nunc plerisque in locis συγγράμωυ testimonis falsitatis convicta a Ioanno Eichelio, prof. Helmst. Helmstadii. 1654.

временно издалъ „Защиту Юстиніана противъ Алеманна“, написанную англійскимъ королевскимъ адвокатомъ, Ривомъ (Rivius). Ейхель и Ривъ нападали прежде всего на Алеманна а затѣмъ уже и на Проконія. По ихъ мнѣнію, такого злостнаго произведенія не слѣдовало даже издавать, тѣмъ болѣе что и самъ авторъ, можетъ быть, не имѣлъ въ виду его публичнаго распространенія. Измѣнивъ недавно греческой церкви переходомъ въ католичество, Алеманнъ хотѣлъ издавiемъ этого темнаго произведенія подслужиться своему новому владыкѣ, то-есть, папѣ; онъ хотѣлъ подорвать славу императора, въ которомъ чудовищное и безмѣрное честолюбіе нынѣшнихъ римскихъ первосвященниковъ видитъ себѣ противника. Въ лицѣ Юстиніана оба юриста, исповѣдывавшіе къ тому же протестантство, думаютъ защищать общее дѣло всѣхъ князей и государей, права свѣтской власти противу притязаній церковной, въ особенности же права государства на верховный надзоръ и руководство въ дѣлахъ церковныхъ, то-есть, въ сущности протестантскій принципъ, провозгласившій *jus circa sacra* территоріальныхъ князей Германіи; они говорятъ также о международномъ правѣ, охраняющемъ неприкосновенность доброй славы умершихъ государей. Что касается достовѣрности автора, то это былъ либо атеистъ, либо язычникъ, только лицемѣрно притворявшійся христіаниномъ; свидѣтельства его не имѣютъ никакой юридической цѣны, потому что они не могли бы быть подтверждены присягою, которой онъ, вѣроятно, не признавалъ и къ которой самый законъ не допускалъ язычниковъ; притомъ этотъ свидѣтель часто противорѣчитъ самому себѣ, а тѣмъ болѣе показаніямъ другихъ свидѣтелей. Наиболѣе серьезная часть опроверженія заключается именно въ разборѣ отдѣльныхъ пунктовъ и въ сличеніи Тайной исторіи съ другими сочиненіями какъ самого Проконія, такъ и прочихъ современныхъ писателей. Не трудно было доказать, что многое изъ того, что сообщается въ *Argana*, просто не возможно (происхожденіе Юстиніана отъ демоновъ), другое опровергается общимъ свидѣтельствомъ современниковъ (убійство Амалазунты Теодоромъ, необразованность, ограниченность и безграмотность Юстиніана), иное должно быть отнесено къ виновности не самого правителя и государя, а его

Imperatoris Iustiniani defensio adversus Alemannum autore Thoma Rivio, regis Angliae advocato—curante Eichelio. Оба сочиненія, переплетенныя въ одинъ томъ, находятся въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета. Подробное обзорѣніе всей литературы по поводу *'Анѣкдота'* находится въ книгѣ Дана о Проконіа.

исполнителей и чиновниковъ, иное даже, вопреки злостному порицателю, можетъ быть объяснено въ хорошемъ смыслѣ и поставлено въ похвалу (вмѣшательство въ дѣла церковныя, самое преслѣдованіе еретиковъ, противъ законности котораго не возставали и протестанты, скудость, а лучше — бережливость императора) и т. д. Только мимоходомъ Эйхель остановился на предположеніи, что, быть можетъ, Тайная исторія есть не подлинное сочиненіе, а подложное, подложное не въ томъ смыслѣ, чтобъ оно было сочинено самимъ Алеманномъ; этому препятствовали какъ упоминанія объ Агсапа у Свиды и Никифора Каллиста, такъ и указанія Алеманна на рукописи. Алеманнъ издавалъ открытое имъ произведеніе по двумъ манускриптамъ Ватиканской бібліотеки, изъ коихъ впрочемъ одинъ былъ производнымъ отъ другаго; сверхъ того, онъ зналъ о существованіи еще двухъ рукописей: одна была приобрѣтена въ Константинополь для Лаврентія Великолѣпнаго и Катериною Медичи увесена была во Францію, гдѣ и пропала безъ вѣсти, а другая, принадлежавшая Пинелли, утонула въ морѣ вслѣдствіе кораблекрушенія на пути въ Неаполь ¹⁾. Можно было усумниться только въ принадлежности сочиненія Прокопію, и эта тема была выставлена впоследствии съ гораздо большею рѣшительностію, не смотря на авторитетъ Гиббона, вообще защищавшаго какъ подлинность, такъ и достовѣрность Тайной исторіи. Мармонтель въ предисловіи къ своему „Велизарію“ прямо провозгласилъ, что это безобразное собраніе грубыхъ выхонокъ и осязательной лжи не можетъ принадлежать Прокопію, а какому-нибудь декламатору столько же не искусному, сколько злобному. Оспаривали въ этомъ смыслѣ подлинность и новѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи, какъ Рейнкенсъ ²⁾. Долго длившійся процессъ казался совершенно порѣшеннымъ послѣ капитальной книги профессора Дана (Dahn: Procopius von Caesarea, Berlin. 1865), и притомъ въ смыслѣ подлинности и достовѣрности; но вотъ мы видимъ, что не кто-либо другой меньшій, а самъ великій учитель новѣйшей критической школы въ Германіи, Леопольдъ Ранке, считалъ невѣроятнымъ, чтобы въ пресловутомъ произведеніи, впервые обнародованномъ Алеманномъ, все

¹⁾ Нужно замѣтить, что впоследствии для парижскаго изданія послужили другія рукописи, изъ коихъ одна оказалась въ бібліотекѣ князя Сеге, а вторая была найдена въ Миланѣ.

²⁾ Въ написанной по латыни диссертаци 1858 года: *Anecdota sint—ne scripta a Procopio Caesariensi, inquiritur.*

отъ начала до конца принадлежало Прокопію: онъ видитъ въ немъ компиляцію, въ коей лишь нѣкоторые отрывки могутъ вести свое происхожденіе отъ Прокопія, а другое заимствовано изъ явившагося послѣ смерти Юстиніана памфлета, выражавшаго взгляды пробудившейся оппозиціи минувшему царствованію, съ прибавленіемъ городскихъ сплетней, да яростныхъ и страстныхъ выходокъ, намѣренно прикрытыхъ именемъ и авторитетомъ Прокопія¹⁾. Самая фактическая внутренняя достовѣрность Тайной исторіи, которую Данъ весьма тщательно и подробно доказывалъ, за вычетомъ, конечно, внутреннихъ страсть преувеличеній, вновь подвергается сомнѣнію, и дѣлаются не совсѣмъ безнадежныя попытки возстановить репутацію императрицы Теодоры²⁾.

Левъ Алляцій происходилъ изъ знатной фамиліи на островѣ Хіо, такъ что по матери могъ вести свою генеалогію отъ Иппократа Косскаго, родился въ 1586 году³⁾. Его дядя и воспитатель самъ учился въ греческой коллегіи въ Римѣ и въ юности былъ отправленъ на островъ Хіо, для преподаванія греческаго языка въ новоучреждаемой іезуитской коллегіи. Когда онъ, послѣ успѣшной дѣятельности возвращался въ Римъ, то ему въ видѣ награды позволено было взять съ собою кого-нибудь изъ его земляковъ, для опредѣленія въ греческую коллегію Св. Аванасія. Онъ взялъ съ собою сына своей сестры, даровитаго, но крайне болѣзненнаго мальчика. Вслѣдствіе болѣзни и малолѣтства племянникъ былъ оставленъ на нѣкоторое время въ Калабріи, въ домѣ хорошихъ друзей его дяди, въ домѣ Пинелли, былъ даже усыновленъ въ этой фамиліи. Въ 1600 году Алляцій, наконецъ, прибылъ въ Римъ и поступилъ въ среду питомцевъ греческой коллегіи, гдѣ въ числѣ его руководителей находился и Алеманнъ. Уже въ бытность свою ученикомъ коллегіи, Алляцій много занимался перепискою рукописей, потому что отличался вели-

¹⁾ См. Weltgeschichte VI. 2. Analecten, pagg. 300—312.

²⁾ Имѣемъ въ виду латинскую диссертацию Дебидура, которую самъ авторъ недавно въ виду появленія драмы Сарду передѣлалъ въ книгу: *Debidour. L'impératrice Théodore*. Paris. 1885. См. также статью *Mallet'a* въ *The English Historical Review* 1887 (январь): *The empress Theodora*.

³⁾ Лучшая біографія Алляція, написанная его близкимъ знакомымъ, Рагузинцемъ Градичемъ (Gradius), издана въ шестомъ томѣ *Novae Patrum bibliothecae* (Romae. 1853),—къ сожалѣнію, она безъ конца; мы пользовались ею и можемъ замѣтить, что краткія свѣдѣнія въ книгахъ *Vrsto* и *Савен* (Νεοελληνική Φιλολογία—заглавіе той и другой) оказываются не совсѣмъ точными.

Чайшею любознательностью, а приобретать въ свою собственность манускриптовъ онъ не былъ въ состояніи по ихъ дороговизнѣ. Въ числѣ переписанныхъ имъ тогда сочиненій называютъ Филокалію Оригена, историческія сочиненія византійцевъ Константина Манасси и Георгія Акрополиты, а также Федора Анагноста, любовную исторію Евмавія Макремволиты и др. Окончивъ курсъ со степенью доктора философіи и теологіи, онъ еще три года оставался въ Италіи, именно въ Мессинѣ, при Бернардѣ Джустиніани, епископѣ, происходившемъ тоже съ острова Хіо изъ среды тамошней генуезской колоніи; не смотря на какое-то временное грѣховное увлеченіе, Алляцій и здѣсь все-таки оставался вѣрнымъ своему призванію и продолжалъ занятія греческою литературой. Затѣмъ Левъ пожелалъ посѣтить родину, гдѣ между тѣмъ умерли его родители, оставивъ ему богатое наслѣдство. Островъ Хіо находился подъ властью турокъ, сохраняя, впрочемъ, самоуправленіе и не испытывая особенной тяжести отъ мусульманскаго ига. Были, правда, нѣкоторыя непріятности у Алляція съ турецкими властями, подробно разказанныя его біографомъ, но онѣ не представляются важными; важнѣе были раздоры между самими христіанами, даже между католиками. Вслѣдствіе ссоры съ мѣстнымъ церковнымъ братствомъ (изъ среды старыхъ генуезскихъ поселенцевъ) епископъ (Маркъ Джустиніани), а съ нимъ и Левъ Алляцій, отправились въ Римъ; Алляцій велъ тяжбу католическаго прелата предъ Римскою куріей и подвергся нѣкоторымъ нареканіямъ за то, что будучи греко-унитомъ, служилъ какъ бы намѣстникомъ (викаріемъ) у римскаго католика. Между тѣмъ Алляцій обратилъ на себя вниманіе ученыхъ кардиналовъ Барберини и Кобелутти, приобрѣлъ степень доктора медицины послѣ приготовительныхъ занятій, продолжавшихся только нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ мѣсто при Ватиканской бібліотекѣ въ качествѣ кописта или переписчика греческихъ рукописей безъ жалованья, а потомъ и съ жалованьемъ; здѣсь онъ очутился подъ начальствомъ прежняго своего профессора, Николая Алемачна, ученѣйшаго между греками, которыхъ тогда жило въ Римѣ не мало (Архудій, Каріофиллъ и другіе). Нѣкоторое время и самъ Алляцій былъ преподавателемъ греческой словесности въ Аванасіевской коллегіи, но не ужился со своимъ землякомъ завистливымъ Каріофилломъ и вышелъ въ отставку, огорчивъ тѣмъ покровителя школы, кардинала Барберини, послѣ вошедшаго на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. Но пока папою былъ Григорій XV (Лудовизи), расположенный къ Кобелутти, и благодаря рекомендаціи послѣдняго, Алляцій получилъ чрезвычайно важное специальное поруче-

ніе. Шла тридцатилѣтняя война; въ Бѣлогорской битвѣ подъ Прагою сокрушены были силы чешской народности и надежды призваннаго чехами короля Фридриха V Палатинскаго (Пфальцскаго); борьба была перенесена въ область рѣки Рейна, войска лиги подъ начальствомъ Тилли взяли Гейдельбергъ, столицу курфюрста—палатина и бывшаго Чешскаго короля. Папа помогаль лигѣ не только нравственно, но и деньгами, и въ вознагражденіе за это выговорилъ себѣ заранѣе право на сокровища Палатинской библіотеки въ Гейдельбергѣ, славившейся своими греческими рукописями, собранными при прежнихъ курфюрстахъ, особенно поступившими отъ Фуггеровъ (см. ниже, въ отдѣлѣ о каталогахъ библіотекъ). Такъ какъ вождь лиги, Максимилианъ Баварскій, изъявилъ готовность исполнить обѣщаніе, данное Римскому престолу, то еще Григорій XV ранѣе своей кончины могъ отправить довѣреннаго человѣка для принятія цѣнныхъ сокровищъ и для препровожденія ихъ въ Ватиканъ. Въ концѣ 1622 года Алляцій, рекомендованный, какъ сказано, покровительствующимъ ему кардиналомъ, отправился въ южную Германію и въ декабрѣ достигъ Гейдельберга; онъ хорошо былъ принятъ Тилли и успѣшно исполнилъ порученіе, такъ что тою же зимой на 50 фурахъ палатинскія рукописи и книги направились черезъ Альпы въ Италію. Однако, Алляцій не получилъ той награды, на которую рассчитываль. Папа Григорій умеръ въ тотъ самый моментъ, когда Алляцій, опередившій обозъ, выѣхаль ему опять на встрѣчу, а новый первосвященникъ, Урбанъ VIII, прежній кардиналь Барберини, не былъ къ нему столь же расположенъ, тѣмъ болѣе, что еще не забылъ прежняго неудовольствія. Пользуясь этимъ, противъ ученаго грека возстали его враги и завистники, особенно извѣстный нѣмецкій филологъ, жившій тогда въ Италіи, Шоппе (Scioppius), *canis* grammaticus, пасквильантъ, облаявшій ранѣе Скалигера, провозглашавшій необходимость истребленія еретиковъ огнемъ и мечемъ ¹⁾; враги обвиняли Алляція въ утайкѣ книгъ и рукописей (напримѣръ, автографа Де-Ту); но эти обвиненія оказались злостною ложью: при помощи каталоговъ, составленныхъ Грутеромъ и въ послѣднее время Зильбургомъ, Алляцій имѣль возможность доказать, что все, чтò было тамъ на лицо, имъ доставлено. Алляцій все-таки остался при Ватиканской

¹⁾ О Шоппе см. *Bursian, Geschichte der classisch. Philologie* pag 283. *Nisard, Les gladiateurs de la république des lettres* (Paris, 1865). *Kowallek, Ueber Gaspar Scioippius: Forschungen zur deutsch Gesch.* Bd XI, 401—482 (1871). *Pattison, Casaubon*, pag. 350.

библіотекъ, въ которую поступила и Палатинская, составивъ ее особенное отдѣленіе; послѣ смерти Алеманна и Голстена, онъ былъ сдѣланъ книгохранителемъ и, даже сверхъ того, начальникомъ Ватиканскаго архива, а послѣ достигъ почетнаго титула префекта бібліотеки. Къ этому періоду относятся наиболѣе ревностныя его занятія греческими рукописями. Его трудолюбіе было неизмѣнно, равно какъ и его привычки; по разказу, слышанному Мабильономъ въ Римѣ отъ людей, близко знавшихъ ученаго грека, въ продолженіе сорока лѣтъ Алляцій писалъ однимъ и тѣмъ же перомъ и едва не плакалъ, когда оно потерялось. Онъ умеръ въ 1669 году. Въ длинномъ спискѣ приготовленныхъ Алляціемъ изданій важное мѣсто занимаютъ его полемическія сочиненія противъ лютеранъ и еще болѣе противъ православныхъ въ пользу уніи; особенно ревностно онъ защищалъ то положеніе, что сама Восточная церковь въ лицѣ своихъ великихъ древнихъ учителей, а равно и многихъ позднѣйшихъ богослововъ, всегда признавала главенство римскаго престола, и что даже послѣ Фотія и Керуларія истинное преданіе не было порвано, прежде чѣмъ оно было возстановлено на Флорентійскомъ соборѣ. Какъ извѣстно, этотъ тезисъ питомцами римскихъ школъ и ихъ послѣдователями прилагался и къ русской церкви, такъ что не только Владиміръ Святой и Ярославъ, но даже митрополитъ Московскій Алексѣй оказывались уніатами и папистами,—послѣдній потому, что получалъ посвященіе отъ патріарха, будто бы признававшаго главенство папы. Одно изъ сочиненій Алляція въ указанномъ направленіи носитъ слѣдующее характеристическое заглавіе „О постоянномъ согласіи Западной и Восточной церкви“¹⁾, другое „Православная Греція“, гдѣ по латыни и по гречески приводятся сочиненія, благопріятствующія латинамъ²⁾. Изъ богатаго запаса Ватиканскихъ архивовъ и бібліотекъ Алляцій извлекалъ много до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныхъ данныхъ о сношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ, приводилъ новые документы, касающіеся сношеній Византійскихъ императоровъ и Константинопольскихъ патріарховъ съ Римскимъ престоломъ въ эпоху Комниновъ и послѣдующія; вслѣдствіе того эти изданія по-

¹⁾ De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione lib. III. (Cum dissertatione de Dominicis et Hebdomadibus Graecorum et de missa praesantificationum). Coloniae Agrippinae. 1648.

²⁾ Graecia orthodoxa, in quo opere graece et latine exhibentur latinis faventia scripta. Romae 1652 (первый томъ) и 1659 (второй); третій томъ не выходилъ хотя и былъ обѣщанъ.

лучили большую цѣнность для историка и до сихъ поръ не утратили таковой. Только немногимъ въ такой степени доступны были сокровища Ватикана, да и немного нашлось людей, способныхъ идти по слѣдамъ ученаго грека. Сочиненіе „О постоянномъ согласіи церкви“ было написано по порученію папы Урбана VIII, много заботившагося объ утвержденіи уни, къ чему подавали поводъ и дѣла церковныя въ Литовской Руси; тѣмъ не менѣе въ началѣ приложено стихотвореніе, написанное еще въ 1642 году, въ честь новорожденнаго французскаго дофина (будущаго Людовика XIV), и отправляющееся отъ темы не столько религіозной, сколько патриотической. Греція представляется одѣтою въ трауръ, она припадаетъ къ новорожденному францу, повѣствуетъ о своей прежней славѣ и проситъ о помощи противъ поработителей. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе „О восьмомъ соборѣ Фотіевомъ“ ¹⁾ и „О согласіи обѣихъ церквей въ ученіи о чистилищѣ“ ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлый рядъ библиографическихъ трудовъ, касающихся отчасти древней греческой литературы, но и преимущественно христіанской и византійской. Любимый приѣмъ Алляція заключался въ томъ, что онъ бралъ цѣлый рядъ писателей, носившихъ одно и то же имя (омонимы) и составлялъ объ нихъ изслѣдованіе, которое онъ обыкновенно называлъ діатрибою, размѣщая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, указывая данныя для ихъ біографіи, приводя свидѣтельства объ ихъ трудахъ изъ всевозможныхъ побочныхъ источниковъ, указывая изданія ихъ сочиненій, если таковыя появились въ печати, либо же рукописи, сохранившіяся въ римскихъ бібліотекахъ или въ какихъ другихъ, приводя иногда обширныя выписки изъ неизданнаго. Такія изслѣдованія помѣщались Алляціемъ въ видѣ приложенія къ изданіямъ памятниковъ средневѣковой греческой литературы, а также и отдѣльно. При изданіи одного сочиненія Меѳодія Патарскаго приложено было изслѣдованіе о Меѳодіяхъ ³⁾; при изданіи Похвалы Пселла Симеону Метафрасту — помѣщено было изслѣдованіе о Симеонахъ ⁴⁾; от-

¹⁾ De octava Synodo Photiana. Romae. 1662.

²⁾ De utriusque ecclesiae, occidentalis atque orientalis perpetua in dogmate de purgatorio consensione. Romae. 1655.

³⁾ S. Methodii Convivium Virginum, graece et latine cum notis et diatriba de Methodius. Romae. 1655.

⁴⁾ Pselli Encomium in Simeonem Metaphrastem et officium. Symeonis Metaphrastae oratio in lamentationem S. Deiparae et epistolae IX graece ac latine cum diatriba de Simeonibus. Parisiis. 1664.

дѣльно появились изслѣдованія о Пселлахъ) и о Нилахъ ²⁾; диатриба о Георгіяхъ и сочиненіяхъ ихъ появилась съ приложеніемъ къ изданію исторіи Георгія Акрополиты, которое было приготовлено Алляціемъ для парижскаго собранія (см. ниже). Не всѣ такіе библиографическіе опыты были изданы тотчасъ послѣ ихъ составленія; нѣкоторые увидѣли свѣтъ только въ настоящемъ столѣтіи. Чрезвычайно важныя диатрибы о Никитахъ, о Филонахъ и о Θεодорахъ — напечатаны въ VI томѣ издававшейся кардиналомъ Маи Библиотекѣ отцовъ церкви ³⁾; списокъ Θεодоровъ начинается греческимъ художникомъ Θεодоромъ Самосскимъ (съ острова Само), который, между прочимъ, приготовилъ перстень Поликрата-тиранна, и кончается Θεодоромъ Газою, который печаталъ свои сочиненія у Альдовъ въ Венеціи; всѣхъ Θεодоровъ, имѣвшихъ право войти въ каталогъ писателей, оказалось 136. Отмѣтимъ еще Σύμμιχτα (смѣсь) Алляція, изданіе появившееся въ Кельнѣ въ 1653 году, куда вошли нѣкоторыя статьи, прежде напечатанныя отдѣльно ⁴⁾. Оно состоитъ изъ двухъ частей; первая содержитъ, кромѣ четырехъ греческихъ описаній Святой Земли (Фока, Епифаній, Пердикка, Анонимъ) и одного латинскаго (Гегезиппъ), нѣсколько трактатовъ самого Алляція о церковныхъ древностяхъ (de solea veteris ecclesiae, de Liturgia S. Jacobi, de Graecorum communione sub specie unica, de lignis sancti crucis); во второй части напечатаны въ первый разъ слѣдующія византійскія статьи съ переводомъ на латинскій языкъ: Константина Порфиророднаго о Василіѣ Македонянинѣ, Іоанна Каменіаты о разореніи города Солуни (Excidium urbis Thessalonicae — разумѣется разореніе въ 904 году сарацинами), Іоанна Анагноста о послѣднемъ разореніи того же города (турками, въ 1430), его же монодія о томъ же разореніи, Θεодоры Газы о происхожденіи турокъ, Льва Алляція — о написаніи Іоаннѣ и еще нѣкоторыя другія. Алляцій принималъ ревностное участіе въ полномъ изданіи всѣхъ византійскихъ историковъ, которое было предпринято во Франціи; собственнымъ важнымъ вкладомъ Алляція въ эту коллекцію была исторія Георгія Акрополиты въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями; сверхъ того, Алляцій сооб-

¹⁾ De Psellis et eorum scriptis. Romae. 1633.

²⁾ De Nilis. Romae in fol. 1668.

³⁾ Patrum novae bibliothecae tomus sextus. Romae. 1853.

⁴⁾ Leonis Allatii Σύμμιχτα sive opuscula graecorum et latinorum vetustiorum ac recentiorum ed. a Nihusio. Coloniae Agrippinae. 1653. Другое изданіе: Romae 1668.

щаль нужныя свѣдѣнія о рукописяхъ и отмѣчалъ разночтенія; онъ занимался и Георгіемъ Амартоломъ, даже приготовилъ латинскій полный переводъ его хроники, сдѣланный съ ватиканскихъ списковъ (что именно и важно), но этотъ переводъ остался не изданнымъ, какъ, впрочемъ, и многое другое изъ трудовъ Алляція, — онъ находится теперь въ Вѣнской придворной (публичной) библиотекѣ. Въ бумагахъ Алляція, хранящихся въ одной изъ римскихъ библиотекъ, хотя онѣ и были разсмотрѣны кардиналомъ Анджело Май, все еще могутъ отыскаться новыя интересныя вещи; на нихъ при удобномъ случаѣ не мѣшало бы обратить вниманіе тѣмъ молодымъ русскимъ ученымъ, занятія которыхъ сопривасаются съ византійскою исторіей¹⁾. Болѣе или менѣе полные списки разнообразныхъ трудовъ Алляція по классическимъ и христіанскимъ древностямъ, по церковной исторіи и патрологіи можно найти у Фабриція-Гарлеса, у Саэы, у Врето (заглавія этихъ изданій указаны выше). Въ новогреческомъ аѳинскомъ журналѣ *Πανδώρα* также помѣщались статьи объ Алляціѣ — томы XVIII и XIX (годъ 1868), и здѣсь, въ №№ 433, 437 и дальнѣйшихъ, авторъ ихъ, Родоконаки, сообщилъ библиографическое болѣе, чѣмъ у другихъ, подробное обозрѣніе изданій и сочиненій Алляція. Оно повторено при новомъ изданіи вышеупомянутаго стихотворенія Алляція „Еллада“, вышедшемъ въ Аѳинахъ въ 1872 г. съ разными приложеніями²⁾.

¹⁾ *Laetmer*, De L. Allatii codd., qui in bibliotheca Vallicellana asservantur. Friburg, 1864. Этой брошюры мы не имѣли въ рукахъ.

²⁾ Δείκτος τοῦ Ἀλλατίου Ἑλλάς. μετὰ λατινικῆς μεταφράσεως ὑπο τῆς Ροδοκωνάκιδος Ἐν Ἀθήναις, 1872.

II.

Время Дюканжа.

Занятіе византіядами во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. — Покровители ученыхъ занятій и собиратели греческихъ рукописей.—Людовикъ XIII.—Мазарини, Сегье, Фуке, Кольберъ. — Предшественники Дюканжа: Лаббъ, Фабро, Гоаръ, Комбефизъ, Ваду; изданія Кантакузина, Кедрина и Никиты.—Воззваніе къ ученымъ или протрентиковъ.—Дальнѣйшія изданія: Кодинъ, Дука, Анна Комнина, Георгій Синкелъ, Теофанъ, его продолжатели и т. д.; труды Дюканжа: *Historia Constantinopolitana*. — Словарь средневѣковой латыни и греческій.—Топографія Константинополя и византійскія фамліи. — Изданія Зонары, Киннама и Пасхальной хроники.

Всего больше было сдѣлано для византійцевъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. До сихъ поръ занимались исключительно изданіемъ текстовъ, и притомъ безъ опредѣленнаго плана и общей программы, безсвязно и спорадически, руководясь при этомъ разнообразными побужденіями и цѣлями. Въ Италіи прежде всего обращено было вниманіе на историковъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ ея судьбамъ послѣ паденія Западной Римской имперіи, на Прокопія и Агаеія Къ этому присоединилось уваженіе, питаемое учеными юристами къ памяти Юстиніана, а затѣмъ и къ византійскимъ остаткамъ и отраженіямъ его законодательства. Въ Германіи у Вольфа и его послѣдователей (Ксиландра и Гешеля) впервые высказался общій интересъ уже прямо къ византійской исторіи съ той точки зрѣнія, какая подскazyвалась продолжающимися успѣхами мусульманъ, борьба съ которыми прежде составляла постоянную жизненную задачу разрушенной турками имперіи. Въ Голландіи, такъ много сдѣлавшей для византійцевъ въ лицѣ Вулканія и особенно Меурсія, преобладали, по видимому, стремленія чистой науки, которая тогда почти вполнѣ во-

площадась въ классической филологіи. Какъ скоро вмѣсто гуманизма, господствовавшаго въ первый италіанскій періодъ возрожденія, вступила въ силу научная филологія, то вмѣсто непосредственнаго наслажденія изящными формами древне-греческой литературы и непосредственнаго усвоенія ея содержанія, соединеннаго съ поклоненіемъ и восторгомъ, задачею стало изученіе всего, что могло содѣйствовать познанію этой самой древности, оставившей столь прекрасные образцы мысли и слова, изученіе ея исторіи, ея гражданственности, ея учрежденій и т. д. При новомъ направленіи приходилось гораздо менѣе брезговать византійцами, чѣмъ прежде, тѣмъ болѣе, что направленіе это и не искало одного удовлетворенія чувствамъ изящнаго и высокаго. При первомъ серьезномъ опытѣ возстановить простой, но точный хронологическій остоуъ событій древней исторіи, предпринятомъ Скалигеромъ, оказалась необходимость изучать Кедрина, Синкелла, Пасхальную хронику. Традиція, принесенная въ Лейденъ знаменитымъ французомъ, продолжала держаться въ Голландіи и вызвала труды надъ сочиненіями Константина Багрянороднаго и прочими авторами. Не нужно также забывать могущественнаго вліянія религіозныхъ и церковныхъ интересовъ. Первоначальную исторію своей церкви и католики должны были изучать въ произведеніяхъ греческихъ писателей; со времени Флорентійской уніи, и затѣмъ послѣдующей Брестской уніи, у поборниковъ папскаго главенства, преимущественно у тѣхъ, которые выходили изъ греческой православной среды, являлась потребность съ этой точки зрѣнія разяснять себѣ и своимъ соплеменникамъ весь ходъ предыдущей исторіи Востока. Иезуиты, которые взяли въ свои руки дѣло уніи и сдѣлались главными носителями универсальныхъ римскихъ тенденцій, также руководились не однимъ отвлеченнымъ ученымъ одушевленіемъ въ дѣлѣ занятія византійскою литературою... Почти всѣ означенные мотивы имѣли силу и для Франціи XVII вѣка. Легко указать политическіе и церковные интересы, съ которыми соединено было неслыханное усердіе къ обнародованію памятниковъ византійской исторіи въ католической Франціи. Но конечно, гораздо важнѣе того общій уровень умственнаго и научнаго развитія, котораго достигли руководящіе общественные слои Франціи въ вѣкъ Людовика XIV. Возможно, что въ извѣстной странѣ очень ясно будутъ сознаваться побужденія къ занятію прошлыми судьбами другой, но, хотя бы дѣло шло о единовѣрной и отчасти единоплеменной странѣ, за недостаткомъ собственныхъ ученыхъ силъ, все будетъ оставаться

вступѣ. Не въ такомъ, конечно, положеніи было дѣло во Франціи въ тотъ вѣкъ, когда ея національная литература становилась классическою для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частныя лица соперничали въ уваженіи къ учености, въ заботахъ объ основаніи библіотекъ и собираніи рукописей: значительная часть этихъ заботъ доставалась на долю всего греческаго, именно греческихъ рукописей, а въ нихъ наиболѣе значительный процентъ всегда составляли произведенія византійскаго періода.

О Людовикѣ XIII извѣстно, что онъ въ юности (съ 1612 г.) изучалъ греческій языкъ и успѣлъ въ немъ на столько, что самъ могъ перевести на французскій извѣстныя наставленія діакона Агапита Юстиніану ¹⁾. Кардиналъ Мазарини, не будучи природнымъ французомъ, не могъ питать такого живого участія къ развивающейся національной французской литературѣ и языку, какимъ былъ провинцунтъ Ришелье, но за то онъ принималъ близко къ сердцу интересы общей учености; онъ былъ большимъ любителемъ книгъ и собирателемъ рукописей. Когда во время Фронды его библіотека, вывезенная еще изъ Италіи, была разрушена и расхищена, то послѣ возвращенія къ власти онъ не падалъ ни заботъ, ни денегъ для ея возстановленія. Его библіотекарь долженъ былъ всегда выставлять новыя пріобрѣтенія на особомъ столѣ въ комнатѣ, чрезъ которую кардиналъ проходилъ на аудіенціи и возвращался отъ нихъ, дабы онъ могъ найти свободную минуту обзрѣть пріобрѣтенное, и онъ особенно бывалъ доволенъ, когда въ новомъ признавалъ старое достояніе своего прежняго книгохранилища. Когда послѣ смерти Мазарини устроена была Кольберомъ извѣстная въ исторіи просвѣщенія сдѣлка, по которой рукописи Мазариніевой библіотеки, сдѣлавшейся публичною и отданной въ завѣдываніе Коллегіи четырехъ націй (имъ же основанной), поступили въ королевскую библіотеку въ обмѣнъ за книги, то оказалося, что вслѣдствіе того королевская библіотека обогатилась собраніемъ въ 2156 манускриптовъ, и въ томъ числѣ было 229 греческихъ кодексовъ, отчасти весьма цѣнныхъ, такъ какъ для кардинала нѣкогда была пріобрѣтена главная часть коллекціи знаменитаго Пейреска, о которомъ у насъ была рѣчь выше ²⁾.

¹⁾ *Egger, L' Hellénisme en France II, 46.*

²⁾ О библіотекѣ и рукописяхъ Мазариня см. *Delisle, Cabinet des manuscrits, I, 280 и сл.*

Современникъ Мазарини, возвысившійся при Ришелье и пережившій обоихъ, образованный и ученый канцлеръ Сегье (Séguier) точно также основалъ богатое частное книгохранилище, которое особенно славилось своими манускриптами ¹⁾. Сегье болѣе всего цѣнилъ греческія рукописи. Онъ ихъ получалъ отчасти путемъ переписки или копированія, чѣмъ занимался по его порученіямъ какой-то Беллерофонъ. Но канцлеръ понялъ, что для пріобрѣтенія дѣйствительно цѣнныхъ греческихъ манускриптовъ, которые не имѣли бы себѣ равныхъ во Франціи, Италіи и Испаніи, слѣдовало найти доступъ въ греческіе монастыри, бібліотеки которыхъ почти не были тронуты путешественниками. Агенты, чрезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, были въ такомъ положеніи, что черпали, можно сказать, полными руками въ сокровищахъ горы Аэона, богатствъ которой до тѣхъ поръ и не подозрѣвали во Франціи. Половина греческихъ манускриптовъ, пріобрѣтенныхъ для бібліотеки Сегье, ведетъ свое происхожденіе изъ монастырей аэонскихъ. Главнымъ орудіемъ канцлера въ этомъ случаѣ былъ одинъ греческій священникъ, Аванасій Риторъ, прибывшій за чѣмъ-то во Францію и затѣмъ въ 1642 году воротившійся въ Турцію: онъ, очевидно, умѣлъ ладить съ калугерами Аэонской горы ²⁾; за нимъ наблюдалъ и уплачивалъ деньги французскій посолъ въ Константинополѣ La Haue. Впрочемъ были и другіе пути: объ ученыхъ вкусахъ могущественнаго канцлера и его пристрастіи къ рѣдкимъ рукописямъ знали французскіе купцы, торговавшіе съ Левантомъ, даже основавшіеся въ Абиссиніи. Марсельскій купецъ извѣщаетъ Сегье, что онъ далъ порученіе своему фактору въ Египтѣ во что бы то ни стало отыскать творенія св. Ефрема (saint Ufreme) и добыть каталогъ рукописей монастыря св. Макарія; приходили также письма изъ Каира съ общаніемъ присылки греческихъ книгъ и т. п. Дальнѣйшая судьба бібліотеки и рукописей Сегье извѣстна; все досталось по наслѣдству внуку его, герцогу Коалену (Henri-Charles de Cambout de Coislin), епископу Мецскому. По его порученію, греческія рукописи бібліотеки были опи-

¹⁾ *Delisle*, Cabinet des manuscrits, II, 84. *Kerviler*, Le Chancelier Pierre Séguier. Paris. 1875. У послѣдняго отрывки изъ корреспонденціи Сегье, относящейся къ пріобрѣтенію рукописей, приводятся частію въ текствѣ (pagg. 166—175), частію въ приложеніяхъ (pagg. 662, 664).

²⁾ Les manuscrits grecs achetés de caloyers du Mont Athos; говорится въ описаніи галлерей для рукописей канцлера: *Delisle* II, 88.

саны знаменитымъ Монфокономъ (Montfaucon), и въ 1715 году каталогъ ихъ явился въ печати въ видѣ большого тома in fol. подъ известнымъ заглавіемъ: Bibliotheca Coisliniana et cet. Коаленъ завѣщаль драгоцѣнное наслѣдство бенедиктинцамъ Сень-Жерменскаго аббатства; во время революціи, въ 1795 и 1796 гг., вмѣстѣ съ другими учеными сокровищами закрытаго Сень-Жерменскаго монастыря, греческія рукописи перенесены были въ Національную бібліотеку, бывшую королевскую. Онѣ нисколько не пострадали отъ грабежа, которымъ подверглись наиболѣе драгоцѣнныя собственно французскія коллекціи, часть которыхъ досталась секретарю русскаго посольства Дубровскому, а отъ него—Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Извѣстный въ исторіи Людовика XIV сюринтендантъ финансовъ Фуке (Foucquet), слѣдую модѣ времени, тоже устроилъ въ своемъ замкѣ великолѣпную бібліотеку, состоявшую изъ 30,000 томовъ, въ томъ числѣ 1050 манускриптовъ. Послѣ опалы, его постигшей, бібліотека Фуке была конфискована на покрытіе начетовъ казны и распродавалась по самой низкой оцѣнкѣ; между тѣмъ нѣкоторыя рукописи ея имѣли очень благородное происхожденіе и принадлежали прежде Шарлю Моншалю (Montchal), архіепископу Тулузскому, бібліотека котораго очень высоко цѣнилась за свои драгоцѣнныя греческія манускрипты; нѣкогда они (то-есть, греческія манускрипты) привлекали вниманіе королевы Христины, конкуррировавшей съ Фуке, а теперь они достались Летелье (Letellier), архіепископу Реймскому († 1710), а отъ него перешли въ королевскую бібліотеку.

Преемникъ Фуке по управленію финансами, знаменитый Кольберъ, завѣдывавшій также и королевскою бібліотекою, держался такого взгляда, что Франція должна пользоваться всякимъ случаемъ для умноженія своихъ ученыхъ сокровищъ и приобрѣтенія рукописей за границею. Онъ обращалъ на это вниманіе дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ и въ то же время давалъ спеціальныя порученія ученымъ путешественникамъ. Такъ, въ 1667 году путешественники по Леванту, de Monceaux и Laisné, получили наказъ приобрѣтать греческія и восточныя рукописи. Именно по этому случаю составлена была любопытная инструкція, въ которой рекомендовали обращаться къ калуерамъ и другимъ монахамъ греческимъ¹⁾, а также къ

¹⁾ Les caloyers et autres moynes grecs: *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 275.

маронитамъ горы Ливана; тогда же или нѣсколько позже Котелье (Cotelier, Jean Baptiste), занимавшійся по порученію Кольбера пересмотромъ каталога греческихъ рукописей королевской библиотеки и получившій за это въ награду катедру греческаго языка въ королевской коллегіи, составилъ замѣтки о манускриптахъ греческихъ, въ которыхъ опредѣлялась ихъ цѣнность соотвѣтственно съ содержаніемъ и древностію письма, кратко указывались признаки, по которымъ можно различить древнее письмо отъ новаго и т. д. ¹⁾ Монсо принялъ къ сердцу данныя ему внушенія и хорошо исполнилъ порученіе: онъ прислалъ 62 греческихъ кодекса древняго письма и хорошаго качества. Большія надежды, которыя возлагались на посольство Нуантеля (Nointel) въ Константинополь, не были вполнѣ оправданы, хотя посла сопровождалъ ученый оріенталистъ, Галландъ, оставившій журналъ своего тамъ пребыванія, недавно обнародованный ²⁾.

Кольберъ имѣлъ и собственную библиотеку, которая уже съ 1662 г. пользовалась извѣстностію и сначала обогащалась преимущественно собраніемъ документовъ по французской исторіи, подъ руководствомъ первыхъ ея библиотечарей Каргави и знаменитаго Балюза (Baluze). Но Кольберъ желалъ имѣть у себя тоже и греческія рукописи; когда онѣ получались, онъ пересматривалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ его письмахъ къ Балюзу встрѣчаются такого рода замѣтки: „Въ будущую среду я очень радъ буду ознакомиться съ только что пришедшими греческими манускриптами“ и т. д. ³⁾. Ихъ присылали консулы Леванта; такъ одинъ изъ нихъ (Sauvag) прислалъ въ 1673 году 16 манускриптовъ съ острова Кипра, а послѣ заразъ 50 нумеровъ. Посольство въ Константинополь тоже получало запросы и порученія. Разыскивались всякаго рода рукописныя сокровища и въ самой Франціи, въ провинціальныхъ городахъ, въ старинныхъ

¹⁾ Ibid. pag. 276. 277. Для примѣра приводимъ три параграфа:

13. Il ne faut point laisser échapper aucun livre historique, ni aucun livre de loix civiles ou ecclésiastiques, c'est à dire canons.

14. Les livres de prières et d'office ecclésiastique sont le plus méprisables, s'ils ne sont fort anciens.

20. Dans le doute, il vaut mieux acheter que laisser: un livre rare en paye cinquante méchants.

²⁾ Journal d'Antoine Galland pendant son séjour à l'ambassade de France à Constantinople, publ. par Scheffer.

³⁾ Delisle, Cabinet des manuscrits I, 449.

монастыряхъ, и такимъ путемъ приобрѣтались иногда интересныя греческія находки, въ родѣ подлиннаго акта Флорентійской уніи, привезеннаго изъ Фландріи ¹⁾. Приобрѣтеніе путемъ покупки бывшей библіотеки историка и канцлера де Ту (Jacques Auguste de Thou), которая имѣла европейскую извѣстность и заключала въ себѣ 1000 манускриптовъ, а также рукописей Пьера Питу (Pithou), поставило книгохранилище Кольбера на самое видное мѣсто. Всѣ рукописи, его украшавшія, при наслѣдникахъ великаго министра въ 1732 году были куплены королемъ Людовикомъ XV для королевской библіотеки. Значительныя заслуги въ дѣлѣ обогащенія ея книгами и рукописями и устройства оказаны были двумя братьями Дюпюи (Pierre и Jacques Dupuis); они первоначально управляли богатою библіотекою президента де Ту; потомъ были преемниками Николая Риго (Rigault) въ званіи книгохранителей (Garde de librairie) королевской библіотеки, получивъ это назначеніе въ 1645 году. Но и ранѣе того они принимали живое участіе въ дѣлахъ королевской библіотеки; ихъ стараніями достались ей (въ 1621 году) рукописи бывшаго посла въ Константинополь при Карлѣ IX, Гюрё (Jean Hurault), въ числѣ которыхъ было до ста греческихъ манускриптовъ. Сами братья, отличавшіеся наслѣдственною въ ихъ фамиліи любовью къ просвѣщенію и большою ученостью, составили собственное богатое собраніе книгъ и рукописей, начало которому было положено ихъ отцомъ: по общему соглашенію тотъ изъ братьевъ, который пережилъ другаго, отказалъ по завѣщанію это дорогое наслѣдство королевской библіотекѣ, дабы обезпечить его цѣльность и предотвратить всякое раздробленіе. Когда намъ встрѣтится указаніе на codex Puteanus по поводу изданія того или другаго источника, то при этомъ нужно вспоминать о братьяхъ Дюпюи, которые по ученому именовались Puteani. Нужно прибавить, что завѣдывавшая королевскою библіотекою и стоя весьма близко ко всѣмъ ученымъ интересамъ времени, братья (особенно второй, Жакъ) вели обширную корреспонденцію, часть которой, какъ увидимъ ниже, прямо касалась византійскихъ занятій. Королевская библіотека въ Парижѣ уже и тогда богатствомъ греческихъ рукописей не уступала никакой другой, кромѣ Ватиканской. Тѣмъ не менѣе, когда заходила рѣчь объ изданіи того или другаго греческаго автора, то не всегда можно было довольствоваться рукописями парижскими; всего естественнѣе было обращаться въ

¹⁾ Delisle, I, 467.

Римъ, къ сокровищамъ Ватикана, умноженнымъ недавно приобрѣтеніемъ Палатинской бібліотеки. Въ данную эпоху существовали весьма оживленныя сношенія между парижскими учеными кружками и римскими—особенно чрезъ посредство кардинала Барберини и филолога Голстена (Holsten, Holstenius), съ одной стороны, канцлера Сегье и братьевъ Дююи — съ другой. Кардиналь Барберини (Франческо, 1597—1679), племянникъ папы Урбана VIII, бібліотекаръ Ватикана, получившій при своемъ дядѣ княжеское положеніе, послѣ его смерти долженъ былъ искать убѣжища во Франціи и покровительства у Мазарини; благодаря послѣднему, онъ дѣйствительно воротился въ Италію и примирился съ Римскимъ дворомъ новаго папы. Будучи знакомъ съ древними и восточными языками, самъ обладая богатою бібліотекою, Барберини продолжалъ быть до своей смерти покровителемъ ученыхъ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Голстенъ, родомъ нѣмецъ изъ Гамбурга, но давно оставившій родину; во Франціи онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и успѣлъ завести ученныя связи (1624 — 1627), принялъ католичество, а затѣмъ переселился въ Римъ, гдѣ получилъ мѣсто бібліотекаря въ Барберинской бібліотекѣ (1636), а впослѣдствіи должность и званіе *custos* въ ватиканской (при Иннокентіѣ X). Онъ именно былъ наиболѣе усерднымъ корреспондентомъ братьевъ Дююи, исполнителемъ различныхъ запросовъ отъ Парижской бібліотеки къ Ватиканской и Барберинской.—Обращаемся къ прерванному изложенію.

Послѣ смерти Кольбера королевская бібліотека поступила въ завѣдываніе министра Лувуа, который передалъ ее своему сыну, Камиллу Летелье, извѣстному больше подъ именемъ аббата Лувуа, съ дѣтства обнаружившему большую склонность къ научнымъ занятіямъ. Въ его управленіе продолжались поиски на Востокѣ съ цѣлью приобрѣтенія новыхъ греческихъ рукописей. Преемникъ Нуантеля въ Константинополѣ, Жирарденъ, вслѣдствіе распространенныхъ путешественниками слуховъ о необыкновенномъ богатствѣ рукописями султанской бібліотеки въ сералѣ, будто бы сохранившей сокровища, наслѣдованныя отъ Византійскихъ императоровъ, производилъ тамъ тщательныя разслѣдованія, и результаты оказались очень скудными, хотя баснословные разказы о греческихъ рукописяхъ серала не умолкали даже до настоящаго времени ¹⁾. Изъ дальнѣйшихъ прира-

¹⁾ *Delisle, Cabinet des manuscrits I, 296.* Вопросу о греческихъ рукописяхъ бібліотеки серала посвящено специальное изслѣдованіе Ферстера: *Foerster, De antiquitatibus et libris manuscriptis constantinopolitanis commentatio. Rostochii. 1877.*

щений греческаго фонда въ королевской библиотекѣ, кромѣ пожертвованія архіепископа Летелле въ 1700 г., должно быть отмѣчено приобрѣтеніе остатковъ библиотеки Биго (Bigot), собранной трудами названной ученой служилой фамиліи въ продолженіе столѣтія; это совершилось въ 1706 году и послужило къ умноженію греческихъ рукописей, которыми, впрочемъ, уже ранѣе пользовались ученые, въ числѣ ихъ Дюканжъ, благодаря особенной прославленной обязательности Емерика Биго ¹⁾).

По старой традиціи даже при Людовикѣ XV продолжали заботиться о приобрѣтеніи восточныхъ и греческихъ манускриптовъ. Въ этомъ отношеніи выдается миссія Фурмона и Севена (Fourmont, Sevin) въ 1727—1730 годахъ: первый занимался по преимуществу монетами и медалями, второй—рукописями. Въ отчетѣ о дѣятельности Севена весьма много любопытнаго ²⁾: опять шла рѣчь о библиотекѣ Византійскихъ императоровъ въ сералѣ, при чемъ были сообщены положительныя данныя — объ ея несуществованіи; болѣе плодотворны были старанія приобрѣсть расположеніе патріарховъ Цареградскаго и Иерусалимскаго: благодаря этому, получена была возможность посѣтить греческія монастыри въ окрестностяхъ Константинополя—и не безплодно, такъ какъ тамъ отысканы были нѣкоторыя не изданныя слова Златоуста, романъ объ Юсафатѣ и Варлаамѣ и т. п.; свои сношенія и связи аббатъ Севенъ умѣлъ распространить на весь христіанскій востокъ—до Арменіи и Ечмиадзина и даже помышлялъ о книжныхъ сокровищахъ, хранившихся въ Бухарѣ со времени Тамерлана. Одно изъ секретныхъ донесеній Севена посвящено было путешествію какого-то попа греческаго (un paras grec) въ Фессалію въ качествѣ агента для покупки книгъ въ монастыряхъ; здѣсь идетъ рѣчь о жалкомъ невѣжествѣ и жадности высшаго греческаго духовенства, что, правда, повело къ большимъ утратамъ, къ прямому истребленію драгоценныхъ памятниковъ греческой письменности, но за то отнюдь не мѣшало торговлѣ сохранившимся еще матеріаломъ и продажѣ его чужеземцамъ-иновѣрцамъ.

Въ бесѣдѣ съ французскимъ аббатомъ, пріѣхавшимъ скупать послѣдніе остатки прежнихъ греческихъ и византійскихъ ученыхъ сокровищъ, патріархъ Иерусалимскій, болѣе другихъ греческихъ іерар-

¹⁾ О библиотекѣ Биго: *Delisle, Cabinet des manuscrits*, I, 322 и сл. Тамъ же приведены отрывки изъ переписки Биго.

²⁾ Огъ вполне напечатанъ у Делиля, I, 380—385, точно также и друго й документъ Севена.

ховъ образованный, высказалъ такую мысль, что если Греція обязана своею славою превосходнымъ созданіямъ древнихъ еллиновъ, то за сохраненіе этихъ самыхъ произведеній она должна считать себя обязанною щедрости королей Французскихъ: они не довольствуются тѣмъ, что ихъ собираютъ, но сдѣлали ихъ бессмертными посредствомъ великолѣпныхъ печатныхъ изданій¹⁾. Въ словахъ патріарха заключается не какой-либо искусный и льстивый оборотъ рѣчи и не простая похвала типографскому станку, а совершенно правильная и знающая оцѣнка дѣятельности одного спеціальнаго учрежденія, знаменитаго вообще въ исторіи науки, а впрочемъ оказавшаго еще болѣе заслугъ христіанской греческой литературѣ, чѣмъ древне-еллинской. Мы разумѣемъ королевскую типографію въ Луврѣ и королевскій или луврскій шрифтъ, послужившіе между прочимъ извѣстному роскошному изданію византійцевъ, какого они никогда больше не удостоивались ни прежде, ни послѣ. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этомъ учрежденіи тѣмъ болѣе, что не только внѣшнее исполненіе, но самая мысль полнаго изданія византійцевъ тѣсно связана съ его существованіемъ. Прежде всего нужно припомнить нѣсколько фактовъ изъ исторіи греческаго шрифта, отлитаго при королѣ Францискѣ I и послужившаго изданіямъ первыхъ Етьенней.

Робертъ Етьеннъ при удаленіи въ Женеvu взялъ съ собою матрицы этихъ шрифтовъ, а сынъ его Генрихъ II Етьеннъ, извѣстный превратностями своей жизни, вынужденъ былъ ихъ заложить въ обезпеченіе сдѣланнаго займа. Такъ какъ долгъ остался непокрытымъ, то послѣ его смерти, по рѣшенію женеvскаго сената, на этотъ залогъ наложено было запрещеніе. Такое рѣшеніе, какъ извѣстно, очень огорчило Казобона, такъ какъ оно лишало всякаго наслѣдства его жену, дочь Етьенна. При Людовикѣ XIII рѣшено было ради чести Франціи снова воротить на родину матрицы, уплативъ долги Етьенна; сперва это дѣло замедлилось вслѣдствіе разнаго рода опасеній и затрудненій; но въ 1619 году духовенство Франціи, въ виду предположеннаго изданія отцевъ церкви и авторовъ греческихъ, просило короля, чтобы матрицы были окончательно выкуплены и возвращены во Францію. По рѣшенію королевскаго совѣта отпущено было для этой цѣли 3,000 ливровъ изъ суммъ церковныхъ, поступившихъ въ королевскую казну; Полю Етьенну, сыну умершаго Генриха, поручено было доставить въ Парижъ старое французское достояніе; оно оставалось еще

¹⁾ *Delisle*, Cabinet des manuscrits, I, 382.

нѣкоторое время въ распоряженіи его сына, обратившагося въ католичество. Со времени возвращенія во Францію *les grecs du roi* греческіе королевскіе шрифты, опять появились въ разнаго рода изящныхъ ученыхъ изданіяхъ. Прежде всего они послужили новому изданію (четвертому) Парижской Библіотеки свв. отцевъ (*Bibliotheca sanctorum Patrum*) Биня (*Margerin de la Bigne*), въ первый разъ вышедшей въ 1575 году и теперь умноженной двумя добавочными греко-латинскими томами (*Auctaria graeco-latina*), то-есть, посвященными исключительно греческимъ отцамъ помимо латинскихъ, но съ переводомъ на латинскій языкъ ¹⁾. Эти дополненія вышли въ свѣтъ въ 1624 году, когда еще королевскій греческій шрифтъ продолжалъ оставаться достояніемъ частныхъ типографій. Основаніе королевской типографіи не имѣетъ точной хронологической даты. Еще въ 1620 году король Людовикъ XIII устроилъ у себя въ луврскомъ дворцѣ маленькую книгопечатную мастерскую; но это было личное дѣло короля. Возвращеніе греческихъ матрицъ Франциска I и приобрѣтеніе восточныхъ (арабскихъ) шрифтовъ въ 1632 году дали новое возбужденіе умамъ, и кардиналъ-министръ (Ришелье) рѣшился основать королевскую или государственную типографію, чтобъ издавать для публики произведенія хорошихъ писателей достойнымъ ихъ образомъ ²⁾. Съ 1640 года типографія несомнѣнно существуетъ; высшее управленіе надъ нею было сначала поручено Де-Нойе (*Sublet seigneur des Nouers marquis de Dangu*), суперинтенданту и генеральному распорядителю пострекъ и мануфактуръ короля, извѣстному участіемъ въ основаніи академіи художествъ.

Первымъ греческимъ изданіемъ типографіи была Королевская коллекція соборныхъ актовъ въ 37-ми томахъ, которые всѣ помѣчены 1644 годомъ, хотя, конечно, не могли быть отпечатаны въ одинъ годъ; выставленъ былъ годъ выхода въ свѣтъ ³⁾. Королевская коллекція соборовъ представила прекрасный образецъ для всѣхъ послѣ-

¹⁾ *Aug. Bernard*, Histoire de l'imprimerie royale du Louvre (Paris, 1867). Оглавленіе двухъ греческихъ томовъ Парижской библіотеки отцевъ. См. въ старомъ изданіи *Ittmia* (*Ittigius*) *De Bibliothecis et catenis Patrum* (*Lipsiae*, 1707) pag. 92—97.

²⁾ Donner au public les ouvrages des bons auteurs en caractères dignes de leurs travaux.

³⁾ *Conciliorum omnium generalium et provincialium collectio regia*. 37 vol. Ср. *A. Bernard* op. c. pag. 71. Это изданіе соборовъ находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета.

дующихъ подобныхъ собраний и въ сущности послужила для нихъ основаніемъ относительно внутренняго содержанія и распредѣленія матеріала. Особенно выдаются своимъ виѣшнимъ изящнымъ видомъ греческіе отдѣлы сборника, отпечатанные крупными королевскими или, какъ теперь стали говорить, луврскими типами (*typis regіis, typis Lupa-гаeis*). Принято было за правило издавать не одни только соборные акты въ собственномъ смыслѣ, то-есть, протоколы засѣданій соборныхъ, но и всѣ относящіяся къ предмету историческіе документы, объясняющіе поводъ и цѣль собора, способъ его собранія, отношеніе къ возбужденному вопросу заинтересованныхъ сторонъ, папскаго престола, знаменитыхъ современныхъ іерарховъ и т. п.; на примѣръ, по поводу собора на Фотія (869 г.) напечатано (въ XXIII-мъ томѣ) въ подлинникъ и переводѣ все житіе патріарха Игнатія, принадлежащее Никитѣ Пафлагонскому, и всѣ сколько-нибудь касающіяся дѣла письма папы Іоанна VIII. Такимъ образомъ луврское изданіе соборовъ, а затѣмъ и дальнѣйшія его переработки, Лабба, Гардуена и особенно Манси (*Mansi*), должны считаться въ числѣ важнѣйшихъ пособій для изученія средневѣковой исторіи вообще, и въ частности византійской. Еще первыя изданія королевской типографіи встрѣчены были всеобщимъ вездѣ одобреніемъ; Константинопольскій патріархъ еще ранѣе Іерусалимскаго призналъ ихъ важность и поздравилъ Де Нойе очень лестнымъ письмомъ.

Непосредственно за изданіемъ сборника соборовъ приступлено было къ печатанію византійскихъ историковъ. Здѣсь мы должны послѣ учрежденій, сдѣлавшихъ возможнымъ предпріятіе, ближе познакомиться съ лицами, которыя его двигали. Въ первомъ періодѣ главную роль играли три лица: Ф. Лаббъ, Гоаръ и Фабро.

Филиппъ Лаббъ (*Labbe, 1607—1667*) считался расположеннымъ къ нему современниками однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей Франціи и ставился на ряду съ Петавіемъ (*Petau*), съ которымъ онъ принадлежалъ къ одному и тому же ордену, то-есть, къ іезуитскому. Какъ и другіе его собратья, прославившіеся ученою дѣятельностью, Лаббъ сначала былъ преподавателемъ различныхъ наукъ — риторики, философіи и богословія — въ разныхъ орденскихъ коллегіяхъ (въ Буржѣ на родинѣ, послѣ въ Парижѣ), но затѣмъ получилъ позволеніе отдаться вполне своимъ ученымъ влеченіямъ и осуществленію обширныхъ, тоже ученыхъ проектовъ, которые его занимали. Первые труды Лабба относились къ древней географіи и французской археологіи; и впоследствии онъ обращался къ вопросамъ этого рода, вообще писалъ спе-

ціальныя изслѣдованія, составлялъ каталоги библіотекъ и рукописей; въ то же самое время онъ успѣлъ если не прославиться, то приобрести себѣ болѣе широкую извѣстность своею полемикою противъ Портъ-Рояля и въ частности противъ дидактическихъ пріемовъ преподаванія греческаго языка въ школахъ этой общины¹⁾. Такъ какъ просвѣщенные и образованные люди болѣе стояли, конечно, на сторонѣ Паскаля и его товарищей, то въ послѣдующихъ литературныхъ отзывахъ о дѣятельности Лабба встрѣчаются признаки нѣсколько ироническаго и недоброжелательнаго къ нему отношенія. Несомнѣнно, что Ф. Лаббъ отличался духомъ предприимчивости и почина; онъ не только самъ любилъ работать, но и другихъ побуждалъ работать, составляя разнаго рода компиляціи и сборники, пускалъ въ оборотъ чужія работы, переиздавалъ прежде изданное въ новомъ улучшенномъ видѣ. За это называли его плагиаторомъ и отчасти пиратомъ, прибавляя снисходительную оговорку, что такіе люди также нужны въ ученой республикѣ, какъ и на морѣ²⁾. Подобные отзывы уже потому нельзя считать вполне справедливыми, что Лаббъ никогда не выдавалъ чужаго за свое и не отнималъ насильно у ближнихъ ихъ достоянія. Во всякомъ случаѣ Лаббъ отличался необычайнымъ трудолюбіемъ и неутомимою дѣятельностью, о чемъ уже достаточно свидѣтельствуетъ безконечный списокъ обнародованныхъ имъ изданій (у Нисерона); несомнѣнно, что самъ онъ обладалъ громадною эрудиціей въ различныхъ областяхъ знанія; никакъ нельзя отрицать и большихъ его заслугъ исторической наукѣ. Изъ числа ученыхъ его предприятий здѣсь нужно упомянуть о многотомномъ изданіи Соборныхъ дѣяній³⁾, котораго онъ не успѣлъ докончить при своей жизни, впрочемъ, уже напечатавъ восемь первыхъ томовъ и двѣнадцатый; остальное было довершено собратомъ его по ордену Коссаромъ (Cossart). Изданіе это не было, конечно, самостоятельнымъ, а составлено по королевскому собранію, о кото-

¹⁾ *Saint-Beuve*, Histoire du Port-Royal, III, 438, 439.

²⁾ On a vu un grand nombre des ouvrages, je ne dirai pas tout-à-fait de lui, mais de toutes sortes de personnes sous son nom. Les autres enfantaient et lui comme parain nommoit l'enfant et lui donnoit un begain et des langes. Aussi, a-t-il-été accusé d'être un peu pirate, mais il faut de ces gens dans la république des lettres, aussi bien que sur mer. *Niceron*, Mémoires, XXV, 12. Cp. *Saint-Beuve*, l. c. Le père Labbe mettoit en circulation le bien des riches, et il était utile en ce sens là à la république des lettres. Иное о немъ сужденіе со стороны его собратьевъ: *Sotwel*, *Scriptores societatis Jesu*.

³⁾ *Concilia ad regiam editionem exacta cum duobus apparatusibus*. Paris. 1671—1672.

ромъ мы говорили выше; только нѣкоторыя дополненія и новыя примѣчанія принадлежатъ Лаббу. За то въ свою очередь коллекція Лабба послужила основаніемъ для подобныхъ же изданій Гардуена и Манси: послѣднее пользуется наибольшимъ уваженіемъ по своей полнотѣ ¹⁾. Въ 1648 году отъ имени Лабба появилось знаменитое воззваніе въ ученыхъ объ изданіи византійскихъ писателей, составляющее, можно сказать, эпоху въ исторіи интересующихъ насъ занятій. Объ этомъ документѣ рѣчь будетъ далѣе; теперь замѣтимъ только, что участіе самого Лабба въ грандіозномъ предпріятіи на дѣлѣ выразилось вовсе не столь обширными размѣрами, какъ предполагалось сначала. Все-таки его имя носитъ Лѣтопись Михаила Глики и *Notitia utriusque impregii*, вошедшія въ составъ Парижской коллекціи византійскихъ историковъ.

Жакъ Гоаръ (Goar, 1601—1653) не принадлежалъ къ ордену Иисуса, а былъ доминиканецъ, что не лишено значенія въ виду выше отмѣченнаго ученаго преобладанія іезуитовъ; въ молодости онъ преподавалъ философію и теологію въ учебныхъ заведеніяхъ своего ордена, особенно прилежно изучалъ греческій языкъ; эти занятія возбудили въ немъ желаніе посѣтить Востокъ, гдѣ онъ надѣялся найти много рукописей, доселѣ неизвѣстныхъ. Восемь лѣтъ Гоаръ прожилъ на островѣ Хіо, родинѣ Алляція, и былъ тамъ сдѣланъ настоятелемъ (аббатомъ) одного католическаго монастыря; не изданныхъ рукописей онъ отыскалъ гораздо менѣе, чѣмъ ожидалъ, хотя и есть извѣстія объ ихъ многочисленности ²⁾; за то онъ близко ознакомился съ новогреческимъ говоромъ, съ обрядами и практикою греческой православной церкви, съ народными повѣрьями и обычаями. Возвратившись черезъ Италію и городъ Римъ на родину (въ 1644 г.), Гоаръ сталъ готовить къ изданію свой извѣстный греческій Евхологionъ (молитвенникъ или требникъ), который и появился въ 1647 году ³⁾. Многія статьи въ этомъ изданіи имѣютъ прямой интересъ для историка, какъ, напримѣръ, молитвы при заключеніи названнаго братства или побратимства — обычай, нѣкогда распростра-

¹⁾ *Conciliarum amplissima collectio*. Florentiae, 1759. 31 vol. Недавно объявлено было о подпискѣ на новое изданіе.

²⁾ *Delisle*, Cabinet des manuscrits, II, 245.

³⁾ *Euchologium sive Rituale Graecorum*, complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum sacramentorum, consecrationum, benedictionum, funerum, orationum—juxta usum orientalis ecclesiae... Paris. 1647. Болѣе доступно венеціанское изданіе 1740 года.

ненный не только у славянъ, но и у грековъ; молитвы при вѣнчаніи на царство или же при возведеніи въ другой, не столь высокой санъ (куропалата, патриція) и т. д. Гоаръ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Алліаціемъ, а послѣ былъ въ сношеніяхъ съ Дюканжемъ; при помощи перваго онъ могъ воспользоваться для своего изданія манускриптами Ватиканской библіотеки. Какъ увидимъ ниже, Гоаръ былъ весьма усерднымъ сотрудникомъ при изданіи византійцевъ Парижской коллекціи. Послѣ смерти Гоара его мѣсто въ числѣ сотрудниковъ Византинны занялъ другой его собратъ по ордену, Комбефизъ (Combefis, François, 1605—1679). Комбефизъ уже двадцати лѣтъ поступилъ въ доминиканцы у себя на родинѣ, въ городѣ Бордо, гдѣ потомъ оставался около десяти лѣтъ преподавателемъ философіи и теологіи; въ 1640 году онъ переселился въ Парижъ и былъ проповѣдникомъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Будучи знатокомъ греческаго языка, онъ поставилъ своею задачею возстановленіе и обнародованіе подлиннаго текста греческихъ отцевъ церкви и посвятилъ этому дѣлу болѣе 50 лѣтъ; французское духовенство назначило ему ежегодную пенсію въ 1000 ливровъ именно въ виду такихъ его занятій. Комбефизу принадлежитъ большое количество изданій и переводовъ, относящихся преимущественно къ греческой патрологіи, но нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ матеріалъ, прямо интересующій историка. Въ 1644 году онъ издалъ въ подлинникѣ и переводѣ творенія Амфилохія, Мееодія и Андрея Критскаго. Въ 1648 году вышли его два новыхъ дополнительныхъ тома къ вышеупомянутой греко-латинской Парижской коллекціи отцевъ церкви, *Novum Auctarium*¹⁾; особенно важенъ для насъ второй томъ, названный историческимъ и догматическимъ; въ началѣ его находится исторія моноелитовъ и шестаго вселенскаго на нихъ собора съ разными сюда же относящимися документами, а затѣмъ не мало отдѣльныхъ статей, содержащихъ либо житія святыхъ, какъ Николая Студита и Луки Елладскаго, которыя здѣсь являлись въ первый разъ, либо сказанія объ иконахъ и чудесахъ, какъ исторія образа, называемаго Антифонитомъ, или образа въ источникѣ Великой церкви (*historia imaginis Salvatoris, quam ἀντιφονήτιον* dicunt, de imagine Salvatoris in puteo magnae ecclesiae), которыя даже и послѣ не были перепечатываемы. Подобнаго же содержанія и другое изданіе Комбефиза, носящее неудачно придуманное заглавіе: *Originum regumque Constantinopolitanorum ex variis*

¹⁾ *Graecolatinae Patrum bibliothecae novum Auctarium*, 1648. 2 vol. fol.

autorigibus manipulus, 1664 г. Кромѣ анонимнаго писателя о древностяхъ Константинополя (Patria), здѣсь заключались: сказаніе Константина Богрянороднаго объ Едесскомъ изображеніи Христа (о святомъ убрусѣ) и перенесеніи его въ Царьградъ, синодальное посланіе восточныхъ патриарховъ къ императору Теофилу о почитаніи иконъ, житіе св. Теодора начертаннаго (Gardi), патриарха Фотія описаніе церкви—новой базилики и т. под. Въ 1679 году вышло Новѣйшее дополненіе (Auctarium novissimum) къ библіотекѣ греческихъ отцевъ¹⁾—опять въ двухъ частяхъ, гдѣ слѣдуетъ отмѣтить Никиты Пафлагонскаго похвальныя рѣчи двѣнадцати апостоламъ, оглавленіе рѣчей Фотія, Сказаніе о Никитѣ патрицѣ (Narratio rei gestae Carthagine Niceta Patricio). Комбефизу принадлежитъ также полное изданіе твореній Василія Великаго. Объ его долѣ участія въ изданіи византійскихъ историковъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь же нужно назвать двухъ свѣтскихъ дѣятелей, не уступающихъ по своимъ заслугамъ для византійской исторіи, ни Гоару, ни кому другому,—мы разумѣемъ Гейнриха Вalezія и въ особенности Фабро²⁾.

Фабро (Charles Annibal Fabrot, 1580 — 1659) былъ сначала адвокатомъ при парламентѣ въ г. Э (Aix), гдѣ въ числѣ судей находился знаменитый Пейрескъ (Peiresc), усердный и счастливый собиратель, прозванный поставщикомъ ученой республики (le pourvoyeur de la république des lettres), обладатель богатой коллекціи манускриптовъ, надписей и медалей, своею обширною корреспонденціей поддерживавшій вкусъ къ классическимъ занятіямъ не только во Франціи но и внѣ ея границъ³⁾. Фабро вступилъ съ нимъ въ дружбу, и благодаря его влиянію, а также совѣтамъ другаго ученаго юриста и судьи, Дювера (Duvair, Duvarius), обратился къ ученымъ занятіямъ, переселился на нѣкоторое время въ Парижъ, потомъ сдѣлался профессоромъ права въ университетѣ Эсскомъ (Aix). Такъ какъ латинскіе источники римскаго права казались уже достаточно разработанными,

¹⁾ Bibliothecae graecorum Patrum Auctarium novissimum, gr. et lat. 1672. 2 vol. fol.

²⁾ О Фабро существуетъ спеціальное сочиненіе Жиро: Giraud, Notice sur la vie de C. A. Fabrot. Aix. 1834. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли отыскать его.

³⁾ Egger, L'hellénisme en France, II, 68. Корреспонденція Пейреска въ настоящее время издается, но такъ спорадически и въ столь различныхъ и мало доступныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, что трудно достать ее: Tamisey de Larroque, Les correspondants de Peiresc.

то Фабро обратился къ греческимъ, на которые уже ранѣе обращалъ вниманіе славный юристъ Кюяцій или собственно Кюжа (Cujas). Главную заслугу Фабро въ этой области составляетъ изданіе Василикъ, наиболѣе обширнаго законодательнаго памятника византійской эпохи, съ которымъ только отчасти познакомили ученыхъ вышеупомянутые труды Леунклавія, Лаббэ, въ особенности Герве (Heruet) и самого Кюяція ¹⁾. Изъ шестидесяти книгъ Василикъ были пока обнаружены девять, но и то въ латинскомъ переводѣ; ни одна не была издана въ греческомъ подлинникѣ. Кюжа, настоящій основатель историческаго и литературнаго изученія римскаго права, очень ясно сознавалъ всю настоятельность ближайшаго знакомства съ византійскими памятниками для критики и возстановленія правильнаго текста въ самомъ *Corpus juris* Юстиніана. Онъ всю жизнь заботился о разысканіи юридическихъ памятниковъ византійскаго происхожденія; большая часть рукописей, которыя впоследствии послужили къ печатному изданію Василикъ, принадлежали ему. Послѣ смерти Кюжа онѣ приобрѣтены были президентомъ парламента въ Тулузѣ, Дюфоромъ (Pierre du Faur de Saint-Jorru); изъ одного письма Пейреска, писаннаго въ 1614 г., видно, что уже ранѣе существовалъ проектъ изданія Василикъ на основаніи оныхъ: упомянутый выше нами іезуитъ Фронтон-ле-Дюкъ предложилъ обществу парижскихъ книгопродавцевъ напечатать этотъ памятникъ; но военныя смуты тогдашняго времени и распаденіе ассоціація помѣшали осуществленію плана; самъ Пейрескъ былъ озабоченъ дѣломъ, и къ нему обращались ученые юристы (Jacques Godefroi) съ самыми горячими пожеланіями и поощреніями. Фабро не было безызвѣстно желаніе его знаменитаго друга увидѣть возможно полное изданіе Василикъ, и когда онъ по смерти Пейреска (1637 г.) прибылъ въ Парижъ, то сейчасъ же выступилъ на сцену интересовавшій ученую республику важный вопросъ. Отъ канцлера Сегье Фабро получилъ прямое порученіе заняться изданіемъ византійскаго кодекса. Первымъ актомъ обширнаго литературнаго предпріятія было приобрѣтеніе рукописей Кюжа, остававшихся въ рукахъ наслѣдниковъ Дюфора, уже погибшаго. Издателю предоставлено было пользоваться станкомъ королевской типографіи, король назначилъ ему пенсію въ 2000 ливровъ на все время, пока будетъ продолжаться печатаніе. Вопреки завистливымъ и насмѣшливымъ замѣчаніямъ недоброжелателей, Фабро велъ

¹⁾ Βασιλικῶν tomī VII. C. A. Fabrotus latine vertit et graece edidit. Parisiis. 1647.

дѣло съ величайшею энергіею и быстротою, часто два станка работали разь. Дѣло потребовало все-таки шести лѣтъ неустанной работы, такъ какъ, кромѣ установленія текста по рукописямъ, находившимся въ королевской библиотекѣ, по обычаю прилагался латинскій переводъ; притомъ не для всѣхъ книгъ существовало готовое рукописное преданіе; нѣкоторыя приходилось возстановлять ученымъ путемъ при помощи Юстиніанова кодекса, Синописа и другихъ пособій. Наконецъ монументальное изданіе явилось въ свѣтъ съ посвященіемъ канцлеру Сегье въ семи томахъ in fol.; оно считается однимъ изъ великихъ литературныхъ событій XVII вѣка¹⁾; и до появленія, уже въ XIX вѣкѣ, новой обработки трудами нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ, братьевъ Геймбахъ (Heimbach), оно было единственнымъ и незамѣнимымъ²⁾. Энергія, съ которою Фабро довелъ до конца принятую на себя задачу, представляется тѣмъ болѣе удивительною, что одновременно съ тѣмъ онъ принималъ ревностное участіе въ трудахъ по изданію византийскихъ историковъ, съ которыми близко ознакомился при своихъ занятіяхъ византийскимъ правомъ. Какъ сейчасъ увидимъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ осуществленіи плана, возникшаго при королевской типографіи, можетъ быть, подъ непосредственнымъ личнымъ его вліяніемъ.

Изъ братьевъ, носившихъ имя Валуа или Вalezіевъ (Valois, Valesius). очень извѣстное въ исторіи филологіи, для насъ особенно важенъ Анри (Генрихъ) изъ благородной норманнской фамиліи (seigneur d'Orgé), ученикъ іезуитскихъ школъ, Петавія и Сирмонда; по своей профессіи тоже юристъ, какъ и Фабро, онъ прославился изданіемъ фрагментовъ древнихъ греческихъ историковъ со включеніемъ Іоанна Антиохійскаго (VI вѣка по Р. X.) по рукописи вышеупомянутаго Пейреска, заключавшей въ себѣ одинъ отдѣлъ сборника (Collectanea) Константина Багрянороднаго, именно пятидесятый пері *ἀρετῆς καὶ κακίας*. Изданіе извѣстно подъ именемъ *Excerpta Peiresciana* или *Valesiana*³⁾; всѣмъ занимающимся исторіею греческой литературы, всѣмъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ изданія Поливіа,

¹⁾ *Mortreuil*, Histoire du droit Byzantin, II, 241.

²⁾ *Heimbach*, Basilicorum libri LX. Leipzig. 1833—1850.

³⁾ А также *Liber Peirescianus*. Изданіе вышло подъ слѣдующимъ титуломъ, который ближе знакомитъ съ его содержаніемъ: Polybii, Diodori Siculi, Nicolai Damasceni, Dionysii Halicarn., Appiani Alexandr., Dionis et Ioannis Antiocheni excerpta ex collectaneis Constantini Aug. Porphyrogeniti. *Henr. Valesius* nunc primum graece edidit, latine vertit notisque illustravit. Paris. 1634.

Аппиана или Діона, хорошо извѣстно, какая значительная часть ихъ сочиненій дошла до насъ именно только этимъ путемъ извлеченій въ позднѣйшихъ компиляціяхъ. Объ ἐκλογαὶ περὶ προφαιδῶν мы сказали выше, говоря объ изданіи ихъ Гешелемъ, и напоминаемъ, что этотъ послѣдній отдѣлъ (двадцать-седьмой) Константинова сборника содержалъ только отчасти тѣ же имена, большею же частью совсѣмъ другія, чѣмъ *Excerpta Perthesiana*, и по содержанію своему гораздо ближе къ византійской исторіи, ибо заключалъ въ себѣ наиболѣе значительные отрывки историковъ времени переселенія народовъ, начиная Дексиппомъ и оканчивая Теофиластомъ Симокаттою. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Адрианомъ Генрихъ Валезій издалъ также найденные ими отрывки анонимнаго латинскаго историка отъ Діоблетіана до Теодориха Остготскаго по рукописи, затѣмъ потерянной совершенно изъ виду и только въ послѣднее время вновь отысканной въ Англии. Это есть такъ называемый *Anonymus Valesii*, часто издаваемый при сочиненіи Амміана Марцеллина ¹⁾. Въ области византійской литературы Г. Валезій особенно памятенъ превосходнымъ для своего времени изданіемъ церковныхъ историковъ—Евсевія и его продолжателей: Сократа, Созомена и Теодорита, Филосторгія, а также Евагрія Схоластикка, который довелъ разказъ до восшествія на престолъ императора Маврікія (582—602 гг.) и уже имѣлъ случай говорить о первыхъ славянскихъ движеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Валезій трудился надъ этимъ изданіемъ по порученію французскаго духовенства, отъ котораго ему была назначена ради того пенсія. Греческій текстъ изданія сопровождался не только латинскимъ переводомъ, но и обширными, полными учености примѣчаніями. При помощи внимательнаго изученія рукописей и сдѣланныхъ для него другими учеными сличеній Валезій исправилъ множество неправильно прочтенныхъ и темныхъ мѣстъ въ изданіи Етьенна. Текстъ Валезія съ небольшими дополненіями перепечатывается и въ новѣйшихъ изданіяхъ церковныхъ греческихъ писателей, напримѣръ, въ Патрологіи аббата Мина. Для Евсевія, конечно, можно теперь обращаться къ новѣйшему его изданію, Гейнинхеномъ ²⁾; но и здѣсь оказывается, что

¹⁾ Фрагменты именуются также *Excerpta Valesiana*. Последнее и лучшее изданіе при Амміанѣ Марцеллинѣ Гардтгаузена: *Ammiani Marcellini, Libri qui supersunt. Recens. Gardthausen. Lipsiae, 1875. Vol. alterum.*

²⁾ *Eusebii Pamphylī Historiāe ecclesiasticae libri X. Recensuit Heinichen, Lipsiae 1868.* См. въ предисловіи оцѣнку изданія Валезіева. *Vita Constantini et Panegyricus. Denuo edidit Heinichen. Lipsiae. 1869.*

многое такое, чего не было сдѣлано Валезіемъ, остается не сдѣланнымъ и по настоящее время. Разумѣемъ сличеніе кодекса Евсевія Московской синодальной библіотеки, которымъ только отчасти пользовались для церковной исторіи и совсѣмъ не пользовались для житія Константина, а между тѣмъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, именно для этой части московскій списокъ могъ бы оказать неоцѣненныя услуги. Указывается здѣсь московскій кодексъ № LI (по каталогу Маттеи), относимый у Маттеи къ XI или XII вѣку, на самомъ дѣлѣ скорѣе принадлежащій XII вѣку, но при позднемъ происхожденіи и всѣхъ другихъ списковъ, содержащихъ житіе Константина, не теряющій отъ того своего достоинства ¹⁾.

Упомянемъ здѣсь же еще о двухъ сотрудникахъ Лабба и Фабро, Измаилъ Буллио и Петръ Пуссинъ. Измаилъ Буллио (Boulliau, 1605—1694), астрономъ и математикъ, обладавшій филологическимъ образованіемъ, былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ кружка (кабинета) президента де-Ту, много путешествовалъ, между прочимъ въ качествѣ агента короля Польскаго Яна-Казимира, къ которому, вѣроятно, черезъ жену его родомъ французенку, Марію Гонзага, онъ былъ въ какихъ-то отношеніяхъ; онъ оставилъ большое количество сочиненій по астрономіи и математикѣ древнихъ, а также издавалъ ихъ сочиненія; онъ одинъ изъ первыхъ познакомился также съ наблюденіями арабскихъ астрономовъ. Участіе его въ изданіи византійскихъ историковъ выразилось тѣмъ, что онъ приготовилъ къ печати одного до тѣхъ поръ совсѣмъ неизвѣстнаго, но важнаго писателя времени разрушенія Византійской имперіи. Пуссинъ (Pousines, по латыни Possinus, 1609—1686), родомъ изъ южной Франціи, пятнадцати лѣтъ вступилъ въ іезуитскій орденъ, и такъ какъ обнаружилъ хорошія способности къ ученымъ занятіямъ, то былъ отправленъ въ Парижъ къ Петавію для дальнѣйшаго образованія; возвратившись на родину въ Тулузу (въ 1642 г.), онъ преподавалъ риторику и объяснялъ Священное Писаніе въ іезуитской коллегіи; послѣ вызванъ былъ въ Римъ, чтобы продолжать исторію ордена, не доконченную Sacchini, и затѣмъ назначенъ былъ на кафедру Священнаго Писанія въ римской (іезуитской) коллегіи. Знаніе греческаго языка,

¹⁾ Codex Magarinaeus, писанный въ X вѣкѣ, содержитъ въ себѣ только церковную исторію, а Codex Regius (Парижской національной библіотеки № 1437), по которому главнымъ образомъ издавалось житіе Константина, принадлежитъ XIII столѣтію; другіе еще моложе.

принесенное имъ изъ Франціи, было причиною того, что его выбрали давать уроки Орсини и аббату Албани, будущему папѣ Клименту XI. Къ концу своей жизни воротился въ Тулузу, гдѣ продолжалъ работать, не смотря на упадокъ силъ; предъ смертію онъ сжегъ свою обширную корреспонденцію, которую онъ велъ нѣкогда съ учеными многихъ странъ. Къ первому періоду его дѣятельности относятся переводы съ греческаго нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій Никиты, писемъ св. Нила, слова императора Льва Мудраго въ похвалу Николаю Мирликійскому, одного произведенія Теофилакта Болгарскаго (*Institutio regia*). Главную заслугу Пуссина составляютъ, однако, изданія исторій Анны Комнины, Никифора Врѣеннія и Пахимера, о чемъ будетъ сказано ниже. Сверхъ того, онъ участвовалъ въ изданіи *Acta Sanctorum* Болландистовъ, именно за мѣсяць февраль.

Въ ученomъ кружкѣ, который группировался около королевской типографіи, въ которому принадлежали братья Дюкии, Лаббъ, Фабро, Гоаръ и Валуа, и который былъ въ сношеніяхъ съ Голстеномъ и Алляціемъ въ Римѣ, созрѣла мысль о полномъ собраніи всѣхъ источниковъ византійской исторіи. Въ 1645 году изъ королевской типографіи вышло изданіе сочиненія императора Іоанна Кантакузина въ греческомъ подлинникѣ ¹⁾, тогда какъ до сихъ поръ это произведеніе, представляющее апологію продолжительной государственной дѣятельности автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшій источникъ для исторіи греко-славянскихъ отношеній съ первой половиной XIV вѣка (отъ 1320 по 1357 г.), было извѣстно только въ латинскомъ переводѣ Понтана съ примѣчаніями Гретсера (см. выше). Основой изданія послужила рукопись, принадлежавшая канцлеру Сегье. Въ предисловіи говорилось, что хотя Кантакузинъ, писатель въ высшей степени интересный, и былъ доступенъ для всѣхъ образованныхъ людей въ латинскомъ переводѣ Понтана, но все-таки многимъ казалось ненатуральнымъ читать греческаго писателя не на греческомъ

¹⁾ *Ioannis Cantacuzeni historiarum libri VI (gr. lat.), ex interpretatione Pontani cum ejusdem ac Jac. Gretseri annotationibus. 3 vol. in fol.* Заглавія отдѣльныхъ томовъ Парижской коллекціи мы приводимъ здѣсь и далѣе большею частію по каталогу, напечатанному въ книгѣ *Бернара* (*Histoire de l'imprimerie du Louvre*), который въ свою очередь заимствовалъ оныя изъ старыхъ каталоговъ типографій. Оговориться объ этомъ слѣдовало потому, что эти заглавія иногда нѣсколько отступаютъ отъ тѣхъ, которые стоятъ на выпускныхъ листахъ изданія, и бываютъ то слишкомъ длинны, то коротки, а притомъ неодинаковы на первомъ и второмъ листахъ.

языкъ; поэтому сановный мужъ D. de Noyers, завѣдующій королевскими зданіями и королевскою типографіей, а также искусствами, нашелъ нужнымъ, чтобъ исторія Кантакузина была обнародована на обоихъ языкахъ. Имя издателя, приготовившаго текстъ къ печатанію, не было обозначено ни въ заглавіи, ни въ предисловіи, но по замѣчанію позднѣйшаго филолога, занимавшагося сочиненіемъ Кантакузина (именно Шопена, редактора боннскаго изданія этого автора), ясно было, что издатель былъ человѣкъ ученый и знающій; это показывали прибавленныя на поляхъ замѣчанія, въ коихъ объясняются трудныя для пониманія мѣста, которыя обличаютъ глубокое знакомство съ самымъ содержаніемъ комментируемаго текста, и вообще съ предметомъ изложенія, и въ коихъ дѣлаются большею частью весьма счастливыя попытки для исправленія испорченныхъ мѣстъ рукописи. Мы думаемъ, что въ данный періодъ времени такимъ человѣкомъ могъ быть только Фабро.

Затѣмъ, въ 1647 году, послѣдовало изданіе хроники Георгія Кедрина съ сохраненіемъ перевода и примѣчаній Ксиландра (Голцманна), но съ восполненіемъ обширныхъ пропусковъ въ подлинномъ текстѣ, и съ устраненіемъ многихъ неисправностей ¹⁾. Сверхъ того, въ предисловіи, хотя и не совсѣмъ правильно, но по возможности разъяснено было взаимное отношеніе между хроникою Кедрина и сочиненіемъ Скилиція, и часть исторіи послѣдняго въ первый разъ была издана съ именемъ ея автора; латинскій переводъ Габія въ соотвѣтствующей его части былъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ. Къ этому изданію Гоаръ прибавилъ свои примѣчанія, поставивъ ихъ рядомъ съ комментаріями Ксиландра; мы уже мимоходомъ замѣтили, что эти новыя примѣчанія свидѣтельствуютъ о громадномъ прогрессѣ въ пониманіи средневѣковаго греческаго языка и византійской терминологіи. Сверхъ того, Фабро присоединилъ отъ себя объяснительный словарь затруднительныхъ словъ и реченій (*Glossarium sive interpretatio obscurorum verborum Cedreni*), а къ этому разряду причислены здѣсь, какъ техническія выраженія, относящіяся къ политическому и церковному византійскому быту, такъ и реченія обыденныя, по значенію или формѣ отличающіяся отъ классическаго словоупотребленія;

¹⁾ *Georgii Cedreni historiarum ab orbe condito ad Isaacum Comnenum, a Guili. Xylandri interpretatione cum ejusdem et Iacobi Goar annotationibus, necnon Caroli Annibalis Fabroti glossario Cedrenano; accessit Ioannis Scylitzae curopalatae historia (gr. lat.), excipiens ubi Cedrenus desinit ad Nicephorum Botoniatem, cum ejusdem notis. 1647, in Fol. 2 vol.*

напримѣръ, ἄλογοι лошади и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи словарь, конечно, неполонъ, то-есть, не всѣ своеобразныя выраженія у Кедрина въ немъ исчерпаны. Изданіе было посвящено кардиналу Юлію Мазарини, въ немъ прославлялись заслуги его для возвышенія могущества и славы Франціи, и между прочимъ въ концѣ говорилось объ его великолѣпной библіотекѣ; подъ этимъ посвященіемъ подписался К. А. Фабро.

Далѣе въ томъ же 1647 году появилось и новое изданіе Никиты Хоніата подъ редакціею все того же неутомимаго Фабро и опять посвященное Мазарини ¹⁾; за основаніе, конечно, приняты были текстъ и переводъ Иеронима Вольфа, но прибавлены были разночтенія по вновь открытымъ спискамъ (по вѣнскому), присоединена была хронологія Никиты, то-есть, таблица годовъ, подъ которыми размѣщены по порядку событія, описываемыя въ сочиненіи: нужно замѣтить, что она теперь оказывается весьма несостоятельною ²⁾; прибавленъ составленный Фабро словарь греко-варварскихъ реченій, встречающихся въ исторіи Никиты, къ которымъ отнесены опять самыя обычныя и ходячія греко-византійскія выраженія (ρόγα, πορφυρογένητος и т. п.); впрочемъ, есть ссылки на аугсбургскій (теперь мюнхенскій) кодексъ Никиты, codex barbarus, гдѣ въ изобиліи встрѣчаются особенныя слова, приближенныя къ тогдашнему разговорному и народному греческому языку. По мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, именно въ такомъ видѣ продвигана или была набросана первоначально исторія Никиты (ἀποσχεδιαστί), а затѣмъ уже она получила приличную литературную оболочку. Въ концѣ тома помѣщенъ улучшенный указатель собственныхъ именъ и содержанія.

Въ началѣ 1649 года было перепечатано королевскою типографіею сочиненіе Теофилакта Симокатты безъ всякихъ перемѣнъ противъ изданія Понтана и выпущено новое изданіе Бревіарія патріарха Никифора, въ которомъ Петавій сдѣлалъ нѣкоторыя дальнѣйшія улучшенія въ текстѣ вслѣдствіе болѣе внимательнаго изученія все

¹⁾ Nicetae Acominati Choniatae historiae, ab imperio Ioannis Comneni, Alexii filio, ad Henricum, Balduini fratrem (gr. lat.), interprete Hieron. Wolfio ex recensione et cum notis ac glossario Car. Ann. Fabroti.

²⁾ Хронологическая путаница господствуетъ уже въ самомъ произведеніи Никиты и чтобы замѣтить ее нужно было бы специальное изученіе при помощи многихъ постороннихъ источниковъ. Причина путаницы отчасти объяснена въ моей рецензіи на книгу *Θ. Η. Успенскаго*: Образование втораго Болгарскаго царства (*Жур. Мин. Нар. Пр.* июль, 1879 г.).

того же доставленного Сирмондомъ манускрипта¹⁾. Оба сочиненія вышли въ одномъ томѣ.

Дѣло шло какъ бы по извѣстному опредѣленному плану, который, впрочемъ, хотя отчасти былъ уже заявленъ. Еще при изданіи Кантакузина въ предисловіи было сказано, что если читатели отнесутся благосклонно къ этой опыту, то подъ руководствомъ вышеназваннаго сановнаго мужа (De Nouers) и подъ покровительствомъ короля въ скоромъ времени королевскою типографіей будутъ обнародованы всѣ писатели византійской исторіи, какъ напечатанные, такъ и остающіеся въ рукописяхъ, что очень многіе признаютъ полезнымъ. При выходѣ Кедрина было обѣщано появленіе хроники Теофана, которая до сихъ поръ не видала свѣта, а между тѣмъ имѣла первостепенное значеніе для эпохи иконоборства, когда жилъ авторъ, а также и для предыдущаго времени, такъ какъ, продолжая Синкелла, онъ начиналъ изложеніе со времени Діоклетіана. Изъ переписки одного изъ братьевъ Дюлюи съ Голстеномъ видно, что изданіе Теофана, а равно и Георгія Синкелла предполагалось поручить племяннику Голстена Ламбеку (Ламбецію), нѣмецкому начинающему ученому, находившемуся тогда въ Парижѣ; изъ Рима ожидали рукописи, которую долженъ былъ прислать кардиналъ Варберини. Сообщивъ потомъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ Василия Фабро—письмо было писано въ сентябрѣ 1646 года, корреспондентъ Голстена продолжалъ: „предпринимаютъ также при королевской типографіи изданіе корпуса греческихъ историковъ Восточной имперіи²⁾. Вы могли бы видѣть Кантакузина въ трехъ небольшихъ томахъ in fol. по гречески и по латыни. Вы знаете, что греческій текстъ еще не былъ напечатанъ. Въ настоящее время работаютъ надъ Кедриномъ, но хотятъ только повторить прежнее изданіе, не заботясь объ исправленіи перевода, который въ томъ нуждался бы“. Во всемъ этомъ обращаетъ на себя вниманіе способъ выраженія, избирающій безличныя мѣстоименія и лишающій насъ возможности сказать, кому именно принадлежалъ починъ и первая мысль предпріятія³⁾. На первомъ планѣ

¹⁾ Theophylacti Simocatae historiarum libri VIII ex versione et cum notis Sac. Pontani. 1647. S. Nicephori patriarch Constantinopolitani Breviarium historicum ex versione et cum notis Petavii.

²⁾ On entreprend aussi à la Typographie Royale un corps des historiens grecs de l'empire d'Orient... *Pélessier*, Les amis d'Holstenius: Mélanges d'archéologie et d'histoire d'école Française de Rome. Mars 1887. pag. 98.

³⁾ Въ свою очередь Голстенъ пишетъ (Іюль 1647) къ Гейнзю: *Moluntur*

стоитъ королевская типографія и ея начальство. Что касается предположеній объ участіи Ламбека, то въ такомъ видѣ, какъ писалъ Дюпюа, они не оправдались.

Въ 1648 г. сначала отдѣльно, а потомъ при изданіи новаго тома византійцевъ, напечатано и обнаружено было написанное Лаббомъ воззваніе ко всѣмъ любителямъ византійской исторіи, гдѣ заявляется уже, что византійская исторія составляетъ предметъ общаго вниманія ученыхъ, и что книги, къ ней относящіяся, усердно требуются и жадно вездѣ разыскиваются, и притомъ большею частью тщетно, потому что вездѣ почти полки библіотекъ, назначенныя для этого отдѣла, пусты. Большая часть византійскихъ историковъ остается въ рукописяхъ, покрытыхъ пылью и паутиною, а тѣ, которые обнаружены, обнаружены либо только по латыни, либо только по гречески, а если которые по латыни и по гречески, то появились въ разнообразной формѣ, напечатаны различными шрифтами, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, такъ что весьма трудно даже при большихъ издержкахъ собрать ихъ вмѣстѣ. По этой причинѣ и многимъ другимъ рѣшено издать королевскимъ шрифтомъ (*typis regis*) въ одинаковомъ форматѣ всѣхъ византійскихъ историковъ, какіе гдѣ-либо отыщутся— въ библіотекахъ Ватиканской, королевской (Парижской), Барберинской, Мазариніевой и т. д., и т. д. Для всеобщаго свѣдѣнія при этомъ объявленіи прилагался и проспектъ изданія, то-есть, списокъ авторовъ-византійцевъ съ указаніемъ, какіе уже изданы (Кантакузинъ, Кедричъ Никита), какіе печатаются (Симокатта, Никифоръ), какіе предположены къ изданію и съ указаніемъ именъ ученыхъ, кому это поручено и кто за это взялся. Ученые всѣхъ странъ усердно приглашались къ содѣйствію, къ разысканію по библіотекамъ, музеямъ, по всѣмъ угламъ, всего относящагося къ византійской исторіи, съ тѣмъ, чтобы сообщать отысканное главному директору Луврской типографіи, Крамуази (*Cramoisy*): въ вознагражденіе обѣщается признательность и вѣчная память въ потомствѣ ¹⁾).

Томъ, къ которому приложено было это воззваніе, *Protrepticon*, вышелъ тоже въ 1648 году и заключалъ въ себѣ Выборку о посольствахъ, составленную при Константинѣ Багрянородномъ, иначе *Excerpta legationum*, уже разъ изданныя Гешелемъ и теперь переве-

magnum et absolutissimum historiae Byzantinae corpus et subsidia undique conquirunt... Ibid. pag. 108.

¹⁾ *Philippi Labbaei de Byzantinae historiae scriptoribus publicam in lucem e typographia regia Luparaea emittendis ad omnes eruditos protrepticon. 1648 in fol.*

денныя на латинскій языкъ Кантокларомъ (Cantoclarus); но при этомъ были прибавлены примѣчанія Геяриха Валезія, да сверхъ того, соединены экскерпты изъ Симокатты, до тѣхъ поръ не входившіе въ собраніе. Вторую часть тома подъ заглавіемъ *Eslogae historicoeum* составляли взятія изъ бібліотеки Фотія оглавленія такихъ историческихъ византійскихъ писателей, которые до насъ не дошли въ цѣлости, именно Олимпіодора, Кандида, Теофана Византійскаго; затѣмъ Гезихій Милетскій о древностяхъ константинопольскихъ по изданію Меурсія и извлеченіе изъ лексикона Свида (IX вѣка) статей, касающихся византійской исторіи; наконецъ, примѣчанія Меурсія къ Гезихію и Филиппа Лабба къ Олимпіодору, Кандиду, Теофану и Свидѣ, обличающія значительную начитанность въ источникахъ и не безполезныя. Слѣдуетъ замѣтить, что посвященіе кардиналу Мазарини, въ формѣ письма къ нему (*epistola*), опять подписано Аннибаломъ Фабро. А что касается воззванія, то въ немъ обѣщано было Лаббомъ еще многое, долженствовавшее появиться при ближайшихъ томахъ коллекціи, чего, однако, пришлось ожидать довольно долго, потому, вѣроятно, что оказалось дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ казалось сначала. Именно обѣщаны были: 1) Хроника новаго Рима—нѣчто въ родѣ регестъ или краткой погодной лѣтописи византійскихъ событій; 2) Синтагма или каталогъ писателей по византійской исторіи съ краткимъ указаніемъ времени, когда жилъ каждый и его трудовъ; 3) Топографія Константинополя, и 4) лексиконъ византійскій. Только второй пунктъ оказался болѣе осуществимымъ и уже при первомъ томѣ, вышедшемъ послѣ воззванія, то-есть, при *Excerpta legationum* приложены были подъ названіемъ „*Apparatus byzantinae historiae*“, списки Византійскихъ императоровъ, патриарховъ, а затѣмъ и писателей въ самой краткой формѣ и въ началѣ тома. Тѣмъ не менѣе, нужно считать весьма замѣчательнымъ заявленіе о необходимости лексикона и топографіи, хотя мы и не знаемъ, чтобы великій ученый, впоследствии осуществившій идею, взялся за свой трудъ подъ чужимъ вліяніемъ.

Дальнѣйшій ходъ дѣла точно также не вполне соответствовалъ заявленной программѣ; вмѣсто однихъ предполагаемыхъ редакторовъ нѣкоторые авторы переданы были другимъ; перемѣны иногда были къ лучшему, и даже такъ было въ большей части случаевъ; особенно когда на сцену появились дѣятели, далеко превосходившіе Лабба, которому первоначально выпала слишкомъ большая доля въ распредѣленіи труда, и даже способные затмить Фабро и Гоара. Прибавимъ еще, что съ самаго начала инициатива, взятая на себя Лаб-

бомъ, не всѣмъ близкимъ къ дѣлу лицамъ одинаково нравилась, отчасти изъ нѣкотораго, можетъ быть, соревнованія къ іезуитамъ болѣе галликански настроенныхъ лицъ. Извѣстный намъ корреспондентъ Голстена находилъ, что предпріятію недостаетъ компетентнаго руководителя и что недавно проявившійся іезуитъ Лаббъ едва ли обладаетъ для того достаточными силами¹⁾.

Мы не будемъ отдѣльно излагать программы, возвѣщенной въ Воззваніи, а воспользуемся ею для сравненія съ дѣйствительнымъ исполненіемъ, которое постараемся представить въ краткихъ чертахъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Къ 1648 году, сверхъ всего прочаго, относится еще изданіе Кодина „О должностяхъ великой церкви и двора Константинопольскаго“ съ примѣчаніями и приложеніями, которыя уже были у Гретсера, а также съ присоединеніемъ разныхъ не изданныхъ каталоговъ церковныхъ и придворныхъ должностей, заимствованныхъ изъ рукописей Королевской и Мазариніевой бібліотеки, съ придачею списковъ епархій, приписываемыхъ Льву Мудрому и Андронику Палеологу²⁾. Это не была простая перепечатка прежняго изданія; трудъ Гоара, который согласно съ предположеннымъ планомъ завѣдывалъ редакціею Кодина, былъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и даже любовью къ дѣлу. Хотя за основаніе былъ принятъ текстъ Гретсера, но онъ былъ сличенъ и по мѣстамъ исправленъ по двумъ спискамъ Парижской королевской бібліотеки; точно также пересмотрѣнъ былъ и латинскій переводъ, который вовсе не былъ безошибоченъ и безупреченъ; обширныя примѣчанія Гретсера были оставлены неприкосновенно, но на ряду съ ними Гоаръ нашелъ необходимымъ помѣстить еще болѣе пространныя собственныя толкованія. Дѣло въ томъ, что хотя Гретсеръ и обличалъ съ большою рѣзкостью своего голландскаго пред-

¹⁾ Ce qui nous manque ici, c'est un bon conducteur de l'ouvrage, tant pour le texte grec que pour la version latine — — — et je ne sçay si le P. Labbe, jésuite qui s'est produit depuis peu, a les espauls asses fortes pour cela. Письмо Дююю къ Голстену отъ 13-го марта 1648 г. (Mélanges et cet. pag. 114). Дююю предпочиталъ бы видѣть во главѣ дѣла Фабро, но онъ слишкомъ обремененъ другими работами и т. д.

²⁾ Georgius Codinus Curopalata, de officiis magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae, ex interpretatione Jac. Gretseri, cum ejusdem commentariis in Codinum et syntagmate de imaginibus manu non factis, deque aliis a S. Luca pictis; item notitiae episcopatum graecorum a Leone Sapiente ad Andropicum Palaeologum et tituli honoris quibus proceres tum ecclesiastici, tum palatini celebrantur in orientali imperio. 1648.

шественника (Юнія) въ непониманіи и незнаніи, но и самъ надѣлалъ много промаховъ въ толкованіи византійскихъ терминовъ и словъ новогреческаго образованія. Гоару при этомъ крайне полезнымъ оказалось его знакомство съ живымъ новогреческимъ языкомъ, съ настоящею практикой и обрядностью восточной православной церкви, съ богослужебными книгами грековъ и т. д. Онъ извиняетъ своего предшественника, челоѣка почтеннаго и благочестиваго, тѣмъ, что во время Гретсера весь этотъ словарь новшествующей Греціи еще не былъ принесенъ на западъ, *voces illae neotericae Graeciae pondum in occiduas partes essent allatae*, и что онъ принужденъ былъ руководствоваться лексикономъ Меурсія, который часто самъ ошибался и вводилъ такимъ образомъ въ искушеніе, увлекалъ за собою въ яму другаго. Гоаромъ весьма много сдѣлано для объясненія писателя, который былъ труднымъ и темнымъ не вслѣдствіе какой-либо своей древности, а именно вслѣдствіе новизны своей, для воскрешенія обрядовъ, нравовъ, обычаевъ, одеждъ, погребенныхъ подъ недавними развалинами, а еще болѣе подъ необычнымъ и недоступнымъ для непосвященныхъ языкомъ описанія. Томъ, посвященный Козину, нужно считать однимъ изъ лучшихъ парижскаго собранія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ, не исключая боннскаго, ничего новаго въ сдѣланному Гоаромъ не прибавлено.

Въ 1649 году вышло въ свѣтъ изданіе церковной исторіи или Трехчленной хронографіи Анастасія Библіотекаря ¹⁾, сочиненія на латинскомъ языкѣ, представляющаго извлеченіе изъ трехъ византійскихъ хроникъ — Синкелла, патріарха Никифора и Теофана. Особенное значеніе этотъ трудъ, совершенный авторомъ послѣ его поѣздки въ Константинополь въ 869 году, приблизительно около 874 года, представлялъ, конечно, для запада, гдѣ его компиліяція имѣла въ средніе вѣка самое обширное распространеніе; но вслѣдствіе того, что она составлена едва черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ появленія подлинной хроники Теофана, котораго передаетъ почти въ цѣлости и въ буквальномъ переводѣ, она могла служить нѣкоторую замѣной подлинника этой послѣдней хроники, а для новѣйшихъ ученыхъ — средствомъ для точнѣйшаго возстановленія греческаго оригинала, извѣстнаго намъ по спискамъ гораздо болѣе позднимъ. Парижское

¹⁾ Anastasii bibliothecarii historia ecclesiastica, sive chronographia tripertita, ex Georgio Syncello, Nicephoro et Theophane excerpta, recensita et notis ac glossariis mixto-barbaris illustrata, a Car. Annib. Fabroto. 1649.

изданіе, повторявшееся въ другихъ собраніяхъ, было въ сущности единственнымъ до послѣдняго времени. Оно было сдѣлано Фабро, который располагалъ для этого двумя французскими рукописями, довольно поздними, однимъ ватиканскимъ спискомъ, съ котораго копія приготовлена была Лукою Голстеномъ и прислана изъ Рима; но и этотъ списокъ относился къ XV столѣтію. Хотя Лука Голстенъ и сдѣлалъ далѣе сличеніе ватиканской копіи своей съ манускриптомъ Монтекассинскаго монастыря, безъ того послужившимъ въ качествѣ оригинала для римскаго, но это мало помогло дѣлу, потому, вопервыхъ, что и Монтекассинскій списокъ не передаетъ подлиннаго текста Анастасія вслѣдствіе произвольныхъ безчисленныхъ большихъ и малыхъ измѣненій позднѣйшей руки, а вовторыхъ, потому, что сличеніе сдѣлано было, по видимому, весьма поверхностно, по крайней мѣрѣ слѣды его въ печатномъ изданіи Фабро совершенно ничтожны. Упреки, которые высказаны противъ парижскаго изданія Анастасія новѣйшимъ издателемъ Теофана (де-Вооромъ), должны падать нѣкоторымъ образомъ на Голстена, и во всякомъ случаѣ, если взять въ расчетъ тогдашнія условія и уровень критическихъ требованій, не отнимаютъ цѣнности труда, совершеннаго Фабро; прибавленный къ тому словарь темныхъ словъ еще оную увеличиваетъ.

Хроника Дуки заключаетъ въ себѣ по обычаю краткій обзоръ событій отъ сотворенія міра, затѣмъ начинается свой болѣе подробный разказъ отъ смерти Андроника Палеолога Младшаго въ 1341 году и доводитъ оный до завоеванія турками Митилены (Лезбоса, 1462 г.); такимъ образомъ она какъ бы составляетъ продолженіе къ исторіи Кантакузина. Еще дѣдъ автора выселился изъ Константинополя въ Малую Азію, его отецъ состоялъ на службѣ богатаго и могущественнаго владѣтельнаго дома Гаттилузи на островѣ Лезбосѣ, основаннаго затемъ (по сестрѣ) императора Іоанна V Палеолога, генуэзцемъ Франческо Гаттилузіо (съ 1354). Самъ авторъ, во время своего пребыванія при дворѣ Гаттилузи, еще ранѣе паденія Константинополя признавшихъ турецкое верховенство, нѣсколько разъ былъ отправляемъ въ послахъ къ Магомету II, котораго, слѣдовательно, зналъ лично, а при своемъ образованіи и большомъ умѣ онъ лучше, чѣмъ другіе его соотечественники, Халкокондила и Франдзи, могъ бы понимать причины паденія своего отечества и послѣдней катастрофы, если бы не былъ отчасти ослѣпленъ своими семейными и личными сочувствіями и антипатіями, склонявшими его на сторону франковъ и уни. Его

интересное и важное сочинение, дотоле совершенно неизвѣстное и дошедшее до насъ въ единственномъ спискѣ Парижской библиотекѣ, издано было, согласно съ заявленіемъ предварительной программы (grórtgerfison), Измаиломъ Буллио, который прибавилъ еще краткую анонимную греческую хронику отъ 1089 по 1523 годъ, впоследствии цитованную Дюканжемъ въ его словарь подъ названіемъ греко-венеціанской ¹⁾. Такъ какъ она писана совершенно варварскимъ, то-есть, ново-греческимъ языкомъ, законы котораго не совсѣмъ были понятны издателю, то при установленіи текста легко могли быть допущены многія неправильности и ошибки: послѣ на это обращали вниманіе ученые филологи. Отчасти тѣ же трудности и опасности представляла рукопись и относительно Дуки, и не вездѣ можно было съ ними справиться безъ спеціального филологическаго изученія народной греческой рѣчи ²⁾.

Къ 1650 году относится изданіе Халкокондилы подъ редакціею Фабро ³⁾. Основаніемъ служилъ греческій текстъ Баумбаха (женевское изданіе 1615 г.), съ нѣкоторыми исправленіями и вариантами изъ двухъ парижскихъ списковъ королевской библиотекѣ; латинскій переводъ взятъ тоже прежній (Клаузера, 1556), но прибавленъ словарь къ Дуки и Халкокондилѣ, составленный по обычному способу Фабро; кромѣ того, здѣсь же присоединены лѣтописи Османскихъ султановъ отъ 1289 по 1550 годъ, переведенныя съ турецкаго на нѣмецкій и изданныя вмѣстѣ съ подлинникомъ Іоанномъ Шпигелемъ (Gaudier dictus Spiegel) во Франкфуртѣ, а послѣ переведенныя на латинскій Леунклавіемъ, который и продолжилъ ихъ по 1588 годъ и т. п. Изданіе въ сущности является перепечаткою прежнихъ, о которыхъ рѣчь была выше.

Въ 1651 году было выпущено уже упомянутое нами изданіе Георгія Акрополиты Аляціемъ; къ основному тексту присоединена была краткая и малозначущая хронографія Іоуля (по 1204 г.) и повѣсть Іоанна Банана, о войнѣ Константинопольской 1422 года съ султаномъ Амуратомъ II, когда Цареграду уже угрожала конечная гибель, предотвращенная однимъ чудомъ. При комментарий сохранены

¹⁾ Ducac, Michaelis Ducae nepotis, historia Byzantina; accessit chronicon breve aliquot gestorum Graecorum, Venetorum et Turcorum, ex interpretatione et cum notis *Ismaelis Bullialdi*. 1649.

²⁾ *Mylach*, Collectaneorum byzantinorum libri duo (Berolini, 1852), 3—14.

³⁾ Laonici Chalcocondyli historiae Turcorum libri X, ex interpretatione Conradi Cluseri, cum annalibus sultanorum ex interpretatione Ioann. Leunclavii; accessit *Cur. Annib. Fabroti* index et Chalcondylae glossarium, 1650.

примѣчанія Дузы, перваго издателя Акрополиты, и приложена диатриба Алляція о Георгіяхъ ¹⁾.

Къ тому же году относится появленіе Алексіады, то-есть, исторіи императора Алексѣя Комнина (1081—1118), сочиненной его дочерью Анною ²⁾. Въ новомъ изданіи этого памятника византійской письменности, одного изъ наиболѣе въ ней интересныхъ, давно ощущалась потребность, потому что текстъ, изданный Гешелемъ, какъ это скоро замѣчено было учеными, содержалъ въ себѣ не болѣе какъ только извлеченіе изъ подлиннаго произведенія. Для приготовленія его къ печати (см. Protrepticon) избранъ былъ іезуитъ Пуссинъ, проживавшій тогда въ Тулузѣ, и этотъ выборъ не только не былъ удаченъ, какъ показали послѣдствія, но и представлялъ въ себѣ нѣчто загадочное и странное. Дѣло въ томъ, что Алексіадою занимались ранѣе гораздо болѣе выдающіеся тогда филологи. Еще въ 1636 году Голстенъ извѣщалъ Пейреска изъ Рима, что, по его совѣту, кардиналъ Барберини велѣлъ сдѣлать копію съ ватиканскаго списка Алексіады. Черезъ десять лѣтъ, когда въ Парижѣ созрѣла мысль о полномъ собраніи византійцевъ, уже отсюда писали въ Римъ Голстену, что его рукописная исторія Анны Комнины будетъ очень кстати, дабы войти въ сборникъ, тѣмъ болѣе, что во Франціи не имѣли ея полнаго списка ³⁾. Однако, самъ Голстенъ, по видимому, не хотѣлъ взяться за это дѣло. Алексіаду собирался издавать Яковъ Гроновъ, извѣстный тогда голландскій филологъ, посѣтившій въ 1641 году Римъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Голстеномъ; отъ него онъ получилъ возможность имѣть свою копію барберинскаго или, что то же, ватиканскаго текста Анны; затѣмъ этотъ неполный и неисправный текстъ онъ сличилъ съ медицейскимъ флорентійскимъ, наиболѣе исправнымъ и древнимъ, впрочемъ, не очень тщательно: этотъ его экземпляръ сохранился въ Лейденской бібліотекѣ. Но это же самое сличеніе, имѣя болѣе свободного времени, съ бѣльшимъ досугомъ произвелъ и Голстенъ въ своемъ экземплярѣ, который онъ и предложилъ Гронову въ посо-

¹⁾ Georgii Acropolitae historia Bysantina; Ioelis chronographia compendiaris et Ioannis Canani narratio de bello Constantinopolitano, ex interpretatione Leonis Allatii, cum ejusdem notis et Theodori Douzae observationibus; accessit ejusdem Allatii diatriba de Georgiorum scriptis. I, 651, Paris.

²⁾ Annae Comnenae Alexias, sive de rebus ab Alexio Comneno vel ejus tempore gestis, ex interpretatione Petri Possini, cum ejusdem notis et praefationibus, annotationibusque Davidis Hoeschellii.

³⁾ Pélassier, Les amis d' Holstenius l. c. pag. 103.

біе при предполагаемомъ изданіи. Пока Гроновъ ожидалъ посылки, она, по его словамъ, какъ-то очутилась въ Парижѣ. Какъ теперь разъясняется, первоначальное намѣреніе, по видимому, дѣйствительно, было такое, чтобы поручить изданіе Анны для Парижской коллекціи Гронову; Голстена извѣщали (въ апрѣлѣ 1647 г.) изъ Парижа (письмо Дююи), что вотъ Гроновъ предлагаетъ прислать сюда свой экземпляръ Анны (*s'offre de bailler son exemplaire de l'Alexias d'Anna Comnena*), но прежде желаетъ ознакомиться съ корректурами, вами (Голстеномъ) сдѣланными на вашемъ экземплярѣ. Значитъ, хотѣли имѣть текстъ Гронова, но тотъ по добросовѣстности ждалъ помощи Голстена. Съ своей стороны, Голстенъ, посылая на имя Дююи свою посылку, предполагалъ, что она будетъ передана Гронову. Но она была передана не ему, а Пуссину, и когда объ этомъ узналъ Голстенъ, то онъ былъ очень недоволенъ, а Гроновъ тѣмъ болѣе. Въ 1648 году Голстенъ писалъ къ одному постороннему ученому въ Голландіи (Гейнзію), что онъ не повѣрилъ бы никакимъ извѣстіямъ о своей Алексіадѣ, еслибы ихъ не подтвердило присланное воззваніе (*Protgeerticon*) изъ королевской типографіи ¹⁾; въ немъ, какъ упомянуто, при Алексіадѣ Анны стояло имя Пуссина. Съ своей стороны, Пуссинъ въ предисловіи къ своему изданію Алексіады, и въ посвященіи его канцлеру Сегье сообщаетъ инныя данныя. Онъ ранѣе зналъ о существованіи очень хорошаго списка Алексіады, принадлежавшаго нѣкогда Куяцію (Кюжъ), и еще прежде, чѣмъ на него возложено было порученіе приготовить къ изданію Алексіаду, то есть, самое главное, сдѣлать ея латинскій переводъ, онъ употреблялъ много стараній, чтобы добраться до этого манускрипта, но не смотря на содѣйствіе ученаго Тулузскаго архіепископа (*Charles de Montschal*), всѣ поиски оказались тщетными. Однако, они были извѣстны канцлеру Сегье, и потому, какъ скоро онъ пришелъ къ сознанію необходимости включить Алексіаду въ византійское собраніе, онъ обратился къ Пуссину, но съ другой стороны, зная о тщетѣ его прежнихъ усилій, принялъ свои мѣры. „Ты обращаешься въ Италію“, — съ паеосомъ восклицаетъ Пуссинъ въ посвященіи, — „хлопочешь въ Римѣ, привлекаешь оттуда кодексъ Барберинской бібліотеки, хотя не самый лучший и не совсѣмъ полный, но достаточно удовлетворительный для того, чтобы несовсѣмъ тупой и сколько-ни-

¹⁾ Все это заимствовано нами изъ обнародованной у Пелиссье переписки Дююи съ Голстеномъ.

будь опытный переводчик могъ утѣшиться въ недостатокѣ лучшаго и съ нѣкоторою увѣренностью взяться за дѣло⁴. Въ предисловіи къ читателямъ сообщается, что этотъ списокъ, который Сегье досталъ изъ Рима чрезъ посредство письменныхъ сношеній и чрезъ извѣстныхъ лицъ, былъ произведеніемъ трудовъ Голстена, и что Голстенъ сличилъ текстъ римскаго кодекса съ болѣе древнимъ пергаментнымъ флорентійскимъ спискомъ, — „который я“, мимоходомъ замѣчаетъ Пуссинъ, — „нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ лично видѣлъ въ Медицейской библиотекѣ во Флоренціи“. Недоставало въ сообщенной Пуссину копіи очень немногаго, такъ какъ ватиканскій и флорентійскій списки не имѣли вполне развѣ только вступленія Анны въ свое повѣствованіе, которое было совсѣмъ утрачено, да самаго окончанія книги, гдѣ вслѣдствіе порчи листовъ не все можно было разобрать; недостающее въ началѣ Пуссинъ съ полнымъ правомъ могъ пополнить по сокращенной редакціи, изданной Гешелемъ. Приведенная нами, не во всѣхъ своихъ подробностяхъ понятная, исторія подготовительныхъ мѣръ въ изданію Анны, кажется достаточно объясняетъ, почему оно вышло столь неудовлетворительнымъ. Издатель или редакторъ самъ лично не изучалъ текста по рукописямъ и едва ли могъ составить себѣ ясное представленіе о взаимномъ отношеніи и обоюдномъ достоинствѣ тѣхъ двухъ редакцій, какія слиты были вмѣстѣ въ доставленной ему копіи. Основаніемъ всего послужилъ ватиканскій списокъ, который уже тогда считался неудовлетворительнымъ по сравненію съ флорентійскимъ; послѣдній, признанный наиболѣе древнимъ и цѣннымъ, былъ только привлеченъ для полученія вариантовъ и поправокъ, но не извѣстно, по какой системѣ и въ какой степени. Впрочемъ, самъ Пуссинъ ради своего извиненія указывалъ на слабыя стороны своего дѣла. „Въ моихъ рукахъ былъ одинъ только кодексъ“, говоритъ онъ, — „торопливо и безъ разбора составленный и сшитый изъ двухъ попорченныхъ, и онъ изобиловалъ иногда непонятными и сомнительными, иногда явно ошибочными выраженіями“¹). Считая опаснымъ пускаться въ произвольныя исправленія и догадки, Пуссинъ рѣшился оставить греческій текстъ неприкосновеннымъ, какъ онъ былъ, не трогая даже очевидныхъ погрѣшностей, но за то обратить все свое вниманіе на латин-

⁴) Codex qui ad manum erat unicus tumultuarie, ut dixi, ex duobus mutilis congestus consutusque passim incertae, palamque interim mendosae lectionis vobis scatebat.

скій переводъ. Объ этомъ латинскомъ переводѣ нужно сказать, что, занимаясь имъ, Пуссинъ опять-таки думалъ, кажется, болѣе объ изяществѣ своего латинскаго стиля, чѣмъ о близости къ подлиннику; иногда онъ принимаетъ видъ отдаленнаго и совсѣмъ неточнаго перифраза. Наконецъ, Пуссинъ утѣшалъ себя и другихъ тѣмъ, что пониманію Анны много помогутъ словарь и примѣчанія, коими должно было сопровождаться изданіе. Словарь, дѣйствительно, былъ приложенъ къ вышедшему тому и былъ крайне плохъ и недостаточенъ, а примѣчанія были отложены до будущаго времени и должныствовали появиться въ отдѣльномъ томѣ, вмѣстѣ съ приложеніями, въ числѣ коихъ названа была жизнь Анны по древнимъ источникамъ и Панегирикъ императору Алексію, сказанный Теофилактомъ въ его присутствіи, и т. д. ¹⁾ Пуссину въ послѣдствіи посчастливилось отыскать тотъ самый списокъ Алексіады, котораго онъ такъ усердно и такъ тщетно искалъ въ Тулузѣ, и по его словамъ, находка принесла ему большую пользу, такъ какъ давала возможность дополнить всѣ пробѣлы и представила множество болѣе исправныхъ и надежныхъ чтеній отдѣльныхъ словъ: до двухъ тысячъ отмѣтилъ ихъ Пуссинъ въ своемъ печатномъ экземплярѣ Анны и хотѣлъ обнародовать все въ томъ же дополнительномъ томѣ. Но этотъ томъ никогда не появлялся. Что касается примѣчаній къ Аннѣ, то они были написаны нѣсколько позже другимъ болѣе къ тому подготовленнымъ ученымъ.

Изданная вслѣдъ за Алексіадою Анны, переведенная на латинскій языкъ съ арабскаго, Восточная хроника была посвящена Авраамомъ Екхеленскимъ канцлеру Сегье, такъ какъ самая рукопись, съ которой сдѣланъ переводъ, принесена была съ Востока благодаря стараніямъ канцлера, и такъ какъ переводчикъ былъ многимъ обязанъ щедрости этого сановника ²⁾. Онъ родился среди маронитовъ горы Ливана въ мѣстечкѣ Екхель, отъ коего и получилъ свое прозваніе; былъ преподавателемъ сирійскаго и арабскаго языковъ — сначала въ римской коллегіи de propaganda fide, затѣмъ былъ вызванъ (1640) въ Парижъ для участія въ изданіи многоязычной библии (*Biblia polyglotta*), предпринятомъ по мысли кардинала Дю-Перрона Мишелемъ Ле-же (*Le Jay*. — Въ краткомъ предисловіи къ изданію объяснено, что авторъ

¹⁾ Рѣчь Теофилакта была напечатана сто лѣтъ послѣ въ четырехтомномъ венеціанскомъ изданіи всѣхъ трудовъ Болгарскаго архіепископа доминиканцемъ Финтти (1751—1752) и перепечатана Мишелемъ въ Патрологіи т. 126.

²⁾ *Chronicon orientale, nunc primum latinitate donatum ab Abrahamo Echele ni S;ro maronita e Libano. Parisius. 1651.*

хроники не извѣстенъ по имени, но что его нужно считать за копта; впоследствии, при новомъ (венеціанскомъ) изданіи онъ уже былъ названъ Ибн-ар-Рахебомъ. Что касается до содержанія хроники, то она заключаетъ въ себѣ списки ветхозавѣтныхъ патріарховъ отъ Адама до Моисея, списки судей и царей Израильскихъ до плѣненія вавилонскаго, царей Халдейскихъ, Персидскихъ, Греческихъ, Маккавейскихъ и дома Иродова, далѣе хронику Римскихъ императоровъ до 11-го года Ираклія, потомъ статьи о происхожденіи магометанства, о халифахъ, царствовавшихъ въ Аравіи, Египтѣ и Багдадѣ (Вавилонѣ) по 655 годъ гиджры (=1257), наконецъ, списокъ коптскихъ (монофизитскихъ) патріарховъ въ Александріи, начиная отъ Марка Евангелиста до Аванасія въ половинѣ XIII вѣка (1251—1262). Въ своей первой части она имѣетъ близкое родство съ хроникой мелхитскаго (православнаго) патріарха Евтихія (=Саида-Ибн-уль-Ватрика), жившаго въ X вѣкѣ (+940). Переводчикъ присоединилъ отъ себя нѣсколько добавочныхъ статей, составленныхъ на основаніи арабскихъ источниковъ и касающихся исторіи до-магометанской Аравіи, вѣрованій и ученыхъ воззрѣній послѣдующихъ арабовъ и т. п. Обѣщанныя въ хроникѣ примѣчанія не появлялись на свѣтъ. Отчасти это было исполнено другимъ маронитомъ, Ассемани, для венеціанскаго изданія византійцевъ.

Къ тому же 1651 году относится появленіе двухъ какъ бы дополнительныхъ изданій небольшого объема и въ другомъ форматѣ, но включаемыхъ въ каталоги византійской французской коллекціи: это, во первыхъ, наставленіе своему царскому питомцу Константину Дукѣ, сыну императора Михаила Дуки (1071—1077) извѣстнаго болгарскаго архіепископа Теофилакта⁴⁾, и во вторыхъ, списокъ военныхъ и другихъ чиновъ Римской имперіи съ указаніемъ размѣщенія военныхъ разнаго рода отрядовъ по различнымъ провинціямъ, относящійся по своему происхожденію къ первой половинѣ V вѣка²⁾. Издателемъ перваго сочиненія былъ Пуссинъ, а втораго—Филиппъ Лаббъ,

¹⁾ S. Patris nostri Theophylacti, Bulgariae archiepiscopi, institutio regia ad Porphyrogenitum Constantinum, interprete *Petro Possino*

²⁾ Notitia dignitatum imperii romani ex nova recensione *Philippi Labbasi* Bitturici... cum pluribus aliis opusculis, indicibus et notis. Новѣйшія изданія этого документа, чрезвычайно важнаго для изученія имперской администраціи, принадлежатъ Бѣкквигу и Зеену. Notitia dignitatum—commentariis indicibusque illustravit *Ed. Boecking*. Bonn. 1839—1853. — Notitia dignitatum—accedit notitia urbis Constantinop. et laterculi provinciarum ed. *O. Seock*. Berlin, 1876.

присоединившій къ нему нѣсколько приложеній, не имѣющихъ для насъ важнаго значенія.

Въ ряду трудовъ, посвященныхъ обнаруженію памятниковъ византійской исторіи, первостепенное значеніе принадлежало изданію трехъ дотолѣ неизданныхъ или только отчасти изданныхъ произведеній, находящихся въ связи между собою и потому въ самыхъ оригинальныхъ рукописяхъ иногда слѣдовавшихъ одно за другимъ: разумѣются хроники Георгія Синкелла, Теофана Исповѣдника и Льва Грамматика, въ совокупности излагающія исторію отъ начала міра до половины X столѣтія.

Изборникъ хронографіи, составленный Георгіемъ Синкеломъ¹⁾, то-есть буквально, сокелейникомъ патріарха Тарасія, извѣстнаго по своей дѣятельности на вселенскомъ соборѣ 787 года, доходитъ только до времени Діоклетіана, такъ какъ смерть помѣшала автору продолжать свой трудъ далѣе. Такимъ образомъ, эта хронографія хотя и писана византійцемъ, но не касается собственно византійскаго времени; для древней исторіи она важна особенно тѣмъ, что сохранила драгоцѣннѣйшія извлеченія изъ древнѣйшихъ утраченныхъ трудовъ Манеона (для Египта), Африкана и Евсевія, изъ перваго едва ли заимствованныя непосредственно. Знаменитый Скалигеръ, напечатавшій значительную часть Синкелла въ своей Сокровищницѣ временъ (*Thesaurus temporum*), полагалъ, что все это прямо можетъ служить къ возстановленію утраченнаго подлинника (первой части) хроники Евсевія, но, какъ теперь (послѣ открытія армянскаго перевода обѣихъ частей хроники Евсевія) сдѣлалось очевидно, Скалигеръ ошибался въ своемъ предположеніи объ исключительной зависимости Синкелла отъ Евсевія²⁾. Адацій разсуждалъ о Синкеллѣ въ своей діатрибѣ о Георгіяхъ и показалъ, что иные изъ ученыхъ (*Possevinus, Vossius*) напрасно смѣшивали этого писателя съ другимъ Георгіемъ, съ тѣмъ, которому потомъ было усвоено имя Амартола. Мысль о цѣльномъ изданіи Синкелла, и что для насъ особенно важно, вмѣстѣ съ его продолженіемъ, касающимся византійской эпохи, существовала гораздо ранѣе, чѣмъ королевская типографія въ Парижѣ заявила о

¹⁾ *Georgii Syncelli chronographia, ab Adamo usque ad Diocletianum, et Nisephorii, patriarchae Constantinopolitani, breviarium chronographicum et cet. ex interpretatione et cum notis Iacobi Goar. 1652.* По гречески трудъ Синкелла называется *Εκλογὴ χρονογραφίας*.

²⁾ См. обо всемъ этомъ подробнѣе у *Шене (Schoene)* при новѣйшемъ изданіи хроники Евсевія.

планъ общаго изданія византійцевъ. Объ этомъ шла рѣчь съ 1628 года въ перепискѣ Голстена, только что переселившагося въ Римъ изъ Парижа, сначала съ Перейскомъ, потомъ съ Дююи ¹⁾. Во Франціи переводомъ Синкелла на латинскій языкъ занимался одинъ изъ ученыхъ членовъ французской магистратуры, какихъ тогда было не мало, Готенъ (Hautin, Haultinus, Altinus), совѣтникъ судебной палаты (conseiller au Chatelet), умершій въ 1640 году. Въ проспектѣ при воззваніи (Protrepticon) Лабба этотъ самый переводъ, пересмотрѣнный сыномъ умершаго, уже имѣлся въ виду. Самый греческій текстъ Лаббъ предполагалъ напечатать по рукописи Парижской королевской бібліотеки, сообщенной братьями Дююи, при помощи сличенія ея съ другими манускриптами бібліотеки Мазариніевой, а также съ тою копіей Ва-

¹⁾ Считаемо не излишнимъ привести хотя въ примѣчаніи нѣкоторые, сюда относящіеся свѣдѣнія, находящіеся у *Пелиссе*, *Les amis d'Holstenius*, l. c. Въ 1628 году Голстенъ писалъ Пейреску, что по приказанію кардинала Варберини списаны были съ ватиканскихъ хартій хроника Георгія монаха и его продолжатель Θεοφάνης, а также латинскій переводъ того и другаго сочиненія, принадлежащій Анастасію Библиотечарю: *Tum alia Theophanis continuatio jussu Leonis cognomento sapientis imperatoris Constantinopolitani confecta, quae res orientis sedulo narrat ad Leonis tempora. Operae pretium foret omnia ista junctim prodire in lucem.* Потомъ еще разъ Голстенъ писалъ, что весьма полезно было бы издать Синкелла и Θεοφάνη вмѣстѣ съ продолжателями, но что онъ въ Римѣ не видитъ къ тому средствъ (*sed adminicula ad rem nulla video*). Въ томъ же 1628 г. Голстенъ писалъ снова Пейреску о томъ же дѣлѣ и уже предлагалъ нѣкотораго рода соединеніе и раздѣленіе труда между Парижемъ и Римомъ. Онъ совѣтовалъ кардиналу, пусть тотъ поощритъ Готена, чтобъ онъ сдѣлалъ со своимъ изданіемъ (Синкелла? въ латинскомъ переводѣ?); и пусть либо самъ Готенъ, либо Пейрескъ сообщитъ о планѣ изданія въ Римѣ, кардиналу Варберини и попроситъ у него содѣйствія, а еще лучше попроситъ того, чтобъ одна часть столь обширнаго предпріятія была исполнена въ Римѣ, а исполненію другой въ Парижѣ оказано было содѣйствіе. *Monueram ill. cardinalem ut clarissimum et amplissimum D. Altinum potius ad maturandam editionem cohortaretur. Vellem itaque vel ipsum Altinum vel te (Пейреска, очевидно) illius nomine ill-mo cardinali exponere consilium editionis jampridem ab eo susceptum ac rogare ut si quid adjuventi ex Vaticanis codd. accedere possit ad tam praeclarum studium suggerere dignetur, aut id saltem petere ut tam magni operis partem aliquam à suis hic concinnari curaret Georgium Syncellum et duos continuatores Theophanis, in ipsius Theophanis editione et Georgii sive monachi sive abbatis Altinum adjuvaret.* Ita enim partitis operis editio citius absolveretur et laus integra ad ill-mum principem tamquam ἐρωδιόχτην rediret. Въ Римѣ сталъ работать надъ переводомъ Θεοφάνη Бушаръ (о чемъ ниже), уже въ 1634 году, и этотъ переводъ вмѣстѣ съ барберинскими списками Синкелла и Θεοφάνη, сдѣланными Дормалиемъ (Dormalius) былъ посланъ въ Парижъ въ 1646 году.

тиканскаго кодекса, которая прислана была изъ Рима кардиналомъ Барберини чрезъ посредство Голстена. Сверхъ того, предполагались комментаріи хронологическаго содержанія знаменитаго Петавія и сличеніе напечатаннаго текста съ какими-то двумя манускриптами (помимо вышеозначенныхъ), что Лаббъ предоставлялъ себѣ самому. На самомъ дѣлѣ всѣ труды по изданію Синкелла достались на долю Гоара, о привлеченіи котораго къ этой задачѣ идетъ рѣчь уже въ письмѣ Дюкюи къ Барберини 1646 года ¹⁾. Въ предисловіи къ изданію Гоаръ сообщаетъ, что онъ взялся за латинскій переводъ Синкелла по приглашенію тѣхъ, кого нельзя было послушаться, то-есть, какъ видно изъ связи, по порученію кардинала Барберини; о переводѣ Готена прямо не упомянуто, а только замѣчено вообще, что надъ нимъ, то-есть переводомъ, трудились уже многіе — французы, итальянцы и нѣмцы. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что переводъ принадлежитъ самому Гоару. Для греческаго подлиннаго текста послужилъ преимущественно кодексъ Парижской королевской бібліотеки, драгоцѣнный тѣмъ, что, кромѣ Синкелла, онъ заключаетъ въ себѣ еще хронику Теофана и сверхъ того продолженіе послѣдней Льва Грамматика, которое ни въ какой другой рукописи, кромѣ этой, и не существуетъ. Теперь этотъ знаменитый пергаментный кодексъ значится подъ № 1711; какъ видно изъ греческой надписи на первомъ листѣ, онъ былъ купленъ какимъ-то Іоанномъ, сыномъ Авраама, въ Коринѣ въ 1507 году за четыре золотыя монеты, а послѣ принадлежалъ королю Генриху IV; самый текстъ писанъ не позднѣе конца XI столѣтія, хотя прежде относили его къ XIII ²⁾; почеркъ дурной, некрасивый, неправильный, выходящій то вверхъ, то внизъ строки, съ весьма частыми сокращеніями или аббревіатурами, что даже необычно для столь древнихъ списковъ; вообще чтеніе его

¹⁾ *Pélessier*, Les amis d'Holstenius, II, l. c., pag. 124: письмо отъ 22-го ноября означеннаго года. Получивъ изъ Рима посылку, въ которой оказался между прочимъ списокъ Синкелла, принадлежавшій Пейреску, Дюкюи пишетъ: „я пригласилъ Крамуази, и онъ обѣщаетъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ. J'ai jetté les yeux pour conduire cet ouvrage sur un religieux dominicain le P. *Goard*, que V. E. a veu dans Paris. Il a mesme copié en partie le Theophane, il me semble comme il m'a parlé de ces livres qu'il est capable d'entreprendre à travailler“.

²⁾ Въ каталогѣ Парижской бібліотеки она означена XIII вѣкомъ, но это сдѣлано на основаніи первыхъ листовъ, содержащихъ Breviarium Никлеора и писанныхъ другою рукою, чѣмъ основной текстъ. Къ XI вѣку относятъ рукопись de Boor, въ изслѣдованіи о рукописяхъ Теофана, во второмъ томѣ изданія хроники сего послѣдняго.

представляется крайне труднымъ даже для новѣйшихъ ученыхъ, которые обыкновенно подготовляются къ своему дѣлу теоретическимъ и практическимъ изученіемъ палеографіи, имѣютъ у себя въ распоряженіи отличныя для этой цѣли пособія, какихъ во время Гоара совсѣмъ еще не существовало. Поэтому мы думаемъ, что новые ученые, слишкомъ уже рѣзко отзывающіеся о недостаткахъ изданій Гоара, сдѣланныхъ по означенному манускрипту, не совсѣмъ справедливы. Гоаръ заявлялъ въ предисловіи, что онъ хочетъ напечатать основную рукопись буквально какъ есть, оставляя въ текстѣ небольшіе явные пробѣлы (*lacunas*) и несомнѣнно ошибочныя чтенія; поправки онъ дѣлалъ на поляхъ, а затѣмъ въ концѣ отдѣльно (въ *Emendationes* и *Adnotationes*). Но его несчастье заключалось въ томъ, что онъ иногда дѣлалъ поправки только къ своимъ собственнымъ ошибкамъ, къ ошибкамъ, происшедшимъ отъ неправильнаго чтенія правильно, но неразборчиво написанныхъ словъ. Другіе списки Синкелла, какъ это было довольно обычно въ парижскихъ изданіяхъ византійцевъ, были привлечены только послѣ отпечатанія текста для подведенія вариантовъ. *Fratres Puteani*, то-есть, братья Дююи сообщили Гоару или даже подарили списокъ, принадлежавшій нѣкогда Пейреску (*D-po Perez*), и этимъ самымъ почти-де устранили необходимость всякихъ дальнѣйшихъ розысковъ, ибо надпись показываетъ, что онъ былъ сличенъ съ палатинско-ватиканскимъ спискомъ самимъ его первоначальнымъ обладателемъ. Впрочемъ, часть хронографіи, начиная съ осады Иерусалима Титомъ до Діоклетіана, была еще сличена со спискомъ ватиканскаго кодекса № 154, доставленнымъ кардиналомъ Барберини. Главнымъ же образомъ сличенія дѣлаются уже съ печатнымъ изданіемъ Скалигера и направляются въ обличеніе этого знаменитаго филолога; есть какъ бы статистика всего, заимствованнаго Скалигеромъ изъ Синкелла, есть затѣмъ указаніе текстовъ Синкелла: а) испорченныхъ, б) изувѣченныхъ, в) измѣненныхъ или опущенныхъ Скалигеромъ. Затѣмъ уже слѣдуютъ исправленія и примѣчанія — очень обширныя и, конечно, весьма поучительныя: объясненія дѣлаются на основаніи изученія всѣхъ другихъ, тогда извѣстныхъ, сродныхъ источниковъ; поправки текста сообщаются здѣсь по преимуществу такія, которыя требуютъ разъясненій и доказательствъ. Предварительныя и разнаго рода реальныя объясненія, сверхъ того, находятся въ предисловіи и въ хронологическомъ канонѣ. Предисловіе, конечно, стоитъ въ началѣ, тотчасъ за посвященіемъ канцлеру Сегье. Здѣсь говорится о предшественникахъ Синкелла — хронографѣхъ Африканѣ

и Евсевій, о значеніи слова синкеллъ, при чемъ доказывается, что въ древности званіе келейника патріарха было весьма почетнымъ и вело къ достиженію высшихъ духовныхъ должностей, говорится о самой хронографіи и ея авторѣ, уже отличаеомъ отъ Амартола, объ источникахъ ея, при чемъ Гоаръ подробно опровергаетъ взглядъ Скалигера, что все почти, чтò было въ хроникѣ Евсевія, перешло къ Синкеллу, а напротивъ доказываетъ, что у Синкелла были и другіе источники; наконецъ, идетъ разсужденіе о томъ, въ полномъ ли видѣ дошло до насъ сочиненіе Синкелла, и говорится о рукописяхъ. Сапоп *chronicus*, хронологическая таблица родоначальниковъ, царей, вождей и императоровъ, составлена Гоаромъ на основаніи Синкелла съ указаніемъ, гдѣ его хронологія правильна, гдѣ требуетъ исправленія. Въ боннскомъ изданіи все это было перепечатано безъ измѣненія; только относительно текста сдѣланы были разныя улучшения и привлеченъ къ дѣлу новый кодексъ Парижской бібліотеки № 1764, указанный Бредовымъ. Тѣмъ не менѣе о самомъ Гоарѣ новый издатель сказалъ только, что это былъ яростный порицатель Скалигера, человекъ посредственной учености, лишенный всякой способности къ критикѣ. Впрочемъ, при этомъ имѣется въ виду только чисто филологическая часть труда, а не то, чтò сдѣлано Гоаромъ для реального комментарія. О Бревіаріѣ Никифора, изданномъ вмѣстѣ съ Синкелломъ, замѣтимъ только, что онъ былъ напечатанъ по тому же кодексу 1711, но въ немъ онъ писанъ, какъ сказано, болѣе поздною рукой, чѣмъ остальной текстъ, и является въ рецензій не первоначальной, но уже испорченной и не чуждой позднѣйшихъ вставокъ.

По завѣту умирающаго Георгія и согласно съ обѣтомъ, даннымъ предъ его смертнымъ одромъ, Синкелла продолжалъ Теофанъ, игумень монастыря Сигрианскаго, защитникъ иконопочитанія, получившій названіе исповѣдника вслѣдствіе преслѣдованій, которымъ онъ подвергся при Львѣ Армянинѣ, продержавшемъ его два года въ тѣсномъ и тяжеломъ темничномъ заключеніи. Теофанъ довелъ свою хронографію отъ Діоклетіана (или 284 года) до восшествія на престолъ Льва Армянина (813 г.) ¹⁾. Сочиненіе его пользовалось величайшимъ уваженіемъ у современниковъ, ближайшихъ потомковъ и позднѣйшихъ византійцевъ; къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ продолженій, состав-

¹⁾ S. Theophanis chronographia, a Constantino Magno ad Michaelis et Theophili tempora et Leonis Grammatici vitae recentiorum imperatorum, ex interpretatione Jacobi Goar cum ejusdem et Franc. Combesis notis. 1655.

ленныхъ при Константинѣ Багрянородномъ и позднѣе; намъ уже извѣстно, что, съ одной стороны, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего появленія оно было переведено на латинскій языкъ Анастасіемъ, и что съ другой даже въ концѣ XI столѣтія Скилицій началъ свою компилятивную хронику тамъ, гдѣ кончается разказъ Теофана. Что касается изданія хроники Теофана, то выше (въ примѣчаніи) было упомянуто о Бушарѣ, домашнемъ клиентѣ кардинала Варберини, занимавшемся ею по порученію своего патрона. „Кардиналь желаетъ“, писалъ Бушаръ еще въ 1634 году ⁴⁾,—чтобъ я напечаталъ послѣдовательно исторію отъ начала міра до взятія Константинополя, какъ она изложена греческими христіанскими авторами Ватиканской бібліотеки, и я долженъ начать Теофаномъ, который написалъ исторію отъ Діоклетіана до императоровъ Михаила и Теофила“ (читай: Теофилакта, разумѣя при этомъ сына Михаила Рагави). Не совсѣмъ ясно, въ чемъ заключался первоначальный планъ довольно широко задуманнаго предпріятія; сомнительно, чтобы дѣло шло объ изданіи самыхъ греческихъ подлинниковъ, имѣлось въ виду скорѣе приготовленіе однихъ латинскихъ переводовъ. По крайней мѣрѣ самъ Бушаръ ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только переложилъ на латинскій языкъ доставленный ему въ копіи съ Ватиканскаго списка текстъ хроники Теофана, и если затѣмъ хлопоталъ о полученіи другихъ списковъ, то опять-таки съ цѣлью облегчить себѣ трудъ и достигнуть болѣе точнаго перевода. Онъ уже зналъ, что существуетъ въ Парижской королевской бібліотекѣ очень древняя пергаментная рукопись, содержащая вмѣстѣ съ Синкелломъ и Теофана съ его продолжателемъ, и что часть этого чрезвычайно труднаго для чтенія манускрипта, заключающая именно Теофана, была списана Готеномъ трудившимся, какъ мы знаемъ, и надъ Синкелломъ. Бушаръ обращался къ Готену съ просьбой о сообщеніи ему списка, но получилъ отказъ. Тогда чрезъ посредство Пейреска и Дююи онъ просилъ о томъ же самомъ знаменитаго филолога Сомэза (Saumaise, Salmasius), который точно также сдѣлалъ или велѣлъ сдѣлать для себя копію съ королевской рукописи; но и на этотъ разъ желаніе Бушара не вдругъ и не вполне было удовлетворено; Сомэзъ такъ дорожилъ своимъ спискомъ, что не хотѣлъ разстаться съ нимъ и подвергать его случайностямъ дальнейшей пересылки. Для Бушара была приготовлена другая копія, и Сомэзъ взялъ

⁴⁾ *Pélessier* l. c. pag. 102, изъ корреспонденціи Пейреска, изданной Tamizey de Larrocque.

на себя трудъ провѣрить ея исправность. Каковъ затѣмъ вышелъ переводъ Бушара и къ чему онъ послужилъ, — видно будетъ ниже.

Ф. Лаббъ въ своемъ воззваніи (Protgeritson) обѣщаль напечатать греческій, до тѣхъ поръ неизданный, текстъ Теофана, сообщенный ему братьями Дюкии (Puteani fratres), представляющій воспроизведеніе королевскаго парижскаго списка, сличенное потомъ Голстеномъ въ Римѣ съ ватиканскою рукописью, послужившею основаніемъ для перевода Бушара. Здѣсь идетъ рѣчь, по видимому, о томъ самомъ спискѣ, который былъ провѣряемъ Сомезомъ, и о которомъ переписывался съ Голстеномъ Дюкии.

„Что касается до греческаго экземпляра Теофана и его продолжателя Льва Армянина (sic), который вы^а, пишетъ Дюкии Голстену въ апрѣлѣ 1647 года—„обѣщаете намъ прислать, чтобы послужить намѣренію, какое здѣсь имѣютъ, отдать въ печать эти два произведенія, то я скажу вамъ, что ваши предложенія приняты здѣсь съ удовольствіемъ и Васъ просятъ привести ихъ въ исполненіе сколь возможно скорѣе, хотя я думаю, что то, что вы тамъ имѣете, не есть что-либо другое, какъ копія, которую я здѣсь велѣлъ снять съ королевскаго экземпляра для кардинала Барберини (=для его кліента Бушара), и которую Сомэзъ взялъ на себя трудъ перечитать^а 1).

Изъ словъ другаго изъ братьевъ Дюкии видно, что въ дѣлѣ пересылки въ Римъ приготовленной подъ надзоромъ Сомэза копіи принималъ участіе и Пейрескъ, и что эта копія сличена была въ Римѣ (разумѣется, Голстеномъ) съ однимъ изъ ватиканскихъ списковъ 2). Однако, этотъ списокъ или эту копію нужно отличать отъ другаго кодекса, собственно такъ-называемаго Пейрескова, по имени владѣльца, Пейреска: сей послѣдній, тоже находившійся временно у Барберини въ Римѣ, возвращенъ былъ въ Парижъ еще въ 1646 году, и о полученіи его Пьерръ Дюкии извѣщаетъ въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ изъявляетъ желаніе о доставленіи вышеозначенной копіи, провѣренной Сомэзомъ. Итакъ, мы видимъ, что парижскіе списки сначала странствуютъ въ Римъ, а за тѣмъ возвращаются оттуда обратно, какъ скоро за изданіе Теофана рѣшили взяться во Франціи. Сверхъ того, нужно замѣтить, что Дюкии ошибался, какъ послѣ оказалось,

1) Mélanges d'archéologie et d'histoire (École française de Rome), mars 1887: *Pélissier*. Les amis d'Holstenius pag. 107 (письмо отъ апрѣля 1647 г.).

2) Ibid., pag. 124 и 125.

въ томъ своемъ предположеніи, будто въ Барберинской бібліотекѣ не было своего собственнаго экземпляра хроники Теофана, такъ какъ еще въ 1628 году для нея снята была копія съ ватиканскаго подлинника (см. стр. 89 прим. 2) и, не одни только списки парижскаго происхожденія видимъ мы послѣ въ рукахъ парижскихъ издателей, но и еще нѣчто новое, добавочное.

Кромѣ изданія текста Лаббъ обѣщалъ далѣе, что по окончаніи печатанія онъ сравнитъ королевское изданіе съ двумя другими рукописными кодексами, и если что найдетъ достойнымъ вниманія, то отмѣтитъ въ списокѣ вариантовъ. Однимъ изъ этихъ второстепенныхъ кодексовъ, которые предполагалось привлечь только для различеній, могъ быть именно Reugezianus, который самимъ первоначальнымъ владѣльцемъ былъ сличаемъ съ Ватиканскимъ (Палатинскимъ) текстомъ Синкелла и съ королевскимъ древнимъ Теофана; затѣмъ онъ, побывавъ въ Римѣ, сдѣлался достояніемъ Пьера Дююи, былъ имъ подаренъ Гоару, а теперь хранится въ Парижской національной бібліотекѣ. Что касается латинскаго перевода, то Ф. Лаббъ хотя и упоминаетъ о переводѣ Бушара, но замѣчаетъ, что для королевскаго изданія изготовленъ Готеномъ новый переводъ. Первый еще ранѣе признанъ былъ въ Парижѣ неудовлетворительнымъ и незаконченнымъ, требующимъ новаго пересмотра, не говоря уже о совершенной несостоятельности прибавленныхъ въ концѣ замѣчаній¹⁾.

По той или другой причинѣ изданіе Теофана перешло вмѣстѣ съ Синкелломъ въ руки доминиканца Гоара съ устраненіемъ руководства, на которое заявлялъ притязаніе іезуитъ Лаббъ. Гоаръ долженъ былъ кромѣ того приложить къ Теофану и его продолжателя Льва грамматика. Это и было послѣднимъ, посмертнымъ трудомъ ученаго доминиканца, такъ много оказавшаго заслугъ византологіи; онъ скончался, не успѣвъ довести до конца свою задачу, но впрочемъ уже отпечатавъ всего Теофана, а также и Льва, за исключеніемъ немногихъ листовъ, и оставивъ въ рукописи готовыя примѣчанія къ Теофану. На одрѣ болѣзни онъ усердно просилъ своего сотоварища по ордену, ученаго Комбефиза, взять на себя обязанность докончить то, что было не кончено, и Комбефизъ ради дружбы и общихъ ученыхъ занятій далъ требуемое обѣщаніе. Такимъ обра-

¹⁾ ...La version latin de Theophanes par le sieur Bouchart qui n'est pas un ouvrage achevé et qu'il faut revoir... Письмо Пьера Дююи къ Барберини отъ 22-го ноября 1646 г. *Pélessier*. Les amis d'Holstenius et cet., pag. 124.

зомъ томъ, содержащей хронику Теофана и ея продолженіе, приписываемое Льву Грамматіку, явился на свѣтъ съ именами двухъ издателей и съ предисловіемъ Комбефиза ¹⁾.

Въ этомъ предисловіи (Praefatio) Комбефизъ объясняетъ, что онъ отдалъ въ печать оставленныя Гоаромъ примѣчанія въ томъ самомъ видѣ, какъ они были написаны покойнымъ авторомъ, и хотѣлъ ограничиться приложеніемъ подробнаго указателя; но когда онъ сталъ ради этой цѣли пересматривать текстъ Теофана и Льва Грамматика, то онъ встрѣтилъ много такого, что требовало новаго вниманія и заботливаго исправленія; ради того онъ прибавилъ еще отъ себя дополнительные примѣчанія, *Notae posteriores*. Дѣло въ томъ, что, какъ объясняетъ Комбефизъ въ другомъ мѣстѣ (въ самыхъ примѣчаніяхъ; см. pag. 665 парижскаго изданія), во время печатанія примѣчаній онъ получилъ въ свои руки подлинный парижскій кодексъ Теофана и Льва Грамматика, который въ сущности, но чрезъ посредство копій, служилъ единственною основою для Гоара, и убѣдился, что переписчикъ его допустилъ множество недосмотровъ и ошибокъ въ чтеніяхъ; то, что уже поздно было исправлять въ примѣчаніяхъ Гоара, исправлено и отмѣчено Комбефизомъ въ его собственныхъ *Notae posteriores*, которыя, впрочемъ, онъ старался сдѣлать сколь возможно болѣе краткими и сжатыми; образцомъ должны были служить подобныя же дополненія Гоара къ Ксиландрову изданію Кедрина, а не обширный комментарий того же Гоара къ Козину. Сверхъ того, Комбефизъ объясняетъ въ предувѣдомленіи, что именно ему пришла мысль приложить къ изданію хроники Теофана его житіе въ греческомъ подлинникѣ, и что отыскать таковой ему стоило большихъ трудовъ; онъ обращался съ просьбами о содѣйствіи къ тому же кардиналу Барберини, который уже ранѣе принималъ живое участіе во всемъ дѣлѣ. Указываются слѣдующія заслуги кардинала по отношенію къ Теофану; онъ приготовилъ для печати (*praelo adornaverit*) латинскій переводъ хроники, сдѣланный его кліентомъ—Бушаромъ (*per Buccardum domesticum*) и прислалъ его въ Парижъ въ предположеніи, что переводъ этотъ можетъ оказаться къ чему-нибудь пригоднымъ; помимо возвра-

¹⁾ *Theophanis chronographia Leonis Grammatici vitae recentiorum imperatorum. Iacobus Goar ord. FF. Praedicatorum congregationis S. Ludovici vicarius generalis latine reddidit, Theophanem notis illustravit, varias lectiones multiplici codd. collatione adiecit R. F. Combesis ejusdem instituti ac congregationis iterum recensuit, notis posterioribus Theophanem integris Leonem Grammaticum strictim discussit, exque fide codd. auxit, emendavit.*

ценныхъ парижскихъ списковъ онъ переслалъ свой собственный греческій кодексъ, содержащій текстъ, сличенный съ нѣсколькими ватиканскими списками Теофана, при помощи которыхъ королевскій древнѣйшій кодексъ могъ быть восполненъ, разъясненъ и исправленъ. Это такъ-называемый теперь Барберинскій II, 54. Тутъ же идетъ рѣчь о заслугахъ братьевъ Дюпюи: они не только доставили Гоару списокъ съ кодекса королевской библиотеки (вѣроятно, списокъ Соммаза), по которому тотъ въ сущности и отпечаталъ весь текстъ, но предоставили въ его пользованіе, а затѣмъ и въ полную собственность и списокъ Пейреска, сличенный съ Палатино-Ватиканскимъ. Соответственно съ приведенными сообщеніями предисловія, парижское изданіе Теофана и Льва получило слѣдующій видъ, который теперь будетъ для насъ вполне понятенъ.

За Praefatio слѣдуютъ: 2) житіе Теофана, подлинникъ котораго въ концѣ концовъ нашелся въ Венеціи, въ библиотекѣ св. Марка, а также и служба въ честь этого святаго; 3) списокъ словъ и выраженій греко-варварскихъ, встрѣчаемыхъ у Теофана и Льва Грамматика, довольно краткій и похожій уже на извѣстные намъ словари Гоара; 4) текстъ обѣихъ хроникъ Теофана и Льва Грамматика, съ латинскимъ переводомъ, который слѣдуетъ приписывать самому Гоару, хотя мы не знаемъ, на сколько онъ воспользовался предшествовавшими переводами Бушара и Готена; въ срединѣ между двумя хрониками вставлено краткое сказаніе неизвѣстнаго автора о времени Льва Армянина, до котораго доходить трудъ Теофана (*Authoris incerti Historia*); затѣмъ; 5) варианты къ Теофану, полученные, во первыхъ, отъ сличенія королевскаго пергаментнаго древняго кодекса (*Codex regius № 1711*) съ двумя другими, весьма исправными, то-есть, съ тѣмъ, который былъ присланъ кардиналомъ Барберини, и съ Реуге-зианусъ; во вторыхъ, изъ сличенія съ четырьмя римскими кодексами: ватиканскими №№ 154, 155, 979 и палатинскимъ 246. Это послѣднее сличеніе съ четырьмя кодексами было сдѣлано на полѣ того другаго сейчасъ названнаго присланнаго изъ Рима списка хроники Теофана, именуемаго кодексомъ Барберинскимъ. Этотъ списокъ (*Barberin. II, 54*) со всѣми отмѣтками разночтеній сохранился въ томъ же видѣ до настоящаго времени. Впрочемъ изъ позднѣйшихъ болѣе подробныхъ сообщеній намъ извѣстно, что самый основной текстъ Барберинскаго списка представлялъ копію съ одного изъ ватиканскихъ, именно: *Vat. 155* (X или XI в.), по письму относимую къ XVI вѣву; но если мы припомнимъ сообщеніе Голстена отъ 1628 года о приготовленіи списковъ

Синкелла и Теофана для Барберинской библиотеки, то вѣрнѣе считать эту копию относящуюся къ первой половинѣ XVII вѣка. Очень понятно, что сличеніе копии съ оригиналомъ могло дать очень немного вариантовъ, какъ оно оказывается и на самомъ дѣлѣ, и само собою разумѣется, что оно не имѣло важнаго значенія. Важнѣе сличеніе съ cod. Vat. 154, но оно простирается только до царствованія Юстиніана Великаго, гдѣ означенный неполный списокъ, относящійся къ XII вѣку, прерывается. Ватиканскій греческій 979 былъ писанъ въ XVI вѣкѣ и потому не имѣлъ большой цѣнности уже самъ по себѣ и по близкому родству съ Палатинно-Ватиканскимъ спискомъ, мало представлялъ своихъ особенностей. Такимъ образомъ на поляхъ Барберинскаго списка, и отчасти между строками, большею частью идутъ отмѣтки только двухъ списковъ Ватиканскаго 154 и Палатинно-Ватиканскаго 246 (теперь 395). Послѣдній, сличенный два раза, то-есть, кромѣ Барберинской рукописи еще на Reugezianus, принадлежитъ тоже къ позднимъ; онъ писанъ въ XVI вѣкѣ. А сверхъ того, самый основной текстъ Пейрескова кодекса, есть ничто иное, какъ воспроизведеніе сейчасъ упомянутаго Ватиканскаго 979. Изъ всего этого видно, что критическій аппаратъ изданія Теофана не отличался ни богатствомъ, ни строгою классификаціею, не говоря о томъ, что нѣкоторые важные списки, какіе сдѣланы извѣстны позднѣе (Coislinianus, Colbertinus), еще не были тогда приведены въ извѣстность. Ни полнота, ни строгая систематичность, очевидно, не были во власти Гоара, а также не были въ обычаяхъ и средствахъ того времени. Есть и другія два важныя обвиненія, которыя высказываются новыми учеными противъ Гоара. Онъ, во-первыхъ, нерѣдко допускалъ ошибки въ чтеніи своего основнаго подлинника, не всегда вѣрно угадывалъ смыслъ сокращеній, такъ что, напримѣръ, вмѣсто νόθος (незаконнорожденнаго) читалъ νοτάριον (нотарія); но мы уже говорили о тѣхъ трудностяхъ, которыя вообще представлялъ особенно для того времени codex regius 1711. Во-вторыхъ, какъ теперь только замѣчено новѣйшимъ издателемъ Теофана (de Voog), Гоаръ перемѣшалъ въ своихъ вариантахъ отмѣтки разныхъ списковъ, сдѣланныя на присланной ему Барберинской копіи, и то, что принадлежитъ одному изъ Ватиканскихъ, приписывалъ другому. Такой недосмотръ можно объяснить развѣ болѣзненнымъ состояніемъ и утомленіемъ трудолюбиваго издателя. Комбефизъ, впрочемъ, многое исправилъ, и онъ же первый указалъ одинъ изъ надежнѣйшихъ путей къ восстановленію подлиннаго текста хроники, какъ его нужно предполагать вышедшимъ изъ рукъ Теофана: это — сличеніе текста

Оеофановой хроники съ тѣми оригинальными древнѣйшими произведеніями, которыя послужили для нея въ разныхъ мѣстахъ источникомъ. Въ этомъ отношеніи остались позади Комбефиза даже нѣкоторые изъ позднѣйшихъ порицателей парижскаго изданія; мы разумѣемъ нѣмецкихъ филологовъ, трудившихся надъ Боннскимъ изданіемъ (объ этомъ рѣчь будетъ ниже). 6) За разночтеніями, которыя — мимоходомъ замѣтимъ — въ Боннскомъ изданіи помѣщены не отдѣльно, а размѣщены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ подъ текстомъ, слѣдуютъ съ начала примѣчанія (notae) къ Оеофану Гоара, потомъ notae posteriores Комбефиза и наконецъ краткія замѣчанія ко Льву Грамматикѣ. Изданіе послѣдняго остается пока единственнымъ въ томъ смыслѣ, что позднѣйшія коллекціи повторяли его въ томъ же самомъ видѣ. Такъ какъ и рукопись, по которой издано продолженіе Льва Грамматика къ хроникѣ Оеофана, есть единственная и нѣкъмъ послѣ не была вновь изучаема, то и не представляется возможности сдѣлать относительно его какихъ-либо замѣчаній. Позднѣе была открыта часть хроники отъ начала міра до Льва Армянина, по надписанію и нѣкоторымъ другимъ признакамъ признанная за начало или первую часть хроники Льва Грамматика; но это вопросъ, который теперь насъ не можетъ занимать.

Въ томъ же самомъ 1655 году, когда изданъ былъ Оеофанъ, появилось новое изданіе историческаго синопсиса Константина Манасси съ посвященіемъ кардиналу Мазарини, а во второй части того же тома — Константинопольскія древности Кодина съ различными приложеніями и съ особымъ посвященіемъ кардиналу Барберини ¹⁾. Изданіемъ Манасси завѣдывалъ Фабро, прибавившій въ концѣ варианты по рукописямъ королевской библіотеки, и по своему обычаю — краткій объяснительный словарь греко-варварскихъ реченій; сверхъ того, вновь даны были варианты, сообщенныя изъ Ватиканскихъ манускриптовъ Алляціемъ; въ остальномъ Луврское изданіе представляетъ простую перепечатку текста установленнаго Меурсіемъ и латинскаго перевода, приготовленнаго еще Леувклавіемъ. Надъ Кодиномъ, составляющимъ вторую половину тома, трудился уже разъ

¹⁾ Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ Σύνοψις ἱστορικῆ. Const. Manassis Breviarium historicum. Ex interpretatione Jo. Leunclavii cum ejusdem et Meursii notis. Accedit variarum lectionum libellus, cura Leoms Allatii etc. Ann. Fabrotti Juris. Item glossarium graeco-barbarum studio ejusdem Fabrotti. Parisiis, 1655. Georgii Codini et alierius ejusdem anonymi excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis, edita in lucem opera et studio Petri Lambecii Hamburgensis.

упомянутый нами племянникъ Голстена, гамбургскій нѣмецъ Ламбекъ или Ламбецій. Онъ началъ эти свои занятія еще въ Парижѣ—ранѣе отъѣзда своего въ Римъ (въ сентябрѣ 1647 г.). О Кодинѣ часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Голстена съ Дююи и племянникомъ ¹⁾. Въ июлѣ 1647 года Дююи извѣщалъ Голстена, о томъ, что имъ полученъ посланный Голстеномъ изъ Рима пакетъ, содержащій *Origines* Кодина и *Chronicon Constantinopolitanum*. Посылка была передана, говорить Дююи, въ руки вашего племянника, который пришелъ въ восторгъ, видя себя обладателемъ такихъ сокровищъ, и я васъ увѣряю, что ничѣмъ болѣе пріятнымъ вы не могли бы его угостить*. Однако Дююи сомнѣвается, чтобы Ламбекъ успѣлъ довести до конца свой трудъ надъ Кодиномъ,—имѣя, конечно, въ виду его близкое удаленіе изъ Парижа ²⁾. Въ мартѣ 1648 года, когда Ламбекъ былъ уже въ Римѣ, Дююи писалъ Голстену, что трудъ Ламбеція, его племянника, будетъ большимъ украшеніемъ для предполагаеннаго собранія византійскихъ писателей, и что онъ будетъ принятъ съ особымъ уваженіемъ въ виду того, что самъ Голстенъ имѣлъ надъ нимъ наблюденіе ³⁾. Изданъ былъ Кодиновъ, то-есть, его сочиненіе о древностяхъ, по списку Ватиканскому, съ котораго снялъ копию для Барберинской бібліотеки Голстенъ, предполагавшій первоначально самъ издать этотъ текстъ въ замышляемой коллекціи древнихъ географовъ, но потомъ уступившій эту честь племяннику, котораго кромѣ того снабжалъ дѣйствительно полезными совѣтами и указаніями. Пособіями служили рукописи Валицелланская, Королевской бібліотеки, Пейреска, копія, сообщенная Сирмондомъ и Фоссомъ. Племянникъ посвятилъ свой трудъ кардиналу Барберини, посвященіе подписано въ Гамбургѣ 1653 г. Новый текстъ былъ гораздо полнѣе и исправнѣе прежняго, напечатаннаго

¹⁾ Много писемъ Голстена къ племяннику находится въ сборникѣ *Буассонада*: *Lucas Holsteni epistolae ad diversos* — — collegit atque illustravit *Boissonade*. Paris, 1817. Отрывки отсюда приводятся у Пелиссье, издателя писемъ Дююи, въ которыхъ часто идетъ рѣчь о томъ же самомъ. Изъ четырехъ вновь найденныхъ писемъ Ламбеція два—одно къ Жилью Менажу (*Ménage*), другое къ Дююи—относятся къ изданію Кодина; они всѣ обнаружены тѣмъ же Пелиссье въ *Bulletin critique*, 15 Septembre 1887 (N° 18).

²⁾ *Pélissier*. Les amis d'Holstenius: Mélanges d'archéologie et d'histoire d'École de Rome, Mars 1887, pag. 110: mais je doute qu'il ait assez de temps pour achever cet ouvrage.

³⁾ Mais l'ouvrage que M. Lambecius votre neveu a entre les mains sera un grand ornement pour ce dessein de l'histoire byzantine. lequel sera d'autant plus recommandable, que vous avez l'inspection dessus. *Ibid.* pag. 114.

Меурсіемъ. Сверхъ того, здѣсь присоединенъ цѣлый рядъ дополнительныхъ дотолѣ не изданныхъ статей, сообщающихъ новую цѣнность всему изданію. Содержаніе части, посвященной Кодицу, имѣеть такимъ образомъ слѣдующій видъ: I. Георгія Кодица о древностяхъ (de originibus) Константинополя. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, обозначаемымъ на верху страницъ отъ 1-й до 83-й, содержатся въ частности такіе отдѣлы: а) Георгія Кодица Извлеченія изъ одной хроники о древностяхъ Константинополя (*παρεχόμενοι ἐκ τῆς βιβλίου τοῦ χρονικοῦ περὶ τῶν πατρίων τῆς Κ—πόλεως*, excerpta de originibus C—politans). Этотъ отдѣлъ представляетъ большое, часто буквальное сходство съ подобнымъ же изложеніемъ древностей Гезихія (Исихія) Милетскаго, современника царямъ Анастасію и Юстиніану Великому; есть указанія на то, что оно находилось въ шестой книгѣ хроники Гезихія, гдѣ онъ повѣствовалъ о перенесеніи столицы изъ Старога Рима въ Византію; Кодиномъ оно заимствовано либо непосредственно отсюда, либо изъ какого-нибудь другаго писателя, уже пользовавшагося Гезихіемъ: Ламбецій (въ примѣчаніяхъ) предполагаетъ первое б) о ви́шнемъ очертаніи или общемъ видѣ Константинополя, *περὶ τῆς σχηματογραφίας τῆς Κ—πόλεως* с) о статуяхъ, колоннахъ и другихъ достопримѣчательностяхъ, *περὶ ἀγαμάτων, στηλῶν καὶ θεαμάτων* d) о зданіяхъ, *περὶ κτισμάτων* е) о построеніи храма св. Софіи f) каталогъ императоровъ, царствовавшихъ въ Константинополѣ до взятія города Агарянами. Этотъ каталогъ составленъ былъ первоначально при Мануилѣ Комнинѣ, а послѣ продолженъ до 1453 года—предполагается, самимъ Кодиномъ. Что же касается прочихъ четырехъ статей, то, по указанію Ламбеція, содержаніе ихъ частію заимствовано Кодиномъ изъ разныхъ византійскихъ древнихъ хроникъ (Іоанна Антиохійскаго, Александрійской или Пасхальной, Глики и т. п.), а частію выписано изъ другаго болѣе ранняго готоваго сборника свѣдѣній подобнаго же характера. Только первый (изъ всѣхъ шести) отдѣлъ, заимствованный изъ Гезихія, пятый и начало третьяго были изданы Георгомъ Дузою, остальное являлось въ первый разъ у Ламбеція II. За Кодиномъ слѣдуютъ Анонима извлеченія о древностяхъ константинопольскихъ, *Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί*, Anonymi Collectanea de antiquitatibus Constantinopolitanis: не особенно длинный (pag. 85—105) отрывокъ, помѣщенный безъ латинскаго перевода, такъ какъ большая часть статей уже вошла въ сборникъ Кодица, гдѣ и переведена. Именно у этого анонимнаго писателя, составившаго свою компиляцію изъ

сочиненій Θεодора Анагноста, Евсевія, Сократа и другихъ—на двѣсти или триста лѣтъ ранѣе, дѣлалъ буквальный выписки Кодинъ, жившій по Ламбецію во время и послѣ взятія Царьграда турками. Апонымі *Collectanea* извлечены были въ первый разъ Ламбеціемъ изъ одного кодекса королевской (Парижской) бібліотеки XII вѣка. Послѣ изданіе повторено было Комбефизомъ въ *Manipulus regum Constantino politanarum* съ латинскимъ переводомъ и съ примѣчаніями, въ которыхъ дѣлается не мало упрековъ первому издателю за разнаго рода неисправности; Ламбецій собирался отвѣчать при новомъ изданіи Кодина въ предполагавшемся имъ Дополненіи къ собранію Византійскихъ историковъ (*Supplementum Corporis historiae Byzantinae*); но этого изданія, матеріалы для котораго должна была дать преимущественно Вѣнская придворная бібліотека, въ свѣтъ не выходило. III. Далѣе слѣдуютъ письма Мануила Хризолора, предшественныя епитафіею надъ его гробницей въ Констанцѣ, гдѣ онъ умеръ во время знаменитаго собора: первое письмо (съ латинскимъ переводомъ) адресовано къ Императору Іоанну Палеологу и содержитъ сравненіе Рима съ Константинополемъ въ отношеніи мѣстоположенія, климата и т. д., два другихъ, оставленные безъ перевода, родственнаго содержанія, предназначены были братьямъ автора Іоанну и Дмитрію Хризолорамъ IV). Затѣмъ слѣдуютъ примѣчанія Ламбеція къ Кодину и отдѣльно къ Авониму, которымъ предшествуетъ а) небольшое предисловіе къ читателю, гдѣ идетъ рѣчь о рукописяхъ и объ отношеніи новаго изданія къ старымъ и б) краткое жизнеописаніе Кодина съ обзорѣніемъ его сочиненій (*de Vita et scriptis Codini*): мнѣнія, здѣсь высказываемыя уже обозначены нами выше. Что касается собственно примѣчаній, то они содержатъ иногда довольно значительныя выписки изъ неизданныхъ рукописей; между прочимъ приводятся отрывки изъ ватиканскаго фрагмента *De signis*, то-есть изъ перечисленія художественныхъ сокровищъ, разрушенных или похищенныхъ франками при взятіи Константинополя въ 1204 году, сочиненія впоследствии приписаннаго Никитѣ Хоніату и печатаемаго при его большомъ историческомъ сочиненіи (въ Вонскомъ изданіи); вполне, но только безъ перевода—напечатана бесѣда патріарха Фотія на освященіе Новой церкви Богородицы во дворцѣ, построенной Василиемъ Македонскимъ (вновь послѣ издана Комбефизомъ см. выше). Вообще же относительно комментарія, составленнаго Кодиномъ, знатоки полагаютъ, что онъ отличается большими достоинствами филологическими—относительно объясненія текста,

приведенія разночтеній, истолкованія средне-греческихъ и ново-греческихъ словъ, сближенія различныхъ извѣстій объ историческихъ лицахъ; но по отношенію къ топографіи древняго Цареграда, для которой Кодицъ служитъ важнѣйшимъ источникомъ, онъ оставляетъ желать многаго (Г. С. Дестунисъ, Топографія древняго Константинополя, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. январь, стр. 21). Кромѣ собственныхъ примѣчаній къ Кодицу, Ламбецій перепечаталъ также и старый комментарий Меурсія, гораздо болѣе краткій. Особое приложеніе составляютъ V) Оракулы Льва Мудраго съ лицевыми символическими изображеніями, и также древній греческій и въ противоположность подлиннику прозаическій перифразъ ихъ. Предсказанія о будущей судьбѣ Константинополя, приписываемыя императору Льву Мудрому (*Imperatoris Leontis cognomine Sapientis Oracula*), были уже разъ напечатаны Рутгерсомъ (*Variarum Lectioum lib. V*), но Ламбецій во время пребыванія своего въ Амстердамъ нашелъ въ тамошней библіотекѣ новый списокъ, при помощи котораго могъ исправить въ своихъ примѣчаніяхъ много испорченныхъ мѣстъ; тамъ же попался ему и древній перифразъ, подобный которому, но не знаетъ тождественный-ли, Ламбецій встрѣчалъ въ Ватиканской библіотекѣ подъ именемъ пресвитера Теофила. VI). Далѣе слѣдуетъ новѣйшее толкованіе оракуловъ Льва, появившееся въ переводѣ на латинскій и итальянскій въ 1595 году въ Италіи, и принадлежащее безымянному автору ¹⁾. Здѣсь въ духѣ католическомъ обѣщается возстановленіе имперіи подъ покровительствомъ папы и при помощи римско-австрійскаго императора. Предполагается, что авторомъ былъ далматинецъ Петръ Патрицій ²⁾. VII. Наконецъ томъ оканчивается краткимъ перечисленіемъ должностей святой и Великой церкви Константинопольской и подчиненныхъ патриарху епископскихъ кафедръ и т. п., при чемъ впереди предпосланъ объяснительный краткій словарь встрѣчающихся въ передкѣ терминовъ и особыхъ рѣченій. Эти пьесы, уже ранѣе извѣстныя по изданіямъ Леунклавія и Гоара, собственно не принадлежатъ Ламбецію, а приготовлены къ печати и переведены на латинскій языкъ по рукописямъ архіепископа Шарля de Montchal

¹⁾ Auctoris Anonymi, qui creditur esse Franciscus Patricius Dalmata, expositio oraculorum, uti ex graecis in latinum et vulgarem Italum sermonem translatae anno 1596 Brixiae in lucem prodierunt.

²⁾ Новѣйшее изданіе Оракуловъ Льва см. *Legrand, Les oracles de Léon le Sage. Monuments pour servir à étude de la langue néobellénique, nouvelle série, N° 5. Paris. 1875.*

и Пюже (Puget) жителемъ Тулузы Бернардомъ Медониемъ и посвящены президенту Тулузскаго парламента.—Нужно еще прибавить, что судя по вновь изданнымъ письмамъ замыслы Ламбеція относительно дополненій къ его Кодину первоначально были еще обширнѣе. Онъ мечталъ объ изданіи описанія святой Софїи Павла Силенціарія, которое онъ читалъ въ рукописи Палатинской библіотеки, предполагалъ особо напечатать подлинный текстъ Гезихія по древнѣйшему (десятаго вѣка) Палатинскому кодексу ¹⁾, издать сочиненіе патріарха Никифора Каллиста о храмѣ Богородицы Источника (Πηγύη), да сверхъ того Синекдемъ Герокла въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ недавно (1641) появившійся въ Geographia Sacra,—все въ томъ же томѣ, и еще нѣсколько болѣе мелкихъ пьесъ ²⁾. Неизвѣстно, что послужило къ обузданію ревности нашего ученаго, но отмѣченныя имъ, очень важныя, произведенія и статьи послѣ были напечатаны Бандури и другими; Синекдемъ, или перечисленіе провинцій и городовъ имперіи около 535 года, кромѣ того былъ напечатанъ по списку съ Ватиканской рукописи, сдѣланному Голстеномъ, Шельстратеномъ въ Церковныхъ древностяхъ (Schelstrateni Antiquitas ecclesiae, 1697), затѣмъ извѣстны изданія Весселинга (1735), Беккера, Тафеля (при Провинціяхъ Константина Вагрянороднаго), наконецъ Партея (Parthey, Hieroclis Synecdemus, Verolini, 1866), вмѣстѣ съ позднѣйшими списками епископскихъ кафедръ и сочиненіемъ Нила Доксопатра о патріархіяхъ.

Къ 1660 году относится изданіе сочиненій Михаила Глики и Агаѳія Схоластика, въ одномъ томѣ, не смотря на разнородность и совершенную неодновременность обоихъ сочиненій ³⁾. Что касается Глики, то надъ нимъ трудился самъ Филиппъ Лаббъ, авторъ воззванія къ ученымъ всего міра; въ приложенной къ воззванію программѣ сборника помѣщена особенно обширная статья о предполагаемомъ изданіи Глики. Имѣлось въ виду воспользоваться латинскимъ переводомъ Леунклавія съ его собственнымъ продолженіемъ отъ Іоанна Комнина до паденія имперіи (1453 г.); но Лаббъ обѣщаль напечатать и не изданный до сихъ поръ греческій текстъ автора отъ

¹⁾ Новѣйшее изданіе Гезихія Карла Мюллера: *Fragmenta historic. Graec. ed. Didot*, t. IV.

²⁾ См. *Bulletin critique* 1887 № 18: изданнымъ Пелиссье вышеупомянутымъ письмамъ Ламбеція.

³⁾ Τοῦ κερῶν Μιχαὴλ Γλυκᾶ Σικελιώτου βιβλίος χρονική.—Michaelis Glycae Siculi annales a mundi exordio ad mortem Alexii Comneni, interprete Jo. Leunclavio, ex recensione et cum notis Phil. Labbei.

начала міра до императора Зенона и паденія Западной имперіи, то-есть, первыя три части вполнѣ, восполнивъ пробѣлы латинскаго перевода, и сверхъ того прибавить четвертую часть, простирающуюся до Алексѣя Комнина. Два кодекса, съ которыми успѣлъ ознакомиться Лаббъ, въ концѣ были попорчены, такъ что четвертая часть представлялась въ нихъ неполною (*mitlam*); но былъ кто то (*fuit poppeto*), кто обѣщалъ еще третій списокъ, въ которомъ Лаббъ надѣялся найти недостающее, хотя въ немъ не содержалось даже половины всего писателя, а развѣ третья доля. Лаббъ узналъ также, что списки Глики находились прежде (въ концѣ XVI столѣтія) въ библіотекахъ Баварской, Римской Валицелланской и въ другихъ. Онъ обѣщаль приложить къ своему изданію подробное изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Глики, гдѣ будетъ разрѣшенъ вопросъ о тожественности его съ Сицилійскимъ дидаскаломъ (*Σικελιώτη διδασκάλῳ*): послѣднія обѣщанія въ сущности остались не исполненными¹⁾. Но и самое изданіе текста сдѣлано было только по двумъ кодексамъ Клермонтской іезуитской библіотеки, неполнымъ, попорченнымъ и съ пробѣлами, такъ какъ - де издателю приходилось спѣшить; только послѣ достались въ его руки другія пособія: бумажный кодексъ Глики, присланный настоятельницею ордена Фонтевро (*Fontisebraldensis*), Жанною Бабтистою де-Бурбонъ и различныя извлечения, сдѣланныя въ Римѣ Лукою Голстеномъ, а также товарищемъ Лабба по ордену, въ Аугсбургской и Баварской библіотекахъ. Дополненія и варианты, полученные отсюда, прибавлены были въ концѣ книги, и первыя оказываются иногда весьма значительными по своему объему. Въ *Protrepticon* ничего не было сказано о Меурсіѣ, который подъ именемъ Метохиты издалъ отрывокъ, заключающій въ себѣ время отъ Константина Великаго до Юлія Цезаря (= третья часть, но не вся); въ предисловіи Лабба объ этомъ упомянуто, хотя и не объяснено, въ какой степени новому издателю то послужило на пользу. *Præfatio* вообще вышло не соответствующимъ возбужденнымъ ожиданіямъ и слишкомъ краткимъ; но здѣсь довольно вѣрно опредѣлены особенный характеръ хроники Глики и ея значеніе. Отъ другихъ она отличается тѣмъ, что очень подробно занимается первоначальною исторіей міра, разными вопросами о мірозданіи, землѣ, воздухѣ, птицахъ, рыбахъ, животныхъ, человѣкѣ, ангелахъ, заимствуя весьма многое изъ Шестодневоу Василія Великаго, Евстафія,

¹⁾ Рѣшеніемъ вопроса о времени, когда жилъ Глика, занимается впоследствии кромѣ другихъ и Дюканжъ—въ предисловіи къ Зонарѣ (см. ниже).

Георгія Писиды и другихъ отеческихъ твореній, и затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Еврейской и Римской, вставляя разсужденія богословско-философскаго характера. Все изданіе имѣеть слѣдующій видъ: за Praefatio слѣдуютъ: 2) подробное оглавленіе (πίναξ, tabula) хроники, заимствованное изъ кодекса Фонтевро; 3) указатель мѣстъ Священнаго Писанія, объясненныхъ въ лѣтописи Глика; 4) поименованіе авторовъ, на которыхъ ссылается Глика; 5) указатель малопонятныхъ словъ и реченій; 6) нѣкоторыя выраженія (vocabula), встрѣчающіяся въ примѣчаніяхъ; 7) Михаила Глика первый трактатъ *disputatio prima, utrum in peccatum lapsis condescendum, aut prout ratio postulat, inserendi sunt*; 8) его же второе разсужденіе: *utrum audiendi sunt docentes, hominem à principio caducum congruis habuisse*; 9) самый текстъ автора; 10) продолженіе Леунклавія; 11) *Philippi Labbe Biturici Notae, emendationes ac variae lectiones*; здѣсь, какъ уже замѣчено, приведены не только варианты и поправки, но и весьма объемистыя дополненія изъ полученныхъ послѣ напечатанія текста новыхъ списковъ; напечатанъ (pag. 170) между прочимъ и каталогъ императоровъ, оказавшійся въ *codd. Fontesebrald. u. Vallicell*; 12) безъ особенной нужды перепечатаны изъ изданія Меурсія статьи, относящіяся къ Теодору Метохитѣ, и его предисловіе.

Что касается до вышедшаго одновременно и въ одномъ и томъ же томѣ сочиненія Агаѳіа Схоластика о дѣяніяхъ Юстиніана, то парижское изданіе не представляло ничего новаго и составляло простую перепечатку голландскаго, какъ на это указано было въ самомъ выходномъ листѣ ¹⁾).

Далѣе очередь дошла до Прокопія, предшественника Агаѳіа. Въ двухъ томахъ, появившихся въ 1662 и 1663 годахъ, издано было за разъ полное собраніе дошедшихъ до насъ трудовъ Прокопія, которые до тѣхъ поръ являлись по частямъ, то-есть: Исторіи о войнахъ (Персидской, Вандальской, Готской), сочиненіе о постройкахъ, а также и *Historiae arcanae*; сверхъ того, тутъ же совсѣмъ неожиданно появился совершенно до того неизвѣстный писатель, не имѣющій къ Прокопію никакого отношенія, именно Никифоръ Вриенній, излагавшій исторію возвышенія дома Комниновъ ²⁾. Издателемъ Прокопія былъ ни-

¹⁾ *Agathiae Scholastici de imperio et rebus gestis imperatoris Justiniani libri V ex interpretatione et cum notis Bonav. Vulcanii, accesserunt ejusdem Agathiae epigrammata cum versione latina Josephi Scaligeri et Jani Doucae à Noortwoyck.*

²⁾ *Procopii Caesariensis historiarum sui temporis seu de bellis imper. Justiniani adversus Gothos, Vandalos et cet. libri VIII ex interpret et cum notis*

чѣмъ до тѣхъ поръ себя не ознаменовавшей, іезуитъ Малтре (Maltrait), проживавшій въ Тулузѣ, впрочемъ называющій себя ученикомъ Пуссива и пользовавшійся покровительствомъ Лабба. Изданіе свое Малтре посвятилъ канцлеру Сегье, такъ какъ ему - де лучшая часть византійской исторіи обязана жизнью, которую онъ вдохнулъ въ громадное тѣло, и притомъ такъ, что она теперь обезпечена отъ гибели ¹⁾; сверхъ того, дѣлаются намеки на участіе Сегье въ дѣлѣ Пор-Рояля, въ которомъ Сегье держалъ сторону іезуитовъ. Въ предисловіи къ читателю Малтре, и конечно, не безъ основанія, говоритъ о недостаткахъ прежняго изданія текста Исторій о войнахъ и о совершенной неудовлетворительности существовавшихъ латинскихъ переводовъ. Самъ онъ принялъ на себя трудную задачу только потому, что всѣ другіе, кому она была предлагаема, отказывались отъ нея. При исполненіи ея онъ слѣдовалъ совѣтамъ Лабба. Ему удалось восполнить многочисленные пробѣлы (*lacunas*), которые обезображивали аугсбургское изданіе Исторій о войнахъ (изданіе Гешеля), служившее все-таки основаніемъ при новой рецензії; теперь такихъ пробѣловъ осталось два или три, и притомъ неважныхъ, тогда какъ въ прежнемъ изданіи они могли бы всѣ вмѣстѣ развиться почти половинѣ книги. Этимъ Малтре былъ обязанъ содѣйствію недавно умершаго (тоу махарітоу) Голстена; именно онъ дополнилъ по Ватиканскому кодексу существовавшіе пробѣлы ²⁾; затѣмъ много помогъ дѣлу достойный учи-

Claudi Maltrai—Ejusdem de aedificiis Justiniani libri VI, eodem interprete.—Anecdota seu arcana Justiniani historia ex interpretatione et cum notis Nsc. *Alemanni*.—Nisephorii caesaris Bryennii commentariorum de rebus Byzantinis libri IV ex interpretatione *Petri Possini*.

¹⁾ Pars optima historiae Byzantinae (Tibi) animam debet, ingenti receptam corpore, et quidem ita, ut ab interitu jam plane secunda est.

²⁾ Изъ переписки Голстена видно, что онъ самъ много занимался Прокопіемъ еще съ 1634 года, по просьбѣ Елзевиоровъ слыхалъ печатное изданіе Исторій съ ватиканскими рукописями для предполагавшагося новаго (голландскаго) изданія, давалъ разныя указанія одному изъ Елзевиоровъ объ отысканіи рукописей Тай-ой исторіи, между прочимъ онъ первый указалъ на манускрипты Амброзианскій, Венеціанскій и третій принадлежавшій Моншалю (*Montschal*). Въ одномъ письмѣ Ябака Дююи къ Голстену 1642 г. (*Pélussier*, I. c., pag. 96—98), говорится, что Дююи прислалъ экземпляръ *Anecdota*, сличенный рукою Голстена, въ распоряженіе Елзевиоровъ въ Лейденѣ, при чемъ Дююи высказываетъ сомнѣніе, чтобъ эти послѣдніе, слишкомъ жадные къ барышамъ, серьезно думали объ изданіи книги которая не будетъ, какъ другія, быстро расходиться. Въ самомъ дѣлѣ, Елзевиры тянули дѣло, не смотря на то, что Голстенъ прислалъ имъ текстъ внимательно пересмотрѣнный и восполненный въ пробѣлахъ печатнаго изданія; тогда

тель Малтре Пуссинъ, который во время своего пребыванія въ Римѣ сличилъ печатный текстъ аугсбургскаго изданія съ кодексомъ ватиканскимъ на томъ самомъ экземплярѣ, который служилъ Малтре при новомъ изданіи: отмѣченныя имъ разночтенія сообщены во второмъ томѣ. Тамъ же Малтре предполагалъ напечатать присланный Голстеномъ текстъ Павла Силенціарія, заимствованный изъ рукописей бібліотеки Палатинской: описаніе св. Софій, дѣйствительно было бы прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненію Проконія о постройкахъ Юстиніана, но на самомъ дѣлѣ оно здѣсь не появилось и издано было, какъ увидимъ, другимъ ученымъ при менѣе подходящемъ случаѣ. По отношенію къ самому сочиненію *De aedificiis* Малтре уже не могъ похвалиться такими заслугами, какъ относительно исторій о войнахъ. Основаніемъ для изданія служилъ печатный текстъ Гешеля; сверхъ того, въ рукахъ Малтре была только одна рукопись, которую онъ называетъ тулузскою, которая была списана въ Тулузѣ съ манускрипта Сегье и послѣ (Бернардомъ Медоніемъ) подарена ему, Малтре, въ собственность. *Historia arcaea* была въ сущности перепечатана съ изданія Алеманна; приложенъ былъ латинскій переводъ, которымъ издатель занимался еще въ юности по внушенію Пуссина; послѣ Пуссинъ самъ сличилъ греческій текстъ Алеманна съ манускриптомъ Сегье и предъ отправленіемъ своимъ въ Римъ отдалъ коλλαцію Малтре, и сверхъ того прислалъ оттуда сличеніе съ кодексомъ Амброзіанской бібліотеки въ Миланѣ. Разночтенія эти приложены были отдѣльно въ концѣ изданія.

Какъ уже сказано, Пуссинъ воспользовался изданіемъ Проконія, подъ редакціей его ученика, для того чтобъ обнародовать при немъ открытое имъ и до тѣхъ поръ никому неизвѣстное сочиненіе мужа Анны Комнины, кесаря Никифора Врѣннѣя, писавшаго по порученію своихъ царственныхъ родственниковъ, тестя и тещи, съ цѣлью доказать законность перехода императорской власти къ фамилии Компиновъ, а впрочемъ не докончившаго своего труда, вѣроятно—по случаю смерти. Врѣннѣй явился во второмъ томѣ со своимъ отдѣль-

Дюпюи сталъ приглашать Голстена обратиться къ королевской типографіи въ Луврѣ. Въ 1648 году Голстенъ посылаетъ Дюпюи фрагменты Тайной исторіи, а послѣдній обѣщаетъ заставить включить Тайную исторію въ рецензіи Голстена въ Луврскую коллекцію. Какъ видимъ, и здѣсь дѣло почему-то замедлилось. Малтре совѣтъ не говоритъ о томъ, чтобъ онъ пользовался коллаціями Голстена при изданіи *Historiae arcaeae*.

нымъ заглавіемъ ¹⁾ и особымъ посвященіемъ, знаменитой дочери Густава Адольфа, королевѣ Христинѣ, которая уже измѣнила протестантству, приняла католичество и жила въ Римѣ ²⁾. Посвященіе написано если не остроумно, то во всякомъ случаѣ довольно замысловато. Пуссинъ является во дворецъ Христины и въ ея королевскую библіотеку не одинъ, а въ сопровожденіи спутника, принадлежавшаго тоже къ царской семьѣ, который и будетъ его заступникомъ; въ свою очередь Христина разберетъ тяжбу Никифора съ супругою, то-есть, Анною Комниною, которая упрекала мужа, отказавшагося отъ притязаній на престоль, въ малодушіи и слабости, и конечно, Христина, сама отрекшись отъ шведскаго трона, произнесетъ рѣшеніе въ пользу совѣстливаго мужчины противъ честолюбивой женщины. Въ предисловіи (praefatio) разказана исторія рукописи, въ которой оказался текстъ сочиненія Никифора Вриеннія. При этомъ намъ нужно прежде всего припомнить о неудачныхъ поискахъ Пуссина за манускриптомъ Алексіады, принадлежавшимъ вѣбогда Куяцію (см. выше). Когда уже Пуссинъ окончилъ свой латинскій переводъ сочиненія Анны, то одинъ тулузскій юристъ и профессоръ (Antonius Datinus Altaserra, regius professor juris), часто слышавшій жалобы Пуссина на безслѣдное исчезновеніе важнаго кодекса, вдругъ принесъ къ нему старинный греческій манускриптъ, содержащій Алексіаду и впереди ея какое-то другое произведеніе; ученому, который хорошо былъ знакомъ съ произведеніемъ цесаревны, не трудно было узнать въ послѣднемъ сочиненіе ея мужа, такъ какъ Анна сообщаетъ характеристику этого литературнаго труда Вриеннія и говоритъ объ его содержаніи и направленіи. Манускриптъ съ начала данъ былъ Пуссину на короткое время и какъ бы по секрету, безъ вѣдома настоящаго владѣльца; однако при помощи своего ученика Малтре, смѣняя другъ друга, когда одинъ уставалъ, онъ списалъ весь не изданный текстъ, не особенно, впрочемъ, обширный. Послѣ сдѣлался извѣстенъ и настоящий владѣлецъ манускрипта, Пюже, совѣтникъ Тулузскаго парламента (Pugetius, senatus Tolosani lumen); онъ не только не думалъ негодовать на то, что его рукопись сдѣлалась извѣстною Пуссину, но даже — если вѣрить Пуссину — отдалъ ее въ

¹⁾ Nicephori Bryennii Commentarii de rebus Byzantinis. Prodeunt nunc primum opera et studio *Petri Possini*, e Societ. Jesu.

²⁾ *Serenissimae Dominae Christinae Alexandrae Suecorum Gotthorum et Wandalorum reginae.*

полное распоряженіе, въ полную собственность ученаго иезуита: тогда-то Пуссинъ имѣлъ возможность отмѣтить на своемъ экземплярѣ всѣ разночтенія Алексиады по этому кодексу. Однако, кодексъ на время былъ взятъ или выпрошенъ у Пуссина для чего-то прежнимъ владѣльцемъ и по случаю его смерти остался у наслѣдниковъ, которыхъ Пуссинъ въ предисловіи къ изданію приглашаетъ воротить его собственность, даръ ихъ родственника (вѣроятно, безъ успѣха). Манускриптъ Тулузскій потомъ опять исчезъ безслѣдно; тѣмъ, слѣдовательно, драгоценнѣе сдѣланное Пуссиномъ изданіе сочиненія Пикифора, нигдѣ и ни въ какомъ другомъ спискѣ не отысканнаго. Оно, конечно, требовало разъясненій и комментаріевъ, гораздо болѣе полныхъ и отчетливыхъ, чѣмъ какіе въ состояніи былъ дать Пуссинъ; эта задача послѣ была исполнена самымъ удовлетворительнымъ образомъ при изданіи Киннама Дюканжемъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ дѣятельности этого только что названнаго корифея французской учености XVII вѣка, сдѣлавшаго для изученія византійской исторіи болѣе, чѣмъ кто-либо прежде или послѣ него, мы сначала упомянемъ еще о двухъ изданіяхъ—объ изданіи Пахимера Пуссиномъ и объ изданіи такъ-называемыхъ Писателей послѣ Теофана или продолжателей Теофана, *Scriptores post Theophanem* ¹⁾, приготоовленномъ Комбефизомъ, но выпущенномъ послѣ его смерти. Для втораго периода иконоборства, для времени Македонской династіи, то-есть, для всего девятаго и десятаго вѣковъ—писатели эти имѣютъ значеніе первичныхъ источниковъ—въ противоположность позднѣйшимъ компиляторамъ, Скилицію и Кедрину, которыми до тѣхъ поръ пробалялись ученые. Этимъ самымъ мы уже сказали, что большая часть драгоценныхъ текстовъ появились вновь и въ первый разъ въ рецензи Комбефиза. Къ сожалѣнію, какъ для Гоара Теофанъ, такъ для его друга и преемника продолжатели Теофана были предметомъ послѣдняго труда, за которымъ застала его смерть. Разница заключалась, однако, въ томъ, что Комбефизъ не оставилъ послѣ себя такого благоговѣйнаго и знающаго сотрудника, какимъ онъ былъ для Гоара, который dokon-

¹⁾ *Historiae Byzantinae Scriptores post Theophanem (partim nunc primum editi, partim recensiti et nova versione adornati, quorum catalogum proxima pagina indicabit). Cura et studio τοῦ μακαρίτου R. P. Francisci Combesis ordinis Praedicatorum congregationis S. Ludovici. Parisiis, in Typographia regia. Excudebat Sebastianus Marbe Crampey, Regis typographus et Regiae typographiae director MDCLXXV (1685).*

чилъ бы не доконченное. Комбефизъ умеръ, успѣвъ только напечатать греческій текстъ своихъ авторовъ съ латинскимъ переводомъ, но не снабдивъ ихъ ни обычными объяснительными примѣчаніями, ни даже введеніемъ. Выставленные на поляхъ тома цифры указываютъ, что къ извѣстнымъ мѣстамъ предполагался комментарий, но, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ, послѣ кончины Комбефиза не могли ничего отыскать. Такимъ образомъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ томовъ коллекціи явился безъ всякаго ученаго аппарата. Кромѣ директора королевской типографіи, Крамуази, никто болѣе не приложилъ къ нему рукъ. Отъ имени сего послѣдняго сдѣлано и неизбежное посвященіе самому Людовику XIV: *Ludovico Magno Regum aut arbitro aut victori*. Въмѣсто общаго *Praefatio* есть только отдѣльныя замѣтки при отдѣльныхъ пьесахъ, всегда недостаточныя, а въ одномъ случаѣ замѣтка изложена столь темно и сбивчиво, что послужила отчасти поводомъ къ недоразумѣніямъ, господствующимъ до сего времени. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о хроникѣ Симеона Метафраста. Въ частности содержаніе тома было слѣдующее:

1) Остовъ составляютъ три піесы, хотя написанныя и не всѣ однимъ авторомъ, но составляющія нѣчто цѣлое, одно продолженіе Теофана отъ Льва Армянина до смерти Константина Багрянороднаго. Въ проспектѣ Лабба (при *Protrepticon*) это самое произведеніе, принимаемое за одно цѣлое, приписывалось какому-то Леонтію, впрочемъ — съ оговоркою, что не всѣ такъ называютъ автора, по большей части считаемаго анонимнымъ¹⁾. Списокъ Леонтія или, лучше сказать, анонимнаго продолжателя Теофана былъ уже тогда сообщенъ изъ Рима Лукою Голстеномъ по приказанію кардинала Барберини. Именно этотъ самый авторъ разумѣется подъ именемъ Льва Армянина (*Leon Armenus*) въ перепискѣ Дююи. Изъ писемъ Голстена къ Пейреску далѣе извѣстно, что не только этотъ, но и другой продолжатель Теофана списаны были Дормалиемъ для Барберинской бібліотеки съ ватиканскихъ подлинниковъ еще около 1628 года.

¹⁾ *Leontius Byzantinus* (sic enim a quibusdam vocitatum accepimus) aut quis alius Anonymus, quocumque sensetur nomine, continuator Theophanis. Въ настоящее время греческій ученый *Сакелліонъ* (въ журналѣ *Δελτίον* IV, 389—390) высказываетъ догадку, что авторомъ анонимнаго продолженія былъ Теодоръ Даконопатъ, извѣстный писатель времени Константина Багрянороднаго, и Г. С. Дестунисъ находитъ соображенія Сакелліона вѣроятными (*Журналъ Минист. Нар. Просв.* июль, 1887 г., стр. 153). Впрочемъ, это мнѣніе не совсѣмъ новое. Ср. *A. Vatvaud*, *L'empire grec au X-me siècle*, pag. 65. 116.

Ихъ-то именно Голстенъ думалъ издать въ Римѣ вмѣстѣ съ Синкелломъ¹⁾). При началѣ греческаго текста въ парижскомъ изданіи на полѣ сдѣлана замѣтка, не оставляющая никакого сомнѣнія въ томъ, что эта новѣйшая копія, неизвѣстно какого достоинства и достовѣрности, послужила единственнымъ основаніемъ для Комбефиза при установленіи печатнаго до нынѣ оставшагося неизмѣннымъ текста²⁾). Въ подробномъ оглавленіи на второмъ заглавномъ листѣ эта часть тома обозначена слѣдующимъ образомъ:

Chronici jussu Constantini Porphyrogenneti conscripti, a Leone Armenio usque ad Michaellem Theophili f. libri IV Ex MS. Cod.

Idem Constantinus Porphyrogennetus de Basili imp. avi vita et rebus gestis. Cum nova versione. p. 132.

Anonymus continuator Theophanis a Leone Sapiente usque ad Romanum Constantini Porphyrogenneti F. Ex MSS. Cod. p. 217.

Сверхъ того, въ томъ же томѣ помѣщены слѣдующія статьи и сочиненія:

2) Orthodoxorum invectiva adversus iconomachos. Ex MS. Cod. p. 303. По гречески эта статья называется Λόγος στυλαστικός и содержитъ въ себѣ обличеніе иконоборческой ереси, составленное еще въ періодъ ея преобладанія; она въ боннскомъ изданіи не была перепечатана, равно какъ и нижеслѣдующая:

3) Joannis Jerosolymitani Narratio de iconomachis. Ex MS. Cod. p. 312. Разказъ о происхожденіи иконоборства, сообщенный засѣданію отцовъ седьмаго вселенскаго собора (787 г.).

4) Ioannes Cameniata et Demetrius Cydonius, de excidio Thessalonicae Cum nova versione pag. 317. При первой піесѣ есть небольшое предисловіе, гдѣ сказано, что она была издана Алляціемъ, а теперь сдѣланъ новый переводъ и присоединены примѣчанія, которыхъ, впрочемъ, при ясности повѣствованія не потребовалось много; а вслѣдъ затѣмъ впереди основнаго текста напечатанъ отрывокъ изъ сказанія о чудесахъ Дмитрія Солунскаго, которое Комбефизъ намѣревался въ будущемъ издать сполна.

²⁾ Vellem — id saltem petere ut tam magni operis partem aliquam a suis hic concinnari curaret Georgium Syncellum et duos continuatores Theophani. см. *Pélissier*, l. c., pag. 101.

¹⁾ При первомъ отдѣлѣ замѣчено: Ex emin. Cardin. Francisci Barberini Vaticano Arographo. При второмъ отдѣлѣ (біографія Василія Македонянина, приписываемая Константину Багрянородному): Graeca aucta et emendata post Allatianam editionem Ex Vaticano Emin. card. Barberini codice ex quo Superiora.

5) Symeonis Magistri ac Logothetae Annales à Leone Armenio usque ad Nicephorum Phocam. Ex MS. Cod. pag. 401—499.

При этомъ авторѣ находится именно то важное предувѣдомленіе, о которомъ мы выше говорили. Смыслъ его тотъ, что хроника Симеона магистра, другаго продолжателя Теофана, была отыскана въ двухъ кодексахъ королевской Парижской библіотеки. Въ томъ кодексѣ, по которому она была отпечатана, и который названъ здѣсь меньшимъ, она начинается именно съ царствованія Льва Армянина; но въ другомъ кодексѣ, оставленномъ, очевидно, въ сторонѣ, та же самая хроника начиналась отъ сотворенія міра—въ той части, которая только и интересовала издателя продолженій къ Теофану, будучи вполне тождественною съ первою рецензіей. Этотъ второй кодексъ названъ бѣльшимъ (major); изданіе его можетъ-де быть задачей другаго труда, и еслибы таковой былъ предпринятъ, то онъ послужилъ бы къ объясненію другихъ уже изданныхъ хронографовъ — помимо Льва Грамматика и Анонима, для иллюстраціи которыхъ достаточно и текста меньшаго кодекса, гдѣ другимъ авторомъ и другимъ стилемъ излагается то же самое, что у нихъ. Бѣльшій кодексъ, пожертвовавъ королевской библіотекѣ Трише дю-Френемъ (Raphael Trichet Dufresne), а меньшій имѣеть сдѣланное новою рукою надписаніе, указывающее, что авторомъ его былъ Метафрастъ: *Hic est Metaphrastes* ¹⁾.

¹⁾ Такъ какъ это предисловіе, принадлежащее Комбезиу, не было перепечатано въ бонскомъ изданіи, то не бесполезно привести его въ подлинникѣ.

Scriptit et ab orbe condito extantque altero, ac majore Regio Codice. Opus est ex diversis congestum historicis et annalium scriptoribus; ipsum tamen haud satis plenum. Hic nobis verus Annalista, alterque Continuator erit, ipso pene Theophanis digestus schemate, quantum codex alter, ipse Regius minor representavit: hoc unum a majore discrepans, quod superiora illa a Logotheta remotiora, ac in quibus levius opera perfunctus videatur, omisit: quo et nobis consilio praecivit: ac quod una haec in praesentem rem nostram faciant, eadem alio auctore ac stylo sub una libri serie repetita, lucis plurimum sibi mutuo afferant; ut et Leoni Grammatico, qui inter reliquos magis ipse egenus ac cribratissimus est. Superioris illius Regii Codicis alia molitio dederit, et qua jam editi auctores chronographi—haud leviter illustrari possint. Adscriptum majori illi Codici alia manu pauloque recentiori: Hic est Metaphrastes; cujus tanti Annales et chronica Hippolyto Thebano ut et omnibus anteponat. Debemus, ex quo exscripsi, Codicem Raphaeli Trichet Dufresne, ex cujus libris, ipso defuncto, in gazam Regiam illatus (ac in eis Maximus plenissimus Codex atque optimus), me illi potissimum auctore, extrema sua in Italiam profectio, ditanda Graecis Gallia nostra, eaque christianum orbem, Parisios allata.

6. Наконецъ, здѣсь же въ первый разъ появился въ печати Георгій Амартолъ; хроника его обыкновенно начинается тоже съ сотворенія міра, но Комбефизомъ была издана только часть, начинающаяся царствованіемъ Льва Армянина: *Georgii Monachi vitae recentiorum imperatorum*, а *Leone Armenio usque ad Constantinum Porphyrogenetum*.

Что касается сочиненія Георгія Пахимера, то оно относится ко временамъ Палеологовъ, описываетъ царствованіе Михаила Палеолога и первые двадцать шесть лѣтъ (1282—1308 гг.) правленія Андроника II Старшаго, занимая средину и наполняя промежутокъ между Георгіемъ Акрополитомъ и Кантакузиномъ, и совпадая съ Никифоромъ Григорѣмъ. Сочиненіе Пахимера было извѣстно Иерониму Вольфу и Петавію; первый въ латинскомъ переводѣ, второй въ подлинникѣ напечатали изъ него нѣкоторые незначительные отрывки. Изданіе этого обширнаго творенія выдается изъ среды всѣхъ другихъ византийскихъ тѣмъ, что оно было напечатано собственно не въ Парижѣ, а въ Римѣ, въ типографіи Барберинской, хотя все-таки считается принадлежащимъ къ парижской коллекціи, составляя два ея тома, первый, посвященный Михаилу Палеологу, а второй—его преемнику Андронику II Старшему¹⁾. Оно составляетъ наилучшую заслугу Пуссина, который работалъ надъ нимъ нѣсколько лѣтъ (первый томъ вышелъ въ 1666, второй въ 1669 году). Основою для изданія текста послужилъ списокъ, принадлежавшій нѣкогда папѣ Урбану VIII, который,

Ф. Гиршъ, авторъ прекраснаго изслѣдованія о византийскихъ хроникахъ Македонскаго періода (*Byzantinische Studien. Leipzig. 1876*), повѣлъ дѣло такъ: что Комбефизъ нашелъ въ Парижской библиотекѣ двѣ рукописи хроники Симеона: одна изъ нихъ содержала въ себѣ хронику въ объемѣ, въ какомъ онъ ее издалъ, а въ другой исторія отъ Льва V до Романа II составляла только послѣднюю часть большаго творенія, начинающагося отъ сотворенія міра, и что Комбефизъ принялъ за основаніе именно *послѣднюю рукопись, опутивъ первую ея часть* и т. д. Въ этомъ и заключается первое изъ недоразумѣній, которыхъ у Гирша въ подлежащей главѣ вообще не мало.

¹⁾ Общее заглавіе при первомъ томѣ: *Georgii Pachymeris historia*. Частное для перваго тома: *Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Μιχαὴλ Παλαιολόγος. Georgii Pachymeris Michael Palaeologus, sive historia rerum a Michaele gestarum, nunc primum edita ex bibliotheca Barberina interprete P. Pussino e soc. Jesu. Accesserunt ejusdem observationum libri tres. — et appendix: specimen sapientiae Indorum veterum. Romae, Typis Barberinis. 1666*. Заглавіе втораго тома: *Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Ἀνδρόνικος Παλαιολόγος. Georgii Pachymeris Andronicus Palaeologus, sive historia rerum ab Andronico seniore gestarum ad annum ejus aetatis unde quinquagesimum. Ex bibliotheca et cet. Romae, Typis Barberinis. 1669*.

прочитавъ въ подлинникѣ произведеніе византійца, находилъ его достойнымъ латинскаго перевода и печати; порученіе въ этомъ смыслѣ дано было папою своему племяннику кардиналу Барберини, который однако цѣлые двадцать лѣтъ не находилъ охотника приняться за довольно тяжелый трудъ, пока не взялся за него французскій іезуитъ. По мнѣнію Пуссина, Барберинскій кодексъ, наилучшій изъ всѣхъ и несравненно превосходящій тотъ Аугсбургскій, которымъ пользовался Вольфъ, былъ современенъ автору, то-есть, былъ писанъ въ XIV вѣкѣ. Кромѣ того, у Пуссина было еще два списка: ватиканскій и алляціевъ, при помощи которыхъ онъ восполнилъ пробѣлы своего главнаго. Изданіе посвящено было памяти папы Урбана и притомъ написано отъ имени Пахимера, который благодаритъ Римскаго первосвященника за то, что онъ спасъ его твореніе отъ забвенія чрезъ посредство своего племянника. Въ предисловіи къ читателю объясняется, что сочиненіе Пахимера, разказывающее о разныхъ попыткахъ уни Греческой церкви съ Римскою, хотя и написано въ духѣ схизматическомъ, но именно вслѣдствіе того особенно поучительно, такъ какъ отсюда ясно обнаруживается, что всѣ бѣдствія Византійской имперіи со времени Андроника Старшаго были послѣдствіемъ измѣны Римскому престолу или же уни, разъ было признанной при Михаилѣ Палеологѣ. Переводъ на латинскій языкъ сочиненія, писаннаго крайне тяжелымъ и темнымъ слогомъ, требовалъ, конечно, большаго труда; можетъ быть, его и нельзя признать удовлетворительнымъ, но вѣрно то, что Пуссинъ болѣе старался о передачѣ смысла въ удобопонятной формѣ, чѣмъ о сохраненіи буквальной близости къ подлиннику. На сей разъ Пуссинъ успѣлъ присоединить къ своему изданію весьма обширный комментарий, заслуживающій вниманія и благодарности. Комментарій, сопровождающій каждый томъ отдѣльно, одинаково въ первомъ и второмъ, распадается на три отдѣла: 1) словарь, *Glossarium*, 2) собственно примѣчанія, *Notae*, и 3) хронологическая повѣрка, *chronologicus*. Къ первому тому прибавлены въ видѣ приложенія (*appendix*) упомянутыя у Пахимера „Притчи Ихнилата“, (τοὺ Ἰχνηλάτου παραβολικά), при чемъ однако Пуссинъ не сохранилъ подлиннаго заглавія знаменитой повѣсти о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, переведенной съ арабскаго на греческій Симеономъ Сяѳомъ въ концѣ XI столѣтія и ведущей свое начало изъ Индіи, но далъ своему латинскому переводу названіе „Образецъ мудрости древнихъ индійцевъ“. Греческаго текста, на который указывалъ Пахимеръ, и который по первому запросу сообщенъ былъ изъ

Рима изъ библіотеки Алліція, Пуссинъ не счелъ нужнымъ напечатать ¹⁾). Теперь мы должны говорить о Дюканжѣ. При этомъ намъ нужно будетъ имѣть въ виду не одни только изданія византійскихъ текстовъ, но и другіе капитальные труды, направленные къ ихъ объясненію и до сихъ поръ составляющіе первостепенное и необходимое пособіе при ихъ изученіи.

Среди людей, занимавшихся византійскою исторіей въ XVII вѣкѣ, первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно Шарлю Дюканжу. Да едва ли не ему принадлежитъ первое мѣсто не только въ тотъ вѣкъ, но и въ послѣдующія времена. Въ 1849 г. онъ удостоился рѣдкой для ученаго чести: въ его родномъ городѣ Аміенѣ ему воздвигнутъ былъ памятникъ, и по случаю этого торжества было написано нѣсколько біографій этого знаменитаго ученаго, изъ которыхъ лучшая принадлежитъ Леону Фежеру. На основаніи этой біографіи и составленъ нижеслѣдующій очеркъ жизни и трудовъ Дюканжа ²⁾).

18-го декабря 1610 года родился у Луи Дю-Френя сынъ, котораго назвали Шарлемъ Дюканжемъ. Канжемъ назывался одинъ изъ старинныхъ леновъ Дю-Френя, а въ то время въ дворянскихъ семействахъ было въ обычаѣ давать каждому сыну имя какого-нибудь помѣстья. Отецъ Дюканжа былъ чиновникомъ, какъ и всѣ его предки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ высокообразованный и много занимался науками. Можно сказать, что умъ и талантъ были наслѣдственны въ этомъ семействѣ, имя котораго никогда не забудется. Мы ничего не знаемъ о первыхъ годахъ жизни Дюканжа и можемъ только сказать, что онъ поступилъ очень рано въ Аміенскую

¹⁾ Въ первый разъ греческій текстъ напечатанъ былъ по рукописи Голстена Штаркомъ въ 1697 году. Всѣ нужныя свѣдѣнія о Стефанитѣ и Ихилатѣ, персидскихъ и арабскихъ переводахъ этого произведенія, объ изданіяхъ греческой передѣлки можно найти въ Очеркѣ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ *А. Н. Пипина*, стр. 148—158, а также въ предисловіи къ славяно-русскому переводу Стефанита и Ихилата, изданному Обществомъ любителей древней письменности (XVI и XXVII выпуски).

²⁾ *Feugère, Etude sur la vie et les ouvrages de Du Cange. Paris. 1852.* Ср. письмо Валюва къ Ренодо, содержащее въ себѣ некрологъ Дюканжа, при Пасхальной хроникѣ II, 67 бонвск. изд. Тамъ же списокъ его сочиненій стр. 41. Мы пользовались также перепискою Монфокона и Мабильона, въ которой часто идетъ рѣчь о Дюканжѣ: *Correspondance inédite de Mabillon et Monfaucon avec Italie. Publ. par M. Valery Paris. 1847.* Можно еще читать о Дюканжѣ: *Hardouin. Essai sur la vie et sur les ouvrages de Ducange. Paris. 1849,* и статью о латинскомъ Словарѣ его *Pardessus* въ *Journal des savants, janvier et fevrier 1847.*

гимназію, которая тогда процвѣтала подъ руководствомъ іезуитовъ. 13-ти лѣтъ онъ уже хорошо зналъ греческій языкъ, а 18-ти лѣтъ окончилъ курсъ. По мнѣнію учителей молодаго Дюканжа, которые были очарованы его живымъ умомъ и настойчивымъ прилежаніемъ, онъ былъ достаточно способенъ сдѣлаться чѣмъ угодно, но особенно хорошимъ чиновникомъ. Поэтому отецъ Дюканжа послалъ его изучать право въ Орлеанъ, издавна славившійся своимъ юридическимъ факультетомъ. Но чиновничья карьера не пришлась ему по вкусу; онъ былъ уже въ Парижѣ зачисленъ въ адвокаты, когда рѣшился оставить столицу и вернуться въ свой родной городъ, гдѣ думалъ заняться наукою. Его призывало сюда еще чувство долга: онъ считалъ себя обязаннымъ ухаживать за старикомъ отцомъ. Дюфрень, любившій науку, постоянно поощрялъ сына къ серьезнымъ занятіямъ; онъ былъ лучшимъ его учителемъ, и Дюканжъ, потерявшій мать слишкомъ рано, вдвойнѣ привязался къ своему достойному отцу. Съ этихъ поръ Дюканжъ окончательно посвятилъ себя исторіи; онъ занимался не только изученіемъ фактовъ, но и вспомогательными науками, необходимыми для пониманія исторіи, лингвистикой, филологіей, правомъ, философіей и богословіемъ. Такъ долго трудился онъ, ничего не печатаая и находя наслажденіе въ самомъ процессѣ труда; *mihi sano et musis*, часто повторялъ онъ.

Въ 1638 г. Дюканжъ потерялъ отца, и чтобы заставить его нѣсколько забыть его горе, друзья уговорили его жениться. Говорятъ, что въ самый день свадьбы онъ работалъ 6 или 7 часовъ. Такъ велика была у него привычка къ труду! Отъ этого брака Дюканжъ имѣлъ 10 дѣтей. Въ нѣсколько странномъ припадкѣ удивленія одинъ позднѣйшій ученый XVIII вѣка (Дюваль) воскликнулъ: „Какъ это возможно, чтобы человѣкъ, который столько думалъ, столько прочелъ, столько написалъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ женатъ 50 лѣтъ и имѣлъ такое многочисленное семейство?“ „Многіе полагаютъ“, замѣчаетъ знаменитый Балюзъ въ своемъ некрологѣ Дюканжа—„что брачныя связи мѣшаютъ ученымъ занятіямъ и что свойство этихъ занятій таково, что имъ могутъ предаваться только люди, ведущіе холостую жизнь, *qui libero lectulo utuntur*, какъ говоритъ Цицеронъ. Однако занятія Дюканжа не потерпѣли никакого ущерба или замедленія отъ его брака“. Замѣтимъ, что Дюканжъ самъ и весьма старательно воспитывалъ своихъ дѣтей и никогда не забывалъ обязанностей отца семейства. Для того, чтобы его семейство ни въ чемъ не нуждалось, онъ занялъ даже мѣсто въ финансовой администраціи

Амьена и весьма аккуратно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Дюканжъ продолжалъ заниматься исторіей, но никто объ этомъ не зналъ; ему было уже 45 лѣтъ, а онъ еще ничего не напечаталъ. Въ 1657 г. появился его первый трудъ „Исторія Константинополя при Французскихъ императорахъ“ ¹⁾. Въ этомъ трудѣ Дюканжъ является въ одно и то же время издателемъ средневѣковыхъ текстовъ и самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Здѣсь одинаково проявилось его знаніе исторіи Франціи и Византіи. Въ видѣ основнаго текста авторъ издалъ Виллгардуена (Villehardouin), историка четвертаго крестоваго похода, который былъ напечатанъ еще раньше, въ XVI вѣкѣ, но въ очень неисправномъ видѣ; онъ исправилъ старофранцузскій текстъ, приложилъ къ нему новый близкій переводъ и коментаріи ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ извлеченная на свѣтъ Божій хроника епископа города Турнэ во Фландріи Филиппа Муска, написанная рифмованными французскими стихами и составляющая естественное продолженіе къ Исторіи завоеванія, такъ какъ она излагаетъ исторію Латинской имперіи при императорахъ Фландрскаго дома; теперь эта хроника вполне напечатана Рейффенбергомъ въ *Collection des chroniques Belges* (t. II. Bruxelles. 1838). Вторая часть представляетъ дополненіе и продолженіе въ первой и обнимаетъ, все XIII столѣтіе и первую половину XIV. Изложеніе начинается съ того момента, когда сталъ подготавливаться четвертый крестовый походъ, и простирается до того времени, когда исчезаютъ въ Византійской имперіи, и въ особенности въ Морей послѣдніе слѣды Латинской имперіи. Оно содержитъ въ себѣ рядъ собственныхъ изслѣдованій Дюканжа, раздѣленныхъ на восемь отдѣловъ (книгъ) и посвященныхъ хронологически-историческому обзорѣнью французскихъ императоровъ Константинополя, латинскихъ въ немъ патріарховъ, королей Солунскихъ, князей Морейскихъ, Ахейскихъ и Епирскихъ, герцоговъ Аѳонскихъ, Драча (Ducas, Диррахій), Никозіи, сеньоровъ Негропонта, Метелина и др.

¹⁾ Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français, divisée en deux parties, dont la première contient la conquête de Constantinople par les François et les Vénitiens, écrite par Geoffroy de Ville-Hardouin; avec la suite de cette histoire jusq'en 1240, tirée du manuscrit de Philippe Mouske; la seconde contient une histoire générale de ce que les François et les Latins ont fait de plus memorable dans l'empire de Constantinople etc.

²⁾ Histoire de la Conqueste de Constantinople composée par Geoffroy Ville-Hardouin, avec la suite composée par Philippes Mouskes. A Paris de l'imprimerie royale 1657 fol.

Авторъ, согласно методу, которому онъ постоянно слѣдовалъ, не говоритъ ничего безъ доказательствъ; внизу каждой страницы онъ приводитъ массу цитатъ и въ концѣ книги прилагаетъ новые тексты, извлеченные имъ изъ хроникъ и другихъ современныхъ документовъ. Но понятно, что при такой системѣ разказъ не можетъ быть живъ и легокъ для чтенія.

Первый трудъ Дюканжа былъ оцененъ по достоинству и обратилъ на него всеобщее вниманіе. Тѣмъ не менѣе онъ не торопился опубликовать другія свои изслѣдованія и только по прошествіи 8 лѣтъ издалъ „Историческій трактатъ о главѣ Іоанна Крестителя“¹⁾, въ которомъ доказываетъ, что глава Іоанна Крестителя дѣйствительно должна находиться въ Амьенѣ, и что его родной городъ не напрасно гордится этою святыней. Трудъ этотъ имѣетъ значеніе не только для агіографіи, но и для исторіи; авторъ издалъ нѣсколько греческихъ трактатовъ, дотолѣ не изданныхъ и древность которыхъ неоспорима. Два изъ нихъ относятся къ VI вѣку; остальные, между которыми есть и трактатъ Феодора Студитскаго—къ IX. Черезъ три года Дю-Канжъ напечаталъ, исторію Людовика Святаго²⁾. Въ этомъ изслѣдованіи изданъ имъ Жуанвиль (Joinville), историкъ отлично знакомящій насъ съ Людовикомъ св., обществомъ и нравами XIII вѣка; сочиненіе его существовало уже въ двухъ, но очень плохихъ изданіяхъ. Дюканжу не удалось отыскать новаго кодекса Жуанвиля, и для исправленія текста ему приходилось руководствоваться единственно критическимъ тактомъ; позднѣйшія открытія показали, что поправки были сдѣланы имъ весьма искусно, и многія мѣста восстановлены такъ, какъ ихъ потомъ прочли въ оригиналѣ.

Въ своемъ трудѣ Дюканжъ издалъ еще много не изданныхъ или плохо изданныхъ источниковъ для времени Людовика Святаго, напри- мѣръ, исторію этого короля, написанную въ стихахъ въ началѣ XIV вѣка Гильомомъ Гиаромъ (Guillaume Guiard); трактатъ о смерти современника его Роберта де-Сенсеріо (de Sainceriaux); жизнеописаніе сестры короля Изабеллы, составленное Агнесою де-Гаркуръ (de Harcourt); завѣщаніе брата короля Петра, графа Алансонскаго; наконецъ Постановленія (Etablissements) св. Людовика, то-есть, приписанный

¹⁾ *Traité Historique du Chef de Saint Jean Baptiste.* A Paris chez S. Cramoisy 1665.

²⁾ *Historie de Saint Louis IX du nom roy de France, écrite par Jean Sire de Joinville avec des observations et dissertations historiques.* 1668.

ему—не совѣмъ, какъ теперь доказано, основательно — сводъ обычнаго права, дѣйствовавшаго въ нѣкоторыхъ областяхъ средней Франціи. Кромѣ того, въ громадномъ количествѣ приложеній авторомъ разобрана масса вопросовъ, относящихся къ управленію и времени Людовика Святаго. Видное мѣсто среди этихъ приложеній занимаетъ трактатъ о частныхъ войнахъ, старинной привилегіи дворянъ, отнятой у нихъ только въ царствованіе Людовика Святаго. Весьма важны также диссертациі о Шампаньи, гдѣ авторъ доказываетъ, что эта провинція всегда признавала верховенство Французскихъ королей, и о графахъ палатинахъ, которые, по выводу автора, существовали во Франціи съ самаго учрежденія монархіи. Съ громадною эрудиціей авторъ трактуетъ и о разныхъ другихъ специальныхъ вопросахъ, объ оружіи, о гербахъ, о дворѣ и придворныхъ празднествахъ и т. д. Къ сожалѣнію, форма, въ которой изложены всѣ эти въ высшей степени поучительныя и содержательныя изслѣдованія, весьма мало привлекаетъ читателя. Изложеніе сухое и мало обработанное; у великаго ученаго совѣмъ не было воображенія, которое оживотворяетъ въ нѣкоторомъ родѣ историческіе документы.

Въ тотъ же годъ, когда Дюканжъ издалъ свою исторію Людовика Святаго, посвященную Людовику XIV, случилось обстоятельство, не мало повліявшее на ходъ его занятій. Эпидемія, распространившаяся въ Амьенѣ, заставила его удалиться со всѣмъ семействомъ изъ роднаго города; онъ поѣхалъ въ Парижъ и поселился тутъ навсегда. Вслѣдствіе этого обстоятельства онъ еще ближе сошелся со всѣми столичными учеными и, отдѣлвшись навсегда отъ чиновничьей карьеры, получилъ возможность пользоваться всѣми книгами, и особенно византийскими и другими рукописями, которыми такъ богата была королевская бібліотека въ Парижѣ. О впечатлѣніи, какое должно было произвести появленіе Дюканжа среди тогдашнихъ ученыхъ, можно судить по письму одного бенедиктинца (Bonnefond) къ его собрату по ордену и конгрегациі св. Мавра, издателю извѣстнаго сборника разнообразнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ документовъ и вообще источниковъ для средневѣковой исторіи, появившагося въ 13-ти томахъ (1655—1677) подъ именемъ Спицилегія, къ dom Luc d'Achezy (отъ 26-го іюля 1666 года). Извѣщая о прибытіи въ Парижъ Дюканжа, корреспондентъ д'Ашери пишетъ: „Вы увидите въ немъ одного изъ самыхъ хорошихъ людей, съ какими вы когда-либо имѣли дѣло, и весьма ученаго, особенно въ исторіи. Онъ можетъ оказать вамъ много услугъ, указывая вамъ рѣдкія статьи (піесы), подходящія

къ цѣли вашего Спицилегія, тѣмъ больше, что чрезъ его руки прошло громадное количество весьма цѣнныхъ рукописей, которыя ему прислали его друзья. Нужно сознаться, что въ продолженіе визита, который я ему сдѣлалъ, я получилъ столько удовольствія и назиданія, что я не могу этого выразить; и онъ предлагалъ мнѣ свои услуги съ такою сердечностью, что я этимъ былъ смущенъ. Я не сомнѣваюсь, тому много содѣйствовало то обстоятельство, что я явился къ нему отъ вашего имени, не говоря объ его характерѣ, крайне мягкомъ и обязательномъ. Хотя при этомъ первомъ разговорѣ я не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только представить ваши рекомендаціи, тѣмъ не менѣе по поводу вашего Спицилегія, который онъ очень хвалитъ, мнѣ пришлось немного войти въ самый предметъ (*un peu entrer en matière*) и потолковать объ исторіи. Я старался справиться съ задачею какъ возможно менѣе худо; но участіе, которое онъ обнаруживалъ, и удовольствіе, которое высказывалъ, были причиною того, что наша бесѣда продлилась болѣе часу. Онъ затѣмъ показалъ мнѣ свою библіотеку, очень хорошо составленную изъ книгъ, подобранныхъ разумно, и притомъ хорошо расположенную; она обогащена многими статуями новой, но хорошей работы, которыя разставлены на равныхъ разстояніяхъ по книжнымъ полкамъ и въ пустыхъ пространствахъ между книгами; она украшена также многими греческими надписями... Онъ работаетъ въ этой довольно пріятной обстановкѣ... Онъ пишетъ не на листахъ, а на лѣтучихъ полулисткахъ, и очень мнѣ хвалилъ этотъ способъ⁴⁾.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Парижѣ, Дюканжъ издалъ въ 1670 году Киннама, византійскаго историка XII вѣка, описавшаго кратко царствованіе Іоанна II Комнина (1118—1143) и очень подробно царствованіе Мануила (1143—1180) до 1176 года, какъ это мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Въ единственномъ сдѣланшемся извѣстнымъ ватиканскомъ спискѣ (*Cod. Vat. gr. 163*), писанномъ, какъ показываетъ сдѣланная въ одномъ мѣстѣ на полѣ замѣтка, во время самой осады Царяграда турками (въ 1453 году) и не доконченномъ, по видимому, вслѣдствіе наступившей катастрофы, исторія Киннама обрывается въ шестой книгѣ на среднѣй фразы; Алляцій, по его словамъ, читалъ и начало седьмой, но точность его показанія сомнительна. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что авторъ имѣлъ намѣреніе описать все царствованіе Мануила, своего

⁴⁾ Письмо приведено у *Демилля*: *Cabinet des manuscrits* I, 425.

излюбленнаго героя, котораго онъ пережилъ на много лѣтъ. Не задолго до появленія Киннама въ парижскомъ собраніи, онъ былъ изданъ въ Голландіи (въ 1652 году) ученымъ Толліемъ (Tollius) по копіи съ ватиканскаго списка, сдѣланной извѣстнымъ тогда филологомъ, Исаакомъ Фоссомъ (Vossius), тоже голландскаго происхожденія, но долго проживавшимъ въ Швеціи и принадлежавшимъ къ ученому кругу королевы Христины. Объ изданіи Толлія нельзя сказать много хорошаго; текстъ не отличался полною исправностью, латинскій переводъ не былъ удовлетворителенъ, примѣчанія были крайне скудны и совсѣмъ не показывали достаточной исторической подготовки у комментатора. Изъ ученой переписки между Парижемъ и Римомъ по поводу изданія византійской коллекціи мы узнаемъ, что Киннамъ или, какъ сначала именовали писателя, Синнамъ (Sinnamus) былъ въ виду у французовъ уже съ 1647 года. Голстенъ извѣщалъ Дююи объ отправленіи изъ Рима пакета съ Алексіадою Анны Комнина и Синнамомъ; Дююи, выражая надлежащую благодарность, заявлялъ, что при изданіи книги не преминуть упомянуть о лицѣ, чрезъ посредство котораго открыто интересное произведеніе ¹⁾. Однако, въ предисловіи Дюканжа ничего не сказано объ участіи и заслугахъ Голстена, хотя и есть признаки того, что, кромѣ печатнаго изданія Толлія, Дюканжъ имѣлъ собственныя данныя, по крайней мѣрѣ о внѣшнихъ характеристическихъ признакахъ подлинной рукописи (о раздѣленіи на шесть книгъ), то-есть, располагалъ присланною задолго передъ тѣмъ копіею съ нея. Въ проспектѣ, приложенномъ къ воззванію Лабба (Protrepticon), изданіе Синнама предназначалось Пуссину, который долженъ былъ приготовить переводъ и примѣчанія; значитъ, уже тогда манускриптъ подлинника былъ на лицо, но, по видимому, Пуссинъ совсѣмъ не принимался за эту работу, по крайней мѣрѣ Дюканжъ и на этотъ счетъ хранитъ молчаніе. При новомъ изданіи ²⁾ по отношенію къ тексту Дюканжъ ограничился немногими и несущественными исправленіями; но не въ томъ онъ и полагалъ свою задачу. Посвящая

¹⁾ *Pélessier*. Les amis d'Holstenius; Mélanges d. archéologie et cet. Mars. 1887, pag. 112: Mois vous ne trouverez pas mauvais que l'on dit que c'est par votre moien qu'on a recouvert ce livre aussi bien que le *Synnamus*.

²⁾ Ioannis Cinnami de rebus gestis a Ioanne et Manuele Comnenis libri VI cum notis historicis et philologicis Carol. du Fresne du Cange in Niephori Bryennii et Annae Comuenaе historiam necnon in eundem Cinnamum; accedit Pauli Silentiaril descriptio Sanctae Sophiae cura ejusdem du Cange, cum ejus uberiore commentario. 1670.

свой трудъ Кольберу, прославляя при этомъ его заботы о королевской библиотекѣ и собраніи медалей, Дюканжъ указывалъ на важность содержанія издаваемого произведенія, на то, что у Киннама идетъ между прочимъ рѣчь и о Французскомъ королѣ Людовикѣ VII и объ его участіи во второмъ крестовомъ походѣ, указывалъ вообще тѣсную связь византійской исторіи въ періодъ Комниновъ съ западно-европейскою и на ближайшее ея отношеніе къ исторіи Франціи и къ исторіи крестовыхъ походовъ, въ которыхъ французы играли главную роль. Такимъ образомъ Дюканжъ относился къ дѣлу не столько съ филологической, сколько съ исторической точки зрѣнія, цѣнилъ въ подлежащемъ сочиненіи прежде всего новый историческій матеріалъ, и притомъ не только по отношенію къ отдѣльнымъ какимъ-либо фактамъ, а по отношенію къ цѣлому ихъ ряду, объединяемому одною общою идеей взаимодѣйствія между востокомъ и западомъ и служенія французомъ христіанскому или въ частности католическому интересу освобожденія Святой Земли и Сиріи отъ власти мусульманской съ подчиненіемъ ихъ западу: однимъ словомъ, изслѣдователю по прежнему предносилась мысль о латинскомъ востокѣ. Этимъ самымъ Дюканжъ приведенъ былъ къ сознанію необходимости изучать заразъ цѣлую эпоху, весь періодъ Компиновъ, на сколько онъ отразился въ сочиненіяхъ Вриеннія, Анны Компины и Киннама, кстати находившихся въ тѣсной связи одно съ другимъ, такъ какъ эти авторы прямо продолжали другъ друга, заявляя о томъ въ началѣ своихъ произведеній. Въ виду полной неудовлетворительности того, что до сихъ поръ было сдѣлано для разъясненія и для облегченія пониманія исторіи Компиновъ, Дюканжъ взялъ на себя обязанность комментировать не только вновь издаваемого Киннама, но и его предшественниковъ, изданныхъ Пуссиномъ—Анну Компину и кесаря Вриеннія: комментарий къ послѣднимъ составляютъ какъ бы приложение въ вышедшемъ томѣ, будучи помѣщены въ концѣ его. Впереди комментарія къ Киннаму помѣщены родословныя таблицы не только дома Компиновъ, но и фамилій норманскихъ южно-италіанскихъ влестителей изъ потомства Роберта Гвискарда, то-есть, герцоговъ Апуліи и королей Сициліи, а также родословная таблица Турецкихъ султановъ племени Сельджукидовъ. Сверхъ того, прибавлено описаніе Константинополя Бондельмонти, составленное за нѣсколько лѣтъ до взятія города турками, и описаніе Святой Софіи Павла Силенціарія, писателя VI вѣка, то-есть, современника Юстиніанова, которое собирались было печатать Ламбецій и Малтре

(см. выше): послѣднія двѣ пьесы находились развѣ только въ отдаленной связи съ основнымъ текстомъ изданія и присоединены главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ нигдѣмъ еще не напечатаны и недавно попали въ руки Дюканжа; не подлежитъ впрочемъ сомнѣнью, что сами по себѣ онѣ имѣли высокую важность. Обширныя комментаріи Дюканжа къ тремъ писателямъ вѣка Комниновъ—къ Киннаму, Аннѣ и Вриеннью—имѣютъ вполне однородный и цѣльный характеръ. Главная цѣль, преслѣдуемая толкователемъ, заключается въ разъясненіи того, что у этихъ писателей есть темнаго въ разказахъ о внѣшнихъ событіяхъ, иногда даже загадочнаго—вслѣдствіе условной ложно-классической терминологіи, продолжавшей толковать о персахъ и скивахъ, когда на сценѣ находились турки и половцы, въ повѣркѣ самой достовѣрности разказовъ зятя о тестѣ (Вриеннія объ Алексѣѣ Комнинѣ), дочери объ отцѣ, подданнаго о своемъ недавно умершемъ государѣ, гдѣ, слѣдовательно, трудно было ожидать полнаго безпристрастія. Средства для разъясненія и повѣрки, для достиженія большей точности представленія и болѣе справедливой оцѣнки фактовъ заключались прежде всего въ современныхъ хроникахъ французскихъ, южно-италіанскихъ, германскихъ, венгерскихъ, венеціанскихъ, славянскихъ, турецкихъ, въ отдѣльныхъ специальныхъ повѣствованіяхъ о крестовыхъ походахъ. Въ періодъ крестовыхъ походовъ Византія была центральнымъ пунктомъ тогдашней всемірной политики, вела борьбу съ азіатскими турецкими мусульманами то сама по себѣ, то въ союзѣ съ западными народами и государями, а еще чаще соперничала съ ними въ общемъ стремленіи утвердить или возстановить свое господство въ Малой Азіи и Сиріи; въ Италіи она боролась съ норманнами за послѣдніе остатки своихъ владѣній въ Апуліи и Калабріи и дружила съ венеціанцами, которые свачала служили ея союзниками противъ норманновъ, а потомъ стали ея торговыми и политическими соперниками; съ Венгріей шла борьба за обладаніе сербскими и хорватскими землями, прерывавшаяся иногда перемиріемъ и родственными союзами, приводившими за то къ прямому вмѣшательству Византіи въ вопросы угорскаго престолонаслѣдія; чрезъ Византію проходили крестоносныя ополченія Готфрида и Боемунда, Конрада Германскаго и Людовика VII Французскаго и т. д. Обо всемъ этомъ въ гораздо болѣе простой и непосредственной, иногда въ совсѣмъ грубой формѣ разказываютъ хроники, повѣсти и анналы соотвѣтствующихъ народовъ, раннія и позднія, первоначальныя и производныя. Нужна была громадная начитанность и небывалая эрудиція Дю-

канжа для того, чтобъ исполнить задачу общаго сличенія и повѣрки византійскихъ трехъ историковъ означеннаго періода съ соотвѣтствующими западными и восточными свидѣтельствами. Легкость, съ которою Дюканжъ припоминаетъ все тогда напечатанное и многое не напечатанное — то хронику Монтекассинскаго монастыря въ южной Италіи, то мадьярскую лѣтопись Туроча, то анналы Дубровницкіе Лукаріа (Lussari), то Вильгельма Тирскаго, то разные нѣмецкіе анналы, по истинѣ изумительна. Кажется, что онъ зналъ все, кромѣ русскихъ лѣтописей, которыхъ тогда и нельзя было знать. Примѣчанія его перепечатаны въ боннскомъ изданіи и ими пользуются до сихъ поръ.

Дюканжъ, какъ сказано, посвятилъ свой трудъ Кольберу, который заботился о развитіи искусствъ и наукъ столько же, сколько о развитіи торговли и промышленности. Онъ основалъ малую академію (*petite académie*), которая впослѣдствіи была переименована въ *Académie des inscriptions et belles lettres*, и которою гордится Франція. По предложенію Кольбера, въ 1676 г. было создано собраніе ученыхъ для составленія сборника, содержащаго въ себѣ источники для исторіи Франціи. На Дюканжа было возложено порученіе составить проектъ, какъ издать этотъ сборникъ; планъ его однако не былъ принятъ—вѣроятно, потому, что онъ требовалъ слишкомъ мелочной и слишкомъ утомительной и неблагодарной работы; онъ желалъ, чтобы всѣ трудились такъ, какъ трудился онъ самъ, то-есть, чтобы не ограничивались одними примѣчаніями къ источникамъ, а писали бы цѣлые трактаты по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Неудачу эту, какъ она ни была неприятна, Дюканжъ перенесъ съ большою покорностью; послѣ 46-лѣтней работы онъ все еще продолжалъ трудиться съ тою же усидчивостью, какъ и въ молодые годы. Въ 1678 г. появился его колоссальный трудъ: *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. 3 vol. in folio. Дюканжъ не думалъ ограничиваться, какъ это сдѣлали Етьенни по отношенію къ классическому языку, однимъ собираніемъ словъ и указаніемъ ихъ различныхъ значеній; онъ полагалъ, что по поводу и при помощи этихъ словъ можно познакомиться съ самою сущностью вещей, означаемыхъ словами, съ политическимъ и религіознымъ бытомъ, съ учрежденіями, правами и обычаями средневѣковой жизни. Въ Словарѣ выступаютъ наружу въ алфавитномъ порядкѣ матеріалы, собранные авторомъ въ теченіе 50 лѣтъ. Подъ отдѣльными словами, какъ напримѣръ, *advocatus*, *comes*, *senescallus*, *marescallus*, Дюканжемъ

помѣщены цѣлыя диссертаціи, которыя онъ готовилъ для предполагавшейся имъ исторіи французскихъ феодальныхъ владѣній (*Histoire des grands fiefs du royaume*). Такимъ образомъ въ этомъ безпримѣрномъ трудѣ заключается исторія нѣсколькихъ вѣковъ, преимущественно феодальной эпохи, и форма словаря служитъ только для облегченія справокъ. До тѣхъ поръ нигдѣ не было собрано такой массы изданныхъ и не изданныхъ текстовъ греческихъ, латинскихъ, италіанскихъ, испанскихъ, нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ и т. д. Въ долгій періодъ паденія имперіи латинскія слова, утративъ свое первоначальное значеніе, походили все больше и больше на потеряныя монеты, цѣнность которыхъ трудно опредѣлить. Авторы этихъ вѣковъ объясняли на основаніи однихъ только предположеній. Дюканжъ замѣнилъ случайное объясненіе систематическимъ. Подъ скромнымъ заглавіемъ Глоссарія Дюканжъ воздвигъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ учености того вѣка. Онъ далъ цѣлый рядъ отличныхъ трактатовъ почти по всѣмъ наукамъ. Скалигеръ желалъ, чтобы существовала такая книга; Меурзій обѣщалъ ее; Spelman и Vossius ¹⁾ предприняли подобныя изданія, но одинъ Дюканжъ былъ способенъ довести до конца подобный трудъ, котораго одного достаточно на цѣлую жизнь, и который одинъ, самъ по себѣ, могъ бы на вѣки прославить человѣка.

Обширная диссертація о причинахъ порчи латинскаго языка составляетъ введеніе къ Глоссарію. Главную причину порчи авторъ видитъ въ нашествіи варваровъ, которые внесли въ латинскій языкъ много своихъ словъ. Содѣйствовало этому и невѣжество туземцевъ, и небрежность копистовъ, которые къ чистому латинскому языку примѣшивали вульгарныя выраженія и часто исправляли по-своему то, чего не понимали. Конечно, это разсужденіе, не смотря на поучительность многихъ частныхъ замѣчаній, представляетъ нѣкоторые пробѣлы. Во времена Дюканжа еще не понимали съ достаточною ясностію, что нужно отличать судьбы латинскаго литературнаго языка отъ судьбы народнаго латинскаго говора, что порча латинскаго языка въ извѣстномъ отношеніи вовсе не была порчей, а органическимъ развитіемъ языка; не знали, что романскія нарѣчія развились не изъ литературнаго языка, а изъ разговорнаго или простонароднаго, изъ такъ-называемой крестьянской рѣчи (*sermo rusticus*). Впрочемъ, если

¹⁾ Первымъ изданъ *Glossarium archaeologicum* въ 1626 г.; вторымъ — *De vitis sermonis et Glossematis latino-barbaris* въ 1645 г.

мы будемъ помнить, что Дюканжъ имѣетъ въ виду только литературную латынь, языкъ официальныхъ актовъ, грамотъ и хроникъ, то фактъ крайняго его упадка въ варварскій періодъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ совершенно осязательный, да и причины его при- близительно были тѣ, которыя здѣсь указаны.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ каталогъ пяти почти тысячъ средне-вѣковыхъ латинскихъ писателей, гдѣ отмѣчены ихъ отечество, эпоха, въ которую они жили, существенныя біографическія черты, время изда- нія ихъ трудовъ. Затѣмъ объяснено не менѣе 14,000 словъ, при чемъ авторъ, какъ уже замѣчено, часто распространяется объ учрежденіяхъ и обычаяхъ среднихъ вѣковъ. Иногда его объясненія принимаютъ раз- мѣры большихъ диссертаций, напримѣръ, когда онъ говоритъ о судѣ Божіемъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ по своему размѣру и научному значенію трактатъ о византійскихъ монетахъ и медаляхъ отъ временъ Константина Великаго до взятія Константинополя тур- ками, трактатъ, который могъ бы быть изданъ какъ отдѣльное спе- ціальное изслѣдованіе ¹⁾. Къ тексту прибавлены и снимки съ тѣхъ монетъ, которыя были въ рукахъ у Дюканжа.

Понятно, что такой колоссальный трудъ не можетъ представлять совершенства, и что поэтому его нѣсколько разъ дополняли, исправ- ляли и вновь издавали. Во Франкфуртѣ появились два изданія въ 1681 и 1710 г., но въ томъ же видѣ какъ первое изданіе; въ 1733 г. стало печататься, а въ 1736 году появилось новое изданіе Глос- сарія съ дополненіями и поправками бенедиктинцевъ конгрегациі св. Мавра (Saint-Maur), которые могли воспользоваться послѣдовавшими въ промежуткѣ изданіями лѣтописей и грамотъ Мартеня, Мабильона, Балюза, Муратори и т. д. Въ 1766 г. явилось дополненіе въ четы- рехъ томахъ бенедиктинца Карпантье (dom Carpentier); въ 1840 г. извѣстнымъ парижскимъ издателемъ Дидо Глоссарій переизданъ съ изданія 1733 г. съ прибавленіями и исправленіями Карпантье, Аде- лунга, подъ редакціей Геншеля, при чемъ статьи дополненія (sup- plement) Карпантье вставлены были въ надлежащія мѣста по алфа- витному порядку. Изданіе Дидо, говорятъ, быстро разошлось и уже не существуетъ въ продажѣ. Въ новѣйшее время право переизданія этого драгоценнаго пособія приобрѣтено было у Дидо книгопродавцемъ Фавромъ, который потомъ обращался ко всѣмъ ученымъ медіевистамъ

¹⁾ Дѣйствительно, этотъ трактатъ былъ изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ: *Dissertatio de imperatorum Constantinop. numismatibus. Romae. 1755.*

съ приглашеніемъ содѣйствовать исправленіями, дополненіями, вообще сообщеніями и обѣщаль много прибавленій и улучшеній, *болѣе, чѣмъ, по видимому, оказывается ихъ на самомъ дѣлѣ. Это новое изданіе, начавшееся выходить съ 1883 года, теперь только-что кончено⁴⁾.

Какъ работалъ Дюканжъ надъ своимъ словаремъ, видно изъ слѣдующаго разказа. Желая издать Глоссарій, Дюканжъ позвалъ однажды къ себѣ въ кабинетъ книгопродавцевъ и, указывая на старшій сундукъ, стоявшій въ углу, сказалъ имъ, что они могутъ найти тутъ матеріалъ на цѣлую книгу, и что, если они хотятъ взяться за ея изданіе, онъ согласенъ вступить съ ними въ переговоры. Они съ радостью приняли предложеніе, но вмѣсто рукописи, которую они думали найти, отыскали только кучу лоскутковъ бумаги, по большей части оборванныхъ и, по видимому, ни на что не годныхъ. Дюканжъ снова увѣрилъ ихъ, что манускриптъ находится въ сундукѣ. Тогда одинъ изъ болѣе догадливыхъ книгопродавцевъ разсмотрѣлъ еще разъ эти лоскутки и нашелъ, что на каждомъ изъ нихъ написано особое слово и ученія къ нему примѣчанія. Послѣ этого открытія книгопродавецъ согласился на изданіе Глоссарія. Это была та система карточекъ, которая часто рекомендуется опытными учеными.

Хотя изученіе средневѣковыхъ древностей, особенно въ XIX вѣкѣ, много подвинулось впередъ, и Глоссарій Дюканжа уже не стоитъ на высотѣ современной науки, съ нимъ всетаки полезно справляться; отъ того, что наши изслѣдователи не всегда, когда нужно, обращаются къ нему, они впадаютъ въ ошибки, которыхъ иначе легко было бы избѣжать.

Не смотря на славу, которую доставилъ Дюканжу его Глоссарій, онъ продолжалъ трудиться надъ византійскою исторіей. Про него говорили, что онъ единственный человѣкъ, который прочелъ въ ори-

⁴⁾ *Glossarium mediae et infimae latinitatis. Conditum a Carolo Du Fresne Domino du Cange auctum à monachis ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D. P. Carpenteris Adelungi aliorum suisque digessit Henschel. Sequuntur Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre, membre de la société de l'histoire de France. Tom. I—IX. Nort. L. Favre, imprimeur-éditeur. 1883—1887.* При послѣднемъ томѣ, которымъ мы еще не могли пользоваться при составленіи нашей статьи, въ видѣ приложенія помѣщена статья о Дюканжѣ самаго издателя, а также рѣчи, произнесенныя при открытіи ему памятника, и, сверхъ того, вышесомѣченная статья Пардессю о латинскомъ Словарѣ.

гиналь всѣхъ византійцевъ, и теперь можно прибавить, что еще не нашлось втораго такого ученаго. Въ 1680 г. онъ издалъ обширный трудъ, посвященный Кольберу и состоящій изъ двухъ частей: *De familiis Byzantinis in Constantinopolis Christiana*; на второмъ заглавномъ листѣ онъ обозначены однимъ общимъ заглавиемъ: *Historia Byzantina duplici commentario illustrata* ¹⁾. Во введеніи къ этому труду, гдѣ идетъ рѣчь о значеніи генеалогіи и пользѣ ея изученія, авторъ дѣлитъ исторію на четыре отдѣла: прагматику, или разказъ фактовъ, хронологію, генеалогію и топографію. Новое изслѣдованіе Дюканжа относится къ двумъ послѣднимъ отдѣламъ исторіи. *Familiae Byzantinae* представляютъ списокъ Византійскихъ императоровъ по династіямъ, начиная съ Константина Великаго и вплоть до Палеологовъ и Кантакузиновъ. Но такъ какъ императоры вступали часто въ браки съ владѣтельными домами западной Европы, здѣсь можно найти генеалогію и знаменитыхъ европейскихъ домовъ—французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ. Авторъ не ограничился родословными царствовавшихъ династій, но трактуетъ и о другихъ выдающихся византійскихъ фамиліяхъ. Кромѣ того, онъ представилъ списки далматинскихъ фамилій и государей сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, а также султановъ турецкихъ, современныхъ Византійскимъ императорамъ. Послѣ его смерти эти списки были изданы подъ особымъ заглавиемъ „*Illyricum vetus et novum*“. По такому же плану, какъ Византійскія фамиліи, составлено было Дюканжемъ Обзорѣніе фамилій восточныхъ, то-есть, королевствъ и княжествъ Іерусалима, острова Кипра, Арменіи и т. д. Сочиненіе это, столь важное при изученіи исторіи господства Франковъ на востокѣ съ эпохи крестовыхъ походовъ, осталось въ бумагахъ Дюканжа и было издано только въ новѣйшее время ²⁾.

Constantinopolis Christiana представляетъ весьма точное и по-

¹⁾ *Historia byzantina duplici commentario illustrata. Prior familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum, cum eorundem Augustorum numismatibus et aliquot iconibus; praetera familias Dalmaticas et Turcicas complectitur: Alter descriptionem urbis constantinopolitanae qualis existit sub imperatoribus christianis. Auctore Carolo du Fresne Domino du Cange, Regi à consiliis et Franciae apud Ambianos quaestore. Lutetiae Parisiorum. Apud Ludw. Billaine Bibliopolum Parisiensem. 1680.*

²⁾ *Les principautés d'Outremer ou autrement Familles d'Orient c'est à dire une histoire des principautés et royaumes de Jerusalem de Chipre et d'Arménie et cet. Publiés par Rey. Paris. 1869.*

дробное описание Цареграда до покорения его Турками. Въ этой области Дюканжъ имѣлъ весьма достойнаго предшественника, который отчасти былъ его руководителемъ, мы разумѣемъ Жилья, упомянутаго у насъ въ началѣ собирателя греческихъ рукописей на востокѣ для короля Франциска I. Жилья написалъ два сочиненія топографическаго содержанія; одно изъ нихъ посвящено подробному описанію Константинопольскаго пролива съ окрестностями, съ указаніемъ городовъ и селеній, которыхъ остатки тогда еще сохранялись, или о которыхъ жила память въ народѣ, либо существовало преданіе въ литературѣ¹⁾; второе прямо трактуетъ о топографіи Цареграда²⁾. Это была первая попытка западнаго ученаго основать физическую и историческую топографію Константинополя на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и провѣрить этими наблюденіями данныя греческихъ и латинскихъ писателей. Не смотря на всѣ препятствія, не смотря на существовавшее тогда запрещеніе измѣрять султанскую столицу, не смотря на угрозы и нападки обитателей, Жилья своими шагами измѣрилъ всѣ семь холмовъ Константинополя по ихъ длинѣ, ширинѣ и окружности. Величайшую заслугу составляетъ его стараніе приурочить 14 древнихъ регионовъ столицы, какъ они представлены въ изданной самимъ же Жилемъ въ концѣ книги Описи временъ Юстиніана (*Descriptio veterum regionum Constantinopoleos*), къ вершинамъ и склонамъ холмовъ и къ долинамъ, отдѣляющимъ одинъ холмъ отъ другаго по настоящее время. Первые пять главъ первой книги посвящены были общимъ вопросамъ — объ объемѣ древняго Цареграда, а отъ шестой до восемнадцатой идетъ подробное физическое описаніе каждаго изъ семи холмовъ и каждой долины особо, съ краткимъ обозначеніемъ главныхъ древнихъ и новыхъ зданій, на нихъ помѣщавшихся; въ прочихъ главахъ первой книги въ общихъ чертахъ говорится о стѣнахъ и воротахъ города. Въ остальныхъ трехъ книгахъ авторъ разсматриваетъ по возможности обстоятельно сооруженія (обители, церкви, дворцы, судилища, стѣны, площади, порты, цистерны, водо-

¹⁾ *Petri Gyllii de Bosphoro Thracio libri III*. Помѣщено, между прочимъ, въ *Imperium Orientale Бандури* и въ *Geographi Graeci minores*, t. II, 1861, въ послѣднемъ собраніи подъ заглавіемъ: *Dionysi Byzantii per Bosphorum navigatio*, такъ какъ главный интересъ представляли многочисленные отрывки изъ этого открытаго Жилемъ, а послѣ на долгое время опять утраченнаго сочиненія.

²⁾ *Petri Gyllii de Constantinopoleos Topographia libri IV*. Lugduni Batavorum. Ex officina Elseviriana. 1632.

проводы и т. п.), съ приуроченіемъ каждаго къ холму, долинь и къ регіонамъ города; такимъ образомъ у Жила были даны два обзорнія города, общее и частное, что, конечно, вело къ повтореніямъ; но при невозможности имѣть сколько-нибудь удовлетворительный планъ города, иначе и нельзя было поступить.

Описание Дюканжа также распадается на четыре книги или отдѣла. Первая содержитъ въ себѣ общую часть: происхожденіе древней Византіи, основаніе христіанской столицы и ея судьбы въ среднихъ вѣкахъ, общія данныя о семи холмахъ, о городскихъ стѣнахъ, башняхъ, акрополяхъ, воротахъ, частяхъ города, площадяхъ и улицахъ, водопроводахъ, баняхъ, водоемахъ и т. д. Со второй книги систематически и специально описываются сооружеія, при чемъ они распределены по разрядамъ, такъ что каждый разрядъ содержитъ въ себѣ въ совокупности всѣ однородныя сооружеія. Именно во второй книгѣ описаны ипподромъ, театры, портики, дворцы, судилища, патріархія, зданія іудеевъ и сарацинъ. Третья книга почти цѣликомъ посвящена описанію св. Софіи, а четвертая—обзорнію всѣхъ обителей и церквей въ слѣдующемъ порядкѣ: церкви, посвященныя Богу, Богоматери, св. безплотнымъ, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и исповѣдникамъ, мученицамъ и святымъ дѣвамъ; церкви, названныя по имени строителей и урочищъ или иначе; страннопріимныя дома; наконецъ, здѣсь же описаніе пригороднаго Константинополя, загородныхъ дворцовъ, мостовъ и обителей. Обладая полнымъ знаніемъ греческой средневѣковой письменности, а также и латинской, могшей служить ему источникомъ, но самъ лично не знакомый съ предметами, какъ очевидецъ, Дюканжъ своимъ пониманіемъ общаго размѣщенія сооружеій и урочищъ больше всего обязанъ Жилю, на котораго и ссылается весьма часто; изъ самыхъ источниковъ, обыкновенно предполагающихъ положеніе упоминаемыхъ ими мѣстъ извѣстнымъ читателю, было бы не возможно, при всей учености и проницательности, извлечь сколько-нибудь отчетливое представленіе о топографическомъ размѣщеніи предметовъ. Тщательно пользуясь всѣми наличными источниками и пособиями, Дюканжъ оставилъ слѣдующимъ поколѣніямъ трудъ вполнѣ самостоятельный. Въ немъ мы находимъ отчасти исторію памятниковъ, отчасти ихъ описаніе, хотя, по свойству самихъ источниковъ, больше всего встрѣчаемъ упоминанія о событіяхъ, имѣвшихъ связь съ памятниками. При каждомъ названіи какого-либо сооружеія сведены всѣ относящіяся къ нему свѣдѣнія, большею частью съ выписками самихъ текстовъ.

Греческія извѣстія были такъ полны, что даже и до сихъ поръ, не смотря на появленіе новыхъ неизвѣстныхъ Дюканжу источниковъ, ученые почти ими одними пробавляются. Чтобы сколько-нибудь ориентировать читателей нагляднымъ изображеніемъ, Дюканжъ приложилъ планы: карту Веспора Фракійскаго съ планомъ Константинополя, раздѣленнаго на 14 частей,—составленнымъ на основаніи древней описи (Descriptio) и сочиненія Жила, и другой планъ столицы съ птичьяго полета, заимствованный изъ сочиненія Бондельмонте объ островахъ Архипелага (оно явилось въ 1422 году). Система автора состояла въ совокупленіи однородныхъ предметовъ; способъ изложенія, основанный на такой системѣ, очень затрудняетъ обзоръ памятниковъ въ ихъ взаимной топографической связи и зависимости, но за то онъ далъ возможность составить полнѣйшую и до сихъ поръ не замѣнимую справочную книгу, безъ которой изученіе исторической топографіи Константинополя не возможно ¹⁾. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ Христіанскому Константинополю можетъ служить комментарий Вандури къ изданному имъ греческому Анониму (въ *Imperium orientale*; см. ниже стр. 175); у Рейске, въ его толкованіяхъ къ сочиненію Константина Багрянороднаго *De Cerimoniis*, точно также можно найти нѣсколько полезныхъ поправокъ къ допущеннымъ у Дюканжа неизбѣжнымъ ошибкамъ. Дальнѣйшіе успѣхи въ данной области относятся къ XIX столѣтію. Заслуживаетъ вниманія сочиненіе французскаго инженера Андреосси: „Путешествіе къ устью Чернаго моря“ ²⁾, подробно изучившаго систему водоснабженія и объяснившаго направленіе древняго Валентова водопровода. Трудъ Гаммера „Константинополь и Босфоръ“ ³⁾ представляетъ по отношенію къ древней топографіи мало самостоятельныхъ разысканій; онъ иногда неудачно старается поправлять Дюканжа, но заслугу его составляетъ приведеніе новыхъ турецкихъ названій въ приуроченіи къ древнимъ наименованіямъ. Гораздо важнѣе два греческіе труда:

¹⁾ Характеристику трудовъ Жила и Дюканжа о Константинополѣ мы заимствуемъ почти буквально у *Г. С. Дестуниса*, помѣстившаго въ *Журналъ Мин. Народн. Просв.* рядъ статей, содержащихъ въ себѣ обзоръ сочиненій по исторической топографіи Константинополя съ середины XVI вѣка подъ общимъ заглавіемъ: „Топографія средневѣковаго Константинополя“. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.*, январь 1882 г.

²⁾ *Andréossy, Voyage à l'embouchure de la mer Noire...* Paris. 1818.

³⁾ *Constantinopolis und der Bosphorus örtlich und geschichtlich beschrieben von Jos. von Hammer.* 2 Bd. Pesth. 1822.

„Константиниада древняя и новая или описание Константинополь отъ основанія его до настоящаго времени“—архіепископа Синайскаго, а впослѣдствіи Константинопольскаго патріарха Константія ¹⁾), и „Константинополь“—Скарлата Византія ²⁾), наиболѣе полное и отчетливое общее сочиненіе по топографіи Цареграда въ трехъ томахъ. О новѣйшихъ частныхъ изслѣдованіяхъ, между которыми особенно выдаются труды грека Паспати и нашего ученаго, профессора Н. П. Кондакова, будетъ сказано во второй части обзорѣнія.

За годъ до изданія своего двойнаго комментарія Дюканжъ напечаталъ глоссаріи нѣкоторыхъ древнихъ писателей, собранные ранѣе Карломъ Лаббомъ, и отчасти вновь отысканные, снабдивъ ихъ примѣчаніями и сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ общедоступными: *Cyrelli, Philoxeni aliorumque veterum glossaria graeco-latina et latina-graeca*. Paris. 1679 ³⁾).

Кромѣ того, имъ изданы были въ 1687 г. Анналы Зонары, съ примѣчаніями, извлеченными по большей части изъ не изданныхъ византійскихъ писателей ⁴⁾).

Изданіе Зонары обѣщано было еще въ проспектѣ, сопровождавшемъ воззваніе Лабба (1647 г.); тогда предполагалось взять за основаніе текстъ, напечатанный сто лѣтъ тому назадъ Іеронимомъ Вольфомъ, съ его же латинскимъ переводомъ и примѣчаніями; впрочемъ предполагались и улучшенія: Гоаръ долженъ былъ сличить аугсбургскій текстъ съ рукописями королевской Парижской и Мазариніевой бібліотекъ, а также пересмотрѣть переводъ и примѣчанія; самъ Лаббъ бралъ

¹⁾ Κωνσταντινιάς παλαιά τε καὶ νεώτερα ἤτοι περιγραφὴ Κωνσταντινουπόλεως ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τοῦ νῦν..... συνταχθεῖσα παρὰ ἀνδρὸς φιλολόγου καὶ φιλαρχαιολόγου Ἐν Βενετίᾳ. 1824. Были и другія изданія, о которыхъ см. у Г. С. Дестуниса. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, январь.

²⁾ Ἡ Κωνσταντινουπόλις ἢ περιγραφὴ τοπογραφικὴ ἀρχαιολογικὴ καὶ ἱστορικὴ — — — ὑπὸ Σκαρλάτου τοῦ Βυζαντίου. Τόμοι I—III. Ἀθῆν. 1851—1869.

³⁾ *Cyrelli, Philoxeni, Aliorumque veterum Glossaria Latinograeca, et Graecolatina, à Carolo Labbaeo collecta, et in duplicem Alphabeticum redacta. Cum variis Emendationibus ex MSS. Codd. petitis, Virorumque Doctorum Castigationibus ac Conjectaneis: Glossae aliquot aliae Latino-Graecae ex iisdem Codd. MSS. quae nunc primum prodeunt: praeterea Veteres Glossae verborum iuris, Quae passim in Basilicis reperiuntur et т. д. notis illustratae ab eodem Carolo Labbaeo. Lutetiae Parisiorum, 1679.* На оборотѣ эпитаціи Лаббе.

⁴⁾ Ioannis Zonarae annales, ab exordio mundi ad mortem Alexii Comneni, interprete Hieronymo Wolfio, ex recensione et cum notis Caroli du Fresne du Cange. 1686—1687. 2 vol.

на себя задачу колляции третьей, собственно византийской, части съ кодексомъ Клермонтскимъ, въ которомъ находились еще и письма Зонары въ количествѣ 46. Все это осталось въ области однихъ предначертаній. Инициативу дѣйствительно послѣдовавшаго новаго изданія Дюканжъ приписываетъ марвизу Лувуа, извѣстному военному министру Людовика XIV, послѣ смерти Кольбера (1683) получившему въ свое завѣдываніе королевскіе дворцы и зданія, искусства и типографію; упомянуть также Летелле, архіепископъ Реймскій, его братъ. Въ обширномъ предисловіи содержится изслѣдованіе прежде всего объ авторѣ хроники, извѣстномъ своею ученостью и многими другими сочиненіями; онъ занималъ высшія правительственныя должности при императорѣ Мануилѣ, затѣмъ оставилъ міръ и сдѣлался монахомъ, жилъ, какъ самъ сообщаетъ, въ уединеніи, на необитаемомъ островѣ; но какой именно это былъ островъ, Дюканжъ не считаетъ возможнымъ угадать, замѣчая только, что уже изъ этого указанія на островъ можно заключить о недостоверности показанія одной космографіи XVI вѣка (Андрея Тевет, Thevet: *Cosmographie du Levant*, Lyon, 1554), будто бы на Аеонѣ находился надгробный памятникъ Зонары. Что же касается самаго сочиненія, то характеръ его отчасти зависѣлъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было составлено: Зонара взялся за составленіе хроники послѣ удаленія своего отъ дѣлъ и изъ столицы, вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій со стороны друзей, и такъ какъ онъ долженъ былъ начинать свое повѣствованіе отъ сотворенія міра, то ему предстояло въ сокращенномъ видѣ излагать то, чтò было уже разказано другими, и слѣдовательно, требовалось не мало пособій, а между тѣмъ на своемъ островѣ онъ терпѣлъ большой недостатокъ въ книгахъ, на который и жалуется въ началѣ своего труда. Тѣмъ не менѣе, по сужденію Дюканжа, Зонара въ своемъ сводѣ или сокращеніи достигъ такого совершенства, что вмѣстѣ сочеталъ два, по видимому, противоположныя качества, краткость и ясность. Дюканжъ вообще высоко ставитъ достоинства издаваемаго имъ творенія и защищаетъ его противъ упрековъ другихъ ученыхъ; въ отдѣлѣ римской исторіи до Константина Зонара вовсе не былъ столь небрежнымъ и пустымъ компиляторомъ, какъ о немъ нѣкоторые утверждали, но напротивъ пользовался здѣсь Діономъ, тогда еще не пострадавшимъ въ своей цѣлостности, а также и другими, теперь потерянными, сочиненіями, и потому сообщаетъ много такого, чего нѣтъ у другихъ; относительно упомянутой у насъ въ своемъ мѣстѣ приписки Вольфа, въ которой какъ бы отдается предпочтеніе Кедрину,

Дюканжъ замѣчаетъ, что слова Вольфа о большей подробности Кедрина могутъ относиться развѣ къ какимъ другимъ отдѣламъ, а никакъ не къ отдѣлу римскому до Константина; здѣсь у Зонары все разказано гораздо отчетливѣе и подробнѣе, чѣмъ у Кедрина; наконецъ, Дюканжъ вообще настаиваетъ на томъ, что по самой задачѣ своей Зонара долженъ былъ стремиться къ краткости и потому въ византійской собственно части не могъ быть столь подробенъ, какъ Теофанъ или даже Скилицій. Полнаго изслѣдованія объ источникахъ Зонары мы у Дюканжа не находимъ, да его вѣтъ и до сихъ поръ: являются только частныя изслѣдованія объ отдѣльныхъ книгахъ и періодахъ¹⁾. Далѣе идетъ рѣчь о заглавіи сочиненія (*χρονικὸν σύνταγμα, ἐπιτομὴ ἱστοριῶν*) и объ его раздѣленіи; замѣчается, что въ самомъ подлинникѣ вся хроника дѣлится только на двѣ части: въ первой содержится священная и еврейская исторія на основаніи Священнаго Писанія и Іосифа Флавія, а также греческая и римская исторія до установленія имперіи; съ имперіи или, точнѣе, со втораго триумvirата начинается вторая часть, при чемъ, конечно, византійская исторія разсматривается какъ непосредственное продолженіе римской. Относительно прежняго изданія Зонары Іеронимомъ Вольфомъ сообщаются любопытныя подробности, которыми мы отчасти воспользовались въ надлежащемъ мѣстѣ. Что же касается новаго Парижскаго изданія, то изъ словъ Дюканжа видно, что основаніемъ служилъ все тотъ же печатный текстъ Вольфа; впрочемъ издатель имѣлъ въ своихъ рукахъ четыре манускрипта королевской бібліотеки и одинъ—Кольбертинской; изъ нихъ два (1714: saec. XIII; 1716: saec. XV) содержали въ себѣ всю лѣтопись Зонары, а остальные—только ту или другую часть. Къ рукописямъ Дюканжъ обращался преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя возбуждали какое-нибудь сомнѣніе²⁾; иныя изъ новыхъ чтеній внесены въ текстъ, другія указаны только въ примѣчаніяхъ. Къ сожалѣнію, Дюканжъ не имѣлъ еще возможности пользоваться наилучшимъ спи-

¹⁾ Кроме давнишняго (1839 г.) изслѣдованія Ад. Шмидта: „Ueber die Quellen des Zonaras“, касающагося только первыхъ 12 книгъ (до Константина) и перепечатаннаго при новѣйшемъ изданіи хроникѣ, можно указать: *Sauerbrei, De Fontibus Zonarae (XIV и XV книгъ) quaestiones selectae* въ *Commentationes philologicae Jenenses*, I (1881).

²⁾ Graeca contulimus, maxime in locis, qui dubietatem quandam praeferebant, cum quatuor codicibus regis et uno Colberteo Varias ex hisce codicibus excerptas lectiones in Notas subinde retulimus, nonnullis quae extra controversiam videbantur in contextum ipsum immissis.

скомъ для хроники Зонары (конца XIII вѣка № 1715), который по-ступилъ въ королевскую бібліотеку только впоследствии. Латинскій переводъ Вольфа пересмотрѣнъ и исправленъ, что впрочемъ оказалось необходимымъ лишь въ немногихъ и рѣдкихъ случаяхъ. Сдѣлавъ замѣчаніе о приложенной въ концѣ изданія безымянной и краткой хронографіи, доведенной до Алексѣя Комнина и содержащей въ себѣ простые списки царей и правителей, сохранившейся въ многоразличныхъ спискахъ и уже разъ изданной Петавіемъ (при первоначальномъ изданіи Бривіарія патріарха Никифора), Дюканжъ переходитъ къ перечисленію другихъ сочиненій Зонары помимо хроники—изданныхъ, къ коимъ принадлежатъ толкованія на апостольскіе и соборные каноны¹⁾, да нѣсколько писемъ каноническаго содержанія, и не изданныхъ, но упоминаемыхъ у Алліція и у Ламбеція въ описаніи Вѣнской придворной бібліотеки; особенно подробно онъ останавливается на сборникѣ писемъ, большею частью догматическаго и каноническаго содержанія, которыя въ рукописныхъ кодексахъ и въ каталогахъ приписываются то Зонарѣ, то—и большею частью—Михаилу Гликѣ; такъ и въ Московскомъ синодальномъ (типографскомъ) списокѣ, одномъ изъ наиболѣе полныхъ, конечно, неизвѣстномъ Дюканжу. Вопросы о дѣйствительномъ авторѣ Дюканжъ окончательно не рѣшаетъ; онъ настаиваетъ только на томъ, что письма писаны въ XII вѣкѣ, такъ какъ въ одномъ содержится отвѣтъ на мнѣніе въ пользу астрологіи самого царя Мануила Комнина, изложенное въ посланіи къ монаху Алипію, вѣроятно, знакомому Гликѣ, и такъ какъ есть письма, адресованныя къ Іоанну Дукѣ, Алексѣю Контостефану и другимъ лицамъ, въ которыхъ легко признать сановниковъ, современныхъ Мануилу и его ближайшимъ преемникамъ²⁾. Мы уже видѣли, что Лаббъ, издатель хроники Михаила Глика, не исполнилъ своего обѣщанія и не представилъ изслѣдованія о жизни своего автора; вотъ теперь и Дюканжъ не рѣшается сказать, что Михаилъ Глика жилъ именно въ XII вѣкѣ и, слѣдовательно, могъ быть авторомъ писемъ, ему приписываемыхъ въ большей части сборниковъ; изъ того-де обстоятельства, что Глика пользовался лѣтописью Зонары, не слѣдуетъ еще, чтобъ онъ

¹⁾ Разумѣется изданіе Беверегія 1621 г. *Beveregii, Pandect. Canonum.*

²⁾ Іоаннъ Дука егеріархъ часто упоминается у Никиты Хоната, стр. 125, 312, 318, 447, 450, 562. Андроникъ Палеологъ, къ которому тоже адресуются письма—*ibid* pag. 412. Алексѣй Контостефанъ: *ibid* pag. 600, 601. Контостефанъ прямо названъ у Глика родственникомъ царя Алексѣя (*ἀνεψιός*); тутъ нужно разумѣть Алексѣя Ангела.

писалъ вскорѣ послѣ него. Вопросъ объ авторѣ во многихъ отноше-
ніяхъ любопытныхъ писемъ и о времени, когда онъ жилъ, и послѣ
Дюканжа былъ предметомъ разсуждений и ученыхъ споровъ. Италиа-
нецъ Ламп¹⁾, издавшій въ *Deliciae eruditorum* наиболѣе значительное
количество писемъ, и Уденъ²⁾ относили ихъ къ XV вѣку, слѣдо-
вательно, совершенно не допускали мысли о принадлежности ихъ Зо-
нарѣ и утверждали принадлежность Глиѣ; они основывались глав-
нымъ образомъ на двухъ посланіяхъ, адресованныхъ Константину
Палеологу, въ которомъ видѣли послѣдняго Византійскаго импера-
тора; главный аргументъ Дюканжа они опровергали тѣмъ соображе-
ніемъ, что посланіе Мануила объ астрологіи могло быть приведено
въ видѣ ссылки корреспондентомъ Глики, хотя бы оно было написано
нѣсколькими вѣками ранѣе, и такимъ образомъ могло вызвать опровер-
женіе Глики. Разсужденія эти совершенно не основательны и даже
странно было бы, еслибы двумъ названнымъ второстепеннымъ изслѣдо-
вателямъ и знатокамъ удалось замѣтить то, чего не замѣтилъ или даже
не понялъ Дюканжъ. Письма, адресованныя къ Константину Палеологу,
конечно, зналъ и онъ, но уже никакъ не подумалъ бы относить ихъ къ по-
слѣднему императору, такъ какъ ему хорошо были извѣстны приемы
византійской титулатуры, совершенно не допускающіе возможности
обращаться къ царю съ такими эпитетами, какіе приданы въ надпи-
саніи нашего посланія Палеологу³⁾. Кто прочтетъ смиренное, сопро-
вождаемое множествомъ оговорокъ, оправданій и лъстивыхъ извиненій
письмо объ астрологіи, тотъ сейчасъ убѣдится, что такъ не обра-
щаются къ умершему за триста лѣтъ государю, и потому сочтеть
пустымъ хитросплетеніемъ и другое соображеніе названныхъ выше
ученыхъ, направленное къ опроверженію указанія Дюканжа на совре-
менность писемъ Мануилу Комнину⁴⁾. Осторожнѣе былъ Гарлессъ,
который возвращался къ мнѣнію Дюканжа, что письма были писаны

¹⁾ *Ioannis Lamii de Michaele Glyca ejusque scriptis dissertatio: in Deliciae eruditorum, tom. 1. Florentiae. 1736.* Это разсужденіе перепечатано въ *Patrologia Miiia*, т. 158. О Глиѣ Ламп снова разсуждаетъ въ Praefatio къ VI тому *Deliciae* (Florentiae, 1739), въ которомъ было издано нѣсколько новыхъ писемъ его.

²⁾ *Oudem, Dissertatio de aetate et scriptis Glycae: De scriptoribus ecclesiast.* tom. III, 2521.

³⁾ Τῶ πανσεβάστῳ σεβαστῷ κυρίῳ κωνσταντίνῳ τῷ παλαιολόγῳ: №№ 40, 61, 85 сборника Москвитскаго (*Matthaei*, pag. 277, 280). Ср. слѣдующее примѣчаніе.

⁴⁾ Заглавіе письма *Matthaei*, pag. 283, № 88: ἀνταπολογητικὸν ἐκ μέρους πρὸς τὴν ἐγγυρισθεῖσαν αὐτῷ γραφὴν κραταίου καὶ ἁγίου βασιλέως Μανουῆλ Κομνηνοῦ.

въ XII вѣкѣ, но неизвѣстно кѣмъ—Гликою или Зонарою. Новѣйшіе изслѣдователи съ полною рѣшительностью считаютъ авторомъ писемъ Глику, полагая, что онъ также, какъ и Зонара, жилъ въ XII вѣкѣ. Гиршъ (Hirsch, Byzantinische Studien, pag. 396) дѣлаетъ замѣчаніе, что если Глика пользовался хроникой Зонары, на которую и ссылается, то съ другой стороны, его произведеніемъ уже пользовался Манасси, несомнѣнно писавшій во второй половинѣ XII вѣка; однако замѣченное небольшое сходство могло бы произойти и отъ обратнаго отношенія, отъ пользованія Манассіею со стороны Глики. Важнѣе показанія рукописей, недавно приведенныхъ въ извѣстность: изъ нихъ одна относится къ XIII вѣку и содержитъ въ себѣ поздравительное стихотвореніе съ именемъ Михаила Глики, обращенное къ Мануилу Комнину по поводу счастливаго похода противъ венгровъ, а другая должна принадлежать даже XII столѣтію¹⁾. Съ своей стороны, мы можемъ указать на письма (№№ 33 и 66 въ Моск. типографскомъ сборникѣ Matthaei, Assur. Notitia, pag. 277 и 280) по поводу спора, слѣдуетъ ли поститься или нѣтъ, когда господскіе праздники приходятся на среду и пятницу: изъ русской лѣтописи мы знаемъ, что этотъ вопросъ волновалъ умы именно въ XII вѣкѣ и едва ли не былъ возбужденъ впервые однимъ русскимъ епископомъ²⁾.

Вслѣдъ за текстомъ сочиненія Зонары, во второй части изданія, напечатаны Дюканжемъ вышеупомянутая краткая хронографія (Epitome annorum), которую предварительное греческое замѣчаніе связываетъ съ именемъ Евсевія Памфила, и такъ-называемый Синописисъ Зонары, то-есть, подробное оглавленіе его хроники (Σύνοψις seu argumenta). Примѣчанія Дюканжа къ Зонарѣ, также обширныя и поучительныя, какъ его комментаріи къ Аннѣ и Киннаму, имѣютъ свою особую пагинацію и по преимуществу реальный характеръ, то-есть, больше касаются содержанія, чѣмъ выраженія. Онъ указываетъ на то, что общій комментарий къ издаваемой хроникѣ, равно какъ и къ другимъ византійскимъ писа-

¹⁾ *Legrand*, Bibliothèque grecque vulgaire I, XV (ср. ниже). — *Муралы* (Essai de chronographie byzantine, 1) въ перечисленіи источниковъ для перваго тома при имени Глики сдѣлалъ такую отмѣтку: avant 1176 — date du manuscrit de S. Pétersbourg.

²⁾ См. въ Лаврентьевской лѣтописи разказъ о возникновеніи *ереси Леонтіанской* (подъ 1164 г.): Леонъ епископъ не по правдѣ поставилъ Суждалю... поча Суждали учати не ѣсти мясъ въ господскыя праздники в среды в в пятки, ни на рождество господне, ни на крещенье и бысть тѣжа про то велика предъ благоговѣрымъ княземъ Андрѣемъ предо всеми людьми, в упрѣ его владыка Феодоръ. Онъ же иде на исправленіе Цесарю городу, а тамо упрѣлъ ѥ Андріяньнъ епископъ Болгарскый предъ цесаремъ Мануиломъ и т. д.

телямъ, находится уже въ изданныхъ имъ трудахъ: кромѣ *Constantinopolitana historia*, есть уже ссылка на греческій Глоссарій, который, однако, не былъ обнародованъ, хотя и былъ отпечатанъ. Особенно важное значеніе имѣютъ обширныя выписки параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ хроникъ, изъ хроники Амартола и особенно изъ хроники Симеона Логовета, подъ которою разумѣется тогда отпечатанная, но не вышедшая еще въ свѣтъ, хроника Симеона магистра (=Метафраста), а также—изъ житій святыхъ, большею частью рукописныхъ—(житіе Артемія для IV вѣва, житія Стефана Новаго, Іоаннія, Николая Студита для иконоборческаго періода, патриарха Игнація для времени Фотія и т. д.). Нѣкоторыя примѣчанія принимаютъ видъ настоящихъ большихъ диссертаций: Зонара только слегка касается завоеванія Африки вандалами; Дюканжъ восполнилъ упущенное, представилъ полный списокъ королей вандальскихъ и византійскихъ правителей Африки до завоеванія ея въ 692 году арабами. Въ видѣ приложения помѣщены: изслѣдованіе о мѣстоположеніи дворца Константинопольскаго, Гебдомона¹⁾, а также и другія добавленія къ Христіанскому Константинополю²⁾; и все заканчивается тщательно составленными указателями (*indices*).

Въ 1688 г., когда Дюканжу было болѣе семидесяти лѣтъ, появился его *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*, въ двухъ томахъ *in folio*. По словамъ автора, онъ имѣлъ въ виду дать въ своемъ словарѣ объясненіе неологизмовъ и рѣдкихъ или иностранныхъ реченій, употреблявшихся въ Византіи, а также техническихъ терминовъ придворныхъ, церковныхъ, юридическихъ, медицинскихъ, военныхъ и т. д., отыскать происхожденіе этихъ терминовъ и тѣмъ самымъ разъяснить учрежденія, нравы, обычаи, однимъ словомъ политическій, религиозный и социальный бытъ Восточной имперіи. Авторъ дѣйствительно выполнилъ эту обширную задачу. Воспользовавшись всѣми источниками изданными и рукописными и изслѣдованіями своихъ предшественниковъ, онъ совершилъ трудъ безпримѣрный, надъ которымъ, казалось, должно было бы работать цѣлое многочисленное общество ученыхъ.

Плавъ Греческаго глоссарія нисколько не разнится отъ латинскаго словаря. Обширное предисловіе представляетъ трактатъ о видоизмѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ греческій языкъ. Одною изъ главъ

1) De hebdomo Constantinopolitano disquisitio topographica.

2) Additamenta ad Constantinopolim christianam.

ныхъ причинъ порчи языка онъ считаетъ колоніи въ Египтѣ, Сириі, Сициліи, Италіи, Галліи, гдѣ языкъ подвергался сильному воздѣйствію туземныхъ нарѣчій. Къ этому присоединилось еще преобладаніе Рима; побѣдители внесли много своихъ терминовъ въ языкъ побѣжденныхъ. Окончательно языкъ испортился съ перенесеніемъ столицы въ Византію. Здѣсь первое время ко взаимному ущербу существовали рядомъ два языка; при дворѣ и въ высшихъ кругахъ говорили по латыни, а въ народѣ господствующимъ языкомъ былъ греческій.

Впереди Глоссаріи перепечатана грамматика Симона Порція (пзд. въ 1638 г.), объясняющая отличія древнегреческаго языка отъ новаго и народнаго. Примѣчанія Дюканжа къ объясняемымъ словамъ принимаютъ и здѣсь иногда размѣры цѣлыхъ диссертацій. То, что первоначально было пропущено, было затѣмъ восполнено въ приложенномъ ко второму тому *Appendix*'ѣ. Для того, чтобы вполне оцѣнить этотъ трудъ достаточно сказать, что тутъ приводятся цитаты больше чѣмъ изъ 600 печатныхъ книгъ и болѣе чѣмъ изъ 400 рукописныхъ сборниковъ. Въ Словарѣ уже встрѣчаются ссылки на Морейскую хронику, на сочиненія Льва Дякона и Михаила Пселла, которымъ пришлось еще долго ожидать пзданія. Чувствительный пробѣлъ представляетъ только отсутствие цитатъ изъ сочиненія Константина Багрянороднаго *de Cerimonis*, столь богатаго разнообразными данными для разъясненія всякаго рода реалій византійской древности, но пока остававшагося неизвѣстнымъ.

Глоссарій Дюканжа до настоящаго времени остается незамѣнимымъ пособіемъ, къ которому постоянно приходится обращаться всѣмъ занимающимся не только исторіей Византіи, но и средними вѣками вообще. Потребность въ новомъ, улучшенномъ и полнѣйшемъ изданіи его ощущается тѣмъ живѣе, чѣмъ рѣже становятся экземпляры парижскаго изданія; ее живо сознавалъ между прочимъ Нибуръ, когда онъ возымѣлъ въ двадцатыхъ годахъ мысль оживить изученіе среднихъ вѣковъ исправнѣйшею перепечаткою полнаго парижскаго собранія византійцевъ. Во французскомъ объявленіи объ этомъ изданіи говорится, что предпринимаемое изданіе будетъ обогащено новымъ значительно пополненнымъ словаремъ Дюканжа. Обѣщаніе это однако исполнено не было, и Берлинская академія наукъ, въ завѣдываніе которой перешло боннское изданіе, предала забвенію мысль о новомъ изданіи Дюканжева словаря. Впослѣдствіи напомнилъ объ этомъ ученой коллегіи молодой филологъ Муллахъ, который, не раздѣляя традиціонныхъ, исключительныхъ взглядовъ своихъ собратій, нѣсколько

шире понималъ задачу филологии. Муллахъ съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ, кромѣ классическаго древняго, изучалъ и современный народный греческій языкъ: главную мысль его занятій составляло стремленіе раскрыть происхожденіе и развитіе языка, называемаго новогреческимъ ἡ κοινὴ διάλεκτος, lingua vulgaris. Съ этою цѣлью онъ не только подвергъ своимъ изслѣдованіямъ новогреческій языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи и въ литературныхъ памятникахъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, со временъ Комниновъ, но отыскивалъ слѣды его и у византійскихъ писателей, въ юридическихъ книгахъ Византійскихъ императоровъ, у церковныхъ писателей, въ надписяхъ, у схолиастовъ и глоссографовъ и даже у классиковъ предъ Александромъ Великимъ. Опираясь на свои спеціальныя познанія, Муллахъ въ 1837 г. испрашивалъ у Берлинской академіи наукъ порученіе приготовить новое, полнѣйшее изданіе словаря Дюканжа, но безъ успѣха. Въ пролегоменахъ къ изданію новогреческаго поэта, Димитрія Зина (Conjectanea Byzantina) онъ вполнѣ сдѣлалъ слѣдующій—отчасти можетъ быть слишкомъ односторонній и рѣзкій—отзывъ объ этомъ словарѣ: „Трудолюбивѣйшій мужъ, хотя и приобрѣлъ своимъ великимъ твореніемъ безсмертіе своему имени въ потомствѣ, однако, мало зная народный греческій языкъ, погрѣшалъ такъ часто, что знатокъ этого языка много найдетъ исправить на каждой страницѣ. Онъ не только не понималъ многихъ словъ и въ объясненіи удалялся отъ истиннаго ихъ значенія, но даже не умѣлъ, какъ слѣдовало, изобразить многихъ словъ буквами. При всемъ томъ я не только не пренебрегаю этимъ словаремъ, но признаю въ немъ обильный запасъ добрыхъ плодовъ во всемъ, что авторъ почерпнулъ изъ не изданныхъ словарей парижской бібліотеки, изъ схолиастовъ и изъ другихъ памятниковъ. Если же онъ, покушаясь объяснить не объясненное другими, впадалъ въ смѣшныя ошибки, то будемъ снисходительны къ почтенному мужу, который сдѣлалъ, что могъ, предоставляя свѣдущимъ читателямъ исправить вкравшіяся въ этотъ огромный трудъ ошибки. Послѣ Дюканжа въ этомъ родѣ литературы почти ничего не издано въ свѣтъ замѣчательнаго, кромѣ матеріаловъ, собранныхъ изъ разныхъ писателей и лексикографовъ Адамантиемъ Кораи, во 2-мъ, 4-мъ и 5-мъ томахъ его τὼν Ἀτάκτων; эти матеріалы пригодятся будущимъ составителямъ словарей. Чтобы коротко сказать, что надобно сдѣлать, я думаю, вновь издать словарь Дюканжа и именно слѣдующимъ образомъ: изслѣдовавъ снова тѣ парижскія рукописи, которыми пользовался авторъ, уничтожить въ его словарѣ всѣ неправильности и при-

бавить слова и особенныя выраженія, находящіяся нынѣ въ общемъ употребленіи у грековъ, также не найденныя Дюканжемъ у писателей, чтобы такимъ образомъ составился *Thesaurus mediae et recentis graecitatis*, годный для ученыхъ*.

Муллаху не удалось осуществить свое предпріятіе; переговоры съ Дидо не дали никакихъ результатовъ, Вѣнская академія отказала ему въ помощи, точно также, какъ Берлинская. Хотя онъ и приведенъ былъ въ уныніе неудачами, однако не покинулъ вовсе своего намѣренія и не упустилъ случая еще разъ попытаться приобрести ему доброжелателей въ обширномъ кругу филологовъ посредствомъ живаго слова. Въ собраніи нѣмецкихъ филологовъ 2-го октября 1850 г. въ Берлинѣ онъ произнесъ рѣчь о переработкѣ Глоссарія Дюканжа, въ которой говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „*Glossarium* Дюканжа при всѣхъ своихъ недостаткахъ необходимъ для всякаго, кто въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ дѣло съ византійскими историками, греческими писателями о римскомъ правѣ, съ церковными греческими писателями среднихъ вѣковъ, съ древнѣйшими произведеніями новогреческой поэзіи, равно и съ писателями о музыкѣ, ботаникѣ, математикѣ, астрономіи, химіи и т. д., которые были подъ рукою у сочинителя словаря, а отчасти еще донынѣ скрываются въ библіотекахъ. Главныя недостатки словаря Дюканжа, требующіе исправленія, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Новогреческія слова и формы нерѣдко переводятся неправильно (слѣдуютъ примѣры). 2) Правонаписаніе словъ не всегда вѣрно. 3) Иногда приводятся слова, какихъ никогда не бывало. Кромѣ того, Дюканжъ пользовался своими источниками неравномѣрно и часто весьма небрежно, далѣе, не воспользовался всѣмъ, что находилось въ парижской библіотекѣ“. По произнесеніи этой рѣчи, профессоръ Муллахъ вызывалъ собраніе на объясненія, но никто изъ присутствовавшихъ не пожелалъ войти въ разсужденіе объ этомъ предложеніи, точно также, какъ и послѣ другихъ рѣчей, читанныхъ въ засѣданіяхъ этого собранія, что, впрочемъ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ отчасти можно объяснить и тѣмъ, что никто изъ присутствовавшихъ филологовъ и лингвистовъ не былъ готовъ, наравнѣ съ Муллахомъ, оцѣнить предложенный вопросъ во всемъ его объемѣ. Въ 1854 г. Муллахъ такъ далеко ушелъ въ своей обработкѣ новаго полнѣйшаго изданія Дюканжа, что могъ бы тотчасъ приступить къ печати и въ нѣсколько лѣтъ окончить изданіе. Но горькіе опыты заставили его вовсе отказаться отъ надежды напечатать это изданіе въ Германіи или во Франціи.

Въ засѣданіи нашей Академіи Наукъ 1-го іюня 1855 г. академикъ Куникъ читалъ донесеніе „о трудахъ византиниста Муллаха“, въ которомъ говорить въ заключеніе: „Кто близко знакомъ съ нынѣшнимъ состояніемъ византійскихъ занятій и кто понимаетъ важность ихъ для славянскаго языкознанія, литературы и исторіи, тотъ долженъ согласиться, что успѣхи въ этой области существенно зависятъ отъ новаго изданія словаря Дюканжа. Едва ли скоро явится эллинистъ, который имѣлъ бы столько любви къ предмету, столько личнаго самоотверженія и столько познаній въ разныхъ областяхъ среднегреческаго языка, какъ профессоръ Муллахъ“¹⁾. Русская Академія, которая, казалось бы, должна была принять къ сердцу предпріятіе Муллаха, столь важное для славянской филологіи и разработки русской исторіи, отнеслась къ нему также несочувственно, какъ ученныя учрежденія западной Европы. Теперь, чрезъ 200 лѣтъ послѣ изданія знаменитаго Глоссарія, все еще приходится пользоваться стариннымъ и рѣдкимъ его изданіемъ и питать надежду, что, можетъ быть, когда-нибудь дойдутъ до сознанія необходимости приступить къ новой его переработкѣ.

Въ то время, какъ печатался греческій словарь, Дюканжъ уже былъ занятъ другими работами: онъ составлялъ примѣчанія къ готовившемуся, но потомъ на долго отложенному изданію Никифора Григоры, и трудился надъ текстомъ Пасхальной хроники и ея объясненіемъ²⁾. Мы уже знаемъ, что Пасхальною или, какъ ее иначе называли, Александрійскою хроникою, еще иначе Сицилійскими фастами (*Fasti Siculi*), — занимались и равнѣ. Иосифъ Скалигеръ получилъ значительныя выписки изъ нея отъ Казобона и придавалъ имъ такую цѣнность, что обнародовалъ сообщенную ему часть въ видѣ приложения къ своей, тогда уже почти совершенно отпечатанной, величавой Сокровищницѣ временъ (*Thesaurus temporum*). Затѣмъ іезуитъ Радеръ въ 1615 году издалъ текстъ хроникіи *in extenso*, что и считается первичнымъ ея изданіемъ. Удовлетворительнымъ оно не могло быть уже потому, что сдѣлано было не по оригинальной древней рукописи, а по списку съ плохой копіи, не говоря уже о про-

¹⁾ Донесеніе академика Куника, изъ котораго извлечены нами всѣ свѣдѣнія о Муллахѣ, напечатано въ *Учен. Зап. Акад. Наукъ по 1 и 3 отд.*, т. III, 1855 г., стр. 413—428.

²⁾ *Paschalion (Πασχαλίον)*, seu *chronicon paschale a mundo condito ad imperatorem Heraclium, hactenus Pastorum Siculorum nomine laudatum, et chronici Alexandrini lemme vulgatum, ex interpretatione et cum notis chron. cis ac histor. cis Caroli du Fresne du Cange*. 1688

пускахъ и пробѣлахъ, имъ самимъ добровольно допущенныхъ. Лаббъ въ приложеніи къ своему воззванію заявлялъ, что изданіе Радера требуетъ дополненія, такъ какъ-де онъ, занятый другими дѣлами, не успѣлъ докончить своихъ примѣчаній; затѣмъ говорилось, что если кто можетъ оказать содѣйствіе Луврскому изданію, то пусть поспѣшитъ увѣдомленіемъ, дабы труды его не пропали напрасно; въ случаѣ необходимости все дѣло хотѣлъ взять на себя самъ авторъ воззванія. Уже послѣ того, какъ Protertison былъ обнародованъ въ первоначальномъ отдѣльномъ своемъ видѣ, Лаббъ узналъ, что въ Мадритѣ у аббата Лафарины (Lafarina), сицилійца родомъ, состоявшаго при капеллѣ (oratorium) короля Испанскаго, находится древнѣйшій и самый исправный экземпляръ Александрійской хроники: при второмъ изданіи воззванія и сопровождавшаго оное проспекта (при одномъ изъ томовъ коллекци) прибавлено было довольно глухое обращеніе къ владѣльцу манускрипта, что если онъ его пришлетъ или сообщитъ варіанты, то заслужитъ величайшую благодарность отъ всѣхъ ученыхъ. Когда взялся за дѣло Дюканжъ, то уже о Лафаринѣ не столько заботились; Дюканжъ располагалъ, кромѣ прежняго печатнаго текста, пособіями, которыя сообщили друзья; чтó было можно, онъ исправлялъ и улучшалъ—большею частью весьма удачно—собственными конъектурами, а когда было необходимо, то-есть, при встрѣчѣ съ мѣстами, казавшимися ему подозрительными, обращался опять черезъ друзей къ справкамъ съ Ватиканскимъ кодексомъ, древнѣе котораго и желать было трудно, такъ какъ его относили къ X вѣку. Дюканжъ зналъ или по крайней мѣрѣ догадывался, что Ватиканскій кодексъ есть именно тотъ знаменитый экземпляръ, который нѣкогда былъ купленъ въ Мессинѣ Зуритою (Zurita), авторомъ извѣстной Арагонской исторіи, во время пребыванія его въ Сицилиі въ 1551 году, и сдѣлался тогда извѣстнымъ нѣкоторымъ ученымъ (Sigonio и Ranvino пользовались имъ въ своихъ комментаріяхъ къ Фастамъ), но онъ не зналъ, какъ и всѣ до новѣйшаго времени не знали, дальнѣйшей промежуточной исторіи этого кодекса, не зналъ того, что увезенный счастливымъ покупщикомъ въ Испанію и пробывъ тамъ около ста лѣтъ, онъ перешелъ въ Ватиканскую бібліотеку именно чрезъ посредство аббата Лафарины. Похищенный воровскимъ образомъ изъ бібліотеки одного испанскаго магната, этотъ экземпляръ былъ проданъ за ничтожную цѣну (восемь или десять франковъ)—либо прямо, либо черезъ вторыя руки—поименованному аббату, который, очевидно, долженъ былъ скрывать происхожденіе

своего сокровища, поступившаго въ папскую библиотечку; вслѣдствіе того Дюканжъ думалъ, что Ватиканскій списокъ и рукопись Лафарины суть двѣ вещи различныя ¹⁾. Нужно замѣтить, что отъ этого архетипа вели свое начало и тѣ копии, которыя тоже страннымъ образомъ гуляли по свѣту. Одна изъ нихъ съ Дармаріемъ, упомянутымъ у насъ переписчикомъ греческихъ рукописей, переписчикомъ, нужно припомнить, неисправнымъ и недобросовѣстнымъ, но посѣтившимъ также и Испанію въ 1573 году, совершила путешествіе изъ Лериды въ Баварію, на дорогѣ попала въ руки Казобона, побывала въ Аугсбургѣ, гдѣ Гешель снялъ съ нея новую копию, послужившую для изданія Радера, а теперь находится въ Мюнхенѣ ²⁾. Что касается Дюканжа, то мы уже указали на содѣйствіе друзей, чрезъ которыхъ онъ могъ пользоваться Ватиканскимъ спискомъ. Къ числу этихъ друзей принадлежитъ прежде всего Е. Бигго, съ горячимъ участіемъ встрѣтившій первое извѣстіе о новомъ предпріятіи престарѣлаго ученаго. Въ настоящее время изъ обнародованной Делилемъ переписки Бигго мы узнаемъ, что послѣдній еще ранѣе Дюканжа очень интересовался Пасхальною хроникой. Во время своего путешествія въ Германію, на досугѣ въ гостинницахъ онъ занимался тѣмъ, что исправлялъ латинскій переводъ Радера въ своемъ печатномъ экзем-

¹⁾ Исторія Ватиканскаго кодекса № 1941, содержащаго въ себѣ Пасхальную хронику, впервые подробно и отчетливо разъяснена Гро (*Gramm*) въ его *Essai sur les origines du fond grec de l'Escorial*, pag. 346 и сл. Рукопись Зуриты послѣ не удавшихся переговоровъ съ королемъ Филиппомъ II Испанскимъ, была имъ завѣщана монастырю картезианцевъ въ Сарагоссѣ (*Aula Dei*), отсюда въ 1626 году почти насильно взята Оливаресомъ, всемогущимъ министромъ Филиппа IV, который, возымѣвъ мысль устроить свою библиотеку, ограбилъ многія книгохранилища въ Испаніи, лишивъ ихъ лучшаго достоянія. Но хуже всего то, что эта его библиотека подверглась безстыдному расхищенію, при чемъ владѣлецъ и не подозрѣвалъ ничего. Пасхальная хроника, похищенная у монаховъ, была теперь выкрадена невѣрными слугами новаго владѣльца, и т. д. Въ изложеніи дальнѣйшей исторіи рукописи Гро не замѣтилъ или по крайней мѣрѣ не обозначилъ отчетливо того обстоятельства, что Дюканжъ отличалъ Ватиканскій списокъ отъ списка Лафарины и только о послѣднемъ думалъ, что онъ привезенъ былъ въ Римъ изъ Константинополя, а о первомъ и онъ говоритъ, какъ о купленномъ въ Мессинѣ Зуритою. Это все становится яснымъ, какъ скоро прочтешь со вниманіемъ *praefatio*.

²⁾ Гро (pag. 348) говоритъ, что эта же самая копия была послѣ приобретена Голстеномъ, но въ виду дальнѣйшаго мы считаемъ это сомнительнымъ и потому пропускаемъ. Еще двѣ копии были сдѣланы тогда же Дармаріемъ: для короля Филиппа II и для испанскаго гуманиста Антонія Августина; одна изъ нихъ теперь въ Стокгольмѣ, другая въ Упсалѣ.

пляръ, который онъ велѣлъ нарочно для этого перешлеть. Когда Биго явился въ Римъ и встрѣтился съ Голстеномъ, то узналъ, что и этотъ послѣдній началъ пересматривать переводъ и сличать (collationner) греческій текстъ по оригинальному манускрипту, который былъ ему сообщенъ Лафариною. Голстенъ разказалъ французскому ученому о своихъ занятіяхъ и возложилъ на него обязанность докончить сличеніе, доставивъ ему возможность пользоваться на дому подлинникомъ, съ тѣмъ чтобы все это послужило на пользу Лувр-скаго изданія ¹⁾. Предъ смертью Голстена (въ 1661 году) Биго возвратилъ ему оригиналъ, который, по замѣчанію Биго, долженъ былъ поступить въ Ватиканскую бібліотеку, а съ собою въ Парижъ взялъ оба свои (печатные) экземпляра—тотъ, надъ которымъ онъ работалъ въ Германіи, и тотъ, на которомъ сдѣлана была копія въ Римѣ. То и другое вручено было одному аббату (Thoinard), который долженъ былъ издать хронику, но потомъ ни къ дѣлу не приступилъ, ни врученныхъ ему пособій не возвращалъ, не смотря на требованія Биго. Такъ прошло около двадцати лѣтъ; Биго почти забылъ о всемъ этомъ вопросѣ и о своихъ трудахъ, и вспомнилъ о нихъ только тогда, когда представилась возможность помочь ученому другу. По видимому, Биго удалось теперь выручить изъ невѣрныхъ и крѣпкихъ рукъ аббата Туанара свое достояніе. По крайней мѣрѣ изъ предисловія Дюканжа къ изданію хроники видно, что онъ пользовался сличеніемъ и конъектурами Голстена и, приводя варианты сего послѣдняго, зналъ, что они взяты изъ кодекса, принадлежавшаго Лафаринѣ; но не догадывался о значеніи этого кодекса, онъ предпочиталъ списокъ Ватиканскій, съ нимъ тождественный, и благодарить за сообщеніе отсюда вариантовъ не Голстена и Биго, а Мабильона, Севъ-Жермена и Эстьенно. Мабильонъ и его ученые спутники по путешествію въ Италію исполняли порученія Дюканжа, касавшіяся изданія Пасхальной хроники. „Скажите Дюканжу“, пишетъ одинъ изъ нихъ, — „что при первомъ хорошемъ и свободномъ днѣ мы отправимся въ Ватиканскую бібліотеку и посмотримъ, существуетъ ли въ подлинной рукописи пробѣлъ, замѣченный имъ въ печатномъ изданіи“ ¹⁾. За то послѣ возвращенія своего въ Парижъ самъ Мабильонъ, относившійся съ глубочайшимъ уваженіемъ къ трудамъ Дюканжа и съ такою же симпатіей къ его личности, могъ (въ 1688 году) писать въ Римъ, что новое изданіе Александрійской хроники подви-

¹⁾ Объ участіи Биго въ дѣлѣ изданія хроники узнаемъ изъ документовъ, обвародованныхъ у Делиля—*Delisle*, Cabinet des manuscrits I, 325 и сл.

гается къ концу, и что въ немъ будутъ значительныя добавленія противъ прежняго текста ²⁾. Дѣйствительно, заслуга Дюканжа по отношенію къ тексту Пасхальной хроники громадна. Его изданіе въ сущности есть ея первое полное изданіе. Такъ, въ изданіи Радера упущены были тѣ многочисленныя извлеченія изъ древнихъ отцевъ церкви и писателей, которыя находятся въ подлинной рукописи и касаются празднованія Пасхи, указывая на главное назначеніе цѣлаго произведенія; о пробѣлахъ (lacunae) въ среднѣ уже было упомянуто. Новѣйшіе ученые, даже нѣмецкіе филологи, трудившіеся для Боннскаго изданія византійцевъ и обыкновенно столь неблагосклонные къ своимъ французскимъ предшественникамъ XVII столѣтія, на сей разъ признаютъ по крайней мѣрѣ безконечное превосходство Дюканжа предъ Радеромъ. Затѣмъ, кромѣ установленія текста, остается еще его разъясненіе и толкованіе. Въ этомъ отношеніи заслуги Дюканжа еще выше, осязательнѣе и уже никѣмъ не могутъ быть принижаемы. Латинскій переводъ хроники, сдѣланный имъ заново, признается незамѣнимымъ и повторяется безъ перемѣнъ въ новыхъ изданіяхъ. Комментаріи отличаются обычнымъ обиліемъ и обычною громадною эрудиціей Дюканжа. Они заключаются, вопервыхъ, въ обширномъ предисловіи, которое содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о спискахъ и прежнихъ изданіяхъ хроники (Скалигера, Радера), о различныхъ ея наименованіяхъ, о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ она была написана, о другихъ сродныхъ произведеніяхъ, ей предшествовавшихъ—о хроникѣ Ипполита, о пасхаліяхъ и пасхальныхъ циклахъ, а также вообще о системахъ лѣтосчисленія и т. д. Сверхъ того, присоединены были хотя и не столь обширныя и важныя, но не лишеныя цѣны замѣчанія Готена, переводчика Теофана, сообщенныя его внукомъ и названныя хронологическимъ анализомъ хроники. Во второй части, вслѣдъ за текстомъ, сначала идетъ выборка изъ разнаго рода изданныхъ, а большею частью не изданныхъ дотолѣ сочиненій, могущихъ служить къ объясненію хроники: *Selecta ad illustrationem Chronici Paschalis*, а затѣмъ уже собственныя примѣчанія Дюканжа. Въ выборкѣ между прочимъ заслуживаютъ вниманія древніе списки царей, списки апостоловъ (Елифанія, Дородея), большія извлеченія изъ *Liber generationum*, между прочимъ о раздѣлѣ земли между потомками Ноя и т. д. Въ собственныхъ примѣчаніяхъ оправдываются

¹⁾ *Valery*, *Correspondance de Mabillon II*, 125. Письмо Estiennot отъ 2-го декабря 1687 года.

²⁾ *Ibid.*, p. 157.

и объясняются конъектуры, внесенныя въ текстъ самимъ Дюканжемъ, сообщаются варианты, принадлежащіе Голстену (и Биго), приводятся соотвѣтствующія частныя параллельныя мѣста у другихъ писателей. Въ послѣдніе годы своей жизни Дюканжъ занимался также пересмотромъ своего перваго большаго труда, положившаго основаніе его ученой славы. Мы знаемъ, что Константинопольскую исторію (см. выше, стр. 118) онъ составлялъ ранѣе переселенія въ Парижъ, вдали отъ всякаго рода ресурсовъ, какіе представляетъ большой городъ и богатое книгохранилище. Съ тѣхъ поръ онъ перечиталъ — и не однажды — всѣхъ ему доступныхъ византійскихъ писателей, пересмотрѣлъ массу документовъ, познакомился съ Каталонскою хроникой Рамона Мунтанера, и что еще важнѣе, съ Морейскою хроникой, двумя главнѣйшими источниками для двухъ періодовъ латинскаго господства на востокѣ. Онъ самъ увидѣлъ, что его Исторія Константинопольской Имперіи при французскихъ императорахъ нуждается въ дополненіяхъ, и онъ рѣшился ее передѣлать за-ново, воспользовавшись своими драгоценными открытіями. Онъ почти кончилъ эту работу, когда его застигла смерть. Въ первыхъ пяти книгахъ поправки были, однако, не столь значительны, какъ бы слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе знакомство съ Морейскою хроникой; но начиная съ 1300 года онѣ умножаются до такой степени, что сочиненіе получаетъ видъ совершенно новаго труда. Впрочемъ, своего появленія въ свѣтъ во второмъ изданіи оно дождалось только въ XIX столѣтіи (см. ниже о трудахъ Бюшона).

Между тѣмъ Дюканжу шель 78-й годъ, и лѣта брали свое, не смотря на крѣпкое тѣлосложеніе и строго регулярный образъ жизни. Болѣзнь, которая свела его въ могилу, была естественнымъ послѣдствіемъ непрерывныхъ кабинетныхъ занятій. Съ іюня 1688 года его ученые друзья, Мабиллонъ и Мишель Жерменъ (Germain) начинаютъ сообщать тревожныя извѣстія его почитателямъ въ Итали. Въ августѣ произошло временное облегченіе, и мы читаемъ въ относящейся сюда перепискѣ, что 9-го числа этого мѣсяца Дюканжъ по старому обычаю пришелъ пѣшкомъ въ С.-Жерменское аббатство и тамъ прогуливался въ монастырскомъ саду вмѣстѣ съ другими учеными ¹⁾. Но 18-го октября уже не было никакой надежды, а 23-го тяжелый недугъ, осложнившійся лихорадкой, свелъ великаго человѣка въ могилу.

¹⁾ Valery, Correspondance de Mabillon II, 154, 157, 159, 164. L'incomparable M. Du Cange a pensé mourir d'une rétention d'urine; il se trouve mieux (Мишель

III.

Восемнадцатое столѣтіе.

Ученый кружокъ Сен-Жерменскаго аббатства.—Мабильонъ и Монфокопъ.—Буавевъ, Вандури и Лекъенъ.—Изданіе Григоры.—Imperium Orientale Вандури.—Oriens christianus.—Общая характеристика Парижской коллекціи.—Венеціанское изданіе византійцевъ.—Оксфордское изданіе Малала.—Изданіе Генесія въ Венеціи.—Изданіе De ceremoniis Константина Багрянороднаго въ Лейпцигѣ Яковомъ Рейске.—Франзис Альтера.—Писидя.

Въ началѣ оглянемся нѣсколько назадъ. Когда говорятъ: „вѣкъ Людовика XIV“, то разумѣютъ при этомъ имена Расина и Мольера, Боссюэта и Фенелона, но часто забываютъ, что помимо блестящей плеяды литературныхъ дѣятелей, прославившихъ этотъ періодъ французской исторіи въ то же время существовало другое общество или другой кругъ писателей, собственно такъ называемыхъ ученыхъ, общество, очень отличное отъ того, которое по общему признанію считается выраженіемъ замѣчательнаго вѣка, менѣе бросающееся въ глаза, но столь же производительное и одушевленное, оставившее и въ свою очередь прочные слѣды въ ходѣ умственнаго развитія великой націи. Дѣятельность и отчасти біографія Дюканжа, на сколько мы съ нею познакомились, открыла намъ просвѣтъ на эту среду. Мы уже отчасти видѣли, что Дюканжъ работалъ не одинъ, что онъ находилъ себѣ сочувствіе и поддержку въ такихъ лицахъ, какъ Ма-

Жерменъ къ Мальябекки во Флоренціи отъ 20-го іюня 1688 года).— Cet illustre auteur a été fort incommodé d'une facheuse retention d'urine, mais il en est un peu soulagé (Мабильонъ къ тому же отъ 29-го августа).— Le bon homme M. Du Cange se porte beaucoup mieux. Il vint hier de sa personne à pied céans, il se promena dans notre jardin avec d'autres savants et s'en retourna à pied (М. Жерменъ отъ того же числа).— Le bon M. Du Cange est retombé malade et je n'ai plus guère d'espérance de le revoir en santé. Il a reçu ses sacrements et cet. (Опъ же къ Мальябекки отъ 18-го октября),

бидльонъ, какъ Балюзъ, бібліотекаръ Кольбера, положившій начало документальному изученію французской исторіи цѣлымъ рядомъ изданій актовъ различнаго рода. О-бокъ съ избранными представителями литературнаго движенія, во второй половинѣ XVII вѣка существовало многочисленное общество трудолюбивыхъ и даровитыхъ ученыхъ, связанныхъ однимъ союзомъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, разсѣянныхъ отъ одного конца Франціи до другаго, поддерживавшихъ между собою корреспонденцію, слѣдящихъ за открытіями и работами другъ друга. Центромъ этого общества во Франціи въ данный періодъ времени былъ, конечно, извѣстный монастырь въ предмѣстьи столицы, который очень охотно и часто посѣщала Дюканжъ въ концѣ своей жизни, знаменитое Сен-Жерменское аббатство (Saint-Germain des Prés),—въ которомъ жили и трудились такъ называемые мавриньяне, члены конгрегации св. Мавра, то-есть, особой ассоціаціи монастырей и монаховъ въ нѣдрахъ бенедиктинскаго ордена, возникшей въ началѣ XVII вѣка ради оживленія и поднятія строгой религіозной жизни и духовнаго просвѣщенія, и названной такъ по имени св. Мавра, одного изъ учениковъ основателя ордена, св. Бенедикта. Но къ этому центру примыкали и другія постороннія лица какъ духовныя, такъ и свѣтскія; нѣкоторыя изъ нихъ намъ уже извѣстны, какъ А. Валуа, Биго. Все-таки это былъ отдѣльный міръ, мало извѣстный для придворнаго и городского общества; члены этого кружка не особенно старались выйдти изъ полумрака, довольные тѣмъ, что находятъ себѣ надлежащую оцѣнку въ средѣ посвященныхъ, и будучи всецѣло погружены въ свои изслѣдованія. Трудясь ради своего призванія и науки, эти скромные рабочіе не искали шумной славы и безъ сожалѣнія посвящали свою жизнь задачѣ, которая даже имъ могла бы показаться неблагоприятною, еслибы они не находили поддержки и одобренія въ средѣ себѣ подобныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожили. Открытіе и печатаніе древнихъ текстовъ, собраніе старинныхъ хартій, изученіе греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ манускриптовъ, накопленныхъ вѣками въ бібліотекахъ, однимъ словомъ изученіе прошлаго составляло задачу ихъ жизни,—это была ихъ страсть. Они собрали сокровища эрудиціи, которыми цитались послѣдующія поколѣнія и продолжаютъ питаться. До нихъ едва достигало отдаленное эхо военной славы царствования, или даже блестящихъ триумфовъ литературныхъ и художественныхъ; не многое напоминаетъ, что это современники Тюрення и Конде, Корнеля и Мольера. Новѣйшій бытописатель, посвятившій этому

обществу ученых обширное сочинение, поражается отчужденностью, незначительностью связей, существующих между литераторами и учеными означенной эпохи. Въ различныхъ литературныхъ произведенияхъ этого періода, замѣчаетъ онъ, почти не встрѣчается никакого упоминанія именъ ученыхъ, и точно также на оборотъ. Мадамъ де Севинье, такъ близко знакомая съ литературнымъ движеніемъ своего времени, не называетъ ни разу въ своей корреспонденціи имени Мабилльона, и почти столь же трудно въ перепискѣ знаменитаго бенедиктинца встрѣтить упоминаніе о Расинѣ ¹⁾. Нельзя сказать, чтобъ они были совершенно равнодушны къ тому, что происходило; посвящая томы Византійской коллекціи королю, они намекали въ предисловіяхъ на его побѣды, величали его миротворцемъ Европы судней-посредникомъ между ея монархами, съ нѣкоторымъ ослѣпленіемъ—въ немъ повиненъ былъ нашъ Дюканжъ—восхваляли даже отмену Нантскаго эдикта и насильственное обращеніе протестантовъ; но торжественныхъ одъ и льстивыхъ похвальныхъ рѣчей они почти совсѣмъ не удосуживались писать, какъ это еще позднѣе дѣлалъ Вольтеръ. Нельзя сказать также, чтобы общество держало ихъ въ презрительномъ отдаленіи; напротивъ, всѣ они находятся въ сношеніяхъ съ самыми вліятельными лицами даннаго времени; король ихъ знаетъ и покровительствуетъ ихъ занятіямъ. Но они не ищутъ почестей и внѣшней славы. Самые ученые между ними въ то же время суть наиболѣе скромные. Таковъ былъ Мабилльонъ (1632—1707), котораго вмѣстѣ съ Дюканжемъ справедливо называютъ основателемъ и столпомъ новой французской учености, а чрезъ нее отчасти и вообще европейской, котораго критическая проницательность въ изученіи памятниковъ прошлаго доходила, можно сказать, до геніальности: самый возвышенный, благородный и симпатичный характеръ не только въ конгрегаци св. Мавра, которой онъ составлялъ украшеніе, но и вообще среди христіанскаго монашества ²⁾.

¹⁾ *E. de Broglie*, Mabilion et la société de l'abbaye de Saint-Germain des Prés. Paris. 1888, t. 1. 73.

²⁾ О Мабилльонѣ и его трудѣхъ, кромѣ біографіи, написанной его ученикомъ и сотрудникомъ, Рюинаромъ. см. *Dom Ta-sen*, Histoire littéraire de la congrégation de Saint-Maur, t. II, 200—270 *Chavin de Malan*, Les Gloires de la France, Histoire de D. Mabilion. Paris. 1843. *H. Jadart*, Dom Jean Mabilion. Reims. 1879. трудъ компилятивный и довольно слабый; сверхъ того, вышеприведенное двухтомное сочиненіе Брозьи, въ которомъ, впрочемъ, вниманіе обращено преимущественно на характеристику кружка и принадлежавшихъ къ нему отдѣльныхъ личностей, но очень мало мѣста и обращенію собственно ученаго дѣла,

Онъ уже прославилъ себя двумя капитальнѣйшими трудами, когда его вздумали представить королю, Людовику XIV. Скажемъ сначала два слова объ этихъ трудахъ, хотя и не касающихся прямо византийской литературы, но косвенно влиявшихъ на все ученое движеніе въ области историческаго изученія, а потомъ припомнимъ характеристичную сцену, при которой была засвидѣтельствована крайняя скромность великаго ученаго. Наболѣе важными трудами Мабилльона среди множества другихъ были „Дѣянія святыхъ ордена св. Бенедикта“ (Acta sanctorum ordinis S. Benedicti), рядъ томовъ, начавшихъ появляться съ 1668 года ¹⁾. Тутъ имѣетъ громадное значеніе не одна только масса вновь изданнаго матеріала, заключающагося въ жизнеописаніяхъ принадлежавшихъ къ ордену церковныхъ, литературныхъ и ученыхъ дѣятелей западной церкви, начиная со времени св. Бенедикта въ продолженіи дальнѣйшихъ шести вѣковъ, но и цѣлый непрерывный рядъ ученѣйшихъ изслѣдованій Мабилльона о всѣхъ сторонахъ церковнаго и монашескаго средневѣковаго быта, о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ исторической критики, хронологии и генеалогіи—послѣдней потому, что Мабилльону приходилось останавливаться на темномъ родословіи Меровингскихъ и другихъ королей, такъ или иначе относившихся къ дѣятельности бенедиктинцевъ. Такія изслѣдованія заключаются отчасти въ предисловіяхъ Мабилльона къ издаваемымъ актамъ, отчасти въ примѣчаніяхъ. Другимъ бессмертнымъ трудомъ Мабилльона была его Дипломатика ²⁾, появившаяся въ первый разъ въ 1681 году. Въмѣстѣ съ

отсюда исходящаго, и оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ, составившихъ славу кружка; авторъ желалъ написать главу изъ культурной исторіи общества, а не изъ исторіи науки.

¹⁾ Продолженіемъ и дополненіемъ къ Acta служатъ Annales Ordinis sancti Benedicti VI vol. 1703—1739. Здѣсь имѣются въ виду не только святые, но всѣ вообще монахи, которые содѣйствовали просвѣщенію и образованію западнаго христіанства отъ V по XII столѣтіе

²⁾ De re diplomatica libri VI, in quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis Regum Francorum Palatii: Veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa, Nova ducentorum et amplius monumentorum collectio. Opera et studio Domini Johannis Mabillon, presbyteri ac Monachi ordinis sancti Benedicti, e congregatione S. Mauri. Lutetiae Parisiorum, sumptibus viduae Ludovici Billain, 1681. Дополненіе появилось въ 1704 г. Librorum de re diplomatica supplementum,—новое изданіе въ 1709 году.

появленіемъ этой книги получила свое бытіе, лучше сказать, заравъ выступила въ зрѣлой полнотѣ и всеоружіи совѣмъ новая наука. Подъ дипломатикою разумѣтся систематическое ученіе (*disciplina*) о документахъ и актахъ (*instrumentum*, *Urkunde*), о внѣшнихъ и внутреннихъ признакахъ, по которымъ можно опредѣлять подлинность и достоинство всякаго рода письменныхъ, въ опредѣленную форму облеченныхъ свидѣтельствъ о совершившихся дѣйствіяхъ правового характера,—государственныхъ общественныхъ или частныхъ,— все одно. Въ книгѣ Мабильона идетъ рѣчь о документахъ вообще, объ ихъ характерѣ, различныхъ ихъ родахъ и видахъ, объ ихъ древности, подлинности, поддѣлкахъ и причинахъ поддѣлокъ, о письменныхъ матеріалахъ и различныхъ видахъ письма (1 кн.); затѣмъ слѣдуетъ ученіе о стилѣ документовъ или грамотъ, о канцелярскихъ обычаяхъ при совершении актовъ, именно—о подписяхъ, монограммахъ, печатяхъ и т. п. съ историческимъ приложеніемъ о составѣ канцелярій во франкское время и позднѣе (кн. 2); подвергаются критикѣ правила для распознаванія подлинности и достовѣрности документовъ, выставленныя не за долго предъ тѣмъ Папebroхомъ, однимъ изъ редакторовъ Дѣяній Святыхъ (*Acta Sanctorum*), издаваемыхъ іезуитами въ Антверпенѣ,—съ разсужденіемъ о собраніяхъ хартій (*chartularia*) и копій съ нихъ (кн. 3); особая (4-я) книга посвящена историческому обзорѣ нію палатъ (дворцовъ, *palatium*, *Pfalz*) франкскихъ королей, въ которыхъ они жили или останавливались въ разныя эпохи, и откуда датируются документы, что имѣетъ, очевидно, важное значеніе для дипломатики; предпоследняя книга представляетъ образцы письма и съясненія къ нимъ съ 58 гравированными таблицами, и послѣдняя— сборникъ дипломовъ (документовъ) числомъ болѣе 200 отъ 471 года до конца XII вѣка, какъ наглядное доказательство и разъясненіе выставленныхъ въ сочиненіи правилъ. Когда книга вышла, она была встрѣчена единодушнымъ признаніемъ; оказалось, что она далеко оставляетъ позади появлявшіяся до сихъ поръ слабыя попытки къ формулированію основныхъ правилъ дисциплины, давно становившейся необходимою даже въ практической жизни; іезуитъ Папebroхъ благоразумно призналъ себя побѣжденнымъ, далеко превзойденнымъ. Новые ученые, наиболѣе авторитетные въ данной области, также горячи и единодушны въ своихъ похвалахъ; ихъ отзывы звучатъ восторженнымъ удивленіемъ. Школа хартій въ Парижѣ, *Ecole des Chartes*, основана въ настоящемъ столѣтіи (окончательная организація относится къ 1846 году) именно съ цѣлью поддержанія и

увѣковѣченія „того рода эрудици, который съ XVII в. составлялъ одинъ изъ наиболѣе прекрасныхъ цвѣтковъ въ литературной исторіи Франціи, и который едва не угасъ вслѣдствіе перерыва въ его традицяхъ, произведенныхъ революціею“. Одинъ изъ руководителей этой школы высказалъ желаніе, чтобы главную залу школы украшали бюсты Мабилльона вмѣстѣ съ Дюканжемъ. Помимо всѣхъ другихъ правъ послѣдняго, нужно припомнить, что онъ не чуждъ былъ и появленію Дипломатики. Мабилльонъ въ своемъ къ ней предисловіи прямо говоритъ объ его поощреніяхъ и совѣтахъ, придавая имъ величайшее значеніе ¹⁾. Когда помѣ издавія Дипломатики, посвященной Кольберу, предполагалось отправить Мабилльона въ ученую миссію для обследованія библиотекъ итальянскихъ, то и король Людовикъ XIV пожелалъ его видѣть. Летеллье, архіепископъ Реймскій, прелатъ, извѣстный своимъ высокоуміемъ, и Боссюэтъ, другой архіепископъ, прославившійся своимъ краснорѣчіемъ и ученостію, должны были его представить—въ Версали. Летеллье и Боссюэтъ были проникнуты взаимнымъ нерасположеніемъ, и вотъ, когда Летеллье, подводя Мабилльона къ королю, сказалъ: „Государь, я имѣю честь представить вашему величеству самаго ученаго человѣка въ вашемъ королевствѣ“, то Боссюэтъ, почувствовавъ въ этихъ словахъ затаенное остріе укола, направленного противъ его самолюбія, съ своей стороны отозвался: „О государь, архіепископъ Реймскій долженъ былъ бы прибавить и самаго смиреннаго“. Онъ былъ правъ; но есть другой любопытный разказъ, изъ котораго видно, что и въ отношеніи этого качества Мабилльонъ и Дюканжъ соперничали между собою. Когда провинціальный ученый обращался къ Дюканжу съ просьбою о совѣтѣ въ ученомъ дѣлѣ, тотъ отсылалъ собесѣдника къ Мабилльону, какъ болѣе компетентному судѣ. Когда посѣтитель, согласно указанію, находилъ себѣ дорогу въ бенедиктинскую келью, то его прерывали на первыхъ же словахъ и отсылали къ Дюканжу: „Повидайтесь съ Дюканжемъ, говорилъ Мабилльонъ, онъ дастъ отвѣтъ на вашу записку; онъ мой учитель, я самъ знаю только то, чему у него научился“.— „Но именно онъ отправилъ меня къ вамъ“, возражалъ пришедшій, и этимъ замѣчаніемъ иногда побѣждалъ скромность автора Дипломатики.

Къ тому же ученому кружку, группировавшемуся вокругъ Ма-

¹⁾ Tene vero illaudatum praetermittam, eruditissime Cangi, qui hancce lucubrationem nostram, non secus ac tuam mentis et adhortationibus promoveresatagebas.

билльона въ С.-Жерменскомъ аббатствѣ, принадлежали: дом-Бернардъ-де-Монфоконъ (Montfaucon), Буавенъ, Вандури и Лекъенъ, трудившіеся въ области византийской литературы.

Монфоконъ (dom Bernard de Montfaucon, 1655—1741), одно изъ лучшихъ украшеній конгрегаци св. Мавра, принадлежалъ къ нѣскольکو младшему поколѣнію, чѣмъ Мабилльонъ и отличался отъ него многими чертами характера. Происходя изъ старинной и знатной фамили въ Гаскони, онъ началъ свое жизненное поприще въ военной службѣ и совершилъ два похода подъ начальствомъ Тюрення; вслѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній, которыя ему пришлось при этомъ, испытать (собственная болѣзнь, смерть дяди пораженнаго смертельною раню), и семейныхъ утратъ, онъ очень рано перемѣнилъ кирасу гренадера на монашескую сутану, но какъ будто сохранилъ вмѣстѣ съ южною живостью и нѣкоторый отпечатокъ своего первоначальнаго призванія. Онъ не былъ терпѣливъ и уступчивъ, способенъ былъ на острое слово и рѣзкую выходку, что иногда смущало его сотоварищей и заставляло Мабилльона въ шутку называть его господиномъ Роктальдомъ (Roquetaillade) по имени одной изъ земель его фамили.—Хотя Монфоконъ любилъ читать Плутарха еще въ дѣтствѣ и даже подъ вліяніемъ именно этого чтенія мечталъ о военной славѣ и подвигахъ, но греческій языкъ онъ сталъ изучать только послѣ вступленія въ бенедиктинскій орденъ. Быстрые успѣхи какъ въ этомъ предметѣ, такъ и въ другихъ наукахъ, которыя онъ слушалъ въ своемъ аббатствѣ, обратили на него вниманіе одного изъ мавричанъ Сен-Жерменскаго монастыря. Рассказываютъ, что ближайшимъ поводомъ къ тому были работы молодѣго монаха, состоявшія въ провѣркѣ латинскаго перевода греческихъ духовныхъ писателей и переданія имъ на разсмотрѣніе дом Мартена (dom Claude Martin). Вызванный въ Парижъ (1687), Монфоконъ вступилъ въ ученую среду С.-Жерменскаго аббатства и вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣсную дружбу съ Биго и Дюканжемъ, сдѣлался любимцемъ Мабилльона. Съ самаго начала предполагалось, что на Монфокона вмѣстѣ съ другими двумя сотрудниками будетъ возложено изданіе греческихъ отцовъ церкви, Аванасія и Іоанна Златоуста, между тѣмъ какъ Мабилльонъ занимался въ этомъ родѣ исключительно изданіемъ латинскихъ церковныхъ учителей, Августина, св. Бернарда. Важное и великое предпріятіе, поставленное на очередь неутомимыми мавриніанами, требовало не только большаго знанія и тщательной подготовки, но и опытности отъ будущихъ участниковъ въ дѣлѣ. Дюканжъ

и Биго посовѣтовали Монфокону предварительно заняться какими-нибудь греческими произведениями не столь обширнаго размѣра и указали вѣскольکو манускриптовъ, заслуживающихъ того, чтобы быть обнародованными. Такъ появились „Греческіе аналекты“¹⁾, въ которыхъ въ первый разъ были напечатаны 1) Типикъ (уставъ), данный императрицею Ириною, женою Алексѣя Комнина (1081—1118) женскому монастырю, ею основанному, съ подробнымъ перечисленіемъ доходовъ для содержанія обители и монахинь и 2) счетныя инструкціи самого императора Алексѣя (*rationarium antiquum*, повимъ) для руководства сборщикамъ податей, документъ, чрезвычайно важный для изученія византийскаго податной и монетной системъ и, кромѣ того, 3) сочиненіе Герона о мѣрахъ. Эти три пьесы, составляющія половину тома, были переведены на латинскій языкъ и приготовлены къ печати Монфокопомъ. Здѣсь же напечатано было житіе св. Евѣмія Великаго, основателя знаменитой обители въ пустынѣ св. града (Іерусалима), написанное Кирилломъ Скиеопольскимъ, и въ греческомъ подлинникѣ до тѣхъ поръ извѣстное только въ другой редакціи и притомъ въ латинскомъ переводѣ житіе св. Стефана Новаго, первостепенный источникъ для исторіи иконоборства за первый его періодъ.—Черезъ десять лѣтъ послѣдовало появленіе твореній Аванасія Александрійскаго въ трехъ томахъ²⁾; трудъ принадлежалъ исключительно Монфокону, который вмѣстѣ съ нимъ выросъ до полной и удивительной ученой зрѣлости, успѣвъ познакомиться, сколько было нужно, съ языками еврейскимъ, сирійскимъ, коптскимъ и отчасти арабскимъ. Предисловіе, исполненное учености, въ которомъ показана недостаточность всѣхъ прежнихъ изданій, слѣдующія за тѣмъ приложенія съ жизнеописаніями св. Аванасія (одно арабское переведено было Ренодѣ, Renaudot), текстъ, установленный по спискамъ парижскимъ и ватиканскимъ,—все это сообщало чрезвычайную цѣну труду Монфокона; изданіе тогда же было названо несравненнымъ и остается доселѣ несравненнымъ.—Ради Іоанна Златоуста признано было необходимымъ ближайшее

¹⁾ *Analecta graeca, sive varia opuscula graeca inedita. Parisiis, typis G. Martin, 1688, in 4.* Указываемыя въ текстѣ статьи были потомъ перепечатываемы: Типикъ Ирины въ греческой патрологіи *Микля* (t. 127); въ *Acta graeca* Миклошича, (t. V); счетное руководство въ *Zachariae Ius graecorum*, t. III.

²⁾ Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου — τὰ εὐρισχόμενα πάντα. Sancti Patris nostri Athanasii opera omnia quae supersunt. Opera et studio Monachorum Ordinis S. Benedicti, e Congreg. S. Mauri, Parisiis, sumptibus Anisson. 1698.

ознакомленіе съ рукописями и бібліотеками Итали; отправившись туда въ 1698 году. Монфоконъ провель три года въ Венеци, Миланѣ, Флоренціи, Монтекассино и такъ далѣе, всего долѣе, конечно, въ Римѣ. Вездѣ его встрѣчали какъ великую знаменитость; герцогъ Тосканскій вручилъ ему во Флоренціи ключи отъ Лаврентіанской бібліотеки, чтобы онъ могъ заниматься въ ней когда угодно; самъ папа оказалъ свое вниманіе и благосклонность, такъ что эти знаки всеобщаго уваженія къ иностранцу возбудили нѣкоторое чувство ревности, если не зависти въ мѣстныхъ ученыхъ, не исключая Цаканьи (Zaccagni), префекта Ватиканской бібліотеки. Сюда относятся разказъ объ испытаніи, или лучше сказать ловушкѣ, устроенной противъ Монфокона этимъ Цаканьи съ друзьями. Ему предлагали старинную греческую рукопись и съ лестными комплименами просили научить и наставить—опредѣливъ прежде всего вѣкъ, къ которому манускриптъ долженъ быть относимъ. Когда Монфоконъ указалъ на послѣднюю четверть десятаго вѣка (за семьсотъ лѣтъ), то ему сухо замѣтили, что онъ ошибается, такъ какъ имя императора Василія, упомянутое въ припискѣ, свидѣтельствуетъ о принадлежности рукописи еще предыдущему столѣтію: Василій Македонянинъ царствовалъ отъ 867 по 886 г. Однако Монфоконъ пожелалъ ближе всмотрѣться въ приписку, и когда оказалось, что при имени Василія прибавлено слово „ἐκ τῆς πορφύρας“ (отъ порфиры), то въ самомъ дѣлѣ получалъ возможность преподать хорошій урокъ своимъ совопросникамъ, научивъ ихъ, что эта прибавка указываетъ на Василія Порфиророднаго, рожденнаго въ пурпурѣ, а такимъ былъ только Василій II Болгаробойца (976—1025). Возможность такого анекдота разказаннаго въ похвальной рѣчи Монфокону де-Бозомъ (de Boze) доказывается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что знаменитый Ватиканскій Менологіи, драгоценнѣйшая изъ всѣхъ византійскихъ рукописей по своимъ миниатюрамъ, вслѣдствіе посвященія императору Василію долго считалась принадлежностью девятаго вѣка, и Бароній прямо разумѣлъ тутъ Василія I Македонянина; только Аллаци въпервые обратилъ вниманіе на прибавку такихъ выраженій, какъ „солнце порфиры“, „питомецъ багряницы“, и воспользовался ими для надлежащаго указанія времени, когда былъ составленъ знаменитый менологіи Василія, изданный нѣсколько позднѣе (1727 г.) кардиналомъ Альбани.—Были сдѣланы и еще другія попытки, долженствовавшія поставить въ недоумѣніе Монфокона но всѣ онѣ повели къ одному результату, къ новому проявленію

нiю его глубокаго знанiя. Конечно, гораздо болѣе неприятностей могли доставить другiе противники, съ которыми Монфоконъ имѣлъ столкновения по званiю прокурора конгрегаци, какое было на него теперь возложено; это были иезуиты. Въ столкновенiи съ ними Монфоконъ обнаружилъ живость и неуступчивость своего характера; не безъ раздраженiя онъ оставилъ Римъ ранѣе предполагавшагося срока, не смотря на отговоры друзей и почитателей, въ числѣ коихъ былъ и новый папа, Климентъ XI. По собственному объясненiю Монфокона, онъ не могъ долѣе оставаться въ Итали главнымъ образомъ вслѣдствие легкости, съ которою тамъ извѣстные люди привыкли лгать¹⁾. Французскiй кардиналъ d'Естре (d'Estrées), встрѣтившiй Монфокона въ Венеци, совѣтовалъ ему и какъ настоятель С-Жерменскаго аббатства разрѣшалъ совершить экскурсiю на востокъ для отысканiя еще новыхъ греческихъ рукописей; но Монфоконъ не послѣдовалъ этому совѣту и впоследствии очень сожалѣлъ о томъ. Вся дальнѣйшая биографiя Монфокона послѣ возвращенiя въ Парижъ заключается въ исторiи его ученыхъ трудовъ, выходившихъ непрерывно одинъ за другимъ. Достигнувъ самаго преклоннаго возраста, онъ все-таки удѣлялъ занятiямъ не менѣе восьми часовъ въ день. Пользуясь отъ природы крѣпкимъ организмомъ и благодаря правильному образу жизни, онъ послѣ пятидесяти лѣтъ никогда не былъ боленъ; самая смерть застала его среди обычныхъ занятiй.— Изъ длиннаго списка его трудовъ за этотъ періодъ отмѣтимъ тѣ, которые имѣютъ ближайшее отношенiе къ Византiи²⁾. 1) Новый сборникъ отцовъ и писателей греческихъ³⁾ — въ двухъ томахъ; въ первомъ томѣ содержатся нѣкоторыя сочиненiя Евсевiя Кесарiйскаго, а во второмъ, посвященномъ аббату Биньону, — вновь отысканныя мелкiя сочиненiя Афанасiя Александрийскаго, а также знаменитое произведенiе египетскаго купца, совершившаго въ началѣ VI вѣка нѣсколько поѣздокъ въ порты Инди, Козьмы Индо-

¹⁾ *Valery, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 111.* Письмо къ Гаттолѣ: lei si stupirebbe dell' ardire et della facilità di mentire di questi uomini (Giesuiti)... e questa è una delle principali ragioni, che mi hanno fatto risolvere di andar via da Roma.

²⁾ Перечисленiе трудовъ Монфокона съ краткими ихъ характеристиками — см. *Tassin, Histoire littéraire de la congrégation de St.-Maur, 591—616.*

³⁾ *Collectio nova Patrum et scriptorum Graecorum Eusebii Caesariensis, Athanasii et Cosmae Aegyptii.* Haec nunc primum ex Mss. codicibus Graecis, Italicis, Gallicanicisque eruit, latine vertit, notis et praefationibus illustravit *D. B. Montfaucon.* Parisus, 1706.

плавателя или Индикоплова, важное не только по любопытнымъ свѣдѣніямъ объ Индіи (съ упоминаніемъ о Цейлонѣ) и о царствѣ Аксумъ въ Египтѣ (Абиссиніи), но и по новымъ космографическимъ воззрѣніямъ, которыя здѣсь развиты вопреки Птолею, но въ ближайшемъ приуроченіи къ разнымъ мѣстамъ священнаго писанія однимъ словомъ рѣчь идетъ о Христіанской топографіи¹⁾, которая попомъ долго опредѣляла мросозерцаніе сѣднѣвѣковаго человѣчества и между прочимъ составляла любимое чтеніе православныхъ русскихъ людей. 2) Греческая палеографія—это капитальное произведеніе пѣнится также высоко, какъ и Дипломатика Мабильсона, съ которою отчасти совпадаетъ по содержанію. Главная задача Палеографіи состоитъ въ изученіи признаковъ, по которымъ узнается принадлежность письменныхъ памятниковъ тому или другому вѣку; она имѣетъ дѣло не съ одними документами и актами, но вообще съ рукописями какого бы то ни было происхожденія и содержанія, притомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на видоизмѣненіяхъ въ характерѣ и начертаніи буквъ, а не на техническихъ признакахъ, указывающихъ на канцелярскую скрѣпу и вообще на отношеніе къ официальнойности. Ознакомивъ читателя съ орудіями и матеріаломъ письма у грековъ, а также съ лицами, которыя занимались ремесломъ переписыванія книгъ, Мовфоконъ переходитъ къ исторіи происхожденія греческаго алфавита и его развитія до IV вѣка по Р. Х., представляетъ образцы унциальнаго или уставнаго письма, господствовавшаго до девятаго вѣка, а въ церковномъ обиходѣ и богослужебныхъ книгахъ державшагося до XII, затѣмъ обращается къ курсивному письму, которое онъ производитъ отъ скорописи и не отличаетъ отъ минускульнаго (строчнаго); слѣдуютъ таблицы, посредствомъ нагляднаго сопоставленія изображающія постепенныя видоизмѣненія въ начертаніяхъ буквъ въ продолженіи означенныхъ выше періодовъ. указываются разные роды сокращеній (аббревиатуръ) и вязи (лигатуръ), а также специальныхъ знаковъ, употребляемыхъ въ риторикѣ, медицинѣ и другихъ наукахъ. Шестая книга прямо касается греческой дипломатики; здѣсь идетъ рѣчь о золотыхъ печатяхъ на царскихъ грамотахъ (хрисовулахъ), о серебряныхъ и восковыхъ печатяхъ, предлагаются образцы грамотъ. Седьмая и послѣдняя книга содержитъ въ себѣ два трактата, не принадлежаще

¹⁾ Cosmae Indicopleustae Christianorum opinio de mundo, sive Topographia christiana. О славянскихъ переводахъ см. *Срезневскаго, Свѣдѣнія о малоазійск. памятн.*, XI (С.-Пб. 1867). Обществомъ Древней Письменности теперь изданъ и весь переводъ по одному изъ старинныхъ списковъ.

самому Монфокону: описание монастырей горы Афонской, составленное Иоанномъ Компиномъ, врачомъ молдаво-валашскимъ, переведенное Монфокопомъ на латинскій языкъ, и диссертацию одного французскаго ученаго (Bouhier) о первоначальномъ алфавитѣ у грековъ и римлянъ ¹⁾. О дальнѣйшихъ трудахъ въ области греческой палеографіи намъ еще придется упомянуть; теперь замѣтимъ только, что для всѣхъ безъ исключенія точкою отправленія остается безсмертное произведеніе Монфокона. На какомъ солидномъ фундаментѣ оно было построено, видно изъ находящагося въ началѣ перечисленія греческихъ извѣстныхъ Монфокону рукописей, въ различныхъ библиотекахъ Европы: количество ихъ простирается до 11,630. 3) Мы не будемъ теперь говорить о тѣхъ сочиненіяхъ Монфокона, которыя посвящены ученымъ замѣткамъ объ италянскихъ библиотекахъ и музеяхъ (*Diarium Italicum*, 1702 г.), а также о прочихъ книгохранилищахъ, богатыхъ рукописями (*Bibliotheca Bibliothecarum Manucriptorum nova*, 1739), но должны два слова прибавить къ сдѣланному уже ранѣе упоминанію о подробной описи Коаленовой библиотеки. Это изданіе содержитъ въ себѣ не только точное обозначеніе содержанія каждой изъ четырехсотъ рукописей бывшей библиотеки канцлера Сегье, доставшейся его правнуку, герцогу Коалену, но описаніе сопровождается множествомъ палеографическихъ снимковъ, извлеченіями изъ не изданныхъ прежде сочиненій, наконецъ сообщеніемъ цѣльныхъ трактатовъ небольшого размѣра, но важныхъ по содержанію въ количествѣ сорока двухъ нумеровъ, переведенныхъ при этомъ на латинскій языкъ ²⁾. Монументальное изданіе твореній Иоанна Златоустаго, которое собственно и опредѣлило жизненное призваніе Монфокона, послѣ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ, стало появляться съ 1718 года и заключилось въ 1738 году тринадцатымъ томомъ. Слѣдуетъ ли говорить о достоинствахъ этого изданія? Достаточно повторить краткій отзывъ Фабриція: *nova, luculenta, castigatissima et locupletissima sancti Chrysostomi editio graecolatina*! Въ числѣ 7440 напечатанныхъ сочиненій Златоуста 22 слова,

¹⁾ *Palaeographia graeca, sive de ortu et progressu Litterarum graecarum, et de variis omnium saeculorum scripturae graecae generibus: itemque de abbreviationibus et de notis variarum artium ac disciplinarum. Additis figuris et schematicis ad fidem manuseriptorum codicum. Opera et studio D. Bernardi de Montfaucon Sacerdotis et monachi Benedictini e. cet. Parisiis. 1708.*

²⁾ *Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana, sive manuseriptorum Graecorum quae in ea continentur, accurata descriptio—et cet. Parisiis. 1705.*

а всего до 50 сочиненій, здѣсь явились въ первый разъ. При установленіи текста, Монфоконъ и его сотрудники пользовались всѣми рукописями, какія могли быть отысканы въ Италіи и Франціи, а также безчисленнымъ множествомъ переводовъ твореній Златоуста на разныхъ языкахъ. Ученныя предисловія къ отдѣльнымъ томамъ объяснительныя введенія къ каждому отдѣльному сочиненію—составляютъ драгоцѣнное пособіе для уразумѣнія предмета и обстоятельствъ, къ которымъ относится то или другое произведеніе Златоуста. Хорошій и ясный латинскій переводъ замѣнилъ не совсѣмъ иногда точныя перифразы прежнихъ переводчиковъ и т. д.

Буавенъ (Jean Boivin de Villeneuve, 1663—1726), рано потерявъ отца, былъ взятъ въ Парижъ своимъ братомъ, извѣстнымъ послѣ академикомъ, который хотя и держался своеобразной и странной методы обученія, но далъ все-таки своему брату прекрасное образованіе. Жанъ Буавенъ отлично выдержалъ диспутъ въ коллегіи Duplessis, при чемъ защищалъ свои тезисы по латини и по гречески, и это надѣлало тогда много шума. Онъ рано прославился какъ знатокъ древнихъ классиковъ, и его приглашали въ самые избранныя дома, чтобы читать ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Аббатъ Лувуа, который съ 1692 года вступилъ лично въ управленіе королевскою бібліотекою (см. выше), далъ ему сейчасъ же мѣсто въ этомъ учрежденіи. Въ слѣдующемъ году появилось его изданіе древнихъ математиковъ, приготовленное и не оконченное ученымъ Тевеню (Thévenot)—съ примѣчаніями къ одному сочиненію Юлія Африкана (Κεστοί). Служеніе свое въ королевской бібліотекѣ, которая тогда сдѣлалась публичною, то есть, доступною для занятій приходящихъ посѣтителей, Буавенъ ознаменовалъ составленіемъ каталоговъ латинскихъ и греческихъ рукописей; ими мы пользуемся и до сихъ поръ. При самомъ вступленіи ему удалось сдѣлать открытіе, возбуждившее большое вниманіе ученаго міра. Бібліотека съ давнихъ поръ обладала греческимъ сборникомъ сочиненій св. Ефрема XIV вѣка, который, по наружности, не представлялъ ничего замѣчательнаго, но подъ этимъ текстомъ, собственно подъ его строками, Буавенъ замѣтилъ слѣды другаго изглаженнаго уставнаго письма. Палимпсесты въ то время были чрезвычайною новостью и рѣдкостью, а находка Буавена оказалась тѣмъ болѣе замѣчательною, что изглаженный и теперь восстановленный текстъ носилъ признаки глубочайшей древности, восходящей къ V вѣку, и заключалъ въ себѣ книги Священнаго Писанія Новаго и отчасти Ветхаго завѣта. На ряду съ Ватиканскимъ

и позднѣе открытымъ Сивайскимъ спискомъ,—этотъ кодексъ, Codex Ebraemi Syri rescriptus, считается понынѣ однимъ изъ главныхъ основаній для критики Св. Писанія. По отношенію къ византійской коллекціи большую заслугу Буавена составляетъ изданіе Ромейской исторіи Никифора Григоры, писателя XIV вѣка, о которомъ сейчасъ будетъ сказано ниже.

Бандури (dom Anselme Maria Banduri, 1670—1743) происходилъ изъ славянскаго Дубровника (Рагузы) и въ очень молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ Бенедиктинскій монастырь по сосѣдству на островѣ Млетѣ (Мельтѣ); онъ жилъ затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ конгрегация, которой онъ сталъ членомъ, имѣла свой домъ, а потомъ ему разрѣшено было отправиться во Флоренцію, гдѣ представлялось больше средствъ для занятій наукою, къ которымъ у него пробудилась наклонность. Неизвѣстно, чѣмъ онъ привлекъ на себя вниманіе великаго герцога Тосканскаго, Козьмы III, послѣдняго Медичи, сохранившаго до конца традиціи своихъ предшественниковъ временъ Возрожденія, но съ самыхъ юныхъ лѣтъ Бандури пользовался особеннымъ его расположеніемъ и покровительствомъ. Впрочемъ, своимъ талантамъ и своимъ успѣхамъ Бандури обязанъ былъ также сближеніемъ съ Монфокономъ, который узналъ его во время своего италіанскаго путешествія и, говорятъ, указалъ на него герцогу для замѣщенія каведры церковной исторіи въ Пизанскомъ университетѣ, вновь тогда учрежденной. Въ 1700 году, какъ мы видимъ изъ переписки С.-Жерменскихъ бенедиктинцевъ, Монфокономъ рекомендуетъ Бандури начальнику Медичейской Лаврентіанской бібліотеки, Мальябекки (Magliabecchi), какъ своего близкаго человѣка и проситъ оказать ему содѣйствіе со-вѣтами, наставленіями, книгами ¹⁾. Послѣ мы находимъ Бандури уже въ Парижѣ въ Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ, куда онъ явился съ письмами своего покровителя къ Мабилльону и Монфокону. Изъ уваженія въ великому герцогу оба обѣщали съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами славянина-монаха въ наукахъ и добрыхъ нравахъ ²⁾. Подъ руководствомъ Монфокона Бандури изучалъ въ аббатствѣ греческій языкъ, и въ томъ же (1702) году Монфокономъ писалъ гер-

¹⁾ *Valery, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 88.* Istum D. Anselmum, mihi perfamiliarum, ut foveas consilio, doctrina, ac bibliotheca tua etiam atque etiam rogo.

²⁾ *Ibid., pag. 123* (письмо Мабилльона къ великому герцогу Тосканскому), *pag. 125* (письмо Монфокона отъ 24-го февраля 1702 года), *pag. 128* (письмо Мабилльона), *pag. 189* (письмо Монфокона).

погу, что Ансельмъ Марія дѣлаеть чудеса, что его прогрессъ въ греческомъ языкѣ столь великъ, что онъ скоро будетъ въ состоянн работать для публики, что онъ скоро начнетъ заниматься языкомъ еврейскимъ и церковными древностями, такъ какъ обладаетъ всѣми нужными для того талантами; что вообще герцогъ не могъ лучше помѣстить своихъ милостей и покровительства, какъ обративъ ихъ на лицо, подающее столь большія надежды ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1703 году тотъ же Монфоконъ сообщалъ Мальябекки, что дом-Ансельмъ изъ Рагузы открылъ въ Парижѣ 140 не изданныхъ писемъ Петрарки, доставившихъ большую радость литераторамъ (*aux gens de lettres*), и что онъ серьезно занятъ изученіемъ нѣкоторыхъ греческихъ отцовъ, намѣреваясь ихъ обнародовать съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями ²⁾. Вѣроятно, рѣчь идетъ о сочиненіяхъ патріарха (Константинопольскаго VIII вѣка) Никифора; проспектъ ихъ изданія появился въ 1706 году. Однако, Бандури отложилъ эти свои начинанія для другихъ еще болѣе обширныхъ трудовъ; въ королевской бібліотекѣ онъ открылъ нѣсколько манускриптовъ, относящихся къ исторіи города Константинополя, изъ коихъ иные были до сихъ поръ никому неизвѣстны, и рѣшился посвятить себя занятіямъ византійскою археологіей. Изданіе обширнаго сборника, посвященнаго этому предмету, такъ упрочило его репутацію, что въ числѣ очень немногихъ иностранцевъ, онъ избранъ былъ въ члены академіи надписей (1715 г.). Нападки, которымъ трудъ Бандури тотчасъ послѣ своего выхода подвергся со стороны К. Удена (*Casimir Oudin*), автора бібліографическаго сочиненія о древнихъ церковныхъ писателяхъ (*Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis a. 1722*), были вызваны простымъ недоброжелательствомъ; огорченный указаніемъ его собственныхъ, прежде сдѣланныхъ промаховъ, Уденъ не далъ себѣ даже труда надлежащимъ образомъ ознакомиться съ критикуемымъ изданіемъ. Послѣ Бандури обратился къ нумизматикѣ; извѣстенъ его трудъ, содержащій въ себѣ описаніе римскихъ монетъ отъ Траяна до Константина Палеолога: *Numismata imperatorum Romanorum* (2 vol.). Мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на то изданіе, которое посвящено византійскимъ древностямъ и носить заглавіе „*Impetium orientale*“.

Упомянемъ еще о доминиканцѣ Лекъенѣ (1661 — 1733), какъ лицѣ, участвовавшемъ въ трудахъ по византійскимъ изданіямъ. Всту-

¹⁾ *Valery*, Correspondance de Mabillon et de Montfaucon, III, 133, 140.

²⁾ *Ibid.*, pag. 149.

пивъ двадцати лѣтъ въ орденъ, онъ сталъ изучать еврейскій языкъ, который потомъ усвоилъ въ совершенствѣ; къ этому присоединилось знаніе греческаго и арабскаго. Когда онъ сблизился съ Мабилльономъ и его кружкомъ, то взялъ на себя изданіе твореній Іоанна Дамаскина (*S. Joannis Damasceni opera omnia gr.-lat. Paris. 1712. 2 vol.*); два тома вышли, снабженные многочисленными комментаріями въ видѣ диссертациі; третій, долженствовавшій содержать въ себѣ сочиненія, ложно приписываемыя Дамаскину, не былъ изданъ. Только по смерти Лекьена появился въ свѣтъ и другой громаднѣйшій его трудъ, посвященный христіанскому Востоку (*Oriens christianus*), составляющій подражаніе бенедиктинскому образцу „*Gallia christiana*“. Лекьену было также поручено разсмотрѣніе и приготовленіе къ печати не доконченныхъ трудовъ Комбефиза; но ожиданія, возбужденныя первыми извѣстіями о драгоцѣнныхъ матеріалахъ, имѣющихъ выйдти въ свѣтъ, не были оправданы¹⁾. — Переходимъ къ ближайшему обзорѣннѣйшимъ издавіямъ, наиболѣе для насъ важныхъ.

Буавенъ началъ свои занятія Григорою по указанію и подъ руководствомъ Дюканжа; къ его увѣщаніямъ присоединилась воля аббата Лувау (Камилла Летелле), начальника королевской бібліотеки. Буавенъ долженъ былъ перевести на латинскій языкъ шесть книгъ исторіи Григоры, вновь отысканныхъ въ Парижской бібліотекѣ и составляющихъ продолженіе того, что было ранѣе издано Вольфомъ: предполагалось, что можно будетъ оставить безъ перемѣнъ одиннадцать книгъ, обнародованныхъ Вольфомъ, прибавить то, что нашлось въ рукописи королевской бібліотеки, и все вмѣстѣ выпустить въ свѣтъ безъ замедленія. Но вскорѣ послѣ того, какъ Буавенъ взялся за свою работу, погасъ, по его выраженію, „свѣтильникъ византійской исторіи“. то-есть, умеръ Дюканжъ, едва успѣвъ просмотрѣть одну изъ шести вновь приготовляемыхъ къ изданію книгъ. Лишившись руководителя, но восполняя недостающее усердіемъ и трудомъ, Буавенъ все-таки исполнилъ первоначальную свою

¹⁾ Монесконъ писалъ въ 1703 году во Флоренцію (*Valery, III, 150*), что Лекьенъ уже печатаетъ посмертныя труды Комбефиза. Весьма любопытны свѣданія о предполагаемомъ содержаніи изданія. Тутъ между прочимъ должны были помѣяться двѣ рѣчи Пселла на патріарха Михаила Керуларія; въ одной онъ говоритъ о немъ съ похвалою, а въ другой омыпаетъ его бранью, обвиняя въ суетливости, идолопоклонствѣ, челоуѣкоубійствѣ и т. д. Первая теперь издана, о второй точнѣйшихъ свѣданій мы должны ожидать отъ молодого русскаго ученаго, занимающагося Пселломъ, П. В. Безобразова.

задачу, перевелъ шесть не переведенныхъ доселѣ книгъ Григоры. Война за испанское наслѣдство, столь тяжелая и разорительная для Франціи, послѣдовавшая затѣмъ смерть маркиза Летелле, были причиною того, что всякія заботы о продолженіи византійской коллекціи, въ частности объ изданіи Григоры, на время были отложены; тѣмъ не менѣе Буавенъ не переставалъ заниматься заинтересовавшимъ его предметомъ; и вотъ, пересматривая каталоги различныхъ библиотекъ, онъ увидѣлъ, что исторія, написанная въ XIV вѣкѣ Григоромъ, была гораздо обширнѣе, чѣмъ даже рукописный ему указанный экземпляръ королевской библиотекы, не говоря о печатномъ. У Лабба онъ нашелъ свѣдѣніе объ эскуріальскомъ спискѣ, заключающемъ въ себѣ 29 книгъ: вскорѣ затѣмъ въ самой Парижской королевской библиотекѣ отыскался кодексъ, имѣвшій 28-ю и 29-ю книгу историческаго и дальнѣйшія богословскаго содержанія; затѣмъ Мабилльонъ сообщилъ о ватиканскомъ спискѣ Ромейской исторіи, въ которомъ послѣдняя книга обозначалась цифрою 38. Итакъ, не шесть книгъ предстояло прибавить къ старому изданію, а почти втрое болѣе.

Послѣ заключенія мира вспомнили о прерванныхъ ученыхъ работахъ. Буавенъ приписываетъ возбужденіе прежняго участія къ изданію византійцевъ канцлеру Поншартрэну и его родственнику королевскому библиотечарю, аббату Виньону (Vignon). Виньонъ съ горестью смотрѣлъ на то, что знаменитые луврскіе греческіе шрифты, по изяществу не имѣвшіе себѣ ничего равнаго, остаются праздными. Связанный издавна дружескими отношеніями съ Буавеномъ, онъ тотчасъ послѣ заключенія мира предложилъ приступить къ печатанію Григоры. Первый томъ, долженствовавшій содержать въ себѣ одиннадцать книгъ, уже изданныхъ прежде Вольфомъ, совсѣмъ былъ готовъ и тотчасъ же могъ быть отправленъ въ типографію. Но не слѣдуетъ думать, чтобы Буавенъ не приложилъ къ нему своего труда; напротивъ — при помощи бывшихъ у него подъ рукою списковъ, которые тоже заключали въ себѣ эту часть Ромейской исторіи, онъ восполнилъ не малое количество пропусковъ, сдѣлалъ многое для исправленія и улучшенія текста. Латинскій переводъ Вольфа оказался не вполне удовлетворительнымъ, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ слишкомъ вольнымъ; Буавенъ постарался сдѣлать его болѣе близкимъ къ подлиннику, такъ чтобы передавался не только смыслъ, но и слова писателя, хотя бы это было въ ущербъ легкости и доступности изложенія. Онъ не устранился всѣхъ тѣхъ крайностей многорѣчивой, запутанной и

темной риторики, предъ которыми отступилъ Вольфъ, не пожелавшій бороться съ затрудненіями. Сверхъ того, прибавлены были разныя облегченія для читателя: раздѣленіе книгъ на главы, указатели ихъ содержанія, хронологическія отмѣтки на поляхъ; а внизу страницъ помѣщены краткія примѣчанія съ указаніемъ разночтеній; болѣе обширныя—были отнесены къ концу втораго тома. Часть примѣчаній, приготовленная еще Дюканжемъ, передана была въ распоряженіе издателей его сыномъ.

Больше труда потребовалъ второй томъ, заключающій въ себѣ тринадцать дальнѣйшихъ книгъ Ромейской исторіи, въ которыхъ разказъ начинается 1341 годомъ и доводится до 1351. Первая половина его, впрочемъ, уже давно была готова, такъ какъ состояла изъ тѣхъ шести книгъ, которыя, первоначально были поручены Буавену для перевода. Текстъ ихъ приходилось издавать по рукописи королевской библіотеки; это была копія съ другаго экземпляра, приготовленная нѣмцемъ Ауеромъ (Христофоромъ) для французскаго епископа города Роде (Rhodéz) Жоржа д'Арманьяка (d'Armagnac), нѣкогда правившаго посольство отъ короля Франциска I къ папѣ Павлу III. Для другой, большей половины (семи книгъ) оказалось необходимымъ обращаться въ Римъ, къ услугамъ Ватиканской библіотеки, потому что въ Парижѣ не нашлось списковъ, которые содержали бы въ себѣ эту срединную часть дѣлаго произведенія Григоры, то-есть, 18-ю—24-ю книги. При содѣйствіи бенедиктинца конгрегациі св. Мавра, Етьенно (Estiennot), который по своему званію представителя или прокурора ордена предъ папскою куріей проживалъ въ Римѣ, заказаны были на счетъ аббата Лувуа (маркиза Летелле) нужныя копіи съ ватиканскаго кодекса. Переписаны были не только семь книгъ, вошедшихъ послѣ во второй томъ, но и еще двѣ, всего девять (отъ 18-й по 27-ю). Къ несчастію, переписчики оказались несвѣдущими и неопытными,—иныхъ нельзя было найти въ Римѣ; копія представляла столь много явныхъ неисправностей, что требовалось новое ея сличеніе съ подлинникомъ, что и было исполнено чрезъ посредство ученыхъ аббатовъ А. Цаканьи (Zacagni) и Делмиро (Delmigo), завѣдывавшихъ Ватиканскою библіотекою. Буавенъ все-таки очень сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности самъ пользоваться ватиканскимъ подлинникомъ: онъ не находилъ въ себѣ на столько увѣренности, чтобы ручаться за полное устраненіе всѣхъ промаховъ и ошибокъ, допущенныхъ въ плохой копіи. По его убѣжденію, второй томъ Григоры явился бы на свѣтъ въ гораздо

болѣ совершенномъ видѣ, еслибы ватиканскій списокъ былъ до-
ступенъ лично ему самому. Происходящая изъ ватиканскаго кодекса
часть втораго тома появилась безъ вариантовъ, потому что исправле-
нія, указанія учеными пособниками на основаніи сличенія копии
съ подлинникомъ, естественно пришлось внести прямо въ текстъ;
только тѣ, которыя сообщены были позднѣе Тарномъ, помѣщены
отдѣльно въ концѣ тома. Латинскій переводъ принадлежитъ Буавену,
и отчасти Капероннье (Carpegonier).

Такимъ образомъ въ 1702 году явились два тома Григоры, содержа-
щія въ себѣ двадцать четыре книги, и при этомъ было заявлено объ
имѣющемъ выйдти продолженіи также въ двухъ томахъ. Третій томъ
долженъ былъ содержать въ себѣ остальные книги Ромейской исторіи —
восемь чисто историческаго содержанія и шесть догматическаго. Чет-
вертый томъ предназначался для различнаго рода дополненій, могущихъ
служить къ разъясненію содержанія Ромейской исторіи; указывался
цѣлый рядъ весьма любопытныхъ и важныхъ не изданныхъ текстовъ,
среди которыхъ особое вниманіе обращаетъ большая греко-варварская
поэма о крестовомъ походѣ (*de bello sacro*), то-есть, Морейская хро-
ника. Нѣтъ сомнѣнія, что Буавенъ имѣлъ намѣреніе исполнить свое
обѣщаніе; всякія матеріальныя къ тому препятствія были устранены
тѣмъ, что въ 1699 году датскій ученый Ростгаардъ (*Rostgaard*)
принесъ въ даръ аббату Лувуа, начальнику королевской бібліотеки,
копію всѣхъ дальнѣйшихъ историческихъ книгъ Ромейской исторіи
по ватиканскому списку, при помощи которой можно было воспол-
нить недостающее въ парижскихъ экземплярахъ. Но по той или дру-
гой причинѣ произошла остановка: третьяго тома совсѣмъ не появ-
лялось до настоящаго столѣтія, а значительная часть піесъ, пред-
назначенныхъ для четвертаго, была передана самимъ Буавеномъ для
напечатанія его современнику Бандури. Біографъ Буавена, Бозъ (*de
Boze*), утверждаетъ, что столь трезвому и здравомыслящему человѣку,
какимъ былъ Буавенъ, въ концѣ концовъ опротивѣли литературные
пріемы византійскаго писателя, его холодная и скучная декламація,
частыя повторенія и всѣ его дурно подобранныя фигуры, а съ дру-
гой стороны—онъ сообразилъ, что остающаяся часть произведенія
Григоры выгодно возмѣщается сочиненіемъ Кантакузина, описываю-
щимъ то же самое время. Такое объясненіе можетъ имѣть силу развѣ
только въ отношеніи къ чисто богословскимъ и полемическимъ кни-
гамъ, въ которыхъ Григора излагаетъ свои споры и состязанія съ па-
ламидами, но въ отношеніи къ историческимъ отдѣламъ представляется

крайне сомнительнымъ въ виду очень любовнаго отношенія Буавена къ своему предмету. Объ этомъ любовномъ отношеніи свидѣтельствуютъ тѣ вводныя статьи, которыми сопровождалось изданіе первыхъ томовъ. Кромѣ обычнаго предисловія (Praefatio), мы находимъ здѣсь біографію Григоры, списокъ его сочиненій и отзывы о немъ (elogia) современниковъ и позднѣйшихъ писателей. Біографія составлена съ большимъ тщаніемъ и не есть простое механическое сопоставленіе разныхъ выписокъ, а представляетъ связанное изложеніе, основанное на глубокомъ изученіи не только произведеній Григоры, но и всей доступной современной ему литературы, при чемъ для подтвержденія высказываемаго въ текстѣ употребляются простыя обычные теперь ссылки. Какъ въ текстѣ, такъ и въ цитатахъ, нерѣдко указываются не изданные матеріалы, преимущественно сообщенные Монфокономъ. Списокъ сочиненій Григоры составленъ также при дѣятельномъ содѣйствіи Монфокона, сообщившаго данныя, имъ собранныя въ Ватиканской бібліотекѣ. Извѣстно, что Григора былъ одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и разностороннихъ писателей XIV вѣка. Философія богословіе, литература, естественныя науки, астрономія, все привлекало его вниманіе; нѣтъ ни одной вѣтви человѣческаго званія, которой не касалась бы его мысль, его быстрое и ловкое перо. Длинный каталогъ Буавена, вѣроятно, все-таки не полонъ, но просматривая его, приходишь къ мысли, что тутъ есть весьма много интереснаго и важнаго, особенно въ перепискѣ, только не извѣстно, когда все это будетъ обнародовано. Въ Elogia помѣщено 27 статей, содержащихъ въ себѣ отзывы о характерѣ и мнѣніяхъ Григоры со стороны друзей и враговъ его при жизни и по смерти; кромѣ отзывовъ Кантакузина, они извлечены большею частью изъ рукописей ватиканскихъ и сообщены Монфокономъ; между прочимъ тутъ есть полезныя свѣдѣнія для исторіи споровъ о Фаворскомъ свѣтѣ. Не смотря на свою незаконченность, изданіе Ромейской исторіи Григоры принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе цѣннымъ и достойнымъ частямъ Луврской коллекціи византійцевъ, какъ это признано позднѣйшими изслѣдователями, и даже нѣмецкимъ редакторомъ Бонискаго изданія ¹⁾. Сочиненіе Григоры, относящееся, какъ извѣстно, ко времени Палеологовъ и Кантакузина, къ періоду первыхъ турецкихъ завоеваній, къ

¹⁾ См. статью *Parisot* (V. Parisot. Notice sur le livre XXXVII de Nicephore Gregoras avec une traduction française et des notes—въ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale de France, tom. XVII. 1851).

эпохѣ критической для судеб Балканскаго полуострова, имѣеть чрезвычайную важность и для славянской, въ частности для сербской исторіи, такъ какъ касается времени Стефана Душана. Ромейская исторія послужила главнымъ источникомъ для извѣстнаго большого и капитальнаго русскаго труда, посвященнаго этому предмету проф. Флоринскимъ; тамъ можно найдти многія указанія и на цѣнность показаній Григоры сравнительно съ автобіографическими и самооправдательными сообщеніями императора Іоанна Кантакузина ¹⁾. Драгоценный отрывокъ, относящійся къ русской исторіи, касающійся избранія въ митрополиты Алексѣя, съ упоминаніемъ объ Ольгердѣ Литовскомъ, еще не заключался въ изданіи Буавена.

Выдающееся и особенное положеніе въ Парижской коллекціи занимаетъ большой трудъ Бандури. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ какимъ-либо историческимъ произведеніемъ, посвященнымъ обзорѣнію событій извѣстной эпохи или опредѣленнаго періода, а съ цѣлымъ рядомъ большею частью мелкихъ статей и различныхъ компиляцій на греческомъ языкѣ, объединяемыхъ только тѣмъ общимъ представленіемъ, что всѣ они касаются устройства и управленія, быта, церковныхъ и гражданскихъ порядковъ въ имперіи, и особенно служатъ къ ознакомленію съ сохранившимися, а равно и исчезнувшими памятниками столицы византійской, другими словами съ древностями Константинополя и цѣлою имперіи за весь ея христіанскій періодъ. Стоящее во главѣ сборника заглавіе хорошо указываетъ на его содержаніе, отчасти историко-географическаго или историко-топографическаго характера, отчасти археологическаго ²⁾.

Изданіе посвящается Козимо III, великому герцогу Тосканскому,

¹⁾ Д. Т. Флоринскаго Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. С.-Петербургъ. 1882; см. особенно I, 124. Раньше пользовался Григорию И. Е. Троицкій въ своемъ трудѣ: Арсеній, патріархъ Никейскій и Арсенины. С.-Пб. 1873.—Биографическія данныя о Григорѣ въ статьѣ г. Качановскаго Византійскіе летописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности ²⁾ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878 г.) заимствованы у Буавена, но изложены неудовлетворительно.

²⁾ Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae, quae ex variis scriptorum graecorum operibus et praesertim ineditis adornatae, Commentariis, et Geographicis, Topographicis, aliisque quam plurimis monumentorum ac numismatum tabellis illustrantur, et ad intelligendum cum sacrae tum profanae historiae apprime conducant. Opera et studio Domni Anselmi Banduri Ragusini. Presbyteri ac monachi Benedictini e congregatione Melitensi Parisiis. MDCCXI.

покровительствомъ котораго составитель постоянно пользовался съ самаго начала своихъ ученыхъ занятій и которому обязанъ всѣми своими успѣхами; притомъ потомукъ тѣхъ государей, у которыхъ находили себѣ убѣжище въ бѣдственное время Восточной имперіи Палеологи, Ласкарисы, Хризолоры, Газы, Трапезунтіи, Маруллы и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (именно при второмъ томѣ) воздается благодарность кардиналу d'Estrées, аббату Сень-Жерменскому, любителю наукъ, относившемуся благосклонно къ трудамъ Бандури, затѣмъ посламъ герцога Тосканскаго во Франціи, Сальвиати и Барди, и Бернарду Монфокову, совѣты и примѣры котораго служили наилучшимъ поощреніемъ во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ автора. Въ предисловіи (Praefatio) къ первому тому объясняется поводъ, по которому Бандури обратился къ древностямъ Константинополя. Девять лѣтъ тому назадъ, занимаясь въ Парижской королевской библіотекѣ, онъ попалъ на одинъ греческій кодексъ (№ 3058, теперь 1783), содержащій въ себѣ Patria или Origines Constantinopolitanae, и скоро замѣтилъ, что это сочиненіе писано около 350 лѣтъ ранѣе Кодина, притомъ по совершенно другой системѣ. Освѣдомившись у хранителей (custodes) библіотеки, онъ узналъ, что кодексъ этотъ поступилъ въ нее нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Дюканжа и оттого остался ему неизвѣстнымъ. По совѣту знакомыхъ ученыхъ онъ рѣшился взять на себя изданіе любопытнаго творенія, къ переводу котораго приступилъ тотчасъ послѣ ознакомленія съ нимъ; ради того онъ отложилъ занятія сочиненіями патриарха Никифора, хотя уже и былъ обнародованъ проспектъ ихъ изданія. Нашлись и другія піесы родственнаго содержания съ вновь найденною; Бандури сначала думалъ напечатать все въ одномъ томѣ; но количество матеріала постоянно увеличивалось, и Coignard, королевскій типографщикъ и парижскій книгопродавецъ, взявшій на себя издержки печатанія, сталъ просить, чтобъ изданіе было раздѣлено на два тома. Имѣлось въ виду помѣстить въ немъ сочиненія Константина Багрянороднаго о Темяхъ и De administrando imperio, сочиненія Василія Македонянина и еще нѣкоторыя другія: то, что было изъ нихъ ранѣе обнародовано, было вновь сличено по рукописямъ и уже ранѣе предположено было къ новому изданію, но только въ другое время и въ иномъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ королевскомъ кабинетѣ и въ собраніи извѣстнаго Фуке Бандури изучалъ византійскую нумизматику и, сверхъ ожиданія, убѣдился, что бѣольшая часть находящихся здѣсь монетъ осталось неизвѣстною для Дюканжа, такъ что онъ зналъ едва деся-

тую часть ихъ. Впрочемъ Бандури не счелъ необходимымъ теперь же издавать описаніе этихъ монетъ, потому что они не составляли первостепеннаго источника для византийской исторіи, при томъ рядъ ихъ начинался ранѣ основанія Константинополя.

Первый томъ подраздѣляется на три части и содержитъ въ себѣ слѣдующія, отчасти не изданныя, отчасти прежде изданныя сочиненія.

1) Первая часть начинается сочиненіемъ Константина Багрянороднаго „О темахъ восточныхъ и западныхъ“. Бандури имѣлъ подъ рукою прежнія изданія Бонавентуры Вулканія и Федерика Мореля, но сличилъ изданный текстъ съ кодексомъ королевской бібліотеки, писаннымъ, по его замѣчанію, на бомбицинѣ, за 500 лѣтъ, то-есть, около 1200 года (разумѣется № 243, теперь 854); онъ сдѣлалъ новый латинскій переводъ сочиненія и прибавилъ комментарий, отчасти историческаго, но преимущественно географическаго содержанія, въ сущности довольно скудный, потому что въ то время еще не было яснаго сознанія о важности, задачахъ и трудностяхъ средневѣковой топографіи сравнительно съ древнею. Первый примѣръ болѣе тщательнаго изученія въ этой области принадлежитъ Тафелю ¹⁾.

За темами слѣдуетъ Синекдемъ или Путеводитель (*comes peregrinatoris*) Герокла, гдѣ перечисляются провинціи и города, подвластныя Восточному императору: первыхъ 64, вторыхъ 935 ²⁾.

Это сочиненіе, относящееся ко времени Юстиніана, списалъ съ рукописи Ватиканской бібліотеки еще Лука Голстенъ; онъ же сличилъ копію съ тремя другими манускриптами (двумя Фарнезскими и *Altempsianus*), и обѣщалъ издать съ присоединеніемъ латинскаго перевода вмѣстѣ съ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго *De administrando imperio*, какъ о томъ заявлено было Ф. Лаббомъ въ его извѣстномъ *Apparatus*. Однако обѣщаніе осталось не исполненнымъ, и по смерти Голстена приготовленный къ изданію трудъ со всѣми бумагами знаменитаго ученаго поступилъ въ Барберинскую бібліотеку, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не взялся за дѣло Эмман. Шельстратенъ (*Schelstrate*), ученый фламандецъ, переселившійся въ Римъ и достигшій здѣсь званія префекта Ватиканской бібліотеки,

¹⁾ Constantin. Porphyrog. de Provinciis regni Byzant. Ed. Tafel. Tubingae. 1847.

²⁾ Γερουλίου γραμματικῆς Συνέδημος: затѣмъ въ заглавіи прибавлено указаніе на число епархій и городовъ; нужно при этомъ замѣтить, что итогъ послѣднихъ не вѣренъ: ихъ всего перечислено до 912.

одинъ изъ усердныхъ корреспондентовъ Мабилльона; онъ напечаталъ въ 1697 году изготовленный Голстеномъ текстъ и переводъ во второмъ томѣ своихъ древностей (*Antiquitatis ecclesiae t. II, appendix ad opus geographicum*); при этомъ Шельстратенъ высказалъ въ предисловіи невѣрныя предположенія относительно неполноты и неподлинности дошедшей до насъ редакціи Синекдема, будто бы имѣвшей во время Константина Багрянороднаго другой видъ. Бандури показали, что Шельстратенъ неправильно понялъ ссылку Константина („въ оемахъ“). Ошибка заключалась въ томъ, что Шельстратенъ считалъ выписку изъ Герокла у Константина гораздо болѣе длиною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; вслѣдствіе этого онъ приписалъ Героклу то, что принадлежитъ уже самому Константину, и чего, понятно, не могло быть въ издаваемомъ имъ текстѣ. Еще ранѣе того, хотя и неполнѣ, сочиненіе Герокла издаваемо было при Священной географіи (*Geographia sacra*) Карломъ а S. Paulo. Послѣ Бандури Синекдемомъ Герокла занимались Весселингъ, Тафель и Партей; послѣднему принадлежитъ наилучшее изданіе ¹⁾).

2) Вторая часть заключаетъ въ себѣ прежде всего другое болѣе обширное сочиненіе Константина Багрянороднаго *De administrando imperio*, которое одинъ разъ уже было издано, но, какъ мы знаемъ, несовсѣмъ исправно Меурсіемъ. Для новаго изданія Бандури сдѣлалъ слѣдующее: онъ, во первыхъ, сличилъ напечатанный текстъ съ пергаментнымъ спискомъ королевской бібліотеки, о которомъ утверждаетъ, что онъ былъ писанъ около пятисотъ лѣтъ назадъ и отличается высокимъ достоинствомъ (*optimae notae*); на основаніи этого сличенія онъ исправилъ множество невѣрныхъ чтеній, *innumerabiles mendas*, которыми изобиловало изданіе Меурсія, возстановилъ испорченныя и неполныя мѣста, которыхъ тоже было тамъ не мало, а главы 23-ю и 24-ю объ Иберіи или Испаніи, оставленныя Меурсіемъ безъ перевода, какъ крайне испорченныя и непонятныя, исправилъ такъ, что полученъ былъ удовлетворительный смыслъ и сдѣлался возможнымъ переводъ: да и вообще переводъ былъ пересмотрѣнъ и, гдѣ нужно, исправленъ. Наконецъ, Бандури прибавилъ объяснительныя примѣчанія, которыя, впрочемъ, помѣщены во второмъ томѣ. Объ установленномъ у Бандури текстѣ столь важнаго для славянской и

¹⁾ *Heroclis Synecdemus et notitiae graecae imperatorum. Ex recognitione G. Parthey. Berolini. 1866* Редакція Весселинга и его обширные комментаріи перепечатаны при Боннскомъ изданіи сочиненій Константина Багрянороднаго.

русской исторіи источника, какимъ служить сочиненіе Константина De administrando imperio, мы можемъ сказать только то, что дѣйствительно парижская рукопись, по которой оно было во второй разъ издано (№ 2661, теперь 2009), принадлежа XII столѣтію (такъ и по новѣйшему опредѣленію Кобета), несравненно превосходить древностью и авторитетностью Палатинскій списокъ Антонія Эпарха, которымъ пользовался Меурсій (Vatic. Palat. № 126), и что редакция, установленная Бандуриемъ, остается неизмѣнною до нашего времени. Зная, однако, условія, при которыхъ трудился Бандури, то-есть отсутствіе строгихъ и научныхъ занятій палеографіей, и все-таки подчиненное отношеніе къ прежнему изданію, которое было положено въ основу, не смотря на его признанные недостатки, мы никакъ не можемъ быть увѣрены, что всѣ собственныя имена, которыя здѣсь встрѣчаются, начиная съ названія племенъ, подвластныхъ Руси, и кончая печенѣжскими племенами, прочитаны были совершенно правильно. По крайней мѣрѣ одинъ извѣстный намъ случай небольшой провѣрки, сдѣланной знаменитымъ голландскимъ филологомъ Кобетомъ и касавшейся того мѣста, гдѣ говорится о днѣпровскихъ порогахъ, привелъ къ такому результату, который дѣлаетъ желательнымъ новый и полный пересмотръ текста по рукописи парижской ¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ діакона Агапита „Увѣщательныя главы къ императору Юстиніану“ ²⁾, сочиненіе, много разъ издававшееся (прежня изданія перечислены у Бандури: первое было сдѣлано Глахимомъ Камераріемъ, послѣднее Бернардомъ Дамке изъ Гамбурга въ 1633 г.), и очень цѣнное самимъ Бандури: онъ находитъ, что какъ сочиненіе Агапита, такъ и нижеслѣдующій трудъ Василія Македонянина, чрезвычайно важны по содержанію и даже по изложенію; стиль перваго произведенія аттической, какъ у Исократы и Григорія Назіанзина, которымъ и Агапитъ и Василій всего болѣе подражали. Похвалы, конечно, весьма преувеличенныя; равнымъ образомъ тре-

¹⁾ См. *Mnemosyne*, Bibliotheca philologica batava, Nova series IV, p. 378—382. Въ мѣсто *Στρούβρον* — названіе седьмого порога — Кобетъ прочиталъ *Στρούβρον*; этимъ равночтеніемъ воспользовался Томксенъ въ сочиненіи „The relation between Ancient Russia and Scandinavia“ (Oxford, 1877). Д. И. Иловайскій, полагая, что новое чтеніе только напрасно колеблетъ придуманное имъ русское объясненіе имени седьмого порога, относитъ въ своихъ „Разысканіяхъ“ къ поправкѣ Кобета съ неудовольствіемъ и насмѣшкою, но совершенно напрасно.

²⁾ *Ἐκθέσις κεφαλαίων παρανετηκῶν σχεδίασθησα παρὰ Ἀγαπητοῦ διακόνου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας* и т. д.

буеть повѣрки и другое мнѣніе Бандури, будто третьимъ источникомъ для Агапита и Василия послужило извѣстное сказаніе о Варлаамѣ и Іоасафѣ: еслибъ оно оказалось вѣрнымъ, то дало бы хорошій ключъ къ рѣшенію спорнаго вопроса о времени появленія греческой редакціи этого первоначально буддійскаго произведенія. Бандури настаиваетъ на томъ, что даже употребленіе акростиха и другихъ подобныхъ приемовъ, отличающихъ издаваемые имъ поучительныя главы, не есть что-либо новое, но что оно встрѣчается уже у древнихъ (приводятся примѣры). Текстъ Агапита былъ вновь сличенъ по двумъ рукописямъ королевской бібліотеки; сверхъ готоваго латинскаго перевода, прибавлены краткія примѣчанія.

Василия императора Греческаго увѣщательныя главы къ его сыну Льву¹⁾. И эта небольшая піеса была уже издаваема Федерикомъ Морелемъ и Бернардомъ Дамке. Бандури сдѣлалъ поправки въ текстѣ на основаніи сличенія двухъ кодексовъ, а также улучшилъ латинскій переводъ.

Ееофилакта Болгарскаго „Царское воспитаніе“, *Institutio regia*²⁾ издано было разъ по медичейскому списку Поссиномъ, но въ Луврской коллекціи; текстъ и латинскій переводъ оставлены безъ перемѣнъ, прибавлены только небольшія примѣчанія.

3) Третья часть перваго тома посвящена собственно древностямъ Константинополя и въ свою очередь раздѣляется на восемь книгъ, изъ коихъ каждая имѣетъ комментарий во второмъ томѣ.

При занятіяхъ относящимися сюда памятниками Бандури имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ П. Жила, Меурсія (его комментарий къ сочиненію Кодина о зданіяхъ), Ламбека и особенно Дюканжа, котораго онъ называетъ отцомъ византійской исторіи. Не соперничать съ послѣднимъ думалъ Бандури, хотя все таки допускалъ и у него возможность ошибокъ, такъ какъ никакое человеческое дѣло не можетъ быть совершеннымъ, но избралъ себѣ другой путь и другой методъ изученія. Дюканжъ составлялъ систематическое обзорѣніе на основаніи наличныхъ источниковъ, преимущественно изданныхъ, Бандури поставилъ себѣ задачею собраніе материаловъ и новое ихъ изданіе въ цѣльномъ видѣ, имѣя въ виду преимущественно не изданное доселѣ. Первые четыре книги

¹⁾ Βασιλείου τοῦ Ῥωμαίων βασιλέως κεφάλαια παραινετικά ες (66) πρὸς τὸν ἑαυτοῦ υἱὸν Λέοντα.

²⁾ Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Θεοφιλᾶκτου ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας παιδεία βασιλική πρὸς πορφυρογέννητον Κωνσταντῖνον.

отдѣла константинопольской древности всё заимствованы изъ сборника королевской библіотеки, поступившей въ нее, какъ сказано выше, по смерти Дюканжа. Онъ содержитъ въ себѣ *Patria seu Origines Constantinopolitanas*, съ небольшимъ ямбическимъ стихотвореніемъ впереди, обращеннымъ къ императору Алексѣю Комнину, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ, затѣмъ каталогъ Римскихъ императоровъ отъ Юлія Кесаря до Михаила Палеолога, перечисленіе императорскихъ гробницъ въ храмѣ Апостоловъ и въ различныхъ столичныхъ монастыряхъ, сокращеніе (*compendium*) ветхозавѣтной исторіи—безъ конца, списокъ чиновъ Константинопольскаго двора, писанный новою рукою, списокъ патріарховъ въ стихахъ той же руки—съ изображеніемъ патріарха Іосифа, современника Флорентійскому собору, что даетъ основаніе и составленіе его относить къ первой половинѣ XIV вѣка; приложены и другія изображенія, очень грубо исполненныя (Мануила и Іоанна Палеологовъ, Константина и Елены, Іоанна Крестителя послѣдній на переплетѣ); всё они воспроизведены на одной таблицѣ при второмъ томѣ изданія. Имя автора древностей (*Патрих*) не извѣстно, но изъ посвятительнаго стихотворенія видно, что онъ жилъ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, при Алексѣѣ Комнинѣ, и по своему званію былъ монахъ, такъ какъ съ особеннымъ усердіемъ выставляетъ на видъ щедрость императора къ иноческому чину. Итакъ, онъ жилъ на 350 лѣтъ ранѣе Кодина; этотъ послѣдній у него много заимствовалъ. Порядокъ у него другой, чѣмъ у Кодина; Кодинъ перечисляетъ зданія Константинополя, не наблюдая никакой системы; напротивъ, Анонимъ раздѣлилъ городъ на три стороны или части: первая—начиная отъ дворца Халки и отъ Милія до Золотыхъ воротъ, вторая—отъ Тциканистерія, церкви Одигитріи и Манганъ до Влахерны, третья—отъ храма Сергія и Вакха, дворца Софіановъ до западныхъ стѣнъ Большихъ воротъ (въ подлинникѣ здѣсь нѣкоторая неясность, разясняемая Г. С. Дестунисомъ въ ниже названной статьѣ); каждая часть описывается въ отдѣльной книгѣ, или главѣ; въ третьей, кромѣ того, говорится о дворцахъ и монастыряхъ подгородныхъ и по ту сторону Золотаго рога (въ Перѣ); въ четвертой особой книгѣ, Анонимъ сообщаетъ о построеніи Софійскаго храма. Къ изданію этого вновь открытаго памятника, составляющаго наиболѣе цѣнную часть всего отдѣла, Бандури отнесся съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ привлекъ къ сравненію и въ пособіе для установленія его текста еще иные, до сихъ поръ мало изученные, сборники, подробно описанные во вто-

ромъ томѣ, впрочемъ, отмѣченные и Буавеномъ въ составленномъ имъ каталогѣ; это были Colbertinus, № 3607 (теперь 1788) и другой королевскій Regius № 3058³ (теперь 1782), содержащiе въ себѣ Патрикъ въ особыхъ редакціяхъ.

О той редакціи, которая заключается въ послѣднемъ, Буавенъ полагалъ, что она принадлежитъ автору, жившему въ началѣ XI вѣка, такъ какъ построеніе храма св. Софiи здѣсь полагается за 458 лѣтъ назадъ. Но Бандури (II, 454) не соглашается съ этимъ опредѣленіемъ; по его мнѣнію, только данное мѣсто съ упоминаніемъ о св. Софiи, какъ это часто бываетъ у компиляторовъ, выписано буквально изъ другаго автора, дѣйствительно принадлежавшаго началу XI столѣтія; въ прочихъ мѣстахъ текстъ представляетъ явное тожество съ обычнымъ текстомъ Кодина, хотя вообще полнаго сходства нѣтъ ни съ Коудиномъ, ни съ вновь найденнымъ Анонимомъ. Переписанъ этотъ сборникъ рукою нѣкоего Пасхазія около 1320 года. Кольбертинскій кодексъ содержитъ въ себѣ описаніе Константинополя и св. Софiи, но не въ полномъ видѣ, такъ какъ многихъ листовъ недостаетъ, другіе перемѣшаны переплетчикомъ, перепутавшимъ порядокъ. Дюканжъ, который пользовался сборникомъ въ своемъ Христианскомъ Константинополѣ, этого безпорядка не замѣтилъ, потому часто не различаетъ двухъ отдѣловъ или даже двухъ особыхъ сочиненій. Онъ далѣе догадывался, что сочинитель жилъ при Константинѣ Дукѣ (во второй половинѣ XI столѣтія), но онъ ошибался, ибо, по замѣчанію Бандури, не читалъ подъ рядъ всего сочиненія; иначе онъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на то мѣсто, гдѣ говорится о расширеніи и реставраціи Софiйскаго храма при Андроникѣ Комнинѣ Палеологѣ; да и рукопись, носящая признаки авторскаго автографа, принадлежитъ XIII вѣку. То мѣсто, въ которомъ упомянуто о Константинѣ Дукѣ, представляетъ заимствованіе изъ Анонима, открытаго Бандуриемъ. Вообще разобратъ въ различныхъ редакціяхъ подобнаго рода компиляцій, имѣющихъ обыкновенно большое распространеніе, бываетъ весьма трудно. Самъ Анонимъ Бандури представляетъ компиляцію изъ разныхъ источниковъ, Гесихія Милетскаго, Христофора, сына Паниска, который упоминается у Свида, хроникъ Александрійской или Пасхальной, Теофана, Кедрина и т. д. Бандури чрезвычайно много сдѣлалъ для разъясненія критическихъ вопросовъ, касающихся даннаго рода произведеній, но еще и до сихъ поръ тутъ не все ясно; открываются вновь очень важныя и древнія редакціи, остающіяся пока не издан-

ными ¹⁾). О значеніи комментарія, который присоединенъ Бандуриемъ къ его Анониму во второмъ томѣ изданія, для изученія топографіи Константинополя—рѣчь будетъ ниже.

Какъ сказано, четыре книги Анонима считаются у Бандури за четыре книги его третьей части (pag. 1—80). Пятую книгу составляетъ другая безымянная компиляція такого же содержанія, заключающая въ себѣ извлеченія изъ Евсевія, Сократа, Марцелла Анагноста, Папія, Феодора Анагноста и другихъ, и обозначаемая въ заглавіи такъ: *Παρατάξεις σύντομοι χρονικάι, De antiquitatibus Costantinopolitanis enarrationes chronographicae inserti auctoris*. Это произведеніе уже не новое: оно было издано Ламбеціемъ при Кодиинѣ и повторено Комбефизомъ въ *Manirulus*. Бандури приготовилъ новый переводъ, такъ какъ переводъ Комбефиза оказывался неудовлетворительнымъ, и присоединилъ свои примѣчанія.

Шестая книга содержитъ въ себѣ нѣсколько піесъ: а) Приписываемая Никитѣ Хоніату повѣсть о статуяхъ константинопольскихъ, разрушенныхъ латинами послѣ взятія Цареграда въ 1204 году ²⁾. Эта любопытная для исторіи искусства статья отыскана была въ сборникѣ Боллеевой бібліотеки въ Оксфордѣ, содержащемъ въ себѣ другія несомнѣнные произведенія Никиты, *Thesaurus ortho-loxae fidei* и двѣ книги исторіи; извѣстный въ свое время еллинистъ Грабе, начавшій свою ученую карьеру въ Германіи, но переселившійся въ Англию и сдѣлавшійся профессоромъ въ Оксфордѣ, прислалъ копію повѣсти Буавену, который и намѣревался напечатать ее при четвертомъ томѣ Григоры, но теперь уступилъ честь изданія Бандури. Послѣдній замѣчаетъ, что, по указанію Ламбеція (онъ издалъ ранѣе небольшой отрывокъ изъ статьи въ своихъ примѣчаніяхъ къ Кодиину), піеса находится также въ одномъ изъ сборниковъ Ватиканской бібліотеки. Послѣ она была издаваема нѣсколько разъ, считаясь все-таки произведеніемъ историка Никиты, но, какъ разъяснено русскими учеными, безъ надлежащаго вниманія къ нѣкоторымъ возбуждающимъ сомнѣніе признакамъ позднѣйшаго происхожденія ³⁾. б) Описаніе дворца Авгу-

¹⁾ Проф. В. К. Ериштедтъ имѣетъ въ своихъ рукахъ сдѣланныя имъ самимъ извлеченія изъ ватиканской рукописи, гдѣ отрывки о древностяхъ вставлены въ житіе св. Константина Равноапостольнаго.

²⁾ *Narratio Nicetae Choniatae de status C—tanis, quas latine capta urbe confectas in monetam conflaverant.*

³⁾ *Θ. И. Успенскаго*, Византіяскій писатель Никита Хоніать изъ Хонъ (С.-Пб. 1874), стр. 140 и сл. Впрочемъ сомнѣнія высказаны были еще ранѣе

стеона Георгія Пахимера (Γεωργίου τοῦ Παχυμέρη Ἐκφρασις τοῦ Δύου-
στεῶντος), небольшое сочинение (въ три страницы) было уже напечатано
Буавеномъ въ примѣчаняхъ къ Григорѣ, но только по гречески;
Бандури присоединилъ латинскій переводъ и примѣчанія. с) Патриарха
Фотія Описание церкви св. Богородицы новой, построенной царемъ
Василемъ Македоняниномъ¹⁾. Это есть рѣчь, произнесенная патриар-
хомъ Фотиемъ при освященіи новой церкви, что, по замѣчанію Бандури,
произошло въ четырнадцатый годъ правленія Василія, прежде чѣмъ
сынъ его Левъ подвергся обвиненію въ злоумышленномъ стремленіи
къ низложенію отца, а не послѣ того, какъ онъ былъ оправданъ и
освобожденъ; Комбефизъ, издавшій піесу въ Manriulus, думая такъ
ошибался. d) Каталогъ и описаніе императорскихъ гробницъ въ церкви
св. Апостоловъ (περὶ τῶν τάφων τῶν βασιλέων, De sepulcris Impera-
torum) содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя
не встрѣчаются въ другихъ источникахъ; на примѣръ, отсюда мы узнаемъ,
что дочь императора Льва Мудраго отъ Теофана, первой супруги,
называлась Евдокією. e) Замѣтки о древностяхъ Константинополя
(Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis), то-есть, о статуяхъ,
изображеніяхъ, а также о различныхъ церквяхъ, извлеченныя изъ
одной рукописи королевской бібліотеки, съ присоединеніемъ статей
однороднаго содержанія, изданныхъ Ламбеціемъ при Кюдинѣ. Этимъ
кончается шестая книга третьей части.

Седьмая книга содержитъ въ себѣ различныя эпиграммы и стихо-
творенія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ поэтовъ (Epigrammata
veterum poetarum, poemata, inscriptiones) на важнѣйшіе памятники (mo-
numenta) города, а также и относящіяся къ самому городу въ его
совокупности, прежде всего изъ Антологіи, съ переводомъ ихъ на
латинскій языкъ, переводъ принадлежитъ большею частью прежнимъ
ученымъ, двѣ піесы переведены самимъ Бандури; новѣйшія эпиграммы
до сихъ поръ издавались только на греческомъ языкѣ и были раз-
сѣяны въ разныхъ мѣстахъ, а теперь собраны и переведены.

Восьмая книга содержитъ въ себѣ разнаго рода каталоги—издан-
ные и доселѣ не изданные—Константинопольскихъ патриарховъ, списки
подчиненныхъ имъ епископій, а также каталоги Восточныхъ импера-

русскимъ переводчикомъ исторіи Никиты (часть II, стр. 426), какъ это и замѣ-
чено въ диссертациіи О. И. Успенскаго, въ томъ и другомъ случаѣ—слишкомъ
рѣшиительно.

¹⁾ Φωτίου πατριάρχου Κ—πόλεως Ἐκφρασις τοῦ ἐν τοῖς βασιλείοις νεῶς ἐκκλησίας.

торовъ, *Catalogi patriarcharum, catalogi episcopatum* и т. д. Бандуриемъ напечатаны слѣдующе каталоги: 1) Каталогъ Никифора Каллиста, здѣсь впервые появившійся, заимствованъ изъ греческаго сборника очень обветшалаго и труднаго для чтенія (оглавленіе статей, въ немъ находящихся, помѣщено во второмъ томѣ, въ примѣчаніяхъ); списокъ патриарховъ здѣсь кончается Іоанномъ, иначе Козьмою, поставленнымъ въ 1294 и низведеннымъ въ 1304 году; продолженіе списка до Георгія (Геннадія), перваго патриарха послѣ взятія Константинополя, и затѣмъ далѣе находится уже во второмъ томѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ примѣчаній. 3) Каталогъ Леуноклавія, изданный въ *Ius graeco-romanum*. 4) Каталогъ патриарховъ Матвѣя Цигалы, заимствованный изъ рѣдкаго греческаго изданія (*Novae variorum historiarum Synopsis*), отличный во многомъ отъ другихъ и болѣе подробный со времени взятія Константинополя турками, что было при патриархѣ Исаѣ, тогда убитомъ, и затѣмъ отъ Георгія Схоларія до Кирилла Лукариса и до Неофита, поставленнаго на его мѣсто въ 1636 году. 4) Каталогъ Филиппа Кипрскаго, протонотарія, составленный на основаніи различныхъ хроникъ, отличающійся тѣмъ, что становится болѣе подробнымъ послѣ взятія Константинополя и сообщаетъ при наименованіи патриарховъ турецкаго періода краткую характеристику каждаго съ указаніемъ данныхъ относительно ихъ судьбы, ихъ заслугъ и ихъ трудовъ; онъ кончается Пареемъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Лукариса въ 1639 году. Лукарисъ нѣсколько разъ былъ низводимъ и снова возводимъ на патриаршій престолъ. 6) Списокъ епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, приписываемый императору Андронику Палеологу, уже изданный прежде Гоаромъ. 7) Списокъ митрополій и подчиненныхъ каждой епископскихъ кафедръ съ указаніемъ, какія существуютъ до нынѣ и какія исчезли, принадлежащій вышеназванному Филиппу Кипрскому. 8) Два каталога императоровъ—первый изъ Леуноклавія, второй Матвѣя Цигалы, доведенный до султана Ахмета или до 1634 года. Наиболѣе важное значеніе въ этомъ отдѣлѣ имѣютъ списки патриарховъ, такъ какъ при опредѣленіи ихъ времени, часто необходимо для пониманія событій, весьма нерѣдко изслѣдователь церковной или даже гражданской исторіи встрѣчаетъ непреодолимые затрудненія. Особенно велики затрудненія становятся съ наступленіемъ турецкаго времени, когда, между тѣмъ, народная жизнь главнѣйшимъ образомъ связывается съ церковными интересами, и когда патриархи остаются признанными представителями и вождями православнаго населенія.

Множество ошибокъ происходитъ отъ того, что новіе писатели и даже составители каталоговъ иной разъ принимаютъ нѣсколько одноименныхъ іерарховъ, занимавшихъ престолъ на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, за одно лицо, или же, на оборотъ, дѣлаютъ изъ одного многихъ, когда патріархъ низведенный разъ съ престола снова былъ возвращаемъ, а это въ турецкое время съ однимъ и тѣмъ же лицомъ случалось иногда по нѣскольку разъ. Все это Бандури по возможности старался разъяснить и исправить, на основаніи собранныхъ и напечатанныхъ имъ матеріаловъ, въ примѣчаніяхъ во второмъ томѣ. Тамъ, между прочимъ, показано, въ какой степени бывають часто ошибочны именно въ послѣдней своей части, каталоги Цигалы и Флиппа Киурскаго. Тамъ же перепечатанъ каталогъ, заимствованный у Лабба (въ Arragatus), и продолженъ съ Іосифа до Георгія Схоларія на основаніи болѣе точныхъ показаній Георгія Франдзи, историка тогда еще не изданнаго въ подлинникѣ. Особую цѣну самъ Бандури придавалъ документу, полученному имъ въ самый послѣдній моментъ, когда онъ уже печаталъ послѣдніе листы комментарія къ своимъ каталогамъ; это былъ Синописисъ, обзоръ (Ὑπόψις) патріарховъ, служащій продолженіемъ къ другимъ напечатаннымъ каталогамъ и отчасти исправляющій ихъ въ концѣ. Синописисъ выписанъ былъ изъ кодекса патріаршей церкви въ Константинополѣ и доставленъ былъ Бандурию знаменитымъ и ученымъ аббатомъ Евсеваемъ Ренодо; онъ заключаетъ въ себѣ рядъ патріарховъ съ 1594 по 1702 годъ (см. t. II, pag. 1000 — 1003), то-есть, шель далѣе, чѣмъ подобные списки у Крузия въ Tugsoegaesia и у Дороея Монемвасійскаго въ его хронографіи. Стихотворный каталогъ Евфрема, о которомъ рѣчь будетъ ниже, остался для Бандури извѣстнымъ только по выпискамъ Алляція. Въ новѣйшее время изученіемъ такого рода документовъ занимались греческій ученый Маеа, нѣмецкій изслѣдователь Фишеръ и извѣстный константинопольскій собиратель, издатель и многосторонній изслѣдователь, г. Гедеоиъ, получившій между прочимъ и изъ Россіи, отъ профессора И. Е. Троицкаго, два рукописныхъ не изданныхъ каталога ¹⁾. Что ка-

¹⁾ Μαΐδας, *Ἱστορικὸς κατάλογος* и т. д. Вышелъ въ Навплия въ 1837 году, переведенъ на русскій въ *Христіанскомъ Ученіи* за 1872 г. подъ заглавіемъ „Историческій списокъ епископовъ и потомъ патріарховъ святой и великой церкви Христовой въ Константинополѣ“. Fischer, *De patriarcharum Constantinopolitanorum catalogis*. Leipzig. 1884. Продолженіе въ *Commentationes Philologicae Ienenses*, t. III. М. Γεδεών, *Πατριαρχικαὶ Πινάκες*. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1886—1887.

сается списковъ епархій, то наиболѣе полное и критическое изданіе ихъ теперь мы имѣемъ въ книгѣ Партея, вмѣстѣ съ Синекдемомъ Герокла (см. выше стр. 104, 172).

Наконецъ, въ видѣ особаго приложенія въ концѣ перепечатаны сочиненія П. Жила о Босфорѣ Фракійскомъ и топографіи Константинополя съ нѣкоторыми улучшеніями текста п. сверхъ того, краткое описаніе города Константинополя (*Urbis Constantinopolitanae descriptio*), какимъ онъ былъ во время Аркадія и Гонорія: эта статья уже была напечатана Пандиродемъ при *Notitia utriusque imperii* и обыкновенно издается при этомъ памятникѣ ¹⁾. Примѣчанія Пандироля, не имѣющія большой важности, помѣщены тутъ же въ концѣ перваго тома.

Нужно воздать надлежащую похвалу и указателю, которымъ заключается томъ, потому что онъ составленъ съ такою тщательностію и полнотою, какихъ не было видно въ предыдущихъ изданіяхъ византійцевъ.

Второй томъ, предназначенный для объяснительныхъ примѣчаній къ изданнымъ въ первомъ томѣ источникамъ, не уступаетъ первому своимъ объемомъ, даже превосходитъ его и, кромѣ обыкновенныхъ разъясненій къ тексту, заключаетъ въ себѣ множество новыхъ оригинальныхъ статей, отчасти имѣющихъ документальное значеніе. Важное значеніе имѣютъ также разнаго рода иллюстраціи, состоящія въ планахъ и рисункахъ.

Томъ открывается географическими картами и планами, которые занимаютъ семь листовъ: первый листъ представляетъ планъ Константинополя, раздѣленнаго на четырнадцать регионовъ (при Константинѣ Великомъ), какъ его начерталъ Дюканжъ на основаніи древняго источника, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, такъ какъ Бандури представилъ видъ города съ окрестностями фракійской стороны по картѣ географа de Combes, хранившейся въ архивѣ мор-

¹⁾ Изданіе Seck'a было у насъ выше указано. Что касается до сочиненія Жила, то прибавимъ здѣсь слѣдующее: сочиненіе Діонисія Византійскаго, изъ котораго онъ приводитъ извлеченія, и которое долго считалось потеряннымъ, наконецъ было отыскано хотя не въ полномъ видѣ между рукописями, приобретенными Парижскою національною бібліотекою отъ грека Минанды Мины, и было издано Вешеромъ въ 1874 году. *Dionysii Byzantii, de Bosphori navigatione quae supersunt*—ed. *Carolus Wescher*. Paris. 1874. Ср. *Miller, Journal des Savants* 1874, pag. 200 etc. *Müller, Zum 'Αναπλους Βοσπόρου des Dionysios von Byzanz. Philologus*, B. XXVII (1877), 65—88.

скаго управленія. Вторая карта изображаетъ самый городъ — по Анониму (Бандурія), то-есть, раздѣленный на три части, при чемъ въ отдѣльныхъ регионахъ размѣщены названія мѣстъ и зданій, встрѣчающихся въ означенномъ источникѣ. О недостаткахъ этого плана рѣчь будетъ ниже. Третья карта представляетъ Анаплъ (то-есть, ближайшія къ столицѣ части) Босфора Фракійскаго, начертанный Сансономъ по Жилію, который слѣдовалъ Діонисію Византійскому. Но такъ какъ этотъ планъ, по свидѣтельству знающихъ и ученыхъ людей, бывавшихъ въ Константинополѣ (между прочимъ Галланда), оказывался не вполне точнымъ, то Бандури приложилъ еще другой планъ той же самой мѣстности, составленной Комбомъ, и это будетъ — четвертый. Пятая карта заключаетъ въ себѣ опять планъ самаго Константинополя, заимствованный изъ сочиненія Бондельмонти (*Liber de insulis Archipelagi*), написаннаго въ 1422 году и уже изданнаго Дюканжемъ. Хотя этотъ планъ начертанъ, очевидно, грубымъ образомъ и не точно, все-таки онъ сообщаетъ полезныя топографическія указанія за время, немногимъ предшествующее турецкому завоеванію, и потому Бандури счелъ полезнымъ вторичное его изданіе. Шестой планъ представляетъ городъ въ современномъ видѣ, то-есть, для эпохи Людовика XIV, и принадлежитъ Grelot. Седьмая таблица содержитъ въ себѣ видъ Геллеспонта и Пропонтиды.

Сейчасъ указанная иллюстрація имѣютъ прямое отношеніе, очевидно, не къ первой, а къ третьей части перваго тома, и главнымъ образомъ къ Анониму, изданіе котораго Бандури справедливо считалъ своимъ главнымъ вкладомъ по части топографіи Константинополя. Поэтому и комментарии къ этому памятнику занимаютъ первое мѣсто во второмъ томѣ. Здѣсь главною своею задачею Бандури считалъ подтвержденіе и разъясненіе показаній Анонима подходящими мѣстами другихъ византійскихъ писателей, изданныхъ и не изданныхъ, а затѣмъ исправленіе ошибочныхъ представленій Ламбеція и самого Дюканжа, произшедшихъ отъ незнакомства съ вновь открытымъ памятникомъ. Нужно при этомъ сказать, что Бандури оказалъ дѣлу большія услуги хорошею критикою текстовъ, указаніемъ взаимнаго отношенія между Анонимомъ и Кодиномъ, а равно и другими сродными компиляторами, что онъ обнаружилъ при этомъ широкое знакомство съ византійскими и латинскими средневѣковыми текстами. Но все-таки, удачно указывая ошибки Дюканжа (напримѣръ, относительно Зевгми), Бандури и самъ не избѣжалъ довольно важныхъ промаховъ. И онъ въ свою очередь не могъ располагать чрезвычайно

важнымъ и для многихъ вопросовъ первостепеннымъ источникомъ, именно сочиненіемъ Константина Багрянороднаго о придворномъ чинѣ (*De ceremoniis*), которое было обнародовано гораздо позже по единственной рукописи, находившейся внѣ Италіи и внѣ Франціи. Впослѣдствіи Рейске, издатель означеннаго сочиненія Константина, съ такою же легкостью могъ указать заблужденія Бандури, какъ онъ самъ поправлялъ Дюканжа. Если, кромѣ того, Бандури слишкомъ преувеличивалъ значеніе своего Анонима и слишкомъ держался буквального пониманія его словъ, то и это дѣло естественное и обычное. Такъ или иначе, довольно пристальное взглянуть на планъ Константинополя согласно съ Анонимомъ и сравнить его съ настоящимъ положеніемъ вещей или съ новыми планами, чтобы замѣтить большія несообразности; напримѣръ, Золотыя ворота помѣщены здѣсь въ пять разъ дальше отъ Мраморнаго моря (къ сѣверу), чѣмъ какъ они могли быть въ дѣйствительности, а соотвѣтственно съ этимъ и Студійскій монастырь откинуть слишкомъ далеко отъ моря ¹⁾. Все это основано на буквальномъ пониманіи словъ Анонима, что у Золотыхъ воротъ оканчивается средняя полоса города. Вмѣстѣ съ Г. С. Дестунисомъ пожелаемъ, чтобы кто-нибудь изъ мѣстныхъ археологовъ вновь подвергнулъ научному и систематическому разбору сочиненіе Анонима Бандуріева, чего до сихъ поръ не было сдѣлано.

Филологическія объясненія и по срединѣ часто дополняются наглядными иллюстраціями археологическаго содержанія. Отмѣчаемъ болѣе важныя По поводу сказаній объ основаніи Константинополя приложены семь таблицъ со снимками монетъ города Византіи, какъ изъ періода ея самостоятельнаго существованія, такъ и время Римской имперіи.

Нѣсколько ниже (pag. 459) встрѣчаемъ изображеніе мѣдныхъ монетъ Константина Великаго, выбитыхъ въ годъ обновленія (*ἀρχαίμα*) Константинополя. По поводу упоминанія о патриціяхъ предлагается изображеніе Компьенскаго диптиха, пожертвованнаго Карломъ Лысымъ, и еще другаго подобнаго изъ церкви близъ Лиможа: важны они потому, что находящіеся въ нихъ фигуры даютъ наглядное представленіе присвоенныхъ означенному сану облаченій. Чрезвычайно интересны и важны рисунки барельефовъ Аркадіевой колонны въ Константинополѣ (къ стр. 502), отъ которой въ настоящее время остается только обезображенный огнемъ пьедесталъ—близъ Авреть-базара—вы-

¹⁾ Г. С. Дестуниса, Топографія древняго Константинополя: *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882 г., январь, стр. 26.

сотою около трехъ сажень, съ камерой и началомъ лѣстницы внутри. Нѣкогда это была великолѣпная колонна въ 147 футовъ вышины, по которой снизу и до верху шли барельефы спиралью, представлявшіе триумфальную процессію императора. Еслибы памятникъ сохранился вполне, то онъ имѣлъ бы громаднѣйшій историческій интересъ. Теперь мы должны знакомиться съ нимъ только по рисункамъ, помѣщеннымъ у Бандури. О происхожденіи этихъ восемнадцати гравюръ, занимающихъ столько же листовъ, Бандури сообщаетъ въ предисловіи къ первой части (pag XIII) слѣдующее: Въ Константинополѣ былъ двѣ такого рода колонны съ барельефными изображеніями, обыкновенно называемыя *historiatae*. Мы должны вмѣстѣ съ нимъ считать доказаннымъ, что дошедшіе до насъ снимки относятся къ той, которая была воздвигнута Аркадіемъ, ибо другая, Θεοδοσία (Θεοδοσία II), по свидѣтельству Гиллія (Жюля), была разрушена Баязетомъ, такъ какъ находилась вблизи устраиваемыхъ имъ новыхъ бань, — Аркадіева же была описана Жюлемъ, который даже измѣрялъ ее. Итакъ не Θεοδοσία, какъ другіе думаютъ, а Аркадіева колонна изображается на приложенныхъ къ комментарию гравюрахъ. Гравюры эти сдѣланы съ рисунковъ венеціанскаго живописца Джентиле Беллини (Gentile Bellini), который, какъ извѣстно, приглашенъ былъ въ Константинополь Магометомъ Вторымъ, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и, пользуясь расположеніемъ страшнаго завоевателя, могъ безопасно дѣлать всякіе снимки. Однако, сдѣланные Беллини на 18 листахъ рисунки представляли не всю колонну, потому что отъ ветхости, отъ землетрясеній, отъ пожаровъ она все-таки сильно пострадала, и есть въ ней мѣста, гдѣ барельефы пропали. Восемнадцать лѣтъ ранѣе изданія *Imperium orientale* ученый іезуитъ Менестрие (Claudius Franciscus Menestrier) издалъ рисунки Беллини въ гравюрахъ съ своими объясненіями. Такъ какъ — заключаетъ Бандури — колонна Аркадія занимаетъ первое мѣсто среди памятниковъ Константинополя, то мы и рѣшили воспроизвести самымъ точнымъ образомъ ея изображенія, по самому подлиннику Беллини (*exemplar a G. Bellino delineatum*), который хранится въ академіи живописи, приложивъ къ каждой гравюрѣ краткія объясненія фигуръ. Объясненія эти, какъ показываетъ проф. Н. П. Кондаковъ, можетъ быть, несовсѣмъ удачны и правильны, и это извинительно, потому что Бандури еще не располагалъ текстами Константина Багрянороднаго о церемоніальныхъ шествіяхъ и встрѣчахъ императоровъ, которые съ такимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ привлекаетъ

въ видѣ точки отправленія нашъ ученый археологъ. Все-таки въ общемъ Бандури вѣрно понималъ дѣло и видѣлъ въ барельефахъ изображеніе триумфа съ его различными моментами: процессія войска, триумфальный въѣздъ императора, процессія плѣнныхъ. За подробностями мы отсылаемъ къ книгѣ проф. Кондакова, который излагаетъ съ своей точки зрѣнія содержаніе барельефовъ, не касаясь къ сожалѣнію, наиболѣе интересной ихъ стороны, то-есть, изображенія варваровъ, ихъ костюмовъ, идоловъ и т. д., чего не требовала задача его сочиненія ¹⁾.

Не лишены интереса рисунки (къ стр. 631—632), заимствованные изъ Парижской рукописи IX вѣка, изображающіе поставленіе св. Григорія Назіанзинена въ епископы Константинополя, побѣду Константина надъ Максентіемъ и обрѣтеніе св. креста Еленою, далѣе (стр. 664) планъ ипподрома ранѣе взятія города турками изъ древней топографіи, уже изданный прежде Панвинемъ и несо-всѣмъ согласный съ описаніемъ Жюля; изображеніе обелиска Теодосіева (къ стр. 666) съ барельефами, которые и воспроизводятся, треножника Аполлонова, то-есть, знаменитой Зиѣиной колонны, значеніе которой оцѣнили только въ настоящемъ столѣтіи, мраморной колонны императора Маркіана и такъ называемой Порфирной колонны.

Помимо живописныхъ иллюстрацій, комментарий къ Анониму изобилуетъ не изданными важными текстами, прилагаемыми кстаті по случаю упоминанія извѣстныхъ памятниковъ, лицъ или событій. По поводу упоминанія объ еврейской синагогѣ въ Цареградѣ (стр. 614)

¹⁾ См. *Н. П. Кондакова*, Византійскіе церкви и памятники Константинополя (въ Трудахъ VI Археологическаго съѣзда). Одесса, 1886, стр. 147—155. Замѣтимъ еще, что сомнѣнія о происхожденіи рисунковъ Бандури отъ извѣстныхъ очерковъ „будто бы“ Джентиле Беллини, вопользь выражаемыя въ примѣчаніи на стр. 148, и теперь нельзя считать окончательно устраненными. Бандури говоритъ, что онъ не повторилъ Менетріе, а обратился къ подлиннику, который находился въ академіи художествъ; но изъ любопытной книги: *L. Thuasne, Gentile Bellini et sultan Mahommed II*, Paris. 1888, мы видимъ (pag. 42), что оригинальныхъ рисунковъ тамъ нѣтъ, а есть только копія, по своему происхожденію относящаяся къ концу XVI или началу XVII вѣка; другая такая копія, тоже XVI вѣка, находится въ Луврѣ. Однако, Тюанъ считаетъ вѣроятнымъ, что помимо знаменитыхъ портретовъ Магомета II, которые у него вновь воспроизводятся, Беллини дѣйствительно могъ заниматься приотомленіемъ рисунковъ съ древнихъ памятниковъ Константинополя, и притомъ имѣло для Лаврентія Великолѣпнаго. О пребываніи Беллини въ Константинополѣ по вызову страшнаго завоевателя книга сообщаетъ новыя свѣдѣнія.

приведены три посланія патриарха Аеанасія, который требовалъ отъ императора Андроника II Старшаго ея закрытія и вмѣстѣ съ тѣмъ изгнанія жидовъ изъ города. Далѣе находимъ (стр. 646) исторію перенесенія мощей первомученика Стефана въ Константинополь при царѣ Константинѣ съ описаніемъ кодекса Сень-Жерменскаго монастыря, гдѣ она читается (отсюда видно, что въ кодексѣ, представляющемъ миною за Августъ, находится и сказаніе объ освобожденіи Константинополя отъ нашествія аваръ и персовъ при царѣ Иракліѣ, гораздо послѣ напечатанное кардиналомъ Анджемо Май по Ватиканскому списку); не изданный трактатъ объ ипподромѣ (стр. 662); не изданное житіе св. Далматія (стр. 694) въ греческомъ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, а также посланія къ этому святому отъ отцовъ Ефесскаго вселенскаго собора и отъ Кирилла Александрійскаго, посланіе Далматія къ собору, слова Кирилла и Мемнона: все это по поводу упоминанія о монастырѣ Далматія въ Константинополѣ.

Комментарій къ четвертой послѣдней книгѣ Анонима потребовалъ приложенія пяти плановъ, представляющихъ внѣшній видъ и внутренность храма св. Софіи: рисунки принадлежатъ художнику Грело.

Комментаріи къ дальнѣйшимъ отдѣламъ третьей части могли быть не столь подробными, потому что при сходствѣ содержанія, во всей части достаточно было отсылать читателя къ комментаріямъ на Анонима. Съ своей стороны мы должны здѣсь отмѣтить свѣдѣнія объ *Iōn̄ia*, сочиненіи, приписываемомъ Византійской императрицѣ XI вѣка, Евдокии, въ то время еще не изданномъ: Бандури (стр. 819—829) сообщаетъ его оглавленіе. Послѣднія страницы (871—872) комментарія къ седьмой книгѣ содержатъ въ себѣ объясненія къ пророчеству о послѣднихъ судьбахъ Константинополя, о *ἔσθλὸν γένος*; здѣсь упоминается о не изданномъ трудѣ Льва Алляція (*Varia antiqua*). Комментаріи къ восьмой книгѣ, заключающей въ себѣ каталоги, также весьма богаты содержаніемъ и не изданными матеріалами. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить подробное оглавленіе парижскаго сборника, изъ котораго заимствованъ каталогъ Никифора Каллиста (pag. 875—886), затѣмъ довольно обширное изслѣдованіе объ именахъ первыхъ Константинопольскихъ епископовъ, которыя Бандури считаетъ подложными вплоть до Митрофана, современника Константина Великаго. По поводу патриарха Козьмы Атика Бандури приводитъ актъ соборнаго при немъ дѣянія (pag. 916), заимствуя оное у Алляція (*De perpet. consens.*); отсюда же заимствованъ отрывокъ изъ Ефре-

мія, представляющій рядъ патріарховъ. жившихъ въ Никеѣ послѣ взятія Цареграда латинами (pag. 928). На стр. 936 находимъ изображеніе засѣданія втораго вселенскаго собора изъ рукописи IX вѣка. Въ примѣчаніи, касающемся патріарха Іоанна Векка, приведено направленное противъ этого, склонявшагося къ уніи, іерарха изложеніе вѣры Григорія Киурскаго (ἐκθεσις τοῦ τόμου τῆς πίστῶς κατὰ τοῦ Βέκκου), а также и другія его произведенія, сюда относящіяся (что занимаетъ страницы 942—961: безъ латинскаго перевода). Въ примѣчаніи, посвященномъ слѣдующему патріарху, Аеанасію, находимъ прежде всего полный списокъ его сочиненій и писемъ, которыя Бандури предполагалъ издать и для этой дѣли перевелъ было на латинскій языкъ (pag. 961). Мы уже отмѣтили три посланія патріарха Аеанасія относительно еврейской синагоги, напечатанныя выше; теперь нужно обратить вниманіе на три письма, относящіяся къ двукратному отреченію Аеанасія отъ престола, на его обличительное слово противъ нѣкоего Іоанна Дрима и т. д. (pag. 962—987). По поводу патріарха Нифонта напечатаны два новыхъ дальнѣйшихъ посланія Аеанасія, гдѣ о немъ идетъ рѣчь, но уже безъ латинскаго перевода; по поводу Іосифа, присутствовавшаго на Флорентійскомъ соборѣ, приложенъ его портретъ, заимствованный изъ рукописи королевской бібліотеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другія изображенія, въ ней находящіяся: Константина и Елены, Іоанна и Мануила Палеологовъ, Іоанна Крестителя, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ документовъ изъ Алляція (pag. 984—990). О синопсисѣ Ренодо мы уже упомянули выше.

Далѣе (pag. 1007—1017) слѣдуетъ особая статья, относящаяся къ топографіи Константинополя: *De celebrioribus urbis C P. monumentis, quae — hodie supersunt*. Она посвящена важнѣйшимъ памятникамъ, воздвигнутымъ уже султанами и находившимся на лицо: мечетямъ, банямъ, которыхъ Бандури насчитываетъ до пятидесяти, страннопримнымъ домамъ; тутъ воспроизводятся рисунки Грело съ его же объяснительнымъ французскимъ текстомъ (виды мечетей Сулеймана и султанши Валиде, сераля).

Слѣдуютъ наконецъ примѣчанія къ сочиненіямъ Константина Багрянороднаго *О еемахъ* и *De administrando imperio*. Предпослана первому сочиненію географическая карта, представляющая Восточную имперію съ раздѣленіемъ на темы послѣ Ираклія, и второму—карта Восточной имперіи и странъ сопредѣльныхъ во время Константина Багрянороднаго. Онѣ составлены были де-Лилемъ (*Guillelmus de L'Isle*),

членомъ королевской академіи наукъ. Замѣчанія на оемы довольно краткія; приведены между прочимъ латинскія надписи, относящіяся къ *legio fulminatrix*, и греческій списокъ городовъ, измѣнившихъ свое названіе. Въ комментаріяхъ на сочиненіе „Объ управленіи имперіей“ особенное вниманіе обращается на Далмацію, родину Бандури; нѣкоторыя спеціальныя, относящіяся къ ней, статьи представлялись излишнею роскошью послѣдующимъ издателямъ и въ боннской коллекціи опущены; таковы выписки изъ Мавро Урбина о Млѣтѣ (*Meleta*), островѣ, принадлежавшемъ республикѣ Дубровницкой (*Raguză*), изъ Спона — (*Spon*), о Сплѣтѣ и Задрѣ, такова реляція (на италянскомъ языкѣ) патриція дубровницкаго Гондоли о состояніи религіи въ странахъ подвластныхъ турецкому владычеству: этотъ любопытный документъ Бандури нашелъ въ Римѣ въ библиотекѣ коллеги *de propaganda fide* и самъ списалъ (въ документѣ упоминается осада Каменца Подольскаго турками); таковы выписки изъ Туберона и Мавроурбина о происхожденіи Дубровника и списокъ рагузинскихъ кораблей, посланныхъ республикою на помощь королю Испанскому съ 1584 по 1654 г. (pag. 71 — 76). По отношенію къ русской исторіи значительный интересъ представляетъ извѣстное греческое сказаніе объ обращеніи русскихъ въ христіанство и о крещеніи Владиміра, найденное въ кодексѣ Кольбертинскомъ, гдѣ оно не имѣетъ начала. Замѣтимъ, что одинъ молодой русскій ученый г. Регель отыскалъ другой полный списокъ сказанія въ библиотекѣ острова Патмоса и намѣренъ издать его въ скоромъ времени. Такъ какъ въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи славянскаго письма, то Бандури приложилъ въ своемъ изданіи таблицы различныхъ славянскихъ алфавитовъ — кирилловскаго и глаголическаго, изъ коихъ послѣдній онъ называетъ іеронимовымъ.

Къ изданію Бандури въ извѣстномъ отношеніи примыкаетъ трудъ, вышедшій отдѣльно и собственно не принадлежащій къ парижской византійской коллекціи, доминиканца Лекъена (*Le Quien, Michel*), болѣе подробнымъ образомъ развивающій отдѣлъ историко-статистическихъ свѣдѣній объ епархіяхъ и о высшей церковной іерархіи, впрочемъ уже не одной только Константинопольской патриархіи, а и остальныхъ православныхъ. Мы разумѣемъ „Православный Востокъ“, содержащій въ себѣ описаніе четырехъ патриархатовъ: Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго ¹⁾. Не имѣя въ

¹⁾ *Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus*. Paris. 1740. 3 vol. съ картами Давниля (*D'Anville*).

виду сообщенія новыхъ источниковъ и вообще изданія матеріаловъ, а скорѣе желая дать справочное пособіе при ихъ изученіи, составитель подробно говоритъ о каждомъ изъ патриархатовъ отдѣльно: сообщаетъ о возникновеніи и каноническомъ учрежденіи патриархата, о границахъ его въ различныя времена, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ патриарховъ даннаго патриархата отъ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія, затѣмъ переходитъ къ епархіямъ, подчиненнымъ тому или другому патриарху, сообщаетъ географическія свѣдѣнія о каждой епархіи и городѣ, въ которомъ находилась епископская кафедра, и приводитъ списокъ всѣхъ іерарховъ означенной епархіи въ хронологическомъ порядкѣ съ краткими о нихъ свѣдѣніями, на сколько имена ихъ и данныя ихъ біографіи могли быть отысканы въ наличныхъ тогда источникахъ всякаго рода. О Константинопольскомъ патриархатѣ говорится въ первомъ томѣ и отчасти во второмъ (Восточный Иллирикъ), который главнымъ образомъ посвященъ Александрійскому и Антиохійскому патриархату и церквамъ халдейской и яковитской; объ Іерусалимскомъ патриархатѣ рѣчь идетъ въ третьемъ томѣ, и тамъ же о маронитахъ и униатской іерархіи ¹⁾. До сихъ поръ трудъ Лекьена служитъ необходимымъ справочнымъ пособіемъ при занятіяхъ византійскою исторіей или византійскою литературою, но уже давно сообщаемые въ немъ списки епископовъ и митрополитовъ перестали быть въ такой степени полными, въ какой они могутъ быть по состоянію нашихъ источниковъ, ибо абсолютно полными они никогда не могутъ быть. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ источники автора съ самаго начала были довольно скудны, и никто изъ русскихъ ученыхъ теперь не станетъ къ нему обращаться для свѣдѣній о западно-русскихъ униатскихъ митрополитахъ, хотя еще при изданіи Актовъ Западной Россіи Лекьенъ считался авторитетомъ, къ которому можно было отсылать въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ. Для славянскихъ церквей болгарской и сербской, а также для румынской, повѣрка и

¹⁾ Tom. I. Tres magnas compectens Dioeceses Ponti, Asiae et Thraciae Patriarchatui Constantinopolitano subiectas.

Tom. II. In quo Illyricum orientale ad patriarchatum Constantinopolitanum pertinens Patriarchatus Alexandrinus et Antiochenus, magnaeque Chaldaeorum et Jacobitarum dioeceses exponuntur.

Tom. III. Ecclesiam Maronitarum, patriarchatum Hierosolymitanum et quotquot fuerunt ritus latini tam patriarchae quam inferiores praesules in quatuor patriarchalibus et in Oriente universo complectens.

многія дополненія находятя въ извѣстномъ трудѣ проф. Е. Е. Голубинскаго „Краткій очеркъ православныхъ церквей болгарской, сербской и молдо-влахійской (Москва. 1871) ¹⁾. Но и для всѣхъ другихъ отдѣловъ, не исключая собственно византійскаго, въ изданныхъ послѣ довольно многочисленныхъ документахъ — соборныхъ дѣяніяхъ, синодальныхъ опредѣленіяхъ, перепискѣ духовныхъ лицъ—заключается цѣлая масса новыхъ именъ и новыхъ свѣдѣній, не вошедшихъ въ собраніе Лекъена ²⁾. Нечего говорить о томъ, какъ иногда важно для изслѣдователя имѣть подъ рукою точныя и полныя по возможности списки въ родѣ Лекъеновыхъ; припомнимъ, что, напримѣръ, въ кирилло-меводіевскомъ вопросѣ знаменитая Солунская легенда никогда не получила бы такого значенія и не была бы такимъ соблазномъ для русскихъ изслѣдователей, еслибы съ самаго начала было ясно, что даже въ наименованіи современнаго Солунскаго митрополита въ ней допущена ошибка.

Двумя томами Восточной имперіи Ансельма Бандури собственно была закончена Луврская или Парижская коллекція византійскихъ историковъ. Многое оставалось не изданнымъ даже изъ того, что уже было приведено въ извѣстность, что даже было приготовляемо для печати. Цѣлое, только что начавшееся, столѣтіе пройдетъ, прежде чѣмъ во Франціи вновь обратятся къ прерванному и не доконченному дѣлу, прежде чѣмъ найдутся ученые, способные и готовые возобновить почтенную традицію Дюканжа, Комбефиза и Буавена. Причина тому прежде всего заключалась, конечно, въ томъ, что только что начавшееся столѣтіе было восемнадцатое столѣтіе. Если прежде успѣхи французской эрудиціи оставались въ тѣни вслѣдствіе того, что на первомъ планѣ стояло блистательное развитіе изящной литературы, то теперь появились еще болѣе могучіе и всепоглощающіе умственные интересы. Гордый и самонадѣянный вѣкъ просвѣщенія и рационализма вообще не чувствовалъ большой нужды въ изученіи темнаго и презираемаго прошедшаго, а все византійское казалось такимъ вдвойнѣ. Правда, бенедиктинцы конгрегаціи св. Мавра, труженики болѣе симпатичные, чѣмъ іезуиты, которымъ они въ области ученыхъ византійскихъ занятій наслѣдовали гораздо раньше закрытія

¹⁾ Съ свою очередь тоже теперь нуждающемся въ дополненіяхъ.

²⁾ Можно указать на списокъ Аенскихъ епископовъ и митрополитовъ, для котораго нашлись важныя данныя въ древнихъ христіанскихъ надгробныхъ надписяхъ Пареемона, обращеннаго въ храмъ Богородицы: см. архимандр. Аямокина О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аенахъ (С.-Пб. 1874).

иезуитскаго ордена, продолжали трудиться вплоть до начала революціи, оставаясь вѣрными своимъ завѣтамъ и памяти д'Ашери и Мабилльона, но почти все вниманіе ихъ поглощено было такими громадными предпріятіями, какъ изданіе источниковъ для національной французской исторіи, то-есть, исполненіе плана, которымъ вѣкогда былъ занятъ умъ Кольбера, и о которомъ подавалъ свое мнѣніе Дюканжъ, осуществленіе котораго самъ Мабилльонъ считалъ превосходящимъ его силы. Въ 1738 году появился первый томъ извѣстнаго собранія „Recueil des Historiens des Gaules et de la France“, подъ редакціей Дом-Буке (Dom Bouquet), а въ 1786 — двѣнадцатый и тринадцатый, относящіеся къ временамъ Людовиковъ VI и VII и обнародованные двумя преемниками Буке, мавриньянами Дом-Клеманомъ и Бриалемъ. Два бенедиктинца конгрегаціи св. Мавра (dom Vaissette и De Vis) взяли на свои плечи тоже не легкій трудъ составленія документальной исторіи Лангедока (Histoire générale de Languedoc: первый томъ вышелъ въ 1730 году, пятый — въ 1745 году). Нужно далѣе упомянуть такія изданія, какъ Gallia christiana, начатое Дом-Сент-Мартомъ (de Sainte Marthe), L'art de verifier les dates (новое изданіе 1770 года), Nouveau traité de diplomatique (Dom Toustain и D. Tassin), долженствовавшій служить дополненіемъ и замѣною на латинскомъ языкѣ написанному знаменитому произведенію Мабилльона. Итакъ, пріостановка византійской коллекціи довольно понятна и естественна. Обращаясь къ тому, что было сдѣлано, мы должны повторить, что французскіе ученые юристы (Фабро, Валуа и Дюканжъ), домениканцы и бенедиктинцы, при помощи королевскихъ грековъ, какъ назывались луврскіе шрифты, своею „Византиною“ воздвигли прочный памятникъ французской науки, что они заложили вѣковой фундаментъ, на которомъ и до сихъ поръ основываются всѣ работы въ данной области. Именно то, что зданіе долго оставалось въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было возведено въ XVII вѣкѣ, доказываетъ и его прочность, и громадную трудность подобнаго рода предпріятій. Коллекція была, конечно, не безъ недостатковъ, и мы уже отмѣчали, что не всѣ отдѣльные ея томы отличались одинаковымъ достоинствомъ даже и въ своемъ родѣ. Общій и главный недостатокъ происходилъ, отчасти, отъ несовершенства пріемовъ тогдашней филологической критики, а еще болѣе отъ непреодолимыхъ затрудненій, иногда полной невозможности имѣть подъ рукою всѣ необходимые или даже просто лучшіе списки того или другаго произведенія. Не смотря на ученныя сношенія и связи съ Римомъ и Вати-

канскою бібліотекою (преимущественно при посредствѣ Голстена), все-таки часто приходилось довольствоваться тѣмъ, что представляла Парижская королевская бібліотека. Путешествія были затруднительны, подлинныя рукописи ни въ какомъ случаѣ не высылались, уже одинъ доступъ къ нимъ считался знакомъ великой милости и благодареніемъ, такъ что издателямъ естественно приходилось полагаться на коляціи, сдѣланныя другими, иногда не вполне надежными лицами. Гораздо легче и удобнѣе слыхать напечатанное, чѣмъ можно имѣть въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ, съ различными рукописными редакціями и кодексами, чѣмъ одну рукопись съ другою, если даже онѣ находятся въ одномъ книгохранилищѣ. Именно наиболѣе опытные сотрудники парижской Византины прилагали варианты только въ концѣ своего изданія, не воспользовавшись ими надлежащимъ образомъ для установленія болѣе совершеннаго или просто болѣе исправнаго текста, даже въ томъ случаѣ, когда превосходство извѣстныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ варианты почерпались, было очевидно и заранѣе извѣстно; а въ большей части случаевъ текстъ издавался по одному какому-либо случайному, болѣе сподручному списку, а уже затѣмъ производилось сравненіе съ другими манускриптами, и тогда только обнаруживалось взаимное между ними отношеніе. Издатели не столько были филологи, сколько богословы и юристы, наконецъ историки, и потому интересовались не столько языкомъ, сколько предметомъ сочиненій. Согласно съ этимъ достоинства коллекцій заключаются не столько въ удовлетвореніи критическимъ требованіямъ, сколько экзегетическимъ. Издатели прежде всего заботились о пониманіи содержанія, объ уясненіи фактовъ и предметовъ, объ установленіи хронологіи тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь у издаваемого автора; первостепенное значеніе придавалось латинскому переводу, а затѣмъ объяснительнымъ примѣчаніямъ, исправленіе текста отступало на задній планъ. Даже Комбефизъ и Буавенъ, которыхъ нужно считать наиболѣе дѣльными и способными издателями, ограничивали свою задачу устраненіемъ однихъ вопіющихъ недостатковъ, болѣе полное и систематическое установленіе текста, по видимому, предоставляя будущему времени. Однако, отъ нихъ все-таки многому могли бы поучиться и позднѣйшіе работники въ данной области, потому что они ставили исправленіе текста, сколько это считали нужнымъ, въ зависимость не отъ однихъ только рукописей оригинала, но привлекали къ дѣлу и тѣхъ вторичныхъ позднѣйшихъ компиляторовъ, которые выписывали буквально текстъ своихъ предшественниковъ.

Въ экзегетикѣ византійскихъ писателей, въ раскрытіи ихъ содержанія французскіе издатели оказали заслуги громадныя, можно сказать, безиримѣрныя; никто до сихъ поръ не покушался замѣнить ихъ комментаріи къ отдѣльнымъ византійскимъ произведеніямъ, равно какъ не замѣнимыми остаются и общія вспомогательныя пособия, составленныя Дюканжемъ. Легко представить себѣ, сколько трудностей и всякаго рода препонъ мы встрѣчали бы при чтеніи любого византійца XI или XII вѣка, еслибы путь не былъ расчищенъ французами; мы осуждены были бы ощупью и не вдругъ добираться до самаго первоначальнаго пониманія географической и племенной номенклатуры писателя, чтобъ узнать, кого онъ разумѣетъ подъ скиеами и персами, сарматами и саракинами, кельтами и тавроскиеами, не говоря уже о явно искаженныхъ новогреческихъ формахъ въ передачѣ собственныхъ именъ отдѣльныхъ историческихъ личностей изъ рода франковъ. Если насъ теперь не особенно останавливаютъ и не повергаютъ въ окончательное уныніе названія многочисленныхъ византійскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, разнаго рода логоетовъ и доместиковъ, предъ которыми знакомство съ аттической прозою оставляетъ насъ совершенно безпомощными, то опять-таки потому, что при любомъ изданіи мы найдемъ небольшой объяснительный словарь, удовлетворяющій первому простѣйшему запросу. Можно было бы долго продолжать перечисленіе такихъ устранимыхъ камней преткновенія. Замѣтимъ только, что въ виду такихъ заслугъ легко можно простить встрѣчающіеся по мѣстамъ недочеты и промахи. Нельзя бываетъ требовать полнаго и всесторонняго знанія тамъ, гдѣ дѣло изученія только начинается и гдѣ въ первый разъ раскрываются источники знанія. Не по своей винѣ самъ Дюканжъ не успѣлъ ознакомиться съ сочиненіемъ Константина Вагрянороднаго О придворномъ чинѣ, которое во многомъ дополнило бы и отчасти исправило его представленія какъ о топографіи Константинополя, такъ и о многихъ другихъ спеціальныхъ явленіяхъ византійскаго быта. Вслѣдствіе совершенно темныхъ и недостаточныхъ представленій о славянствѣ, о его роли въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и объ его современномъ положеніи, переводчики не узнавали славянъ тамъ, гдѣ они прямо выводятся на сцену. „Славянскихъ Древностей“ Шафарика вѣдь еще не появлялось, о теории Фальмерайлера не было и слуху; даже Гиббонъ, который здѣсь уже многому могъ бы научить, писалъ поздиѣе. Благодаря тому и возможенъ былъ такой переводъ, что вмѣсто обращенія Пелопоннеса въ славянскую

страну говорилось въ латинскомъ текстѣ о порабощеніи полуострова; вмѣсто непріятнаго греку славянскаго лица являлось какое-то другое, сморщенное. Слова Константина Вагрянороднаго (въ емаяхъ): ἐσθλαβωθη πασα ἡ χωρα въ латинскомъ переводѣ будто бы значать: *ceterum in servitutum redacta fuit univēsa regio*, и *γαροδοειδής ὄψις* ἐσθ/αβωμένη, насмѣшливое и бранное прозваніе, данное природнымъ греческимъ остроумцемъ уроженцу Пелопоннеса, будто бы значило „*vieta facies in servitutum redacta*“. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и болгарскіе боли, боляре, βολιάδες, могли быть приняты за военныя метательныя машины, потому что для уразумѣнія слова служило пока только его видимое этимологическое сродство съ греческимъ глаголомъ βάλλω. Подобныя вещи въ свое время были простительны, онѣ перестали бытъ такими только въ настоящемъ столѣтні. Но развѣ ихъ больше не встрѣчается?

Вскорѣ послѣ того, какъ заключилась серія парижской коллекціи византийцевъ, почувствовалась потребность новаго ихъ изданія. Этой потребности должна была удовлетворить предпринятая въ 1722 году книгопродавцемъ Явариною въ Венеціи перепечатка парижскаго собранія, все-таки съ посвященіемъ королю Испанскому Филиппу V, внуку Людовика XIV ¹⁾. Почти ничего хорошаго о венеціанскомъ изданіи не приходится сказать, кромѣ развѣ того, что здѣсь въ первый разъ появилось сочиненіе Генесія, о которомъ рѣчь будетъ ниже, и что здѣсь подверглось пересмотру и нѣкоторому дополненію совершенно второстепенное добавленіе парижской коллекціи, извѣстное подъ именемъ Восточной хроникки Петра Рахеби, составленное Авраамомъ Екхеленскимъ (см. выше). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи къ изяществу виѣшности, красотѣ и четкости шрифта это будетъ шагъ назадъ. Самое худшее то, что текстъ вслѣдствіе плохой корректуры страдаетъ большими неисправностями, иногда совсѣмъ почти не годенъ, какъ въ изданіи Малалы. Венеціанскимъ изданіемъ можно пользоваться только по необходимости, когда нельзя имѣть подъ руками лучшаго, то-есть, ни парижскаго, ни боннскаго. Кто имъ пользуется все-таки долженъ оговариваться и, кромѣ того, означать число страницъ парижскаго изданія, которое повторяется на поляхъ какъ въ венеціанскомъ, такъ и въ боннскомъ.

¹⁾ Byzantinae historiae scriptores in unum corpus redacti et cet. gr. et lat. 23 (иногда 27 или 37) tomi—Venetus. Iavarina. 1722—1733.

Переходимъ къ обзорѣнію отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ независимо отъ луврской коллекціи и виѣ Франціи, въ Англіи и Германіи. Здѣсь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и начать съ хроники, которая появилась нѣсколько ранѣе означеннаго въ заглавіи періода, именно въ концѣ XVII столѣтія. Разумѣемъ хронографію Іоанна Малалы (Joannis Malalae chronographia).

Собраніе греческихъ рукописей Оксфордскаго университета (Bodleiana), приобрѣтенныхъ въ Италіи изъ бібліотеки Бароччи, содержитъ въ себѣ единственную извѣстную рукопись хроники Іоанна Малалы. Ученые изслѣдователи XVII столѣтія при своихъ ревностныхъ занятіяхъ древнею хронологіею не могли оставить безъ вниманія этого мало привлекательнаго писателя; въ правленіе Карла I имъ занимались одинъ въ слѣдъ за другимъ двое изъ оксфордскихъ ученыхъ, — Грегори (John Gregory † 1646) опредѣлилъ имя автора хроники; хотя рукопись не имѣла ни заглавія, ни начала, ни конца, но онъ убѣдился и показалъ, что именно изъ этой хроники приводятся цитаты въ другихъ византійскихъ произведеніяхъ, называющихъ цитуемаго автора Іоанномъ Малалою. Е. Чайлмидъ (Edm. Chilmead), знатокъ музыки и ученый математикъ, перевелъ хронику на латинскій языкъ и присоединилъ свои примѣчанія, но онъ не успѣлъ издать ее, такъ какъ при визитаціи, назначенной парламентомъ въ 1648 году, онъ за свои роялистическія убѣжденія былъ удаленъ изъ коллегіи Христовой церкви (Christ Church College) и умеръ въ 1653 году, прежде чѣмъ представилась возможность вновь обратиться къ прежнимъ занятіямъ. По прошествіи почти сорока лѣтъ кураторы издательскаго университетскаго фонда, завѣщаннаго архіепископомъ Кентерберійскимъ Шельдономъ (при Карлѣ II), рѣшили издать текстъ хроники, обработанный Чайлмидомъ. Оставаясь еще въ рукописи, хроника сдѣлалась довольно извѣстною по ссылкамъ на нее англійскихъ ученыхъ Сельдена, Ушера, Пирсона, Ллойда, Гемфри Годи (Humphrey Hody), тьюторъ въ одной изъ университетскихъ коллегій (Wadham college), извѣстный своими близкими отношеніями и дружбою со знаменитымъ филологомъ Бентли, вмѣстѣ съ коимъ онъ былъ тогда назначенъ капелланомъ при епископѣ Ворчестерскомъ, принялъ на себя обязанность написать введеніе. Онъ былъ хорошій ученый и справился со своею задачею удовлетворительнымъ образомъ; по крайней мѣрѣ тогда и долго послѣ казалось, что онъ прекрасно разрѣшилъ всѣ вопросы объ авторѣ хроники и о времени ея написанія. Высшій надзоръ за изданіемъ порученъ былъ Джону

Миллю (Mill), ректору St.-Edmund Hall'a, который оставил прочный памятник своей учености своимъ позднѣйшимъ изданіемъ Новаго Завѣта. Однажды, во время прогулки вмѣстѣ съ Бентли, у нихъ зашла рѣчь о хроникѣ Малалы, и Бентли, тогда еще не успѣвшій прославиться—его разсужденіе о письмахъ Фаларида, столь извѣстное въ исторіи филологіи, еще не появлялось въ свѣтъ,—но обладавшій уже, не смотря на свою молодость (ему было 22 года), глубокою филологическою ученостію, выразилъ желаніе познакомиться съ книгою прежде ея обнародованія. Милль согласился, съ условіемъ, что Бентли сообщить письменно замѣчанія, какія ему представляются при чтеніи. Бентли получилъ корректурные листы текста хроники, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ оставить Лондонъ и отправиться къ своему епископу, то замедлилъ исполненіемъ обѣщанія, и только вслѣдствіе напоминаній и настоятельныхъ требованій Милля сообщилъ наконецъ свои замѣчанія къ Малалѣ въ формѣ письма Миллю. Въ іюнѣ 1691 года явилась хроника съ введеніемъ (Prolegomena) Годія, съ переводомъ Чайлмида на латинскій языкъ, съ примѣчаніями ихъ обоихъ и съ письмомъ Бентли въ видѣ приложения. Хотя въ исторіи просвѣщенія и науки гораздо болѣе общій и высокій интересъ имѣеть то, что принадлежитъ перу гениальнаго критика-филолога, однако для нашей византийской точки зрѣнія на первомъ мѣстѣ должно стоять не письмо Бентли, а Prolegomena Годія и примѣчанія Чайлмида. О послѣднихъ нужно сказать, что они отличаются довольно большую начитанность въ греческой литературѣ, не исключая тѣхъ византийскихъ авторовъ, которые уже были изданы во Франціи (Прокосій, Кедринъ), но они не представляютъ особеннаго значенія, состоятъ большею частью въ указаніи параллельныхъ мѣстъ; дополненія, которыя понадобились, сдѣланы Годіемъ; онъ же вновь пересмотрѣлъ кодексъ и сдѣлалъ много поправокъ въ чтеніяхъ Чайлмида. Чтобы имѣть начало, недостающее въ оригиналѣ, заимствовано нѣсколько страницъ изъ другой византийской хроники, которую издатель считалъ хроникою Амартола. Всего важнѣе Prolegomena, которыя надолго опредѣлили взглядъ на значеніе хроники Малалы, и такъ какъ если не своимъ историческимъ содержаніемъ, то по крайней мѣрѣ своими отношеніями къ славянской литературѣ, эта хроника имѣеть для русскихъ ученыхъ большую цѣнность, то мы и должны остановиться на мнѣніяхъ о ней перваго издателя.

Своимъ Prolegomena Годи предпослалъ еще краткое предувѣдомленіе, гдѣ разсуждаетъ объ имени автора хроники, которое ока-

зывается сирийским словомъ, означающимъ ритора или софиста. и по гречески передается *Μαλάλας* или *Μαλαλάς*; но по мнѣнію Годія, лучше удерживать сирийскую форму *Малалл*, признавая это слово не склоняемымъ. Бентли противъ такого словоупотребленія, однако возставалъ. Первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ предисловіи, состоялъ, конечно, въ томъ, кто былъ и когда писалъ Іоаннъ Малала, называемый иногда по мѣсту своего происхожденія Антиохійскимъ. Съ начала доказывается обширно и подробно, что Іоанна Малалу не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Іоанномъ, постоянно именуемымъ Антиохійскимъ, такъ какъ и писатели ихъ отличаютъ; хотя и первый родомъ былъ также изъ Антиохіи, какъ видно изъ содержанія его хроники, а также изъ свидѣтельства Іоанна Дамаскина, однако ему обыкновенно не придается такое прозваніе, а у Константина Багрянороднаго въ его Извлеченіяхъ поставлены рядомъ, какъ два различные писателя Іоаннъ Малала и Іоаннъ Антиохійскій. Не нужно смѣшивать Малалу и съ тѣмъ хронографомъ Іоанномъ, который упомянуть въ церковной исторіи Евагрія и былъ его современникомъ, слѣдовательно, жилъ во время Юстиніана. Фоссъ и Ф. Лаббъ называли этого послѣдняго писателя Антиохійскимъ ошибочно, потому что упоминаемый Евагріемъ историкъ происходилъ не изъ Антиохіи, а былъ Іоаннъ Епифанійскій, какъ вѣрно указалъ Валезій въ примѣчаніяхъ къ Евагрію. Далѣе исправляется ошибочное мнѣніе тѣхъ, которые считали Малалу епископомъ Антиохійскимъ—на основаніи ссы.ки въ третьемъ словѣ противъ иконоборцевъ, принадлежащемъ (будто бы) Іоанну Дамаскину: *Ἰωάννου Ἀντιοχείας τοῦ καὶ Μαλάλα*. Такая формула не всегда указываетъ на епископство въ данномъ городѣ, но нерѣдко употребляется просто для обозначенія принадлежности къ гражданамъ или жителямъ названнаго города. Притомъ въ спискахъ Антиохійскихъ патріарховъ въ промежутокъ времени между Анастасіемъ Синаитомъ, который писалъ въ концѣ VI вѣка, и XI столѣтіемъ не встрѣчается никакихъ Іоанновъ; при этомъ цитуются каталоги патріарха Никифора и Евтихія Александрійскаго. Устраняются, сверхъ того, явно неудачныя предположенія Комбефиза, который готовъ былъ отождествлять Малалу съ Іоанномъ Діакриноменомъ и другимъ Іоанномъ-Пресвитеромъ, между тѣмъ какъ оба они писали ранѣ Анастасія, предшественника Юстиніана, о царствованіи котораго уже повѣствуется въ хроникѣ Малалы. Переходя къ вопросу, кто же былъ и когда жилъ нашъ Іоаннъ Малала, Годі указываетъ на мнѣніе Чайлмида и Ллойда о современности Малалы съ царствованіемъ

Юстиніана, но сейчас же оговаривается, что никакъ нельзя съ увѣренностью утверждать, будто онъ кончилъ писать въ 38-мъ или 37-мъ году правленія этого государя; если хроника и кончается въ самомъ дѣлѣ этими годами, то нужно знать, что единственный дошедшій до насъ экземпляръ (Vaticanus) Водлеевой бібліотеки—неполный, съ утраченными въ концѣ листами. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ Малала писалъ ранѣе 900 года, ибо его сочиненіе приводится въ Извлеченіяхъ Константина Багрянороднаго. Но едва ли онъ былъ современникомъ Юстиніану, и сомнительно, чтобы онъ трудился вскорѣ послѣ его смерти. Противъ этого говорить, напримѣръ, то, что по поводу событія, относящагося къ началу царствованія Юстиніана, къ 528 году, Малала ссылается на документы городского антиохійскаго архива, а не на какія-либо сообщенія очевидцевъ и современниковъ. Рѣчь идетъ о переименованіи Антиохіи въ Θεуполь, и вотъ съ какимъ замѣчаніемъ: въ хартияхъ, содержащихъ въ себѣ акты города, было найдено, что жители сочувственно приняли переименованіе и заявили о своей радости громкими восклицаніями. Болѣе позднее время автора доказывается и тѣмъ, что въ изложеніи царствованія Юстиніана, хотя и довольно подробномъ, часто допускаются ошибки, а иногда обнаруживается несомнѣнная путаница. Годи приводитъ много тому примѣровъ, обличая промахи на основаніи Прокопія, на основаніи новеллъ и надписанія приводимыхъ въ Кодексѣ узаконеній. Далѣе, и это будетъ уже третій пунктъ, Малала иногда проходитъ молчаніемъ важныя и близко касающіяся его родины событія, относящіяся ко времени Юстиніана, напримѣръ, взытіе Антиохіи Сассанидскимъ царемъ Хозроемъ Нуширваномъ (въ 542 году). Правда, что въ латинскомъ переводѣ хроники Малалы, сдѣланномъ Чайлмидомъ, встрѣчаются мѣста, какъ бы указывающія на современность автора событіямъ времени Юстиніана, но Годи доказываетъ, что эти мѣста внушаютъ такое представленіе только по неточности или неправильности перевода.

Аргументы, приводимые ученымъ XVII столѣтія въ доказательство того положенія, что Малала писалъ позднѣе Юстиніана, не лишены, конечно, смысла, даже и теперь сохраняютъ нѣкоторый вѣсъ; но, кромѣ перваго, они ослабляются тѣмъ соображеніемъ, что, какъ теперь яснѣе раскрылось, трудъ Малалы въ Оксфордскомъ спискѣ сохранился не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, что помимо пропавшихъ листовъ въ концѣ, въ немъ есть пропуски и по срединѣ. Отчасти приводило къ догадкѣ о пропускахъ и сравненіе греческаго

подлинника со славянскимъ переводомъ, когда онъ сдѣлался извѣстнымъ — впрочемъ первоначально только русскимъ ученымъ; но болѣе важныя открытія, какъ видно будетъ ниже, относятся къ самому новому времени. Пропуски и ошибки могутъ принадлежать не первоначальному оригиналу, а переработкѣ или сокращенію.

Совсѣмъ неудачны были дальнѣйшія разсужденія Годія. Онъ старается доказать, что Малала, мало того, что не былъ современникомъ Юстиніана, но и принадлежалъ къ гораздо позднѣйшей эпохѣ, что онъ жилъ не ранѣе VIII вѣка, скорѣе даже въ IX вѣкѣ, такъ какъ-де ссылается на хронографа Климента, а этотъ Климентъ будто бы жилъ не ранѣе императора Константина Погоната († 685). На чемъ основано послѣднее предположеніе? Въ хронологическихъ замѣткахъ о Константинопольскихъ древностяхъ (*Enagtionες хроπολογісае*), тогда извѣстныхъ по изданію Ламбеція, сказано, что извѣстнаго рода статуи Климентъ считалъ произведеніемъ Констанція, сына Константина (см. *Vanduri, Imperium orientale I, 102*) Обыкновенно разумѣютъ здѣсь Константина Великаго и его сына императора Констанція, и конечно, справедливо. На основаніи нѣкоторыхъ ухищренныхъ соображеній, Годи полагаетъ, что подъ Константиномъ слѣдуетъ разумѣть Константина Погоната. Рядомъ съ Климентомъ у Малалы приводится нѣсколько разъ имя Теофила сего Теофила Годи вздумалъ отождествлять съ какимъ-то маронитомъ этого имени, уроженцемъ Едессы, упомянутымъ у Абульфараджа, и написавшимъ какое-то сочиненіе на сирійскомъ языкѣ около 785 года. Годію, вѣроятно, было не извѣстно существованіе другаго Теофила, составителя Пасхальнаго цикла около 380 года, находимаго въ рукописяхъ вслѣдъ за *Fasti Idatiani*¹⁾; по характеру цитатъ нужно предполагать именно такое произведеніе, но, конечно, оно будетъ гораздо болѣе раннимъ. Тимоеей, именуемый у Малалы въ товариществѣ съ Климентомъ и Теофиломъ, упомянутъ въ Фастахъ Идація подъ 390 годомъ²⁾. На этихъ самыхъ Климента, Теофила и Тимоеея ссылается Гезихій въ отрывкѣ, который сохраненъ для насъ Анастасіемъ Синаитомъ и представляетъ большое сходство съ текстомъ Малалы. Если Гезихія цитовалъ Анастасій Синаитъ, то значитъ, Гезихій жилъ и писалъ не позже Маврикія, при которомъ жилъ

¹⁾ *Holder-Egger, Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts, Neues Archiv II, 70, 71, 84.*

²⁾ *Ibid., II, 70. Ср. Soerat. eccles. histor. IV, 27, V, 12.*

последній. Простекающее отсюда возраженіе противъ его соображеній о времени Θεофила и Климента Годи стараетсяъ устранить тѣмъ замѣчаніемъ, что имѣющійся въ виду фрагментъ Гезихія находится не въ самомъ текстѣ Анастасія, а въ приложеніи, гдѣ будто бы есть вставки; онъ готовъ доказывать, что Гезихій тоже былъ писатель гораздо болѣе поздній, чѣмъ думаютъ, IX приблизительно вѣка, такъ что тотъ отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Θεофилѣ и Климентѣ, онъ могъ заимствовать у Малалы, своего современника. Все это весьма произвольно ¹⁾.

Самый характеръ сочиненія, по мнѣнію Годія, свидѣтельствуетъ о принадлежности его къ очень позднему вѣку, къ чисто византійскому періоду. Нашъ авторъ до такой степени лишенъ прямого смысла и чуждъ здраваго человѣческаго сужденія, до такой степени пусть и мелоченъ, такъ дорожитъ всякимъ вздоромъ, что къ нему вполне идутъ слова Скалигера, сказанныя о другомъ хронистѣ Кедринѣ: *quisquiliarum stabulum*, куча сору. Такъ не могъ писать современникъ Юстиніана, современникъ Прокоція и Агаѳія, писателей, еще сохранявшихъ лучшія преданія классическаго искусства; такой писатель достоинъ развѣ только IX вѣка, одного изъ наиболѣе темныхъ и печальныхъ въ исторіи. Самый слогъ и языкъ носятъ печать варварства, чужды всякаго изящества, еще не утраченнаго въ вѣкѣ Юстиніана. Эти замѣчанія Годія не лишены основательности, хотя противъ нихъ высказался уже Рейске, филологъ XVIII вѣка (издатель *De serimoniis* Константина Багрянороднаго, см. ниже): Годію не слѣдовало забывать, что онъ имѣетъ дѣло не съ урожденнымъ грекомъ, а жалкимъ сирійцемъ, homo Syrus; а съ другой стороны, развѣ въ IX вѣкѣ въ Сиріи преобладалъ не арабскій языкъ, а сирійскій, и развѣ тогда могли еще даваться прованія на сирійскомъ языкѣ? Годію слѣдовало бы сравнить по языку своего Малалу съ Іоанномъ Антиохійскимъ, но онъ этого не сдѣлалъ; новѣйшій изслѣдователь вопроса пришелъ такимъ путемъ къ весьма важнымъ выводамъ, отчасти въ такомъ же направленіи, какъ въ *Prolegomena* Годія ²⁾.

¹⁾ Къ удивленію нашему, и Гельцеръ въ превосходномъ своемъ изслѣдованіи объ Африканѣ склонился къ мнѣнію, что Гезихій, по его представленію, жившій ранѣе Юстиніана и Маврикія, заимствовалъ данное мѣсто у Малалы. *Gelzer, Sextus Iulius Africanus* (Leipzig. 1880), II, 132

²⁾ Не ясно, къ какому времени Годи относитъ Іоанна Антиохійскаго. Онъ приводитъ одно мѣсто изъ Тцетцеа (*Chilad.* II, v. 30—34), гдѣ упоминаютъ

Затѣмъ Годи старается отклонить возможные и предусматриваемыя имъ возраженія противъ своего тезиса о принадлежности Малалы IX вѣку. Противъ этого можетъ говорить: 1) подробность и хронологическая обстоятельность въ повѣствованіи о времени Юстиніана и приуроченій отдѣльныхъ событій не только къ годамъ, но къ мѣсяцамъ и днямъ; 2) то обстоятельство, что Малала не называетъ Юстиніана Старшимъ или Великимъ (что именно первоначально и означало только старшинство предъ позднѣйшимъ соименникомъ), какъ обязанъ былъ бы сдѣлать, еслибы имѣлъ въ виду еще позднѣйшее правленіе Юстиніана Ринотмета (VII вѣка); 3) то, что на Малалу ссылается Іоаннъ Дамаскинъ въ третьей книгѣ своего сочиненія о поклоненіи иконамъ, а извѣстно, что Дамаскинъ принадлежитъ къ VIII вѣку, никакъ не къ девятому, и наконецъ, 4) то, что въ Пасхальной хроникѣ, составленной въ VII столѣтіи, во время Ираклія, уже встрѣчаются явныя заимствованія изъ Малалы. Противъ этого Годи замѣчаетъ: 1) подробность и обстоятельность Малалы въ описаніи царствованія Юстиніана объясняется не тѣмъ, что онъ былъ современникомъ сего государя, а только тѣмъ, что пользовался современными и хорошими источниками; 2) если онъ не называетъ Юстиніана I Старшимъ или Великимъ, то это чисто случайное явленіе, не имѣющее значенія—въ виду того, что и Юстина I, предшественника Юстиніанова, онъ не называетъ Старшимъ или Великимъ, хотя, конечно, дожилъ до времени втораго Юстина, непосредственнаго преемника Юстиніанова; 3) принадлежность третьей книги объ иконахъ Іоанну Дамаскину сомнительна, ибо есть много другихъ произведеній, ложно подписываемыхъ именемъ Дамаскина.

Если первые два отвѣта на предполагаемыя возраженія можно признать правильными, то третій, сейчасъ приведенный, не состоятеленъ. Третья книга Дамаскина совсѣмъ не отличается по содержанию отъ предыдущей второй; но еслибы даже она и не принадлежала Іоанну Дамаскину, то отъ этого никакой пользы Годию нельзя было,

Іоаннъ изъ Антиохіи послѣ Діодора и хронографа Георгія, и готовъ принять въ очень точномъ смыслѣ выраженія византійскаго стихоплета (ὁστέρως), изъ котораго выходитъ, что Іоаннъ Антиохійскій жилъ послѣ Георгія — Синкелла, думаетъ Годи, то-есть, опять въ IX вѣкѣ; но на этомъ соображеніи не останавливается, такъ какъ оно важно только для тѣхъ, кто полагаетъ, что у Третца подъ Іоанномъ изъ Антиохіи разумѣется Малала, а самъ Годи этого не думаетъ и потому ограничивается только тѣмъ, что рекомендуетъ аргументъ на всякій случай своимъ читателямъ, не вполне во всемъ съ нимъ согласнымъ

по настоящему, извлечь для своихъ цѣлей, потому что, какъ послѣ указалъ Лекъенъ (1, 306, а за нимъ Диндорфъ), обѣ книги—вторая и третья—написаны во всякомъ случаѣ при Львѣ Исаврѣ, послѣ изложенія патріарха Германа, но прежде чѣмъ противъ царя произнесено было на востокѣ рѣшительное осужденіе. 4) О Пасхальной хроникѣ—Годій разсуждаетъ такъ, что вѣдь и въ ней замѣчаются различныя составныя части, и есть въ ней позднѣйшія большія вставки, слѣдовательно, и то, что есть въ ней общаго съ Малалою, могло быть вставлено позднѣе; притомъ нужно припомнить, что и самъ Малала списывалъ у другихъ, какъ это видно изъ несообразностей въ изложеніи, хотя и подробномъ, царствованія Юстиниана; Пасхальная хроника могла случайно напасть на тѣ же источники, которыми пользовался и Малала, если ей еще рано было заимствоваться прямо у Малалы. Нѣкоторую благовидность такому явно неправдоподобному предположенію придаетъ то наблюденіе, сдѣланное Годіемъ и доказывающее его провицательность и внимательность изученія, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ общаго съ Малалою содержания Пасхальная хроника отличается, при буквальномъ сходствѣ выраженій, все-таки большею полнотою разказа и большею его послѣдовательностью. Но и это наблюденіе не послужитъ въ пользу тезиса, защищаемаго Годіемъ, какъ скоро мы допустимъ, что авторъ Пасхальной имѣлъ въ своихъ рукахъ лучшую, болѣе полную и болѣе первоначальную редакцію Малалы, чѣмъ та, которую намъ сохранилъ списокъ Водлеевой библіотеки.

Вопросъ о Малалѣ вступилъ въ новую стадію послѣ появленія (въ 1872 г.) статьи Моммсена „Объ отрывкахъ Іоанна Антиохійскаго и Іоанна Малалы“¹⁾, въ которой сообщены были въ болѣе полномъ видѣ отчасти уже приведенные въ извѣстность (Muller, *Fragm. Historie. graec. t. V*) фрагменты обоихъ, вновь найденные въ Мадритскомъ кодексѣ. Мадритскій кодексъ содержитъ въ себѣ очень рѣдкій въ рукописяхъ отдѣлъ (титულъ) Извлеченій Константина Багрянороднаго изъ предшествовавшихъ писателей, именно отдѣлъ о заговорахъ (*περί ἐπιβουλῶν*), и вотъ—нѣкоторые случаи, могущіе подойти подъ категорію заговоровъ и относящіеся ко времени Юстиниана, заимствованы здѣсь изъ Малалы. Непосредственно выше читаются отрывки изъ Іоанна Антиохійскаго—безъ особаго указанія, гдѣ кон-

¹⁾ *Th. Mommsen*, Bruchstücke des Johannes von Antiochia und des Johannes Malalas: *Hermes* VI (1872), 323—383.

чаются одни и начинаются другіе, ибо въ рукописи въ промежуткѣ оставлено только пустое мѣсто, а предполагаемаго заглавія, для слѣдующаго за Іоанномъ Антиохійскимъ писателя нѣтъ. Есть только заглавіе въ началѣ отрывковъ Іоанна Антиохійскаго, указывающее имя этого писателя, и есть замѣчаніе въ концѣ отрывковъ изъ другаго писателя, указывающее, что здѣсь конецъ исторіи Іоанна по прозванію Малалы о заговорѣ (τέλος — — περί ἐπιβουλῆς). Другими словами: нѣтъ замѣтки о томъ, что въ данномъ пунктѣ кончилась исторія Іоанна Антиохійскаго, и нѣтъ другой замѣтки тутъ же, что начались выписки изъ Малалы; тѣмъ не менѣе, кромѣ оставленнаго чистаго мѣста въ промежуткѣ, о раздѣльности частей свидѣтельствуеъ и хронологическій поворотъ назадъ въ стагяхъ, слѣдующихъ за пробѣломъ и оканчивающихся означенною замѣткою объ окончаніи исторіи Малалы. Это обстоятельство не лишено значенія. и потому мы его отмѣтили. Но главнымъ образомъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее: фрагменты Іоанна Антиохійскаго, давно извѣстнаго и отличнаго отъ Малалы хронографа, къ сожалѣнію, совсѣмъ не дошедшаго до насъ въ самостоятельномъ, отдѣльномъ видѣ, простираются въ Мадритскомъ кодексѣ далѣе времени Юстиніана и Юстина II; тутъ оказываются три статьи, относящіяся къ императору Маврикію и двѣ къ императору Фокѣ. Отчего же извлеченія изъ Малалы, первоначально параллельныя, не идутъ столь далеко? Очевидно, потому, что Малала не разказывалъ о томъ, о чемъ разказывалъ Іоаннъ Антиохійскій. Вѣдь компиляторы, работавшіе для Константина Багрянороднаго, не стѣснялись повторять одно и то же по содержанію, напротивъ съ особенною охотою сообщали различныя, даже совершенно близкія, версіи одного и того же разказа у различныхъ писателей; есть много событій изъ предыдущаго времени, о которыхъ намъ самыя Извлеченія даютъ возможность знать и по Іоанну Антиохійскому, и по Малалѣ. Поэтому, казалось, съ полнымъ правомъ Моммсенъ указывалъ на то, что мадритскіе отрывки независимо отъ оксфордской рукописи (не имѣющей, какъ мы знаемъ, конца) даютъ возможность отвѣчать на оба вопроса, и притомъ вполне достоверно: и чѣмъ кончилъ свою исторію Малала, и когда онъ жилъ. Хотя отрывки идутъ нѣсколько далѣе въ предѣлахъ царствованія Юстиніана, чѣмъ нашъ оксфордскій текстъ, но только на нѣсколько лѣтъ, и очень вѣроятно, что пробѣлъ въ концѣ кодекса восполняется ими почти вполне. А что авторъ ихъ жилъ вскорѣ послѣ Юстиніана, всего скорѣе при Юстинѣ II, это стано-

вится еще болѣе, чѣмъ прежде, очевиднымъ изъ самаго характера фрагментовъ. Именно Моммсенъ указалъ на то еще болѣе важное обстоятельство, что Константиновы извлеченія изъ Малалы особенно въ концѣ, то-есть, въ восемнадцатой книгѣ его истории, представляютъ текстъ во многомъ отличный отъ оксфордскаго, и притомъ не то чтобы болѣе сжатый, а напротивъ болѣе полный и подробный, и несравненно болѣе исправный, чѣмъ текстъ прежде напечатанный Годиємъ. Въ этомъ видѣ извѣстія Малалы становятся несравненно болѣе цѣнными, несятъ на себѣ всѣ признаки современности и во всякомъ случаѣ являются самостоятельными, такъ какъ инныя изъ нихъ ни у кого другаго изъ болѣе раннихъ писателей не встрѣчаются. Что же касается отношенія къ позднѣйшимъ хроникамъ, то при сравненіи мадритскихъ отрывковъ съ соотвѣтствующими мѣстами Теофана, который несомнѣнно пользовался Малалой, на первый взглядъ представлялось, что отрывки содержатъ въ себѣ именно ту редакцію или тотъ текстъ, какой былъ подъ руками у Теофана, потому что сходство между вновь отысканными фрагментами и Теофаномъ несравненно больше, чѣмъ сходство между оксфордскимъ текстомъ Малалы и Теофаномъ. Послѣдовалъ рядъ статей, въ которыхъ указанія Моммсена получили дальнѣйшее развитіе. Одинъ изъ ученыхъ подвергъ точному изслѣдованію оксфордскій (Бароччанскій) кодексъ и убѣдился, что находящіяся въ немъ пробѣлы — такія есть не только въ концѣ, но и въ срединѣ, — произошли просто отъ выпаденія листовъ въ разныхъ мѣстахъ, и что въ самомъ концѣ утрачено, судя по внѣшнимъ признакамъ, очень не многое, такъ что и по матеріальнымъ даннымъ разказъ не могъ выходить изъ предѣловъ времени Юстиняна ¹⁾). Другой ученый продолжалъ сравненіе Теофана съ Малалой по отрывкамъ и старался наглядно доказать ближайшее сходство именно между ними и текстомъ Теофана, откуда и заключалъ, что Теофанъ пользовался болѣе полною редакціей Малалы, чѣмъ изданная по оксфордскому списку, что послѣдній представлялъ уже переработку и сокращеніе первоначальной редакціи; сверхъ того, этотъ ученый считалъ возможнымъ прослѣдить, до какого именно пункта достигаетъ у Теофана пользованіе Малалой, чтобы этимъ путемъ въ то же время рѣшить вопросъ о пунктѣ, на которомъ оканчивалось сочиненіе Малалы, и результатъ оказывался совпадающимъ съ тѣмъ, что думали

¹⁾ К. Joh. Neumann, Der Umfang der Chronik des Malalas in der Oxforder Handschrift: *Hermes* XV, 351.

прежде и что вновь высказалъ Моммсенъ ¹⁾. Третій нѣмецкій изслѣдователь наконецъ вывелъ на сцену давно извѣстный русскимъ ученымъ старославянскій переводъ Малалы, о которомъ прежде предполагалось, что онъ можетъ содѣйствовать къ восполненію недостающаго въ подлинникѣ начала и къ исправленію недостатковъ Оксфордскаго изданія ²⁾. Болѣе точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ русской наукѣ и нѣкоторыя важныя указанія для дальнѣйшей разработки вопроса сообщены были по этому поводу И. В. Ягичемъ ³⁾. На основаніи этой

¹⁾ *L. Jeep. Die Lucken in der Chronik des Malalas; Rheinisches Mu cum für Philologie XXXVI (1881), pag. 351—361.*

²⁾ *Herrm. Haupt, Ueber die altslavische Uebersetzung des Joh. Malalas; Hermes XV, 230—275.*

³⁾ *Jagić, Zum altslavischen Malalas; ibid., 335—237.* Цѣльнаго славянскаго перевода Малалы, который сдѣланъ былъ пресвитеромъ Григоріемъ при болгарскомъ князѣ Симеонѣ, до насъ не дошло, а сохранились только его отрывки болѣе или менѣе значительные въ разныхъ сборникахъ. Первый, кто обратилъ на нихъ вниманіе и сдѣлалъ у насъ извѣстнымъ имя Малалы, былъ кн. Оболенскій. Въ своемъ введеніи къ изданному имъ лѣтописцу Перекласса Уздальскаго (*Временникъ* Московскаго Общества исторіи и древностей IX, 1851 г.) онъ описываетъ сборникъ XV вѣка (Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ), содержащій въ себѣ, кромѣ лѣтописи, и значительныя извлеченія изъ хроникъ Малалы, доходящія здѣсь до времени Веспасіана, то-есть, только до десятой книги подлинника. Въ статьѣ князя Оболенскаго приводятся многіе отрывки, сопоставляемые съ греческимъ оксфордскимъ подлинникомъ. Тотъ же самый сборникъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ описывается у И. И. Срезневскаго въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ, LXXXIV (*Записки Императорской Академіи Наукъ* 1879 г., томъ XXIV, приложение). Въ сочиненіи А. Н. Попова, Обзоръ хронографовъ русской редакціи (Москва. 1866) содержатся указанія на мѣста, взятыхъ изъ Малалы въ первый *Еллинскій лѣтописецъ*, и тоже приведены нѣкоторыя статьи. Затѣмъ о Малалѣ говорится въ „Изслѣдованіяхъ и замѣткахъ“ князя М. А. Оболенскаго (С.-Петербургъ. 1875 г.), стр. 144, и здѣсь еще разъ приведены нѣкоторыя выписки стр. 302, 303, 328, 329. Последнія изъ нихъ относятся къ позднѣйшему времени, къ царствованію Юстиніана, и заимствованы изъ Еллинскаго лѣтописца (по синодальной рукописи). Князь Оболенскій замѣтилъ, что въ славянскомъ переводѣ встрѣчаются нѣкоторыя мелкія отличія отъ греческаго текста по Оксфордской рукописи, болѣе сближающія славянскій текстъ съ изложеніемъ Θεοφανα (имена гуннскихъ князей, пропущенныя въ изданіи Годія находятся въ славянскомъ и у Θεοφανα). Наконецъ, въ „Описаніи рукописей Виленской публичной бібліотеки“ *Добрянскаго* (Вильна. 1882) описывается (стр. 246—254) хронографъ, принадлежавшій прежде Супрасльскому монастырю и очевидно родственныи по содержанію съ первою частію сборника Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, то-есть, содержащій въ себѣ извлеченія

статьи можно пока сказать только то, что славянской переводъ отстываетъ на второй планъ въ виду вновь открытыхъ подлинныхъ отрывковъ, и что, помимо начала онъ не представляетъ важныхъ данныхъ и совершенно ясныхъ указаний по поводу возбужденныхъ вопросовъ, то-есть, какъ по вопросу о первоначальномъ текстѣ, такъ и по вопросу объ объемѣ сочиненія Малалы. Тѣ его части, которыя вошли въ составъ Еллинскаго хронографа, все-таки ближе къ тексту Извлеченій Багрянороднаго, чѣмъ къ оксфордской редакціи, хотя есть легкія отличія и отъ перваго. Что же касается важнѣйшаго московскаго списка, представляющаго переводъ Малалы времени Болгарскаго царя Симеона, то, къ сожалѣнію, онъ заключаетъ въ себѣ только начальныя части хроники, гдѣ не представляется возможности сравненія съ текстомъ фрагментовъ. Впрочемъ, на указанныхъ изслѣдованіяхъ дѣло не остановилось. Мы еще должны отмѣтить замѣчательную статью ученаго грека (въ Одессѣ), г. Сотиріадиса объ Іоаннѣ Антиохійскомъ¹⁾. Для вопроса о Малалѣ всего болѣе имѣетъ значеніе критическое разсмотрѣніе тѣхъ отрывковъ мадритской рукописи, которые приписаны Іоанну Антиохійскому и простираются за предѣлы царствования Юстиніана. Вопреки Моммсену, Сотиріадисъ полагаетъ, что они никакъ не могутъ принадлежать Іоанну Антиохійскому, а напротивъ, должны быть отнесены на счетъ Малалы, такъ что вновь прибрѣтенная, казалось, твердая почва опять колеблется. Малалѣ должны принадлежать и тѣ вышеупомянутые фрагменты о царяхъ Маврикіѣ и Фокѣ, что снова отбрасываетъ насъ если не въ IX столѣтіе, какъ хотѣлъ Годій, то по крайней мѣрѣ въ VII, въ эпоху Ираклія. На чемъ же основаны такія заключенія? Внимательно изучивъ отрывки Іоанна Антиохійскаго, несомнѣнно и безспорно ему принадлежащіе, Сотиріадисъ показываетъ убѣдительно и наглядно, что стиль и языкъ этихъ статей совершенно другой, чѣмъ въ статьяхъ о Юстинѣ II, о Маврикіѣ и Фокѣ. Іоаннъ Антиохійскій является писателемъ, не лишеннымъ вкуса, не чуждымъ классическаго образованія; онъ всегда соблюдаетъ требованія чистоты и правильности языка, держится съ успѣхомъ традицій аттической прозы. Если сравнить несомнѣнно ему принадлежащія статьи съ таковыми же статьями Малалы, особенно

изъ Малалы. Отрывокъ о *Соевъ*, составляющій славянскую дополнительную статью и здѣсь приведенный, былъ уже напечатанъ княземъ Оболенскимъ въ предисловіи къ Переяславле-Суздальскому летописцу.

¹⁾ *Georgios Sotiriadis. Zur Kritik des Johannes von Antiochia. Leipzig. 1887.*

однороднаго содержанія, то окажется весьма рѣзкая разница въ изложеніи; въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что тутъ дѣлая пропастъ: вмѣсто чистоты и благородства выраженія являются безпомощная грубость и варварство. Но именно такая же совершенно грубость и варварство отличаютъ и отрывки о Маврикіѣ и Фокѣ, найденные въ мадритскомъ спискѣ и стоящіе въ немъ подъ рубрикою Іоанна Антиохійскаго. Однимъ словомъ, Сотиріадисъ полагаетъ, что тутъ произошла какая-нибудь путаница, какая-нибудь случайная перестановка, вслѣдствіе которой перемѣшаны статьи двухъ писателей, и часть того, что принадлежало Малалѣ, отнесена въ долю Іоанна Антиохійскаго. Съ своей стороны мы должны признаться, что выводы и соображенія ученаго одесскаго грека, не смотря на многія блестящія стороны изслѣдованія, не во всемъ кажутся намъ рѣшительными и вполнѣ убѣдительными. Что отрывки о Юстинѣ, Маврикіѣ и Фокѣ, судя по литературнымъ признакамъ, не могутъ принадлежать Іоанну Антиохійскому, съ этимъ приходится согласиться, но что они принадлежатъ именно Малалѣ, это еще сомнительно. Могло быть и такъ, что Іоаннъ Антиохійскій имѣлъ своего особаго продолжателя, который уже не умѣлъ такъ хорошо писать, какъ онъ самъ, и который, конечно, жилъ позже. Очень обыкновенное дѣло, что продолженіе, особенно если это незначительная по относительному объему прибавка, при позднѣйшемъ пользованіи не отличается отъ основной части дѣлага произведенія. Возможно даже и другое, обратное предположеніе, что именно Іоаннъ Антиохійскій былъ продолжателемъ, оканчивавшимъ хроніку и сообщившимъ ей имя, и что лучше написанная часть сочиненія представляетъ плагиатъ у неизвѣстнаго намъ, болѣе ранняго и болѣе образованнаго автора. Еслибы какимъ-нибудь другимъ путемъ было доказано съ полною очевидностью, что Малала жилъ не ранѣе времени Ираклія, то конечно, не зачѣмъ было бы искать другаго Іоанна, тоже жившаго при Иракліѣ и писавшаго предполагаемое продолженіе. Но развѣ это сдѣлано? Г. Сотиріадисъ, правда, для подкрѣпленія своихъ соображеній, основанныхъ на изученіи языка и стиля, обращается къ старому аргументу Годія—о невозможности, чтобъ уроженецъ Антиохіи и современникъ царствованія Юстиніана говорилъ о событіи, касающемся этого города и этого времени, на основаніи архивныхъ данныхъ. Но сила этого аргумента ослаблена теперь тѣмъ, что самый текстъ Малалы по оксфордскому списку представляется сомнительнымъ относительно своей совершенной подлинности; можетъ быть, позднѣйшій редакторъ

нѣсколько переименовалъ выраженія первоначальнаго автора. Что же касается догадки, что эпитоматоръ Малалы жилъ послѣ 687 года, послѣ распространения болгаръ по Балканскому полуострову, послѣ занятія ими не только Мезии, но и долины Аксія и Гебра (Вардара и Марицы), то эта догадка, сама по себѣ правдоподобная, основана въ диссертацин на весьма непрочномъ фундаментѣ ¹⁾. Окончательный выводъ изъ всего вышеизложеннаго тотъ, что оксфордское изданіе Малалы, повторенное безъ измѣненій и въ боннскомъ, въ настоящее время не удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ, что для рѣшенія всѣхъ вопросовъ критическихъ, а также для доставленія историкамъ возможности пользоваться этимъ источникомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ предполагалось, — прежде всего необходимо новое изданіе, въ которомъ были бы сведены всѣ существующіе въ рукописяхъ фрагменты, а также приняты въ расчетъ извлеченія или заимствованія позднѣйшихъ авторовъ, и равнымъ образомъ славянскій переводъ и славянскія компиляціи ²⁾.

Посланіе Бентли, которымъ сопровождалось изданіе Годія, не касалось собственно Малалы, какъ источника для византийской исторіи, но преимущественно оцѣнивало тѣ свѣдѣнія, какія имъ сообщаются относительно классической литературы: въ этомъ отношеніи нашъ писатель оказался весьма жалкимъ и неумѣлымъ компиляторомъ. Именно письмо Бентли утвердило за нимъ его печальную репутацію. Хотя эта сторона и не входитъ прямымъ образомъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія, мы все-таки считаемъ не лишнимъ познакомить съ со-

¹⁾ Въ настоящемъ текств Малалы (р. 122) встрѣчается сопоставленіе болгаръ съ *мирмидонянами*; г. Сотиріадисъ полагасть, что въ основѣ отождествленія лежитъ географическое тожество мѣстожителства болгаръ и прежнихъ владыкъ Ахиллеса, сына Пелея — въ Фессаліи: но онъ ошибается; Левъ Діаконъ зналъ о пребываніи Ахиллеса съ его мирмидонянами гдѣ-то на берегахъ Чернаго моря и ссылался при этомъ на авторитетъ Арріана — вѣроятно интерполированнаго. Атталавъ (pag. 37) тоже зналъ мирмидонявъ гдѣ-то на сѣверѣ отъ Дуная.

²⁾ Кроме вышеупомянутыхъ статей, слѣдуетъ указать: *Gelser*, S. Iulius Africanus (Leipzig. 1885), гдѣ во второмъ томѣ посвящена глава ветхозавѣтной хронологіи Малалы (pag. 129—138) и статью *Фриха* въ юбилейномъ сборникѣ Курциуса: *Frick*, Zu Malalas. Historisch. und philolog. Aufsätze Ernst Curtius gewidmet (1884). Въ Стразбургскомъ юбилейномъ изданіи 1888 года. Festschrift zur Feier des 350 jährigen Bestehens des protestantischen Gymnasiums (zu Strasburg), II Theil, появилась статья: *M. Erdmann*, Adversaria critica in Malalae chronographiam, но мы пока знаемъ о ней только по объявленіямъ въ нѣмецкихъ журналахъ.

держаніемъ знаменитаго произведенія, положившаго основаніе ученой славы англійскаго филолога ¹⁾. Бентли замѣчаетъ, что вопросы о личности автора и времени, когда онъ жилъ, не входятъ въ его область, и онъ предоставляетъ ихъ Годію, а самъ прямо переходитъ къ тексту хроники. Малала смотрѣлъ на греческую мифологию какъ на дѣйствительную исторію дѣйствительныхъ событій и включалъ ея указанія въ свой разказъ, сплетая ихъ съ другими нитями аттическаго преданія. Перечисливъ рядъ баснословныхъ царей Аттики, Малала продолжаетъ: „Вскорѣ затѣмъ былъ Гедеонъ судьей въ Израилѣ и жилъ знаменитый поэтъ Орфей изъ Фракіи“, а вслѣдъ затѣмъ цитуетъ изъ мистической теологіи Орфея, между прочимъ, одно предложеніе, которое, хотя и состоитъ изъ обыкновенныхъ словъ, но совершенно непонятно. Бентли останавливается на этомъ предложеніи и показываетъ, что въ сильно испорченныхъ словахъ греческаго текста скрываются имена трехъ мистическихъ боговъ позднѣйшей орфической системы, символизирующихъ совѣтъ, свѣтъ и жизнь (Μῆτιν, Φάνητα, Ἐρηχταῖον). Онъ доказываетъ эту сколько остроумную, столько же вѣрную эмендацію ссылкой на одно мѣсто Дамасція, послѣдняго замѣчательнаго новоплатоника (въ началѣ VI вѣка), который написалъ сочиненіе „Вопросы и отвѣты о первыхъ началахъ“, гдѣ онъ давалъ очеркъ мистическихъ ученій: такъ какъ изъ этого сочиненія еще ничего не было издано, то Бентли цитуетъ его по рукописи Оксфордскаго университета. Далѣе онъ разсматриваетъ рядъ подложныхъ (свиллинскихъ) изреченій оракуловъ, которыя Малала передаетъ κοινῆ διαλέκτῃ—въ общедоступной прозѣ, и показываетъ, что приведенныя сирійцемъ совершенно сходны съ найденными имъ, Бентли, въ Оксфордской библиотекѣ „Изреченіями и богоученіями еллинскихъ философовъ“ (χρησμοὶ καὶ θεολογία). Послѣ того Бентли обращается къ тѣмъ мѣстамъ хроники, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія объ аттическихъ драматургахъ; онъ доказываетъ неподлинность одного фрагмента, приписываемаго Софоклу, въ которомъ говорится о единствѣ божества и неправильномъ его почитаніи у грековъ; перебираетъ всѣ случаи, гдѣ Малала упоминаетъ объ Еврипидѣ, подтверждаетъ, либо поправляетъ, сообщаемыя византійцемъ заглавія многихъ потерянныхъ пьесъ Еврипида, исправляетъ по пути многія мѣста изъ поэта, которыя ему приходится приводить. Полнота и глубина обширнаго и чрезвычайно много-

¹⁾ Ср. Jebb, Richard Bentley. London 1882 (одинъ изъ томовъ сборника: English men of letters).

сторонняго знанія характеризуютъ какъ все письмо, такъ особенно этотъ отдѣлъ: слѣдующій примѣръ покажетъ это наглядно. Малала говоритъ: „Еврипидъ написалъ драму Пазифая“. Бентли (pag. 685, Vopp.) замѣчаетъ: „Я говорю не на вѣтеръ, когда утверждаю, что никто изъ древнихъ не упоминаетъ „Пазифанъ“ Еврипида“. Комикъ Алкей дѣйствительно сочинилъ пьесу съ этимъ наименованіемъ, и она была представлена въ одинъ день съ Плутосомъ Аристофана. Затѣмъ справедливо, прибавляетъ Бентли,—что исторія Пазифай въ самомъ дѣлѣ была трактована въ одной изъ потерянныхъ трагедій Еврипида „Критянки“, что доказывается ссылкой на схоласта къ Аристофановымъ „Лягушкамъ“. Однако и самъ схоластъ требуетъ поправки, когда онъ говоритъ, будто Еропа (Аегоре) встрѣчается въ Критянахъ Еврипида; онъ смѣшалъ Критянь съ другою потерянною трагедіей Еврипида „Критянки“; въ одной рѣчь шла объ исторіи Икара и Пазифай, въ другой—объ Атреѣ, Эгестѣ и Еропѣ. Порфирій цитуетъ въ своей книгѣ О воздержаніи девять стиховъ изъ одной Еврипидовой трагедіи, обращенныхъ отъ лица хора къ Миносу; эти испорченные стихи исправлялъ и переводилъ Гуго Гроцій въ своихъ извлеченіяхъ (Excerpta) изъ греческихъ трагиковъ и комиковъ, считая ихъ заимствованными изъ „Критянокъ“: Бентли (мимоходомъ поправляя одного грамматика) доказываетъ, что они могутъ вести свое происхожденіе только изъ „Критянокъ“, затѣмъ переходитъ къ латинскимъ стихамъ Гроція и размѣру ихъ и показываетъ, что всѣ безъ исключенія филологи, начиная Гроціемъ и не исключая самого Скалигера, не имѣли надлежащаго точнаго понятія о законахъ латинскаго анапеста, хотя и часто пользовались этимъ размѣромъ, при семъ случаѣ Бентли впервые устанавливаетъ нѣкоторые законы латинскаго стихосложенія.. Еще разъ Бентли возвращается къ фрагменту „Критянокъ“ у Порфирія, съ которымъ не умѣлъ справиться Гроцій, и въ свою очередь восстанавливаетъ надлежащее чтеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ несомнѣнною вѣрностью, въ другихъ слишкомъ поспѣшно. Но онъ еще не покончилъ со стихами: кипарисъ въ нихъ представляется какъ туземное на Критѣ растеніе, и это служитъ поводомъ къ тому, что Бентли приводитъ изъ Плинія, Теофраста, Солина мѣста, сюда относящіяся и требующія объясненія. Малала упоминаетъ о потерянномъ Еврипидовомъ „Мелеагрѣ“; Бентли, приведя другое мѣсто изъ этой пьесы, сохраненное Гезихіемъ, пользуется представившимся случаемъ, чтобы подробно указать причины порчи текста, многихъ искаженныхъ чтеній, встрѣчающихся въ лексиконѣ Гезихія, и это есть одна изъ болѣе

значительных частей письма. Часто приходится Бентли исправлять собственные имена, испорченные Малалюю. Хронистъ называетъ, какъ первыхъ драматурговъ, Эемиса, Миноса, Авлея; Бентли показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду Эесписа, Иона Хиосскаго и Эсхила и т. д. Письмо заканчивается нѣсколькими замѣчаніями о написаніи имени Малелы или Малалы.

Есть небольшое сочиненіе одного стариннаго автора, занимавшагося критико-библиографическими трудами по церковной исторіи, подъ такимъ заглавіемъ: „О несчастной долѣ византійскаго писателя Генесія относительно изданія его труда“ ¹⁾. Этотъ Генесій есть довольно важный источникъ для исторіи Византіи въ IX вѣкѣ, и писалъ онъ по внушенію императора Константина Багрянороднаго. Сочиненіе его сохранилось въ единственной рукописи, которая издавна находится въ Лейпцигѣ; она писана на пергаменѣ и должна быть считаема очень древнею. Еще въ XVII вѣкѣ обратилъ вниманіе на хронику Генесія Андрей Бозе (1626—1674 гг.), профессоръ исторіи въ Іенскомъ университетѣ; выпуская въ свѣтъ свое разсужденіе о свидѣтельствѣ еврейскаго писателя Юсіфа Флавія о Христѣ, онъ заявилъ намѣреніе издать эту хронику ²⁾.

Изъ переписки Бозе съ современною филологическою знаменитостію, Рейнезомъ, извѣстнымъ своими эпиграфическими трудами, мы видимъ, что Бозе очень усердно и очень долго носился съ этимъ планомъ, и все оказывались какія-нибудь препятствія ³⁾. То онъ боялся, чтобъ его не предупредили во Франціи и справлялся черезъ Ламбека, извѣстенъ ли такой писатель издателямъ Луврской коллекціи; то являлись опасенія со стороны Бельгии ⁴⁾. Но вотъ Бозе увѣрился, что другаго экземпляра нигдѣ не оказывается; что даже въ Итали не слыхали о Генесіѣ; напротивъ, изъ Парижа, отъ Ф. Лабба и Дю-Шюи, которые чрезвычайно заинтересовались хроникой по сообщеннымъ туда выдержкамъ, получено было предложеніе включить

¹⁾ *Oudin*, De adversa Fortuna Iosepho Genesis, historiae Byzantinae scriptori, quoad operis editionem—въ *Commentar. de scriptorib. ecclesiastic.* II, 435. Повторено въ изданіи *Histoire critique de la Republique des lettres*, t. XV, № 5.

²⁾ *Diatriba de testimonio Flavii Iosephi*. Бозе больше извѣстенъ своими трудами по государственнымъ наукамъ: см. о немъ *Wegele*, *Geschichte Deutsch. Historiogr.*, p. 535. *Bursian*, *Gesch. der classisch. Philologie*, p. 335.

³⁾ *Thomae Reinesii et I. Andr. Vossii virorum celeberrimorum epistolae mutuae*. *Luci dat Schmidius*. Ienae. 1700 (есть въ Императорской Публичной Библиотекѣ).

⁴⁾ *Pag. 17. De Genesis non est quod metuum, ne praeveniar ab editore alio et cet.* Ср. *pag. 104*. Оба письма писаны въ 1653 году.

открытаго автора въ Парижское собраніе. Чего бы лучше? Но Бозе почему-то находилъ, что нельзя довѣрять французамъ, тѣмъ болѣе, что свой нѣмецкій книгопродавецъ предлагалъ нужное содѣйствіе. Съ другой стороны, если книга выйдетъ въ Германіи, то это не понравится французамъ, и тогда издателю придется испытать ихъ недоброжелательство ¹⁾. Рейнезъ, съ которымъ Бозе совѣтовался въ столь затруднительномъ своемъ положеніи, не понималъ, чего онъ страшится со стороны галловъ. Если бояться всякаго малѣйшаго порицанія, то совсѣмъ не слѣдуетъ браться за какое-либо литературное дѣло и нужно отказаться отъ всякихъ стремленій къ славѣ. Если французы вздумаютъ перепечатать изданіе, то конечно, они не скроютъ имени перваго издателя; они навѣрное не откажутъ и въ своихъ похвалахъ, если трудъ будетъ того достоинъ, если Бозе хорошо справится съ дѣломъ... Рейнезъ говорилъ даже о заслугахъ предъ потомствомъ и совѣтовалъ не покидать дѣла, послѣ того какъ столько разъ даваемы были обѣщанія ²⁾. Послѣ нѣкотораго промежутка времени у Бозе опять возникли мучительныя сомнѣнія: какой-то пріятель сообщилъ ему, что въ Римѣ отыскался другой экземпляръ Генесія, что копія съ него снята Голстеномъ и отправлена въ Парижъ. Если такъ, то слѣдуетъ совсѣмъ отказаться отъ предпріятія; Бозе собирався писать Лаббу, чтобы получить точныя свѣдѣнія ³⁾. Когда, по истеченіи еще нѣкотораго срока, Рейнезъ, кажется, не безъ ироніи, спрашивалъ, чтò дѣлается съ Генесіемъ, то Бозе отвѣчалъ, что его все продолжаетъ смущать молва о римской копіи, посланной въ Парижъ Голстеномъ, и оттого онъ не могъ записаться съ надлежащимъ усердіемъ приготовленіемъ своего изданія ⁴⁾. Такъ на этомъ все и остановилось: какъ римская копія, такъ и проекты Бозе, оказались праздною мечтою.

По смерти Бозе (въ 1674 г.), его копія съ лейпцигскаго подлинника съ краткими примѣчаніями Рейнезія поступила, согласно завѣщанію бывшаго профессора, вмѣстѣ со всѣми его книгами въ бібліотеку Іенскаго университета. Преемникъ Бозе по кафедрѣ, Георгъ Шубартъ тоже собирався издавать Генесія, но не исполнилъ своего обѣщанія; то же самое повторилось съ Кюстеромъ, издателемъ Свиды и Аристофана, очень извѣстнымъ и знающимъ филологомъ, помощни-

¹⁾ Pag. 164 (anno 1654).

²⁾ Pag. 167.

³⁾ Pag. 170.

⁴⁾ Pagg. 177, 179 (anno 1654).

комъ Фабриція въ изданіи его „Библіотеки“. Потомъ много хлопоталъ объ изданіи Генесія Готфридъ Вагнеръ, пасторъ въ Лейпцигѣ, но преждевременная смерть его помѣшала осуществленію возбужденныхъ ожиданій. Еще встрѣчается одно имя, съ которымъ были соединены тщетныя надежды: Готфр. Олеарій (Olearius, собств. Oehlschlager, 1672—1715 гг.): къ нему именно обращался Удень (Oudin) съ своими увѣщаніями, припоминая печальную судьбу, которая до сихъ поръ преслѣдовала Генесія. Наконецъ взялся за дѣло Стефанъ Берглеръ (Bergler), главный помощникъ Фабриція при составленіи *Bibliotheca graeca*, одинъ изъ лучшихъ въ свое время знатоковъ греческаго языка и литературы, но человѣкъ безпорядочнаго поведенія, склонный къ пьянству и оттого постоянно находившійся въ стѣсненномъ положеніи: не смотря на свои таланты и познанія, онъ часто вынужденъ бывалъ зарабатывать себѣ средства къ жизни корректурною работою у книгопродавцевъ; переселялся изъ Лейпцига въ Амстердамъ, въ Гамбургъ къ Фабрицію и снова возвращался въ Лейпцигъ; его работы надъ Геродотомъ и Аристофаномъ, отличавшіяся большими достоинствами, не могли быть изданы имъ самимъ и попали въ другія руки. Нѣчто подобное произошло и съ Генесіемъ. Берглеръ отыскалъ подлинную лейпцигскую рукопись, приготовилъ переводъ греческаго текста на латинскій языкъ, присоединилъ небольшое количество примѣчаній, впрочемъ—довольно торопливыхъ и поверхностныхъ; изданіе не было имъ выпущено въ свѣтъ. Самъ Берглеръ переселился въ Бухарестъ, въ качествѣ секретаря и учителя при дѣтяхъ господаря Валахи, Маврокордато, откуда еще присылалъ сообщенія о рукописяхъ бібліотеки этого мецената, но послѣ его смерти (въ 1730 г.) удалился въ Константинополь, и тамъ совсѣмъ исчезъ: былъ слухъ, что онъ даже потурчился, то-есть, принялъ магометанство ¹⁾. Работа Берглера надъ Генесіемъ, однако, не пропала: его бумаги достались І. Бурхардту Менке (Joh. Burkhard Mencke, 1674—1732 гг.), профессору исторіи въ Лейпцигѣ, извѣстному издателю *Acta eruditorum* ²⁾. Менке отъ своего имени предложилъ готовый трудъ Берглера издателямъ венеціанской коллекціи византійцевъ, въ числѣ коихъ находился книгопродавецъ Паскуале (Pasquale). Менке обѣщалъ приложить обширное предисловіе, біографію Генесія, точное описаніе оригинальной рукописи; однако ничего этого не было сдѣ-

¹⁾ О Берглерѣ см. *Bursian, Gesch. der Philologie*, p. 364.

²⁾ О Менке: *Wegele, pag. 567, Bursian, p. 356—364.*

лано. Хотя послѣ Бурхарда Менке въ бумагахъ остались готовые замѣтки, по которымъ его сынъ составилъ какіе-то комментаріи, но вслѣдствіе своей беззаботности и невнимательности венеціанскіе издатели не приняли мѣръ для того, чтобы воспользоваться ими. Въ рукахъ Паскуале была только работа Берглера, то-есть, греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ и краткими примѣчаніями, и въ этомъ видѣ изданъ былъ Генесій, безъ всякаго упоминанія о Берглерѣ, притомъ изданъ весьма небрежно даже въ типографскомъ отношеніи, такъ что текстъ изобиловалъ опечатками. Къ изданію приложены были примѣчанія Бозе и Рейнезия. Такимъ образомъ безъ малѣйшей выгоды для дѣла, а напротивъ съ большимъ для него ущербомъ Генесій, котораго желали издать еще Лаббъ съ товарищами, дождался вмѣсто парижской коллекціи венеціанской, происшедшій отсюда вредъ и до сихъ поръ остается не исправленнымъ.

Первостепенное по своему значенію для изученія самой характеристичной стороны византійскаго быта сочиненіе „О придворномъ чинѣ“ или какъ оно называется по латыни О церемоніяхъ (*De cerimoniis*), приписываемое императору Константину Багрянородному, дошло до насъ, подобно хроникѣ Генесія, въ единственномъ спискѣ, и этотъ списокъ скрывался отъ взоровъ ученыхъ людей до восемнадцатаго столѣтія: издатели французской коллекціи византійцевъ, а въ числѣ ихъ и самъ Дюканжъ, не имѣли никакого понятія о существованіи такого сочиненія. Какую богатую жатву могъ бы онъ иначе собрать здѣсь для своего греческаго Глоссарія и сколько средневѣковыхъ греческихъ выраженій и терминовъ нашли бы здѣсь себѣ болѣе отчетливое и полное объясненіе! Сколь драгоценны были бы для топографіи Константинополя многочисленныя указанія на положеніе и взаимное отношеніе различныхъ церквей и дворцовъ съ ихъ отдѣленіями, содержащіяся въ описаніяхъ многообразныхъ императорскихъ процессій и выходовъ! Въ первыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія оказалось, что книгу, которая заключаетъ въ себѣ столь великую драгоценность, владѣеть нѣкто Конрадъ Уффенбахъ, членъ городского сената въ Франкфуртѣ на Майнѣ; онъ сообщилъ о кодексѣ свѣдѣнія Альберту Фабрицію, который и помѣстилъ таковыя въ первомъ изданіи его знаменитаго библиографическаго труда „*Bibliotheca graeca*“ (vol. VI, 622—640, по изданію 1705—1714 гг.). Отсюда можно было узнать, что кодексъ писанъ на пергаменѣ хорошимъ и древнимъ почеркомъ приблизительно XI столѣтія, что онъ отлично сохранился, за исключеніемъ одной утраченной тетради

(quaternio) и нѣсколькихъ отдѣльныхъ потерянныхъ листовъ, что утрата послѣдовала раньше, чѣмъ кодексъ получилъ свой переплетъ. Но какъ достался кодексъ Уффенбаху, это осталось не объясненнымъ; самъ владѣлецъ не въ состояніи былъ что-нибудь сказать на этотъ счетъ... Судя по тому, что переплетъ украшенъ соединенными гербами Угорскаго и Чешскаго королевствъ, ученые впоследствии догадывались, что драгоценный кодексъ нѣкогда входилъ въ составъ библиотеки короля Матвѣя Корвина. Такъ или иначе, вслѣдъ за первыми извѣстіями о существованіи неизвѣстнаго доселѣ творенія гессенскій профессоръ г. Май (Majus) заявилъ, что онъ съ согласія владѣльца рукописи намѣренъ издать его въ подлинникѣ съ латинскимъ переводомъ, который онъ уже и окончилъ. Что случилось съ этимъ переводомъ, не извѣстно. Отъ Уффенбаха кодексъ поступилъ въ библиотеку города Лейпцига, гдѣ хранится и понынѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго нѣмецкаго историка и публициста, профессора естественнаго и международнаго права, Маскова (Mascow), который завѣдывалъ означенною библиотекою; онъ внушилъ одному молодому ученому Лейху, часто посѣщавшему библиотеку, мысль взяться за изданіе любопытнаго текста; такъ какъ переводъ Мая куда-то пропалъ, то Лейхъ прежде всего обязанъ былъ приняться за переложеніе греческаго текста на латинскій языкъ. Обладая хорошими способностями и надлежащею подготовкою, Лейхъ въ 1743 году принялся за трудъ, и уже въ этомъ году издалъ изъ второй части сочиненія сороковую главу въ видѣ приложенія при своемъ изслѣдованіи „О диптихахъ у древнихъ“¹⁾, такъ какъ глава эта имѣла отношеніе къ предмету диссертациі: патриціанское облаченіе, въ ней описываемое, тутъ же приравнивается къ древнему консульскому, а это послѣднее часто встрѣчается на такъ-называемыхъ консульскихъ диптихахъ, на тѣхъ особаго разряда украшенныхъ портретами складняхъ, которые консулы раздавали и дарили при вступленіи въ должность. Затѣмъ, черезъ два года въ видѣ предварительнаго образца Лейхъ издалъ листъ, содержащій въ себѣ начало сорокъ-второй главы той же второй книги подлинника—съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями: тутъ идетъ рѣчь о гробахъ императорскихъ и погребальныхъ урнахъ. Между тѣмъ началось и шло впередъ печатаніе перваго тома изданія, но когда

¹⁾ *Diatriba de diptychis veterum et de diptycho eminentissimi Qurini* (Leipzig, 1733). См. *Bursian*, *Gesch. der Philologie*, p. 410.

оно достигло до 217-й страницы, Лейхъ умеръ (въ маѣ 1750 г.). Впрочемъ нужно сказать, что Лейхъ велъ свое дѣло не особенно хорошо; онъ слишкомъ полагался на копию, сдѣланную другимъ лицомъ (Драудомъ), и печатая съ нея, почти совсѣмъ не справлялся съ подлинною рукописью; поэтому онъ надѣлалъ не мало ошибокъ. Для продолженія дѣла, по указанію Маскова, избранъ былъ Яковъ Рейске (Reiske, 1716—1774), и это былъ наиболѣе къ тому подходящий человѣкъ. По своему отличному знанію латинскаго языка и особенно греческаго онъ стоялъ на ряду съ первѣйшими еллинистами того времени, голландцами, Гемстерхузіемъ и Валькеноеромъ; но, сверхъ того, онъ былъ также замѣчательнымъ ориенталистомъ. Еще будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, мало посѣщая лекцій, но чрезвычайно ревностно, хотя безъ порядка и плана, предаваясь научнымъ занятіямъ, Рейске попалъ на мысль объ изученіи арабскаго языка и литературы. Видя, что въ Лейпцигѣ онъ не можетъ достигнуть въ этомъ желаемыхъ успѣховъ, онъ отправился въ Голландію, не смотря на отсутствие достаточныхъ средствъ къ жизни, чтобы пользоваться рукописями Лейденской библиотеки и слушать лекціи знаменитаго ориенталиста Шультенса. На чужбинѣ Рейске снискивалъ себѣ пропитаніе корректурными трудами, уроками греческаго и латинскаго языковъ, работами для другихъ ученыхъ; онъ успѣлъ въ арабскомъ на столько, что скоро оставилъ позади себя Шультенса и нашелъ еще возможность заниматься медициною, какъ средствомъ для пріобрѣтенія средствъ къ жизни (Brodstudium); онъ получилъ степень доктора. Послѣ возвращенія въ Германію (1746 г.) Рейске дѣлалъ двѣнадцать лѣтъ бѣдствовалъ, жилъ въ крайней нуждѣ работалъ на другихъ по заказу за самое скудное вознагражденіе, и даже когда сдѣлался профессоромъ арабскаго языка въ Лейпцигскомъ университетѣ, то получалъ не болѣе ста талеровъ въ годъ: только впоследствии онъ достигъ сноснаго положенія, какъ ректоръ Nikolaischule, но тогда онъ уже прославилъ свое имя дѣльнымъ рядомъ первостепенныхъ трудовъ въ области древней филологіи, значенія которыхъ, впрочемъ, долго не хотѣли признавать цеховые присяжные филологи, соперники и завистники рѣзкаго на языкъ и самостоятельнаго ихъ собрата ¹⁾ Именно въ періодъ крайней нужды

¹⁾ О жизни и трудахъ Рейске, котораго Моммсенъ называетъ *несравненнымъ*, можно почерпнуть свѣдѣнія изъ его собственной автобіографіи, изданной послѣ его смерти его женою и сотрудницею въ изданіи классиковъ: S. Jacob Reiskens von ihm selbst aufgesetzte Lebensbeschreibung. Leipzig. 1783. Ср. *Bursian*, *Gesch. der class. Philologie*, 407—416.

(въ 1750 г.), Масковъ обратился къ Рейске съ предложеніемъ продолжать трудъ Лейха. Пересмотрѣвъ то, что было приготовлено, Рейске счелъ необходимымъ еще разъ сличить копію, сдѣланную для печати, съ подлинною рукописью и на основаніи этого сличенія исправилъ наиболѣе вопіющія ошибки предшественника; ему пришлось возстановлять цѣлыя строки, цѣлые періоды, обезображенные пропусками словъ и предложеній, одинаково оканчивающихся въ подлинномъ текстѣ (*ὁμοτέλεστα*); поправки такого рода, относящіяся уже къ отпечатаннымъ листамъ, указаны были точнымъ образомъ въ комментаріяхъ; дальнѣйшій текстъ, приготовленный къ печати самимъ Рейске, отличается несравненно большею исправностью, хотя онъ все-таки не уничтожилъ всѣхъ погрѣшностей, всѣхъ необычайныхъ и странныхъ чтеній, какими первоначальный списокъ былъ наполненъ. Если, по приговору Нибура, рецензія Рейске не можетъ быть признана во всѣхъ отношеніяхъ совершенною, то безусловной похвалы заслуживаютъ его комментаріи, въ которыхъ онъ съ величайшимъ успѣхомъ разъясняетъ самыя темныя стороны чужаго и совершенно своеобразнаго быта, удачно толкуетъ слова, совсѣмъ недоступныя пониманію обыкновенныхъ филологовъ; знаніе арабскаго языка въ этомъ случаѣ весьма пригодило Рейске и сослужило тѣмъ бѣольшую службу, что въ самомъ византійскомъ придворномъ церемоніалѣ оказывались восточныя вліянія. Лессингъ, который былъ въ числѣ немногихъ современниковъ, умѣвшихъ оцѣнить высокіе таланты и большія заслуги Рейске, вопреки записнымъ специалистамъ классикамъ, провозгласилъ его трудъ „удивительнымъ и достойнымъ стать наравнѣ съ самыми славными произведеніями въ своемъ родѣ“.

Изданіе явилось въ двухъ томахъ подъ такимъ заглавіемъ: *Constantini Porphyrogeniti, imperatoris Constantinopolitani. Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae, prodeunt nunc primum graece cum latina interpretatione et commentariis. Curarunt Io. Henricus Leichius et I. Iacobus Reiskius.* Первый томъ, содержащій въ себѣ первую книгу или первую часть сочиненія, изданъ былъ въ 1751 г., а второй въ 1754 году.

Въ первомъ томѣ, кромѣ предисловія, написаннаго Рейске, находилась еще біографія Константина Багрянороднаго, составленная Лейхомъ и уже обнародованная въ отдѣльномъ видѣ за пять лѣтъ предъ тѣмъ (конечно, на латинскомъ языкѣ). Прежде чѣмъ перейдемъ къ предисловію Рейске, замѣтимъ, что въ самомъ текстѣ подлинника, благодаря особымъ видамъ Лейха, была сдѣлана перестановка противъ рукописи. Кодексъ начинается двумя особыми стать-

ями съ отдѣльными заглавіями, въ которыхъ содержатся, во первыхъ, описаніе порядковъ, какіе соблюдались въ случаѣ личнаго участія императора въ военномъ походѣ еще во времена Константина Великаго, и во вторыхъ, наставленія императора Константина Багрянороднаго относительно военнаго дѣла, обращенныя къ его сыну Роману и касающіяся опять того случая, когда самъ государь принимаетъ предводительство надъ войскомъ. Лейхъ объ эти начальныя статьи пропустилъ и началъ печатаніе съ 21-го листа рукописи; дѣло въ томъ, что онъ занимался военными греческими и византійскими авторами—тактиками и стратегиками, и собирався издать все въ одной коллекціи, въ которую должны были войти и эти главы Константина Багрянороднаго. Понятно, что Рейске долженъ былъ включить ошущенное въ первый же томъ; онъ такъ и сдѣлалъ, помѣстивъ въ концѣ его объ главы въ видѣ приложений (appendix). Безъ всякой нужды этотъ порядокъ сохраненъ и въ боннскомъ изданіи (t. I, pagg. 444—445 и 455—508).

Предисловіе Рейске заслуживаетъ полнаго вниманія. Прежде всего онъ старается въ краткихъ чертахъ обозначить содержаніе и высокій интересъ издаваемого сочиненія. Не только въ этомъ вѣкѣ, говоритъ Рейске,—но-и вообще едва ли когда появлялось сочиненіе, столь много дающее для познанія римской и византійской исторіи. При этомъ, какъ филологъ, Рейске все-таки настаиваетъ на томъ, что оно имѣетъ отношеніе и къ классической древности Византійскій дворъ во многихъ отношеніяхъ представлялъ тѣнь или блѣдную кошію императорскаго римскаго. Съ другой стороны, можно утверждать, что нѣтъ такой стороны государственнаго или церковнаго быта, которой бы сочиненіе не касалось. Если кто занимается церковною исторіей, то отсюда онъ можетъ узнать, каково было состояніе греческой церкви въ десятомъ вѣкѣ, какой существовалъ способъ избранія патріарховъ, какія формы соблюдались въ сношеніяхъ патріарховъ съ царями, какое было церковное устройство, и какіе церковныя обряды, какъ торжествовались праздники, и какія когда совершались процессіи и т. д. Если кого больше интересуеетъ гражданская исторія, то онъ найдетъ для себя обильный запасъ поучительныхъ свѣдѣній. Избраніе императоровъ, брачныя пиры, обряды при крещеніи царскихъ дѣтей, при назначеніи подданныхъ на высшія государственныя должности, при возведеніи въ тотъ или другой санъ, царскіе выходы и приемы, выѣзды въ подгородныя дворцы, на сборъ винограда, на уборку хлѣба, все это здѣсь тщательно описано;

здѣсь мы видимъ, какъ цари держатъ рѣчь къ подданнымъ въ силенціяхъ, какое участіе принимаютъ въ конскихъ ристалищахъ и въ играхъ цирка, какъ они выслушиваютъ привѣтствія и требованія партій, обозначаемахъ разными цвѣтами, какъ раздають награды побѣдителямъ, какъ слѣдятъ за плясками, смотрять на готскія игры, празднуютъ брумаліи, дають торжественные пиры, какъ отправляются въ военный походъ, что дѣлають въ лагерѣ, какъ возвращаются въ триумфѣ, раздають жалованье военнымъ людямъ какъ снаряжаютъ флотъ и морскія экспедиціи, принимаютъ иностранныхъ пословъ, отправляютъ своихъ, видимъ весь этотъ блескъ и пышность, сквозь которые иногда просвѣчиваетъ бѣдность и убожество, провожаемъ наконецъ императора въ погребальной церемоніи. Подъ руководствомъ этой книги мы можемъ обозрѣть самыя гробницы императоровъ, взглянуть на ихъ саркофаги съ подлинными на нихъ надписями и встрѣтимъ здѣсь такія имена, какихъ напрасно стали бы искать въ Византійскихъ фамиліяхъ Дюканжа. Съ нею мы можемъ проникнуть въ императорскую сокровищницу, гдѣ хранятся регалии, царскія украшенія и одежды, осмотрѣть самыя ящики (arcas) съ царскимъ гардеробомъ. Лучше чѣмъ изъ какого-либо другаго источника, отсюда можно узнать составъ и іерархію чиновъ придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ, познакомиться съ различнаго рода гвардейскими отрядами, держащими караулъ въ длинныхъ переходахъ и портикахъ дворца, составляющими охрану императора и т. д. Описаніе всего этого относится главнымъ образомъ къ десятому вѣку, къ періоду Македонской династіи, и если тогдашній придворный бытъ во многомъ удаленъ отъ обычаевъ времени Θεодосія и Константина, то все-таки онъ гораздо больше сохраняетъ слѣдовъ римской древности, чѣмъ послѣдующая эпоха Комниновъ и Палеологовъ, извѣстная намъ по описаніямъ Кодина и въ свою очередь представляющая большія отличія отъ того, что находимъ въ сочиненіи, приписываемомъ Константину Багрянородному.

Особенную цѣну Рейске придавалъ тому обстоятельству, что, можетъ быть, въ издаваемомъ имъ произведеніи заключается еще новый остатокъ изъ драгоценныхъ, но утраченныхъ для насъ сборниковъ, составленныхъ по приказанію Константина Багрянороднаго и содержащихъ въ себѣ извлечения изъ древнихъ писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрывокъ изъ упоминаемаго только Свидою творенія Петра Патриція, современника Юстиніану I. Рейске имѣеть при этомъ въ виду рядъ статей въ первой книгѣ (отъ главы 91-й по 97-ю), гдѣ съ

большою подробностью описывается провозглашение и восшествіе на престолъ императоровъ Льва I (456—475), Анастасія (491—518), Юстина I и Юстиніана. Онъ полагаетъ, что эти драгоценныя главы, проливающія новый свѣтъ на соотвѣтствующія давнія событія, входили въ составъ перваго, потеряннаго для насъ, отдѣла (titulus) въ коллекціи Константиновскихъ Извлеченій (Collectanea, Excerpta), именно отдѣла, носившаго заглавіе. о провозглашеніи императоровъ, περί βασιλέων ἀναγορεύσεως. Во всякомъ случаѣ Рейске не сомнѣвается, что эти подробныя и очевидно весьма точныя реляціи заимствованы изъ очень древняго и своевременнаго фактамъ источника, имя котораго стоитъ выше впереди 84-й главы: ἐκ τῶν μαγίστρον Πέτρον, изъ сочиненія магистра Петра, а объ этомъ Петрѣ есть свѣдѣнія у Прокція Кесарійскаго и Касѣодора, а также у Свицы; послѣдній сообщаетъ намъ и заглавіе его большаго труда: о гражданскомъ устройствѣ, περί πολιτικῆς καταστάσεως ¹⁾. Въ другомъ отдѣлѣ (титулѣ) извлеченій Вагрянороднаго, именно въ отдѣлѣ о посольствахъ (de legationibus, περί πρεσβειῶν) тоже встрѣчаются разказы, заимствованные у Петра, но они доходятъ тамъ только до времени Юліана отступника. Такимъ образомъ Рейске думаетъ, что такъ или иначе—посредственно или непосредственно—все заключающееся въ означенныхъ главахъ сочиненія De serimonia (87-я—96-я включительно), между прочимъ извѣстія о готско-испанскомъ посольствѣ къ Юстиніану, о присылкѣ Западнымъ императоромъ Апоиміемъ своего портрета Льву I, Восточному императору, все это заимствовало изъ Петра Патриція. Понятно, что такой значительный отрывокъ потеряннаго сочиненія времени Юстиніана кажется Рейске нѣкоторою жемчужиною, украшающею первый томъ изданія. Во второмъ томѣ, который здѣсь въ предисловіи обѣщается, подобное же, хотя не совсѣмъ по степени равное значеніе должно принадлежать книгѣ Филоея, императорскаго прото-спаварія и атриклина, составляющей обширную 52-ю главу второй книги подлинника и втораго тома въ изданіи Рейске. Сочиненіе Филоея посвящено преимущественно описанію церемоніала, соблюдаемаго при царскомъ столѣ въ опредѣленные дни пиршествъ. Оно драгоценно также и тѣмъ, что сообщ. етъ по этому поводу полный списокъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ и ранговъ,

¹⁾ Ср. теперь *Mai*, *Scriptorum veter. Nova collectio*, t. II. De fragmentis Petri ut videtur Magistri officiorum περί πολιτικῆς ἐπιστήμης. *Waesche*, *Ueber das von Reiske vermuethete Fragment der Excerpte Constantini περί ἀναγορεύσεως* Progr. Dessau. 1878.

въ известной очереди и опредѣленномъ порядкѣ приглашаемыхъ къ столу. Оно писано, при императорѣ Львѣ Мудромъ, отцѣ Константина.

Затѣмъ Рейске указываетъ, что въ той и другой книгѣ, въ томъ и другомъ томѣ изданія находится множество мѣстъ, на основаніи которыхъ могли бы быть восполнены пробѣлы въ византийскихъ историкахъ; сюда, конечно, слѣдуетъ отнести и 96-ю главу первой части, гдѣ говорится о восшествіи на престолъ Никифора Фоки, событіи, позднѣйшемъ въ отношеніи ко времени Константина Багрянороднаго (разказъ объ этомъ прибавленъ къ предполагаемымъ извлеченіямъ изъ Петра Патриція); сюда относятся данныя о сношеніяхъ византийскихъ съ сарацинами-мусульманами, особенно интересныя для ориенталистовъ, разказъ о приемѣ Ольги Русской и т. д., Рейске вспоминаетъ Дюканжа, говоритъ о дополненіяхъ, какія можно будетъ сдѣлать въ его Фамиліяхъ на основаніи издаваемого сочиненія, указываетъ поправки, которыя дѣлаются очевидно необходимыми въ Христіанскомъ Константинополѣ относительно, напримѣръ, положенія дворца Магнауры, указываетъ на противорѣчіе мнѣнія Бандури о положеніи Золотыхъ воротъ совершенно яснымъ указаніямъ новаго источника.

Разсуждая затѣмъ о заглавіи сочиненія, Рейске указываетъ, что данное при печатномъ изданіи заглавіе—*De serimoniis aulae Byzantinae* — оставлено по примѣру Майя и Фабриція; на самомъ же рукописномъ экземплярѣ, на кожаной его обложкѣ, значится другое надписаніе — *De regalibus institutionibus*, а впереди самаго текста длинно и съ титулованіемъ изложенное сообщеніе, что это есть нѣкоторый сводъ (синтагма) христіанскаго царя Константина и трудъ по истинѣ достойный царскаго усердія, то-есть, помѣщается такое надписаніе, которое не могло быть никакъ сдѣлано самимъ авторомъ и которое совсѣмъ не указываетъ содержанія труда ¹⁾. Нужно при этомъ прибавить, что теперешнее греческое заглавіе: *ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως* (описаніе царскаго чина), правда, заимствовано изъ введенія, написаннаго самимъ составителемъ книги, но вынесено на верхъ заглавія только редакторомъ позднѣйшаго боннскаго изданія. Нибуромъ ²⁾. Кто

¹⁾ Приводимъ заглавіе въ латинскомъ переводѣ какъ оно значится въ боннскомъ изданіи: [*De serimoniis aulae byzantinae*] *Constantini Christum amantis et in eodem Christo aeterno rege imperatoris filii Leonis sapientissimi et perpetua memoria celebrandi imperatoris Syntagma et imperatoria industria vere dignum opus.*

²⁾ По русски это греческое заглавіе можно переводить такъ: „Изложеніе

былъ дѣйствительнымъ авторомъ сочиненія, составленнаго, какъ является въ предисловіи къ нему, на основаніи древнихъ источниковъ, устнаго преданія и собственныхъ наблюденій, то и этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ Рейске, такъ какъ уже онъ не считалъ возможнымъ остановиться на показаніи чьей-то позднѣйшей и посторонней надписи, что это есть сводъ царя Константина, сына Льва, оказывающійся достойнымъ царскаго прилежанія. Въ сводѣ находится не мало такихъ мѣстъ, которыя этому противорѣчатъ и указываютъ на болѣе позднее время. Такъ въ главѣ, посвященной перечисленію императорскихъ гробницъ (42-я второй книги) отмѣчена гробница самого Константина Багрянороднаго, а также и его внука Василя II Болгаробойцы, скончавшагося 65 годами позднѣе дѣда. Въ концѣ первой книги есть глава, уже помянутая, описывающая провозглашеніе императора Никифора Фоки, что случилось черезъ четыре года по смерти Константина, въ 963 году. На основаніи такихъ данныхъ возможно двойное рѣшеніе возникающаго вопроса. Или нужно считать авторомъ сочиненія другаго, младшаго Константина, сына Романа и внука Константина VII (сына Льва Мудраго), того, который по смерти своего брата Василя (Болгаробойцы) одинъ правилъ имперіей отъ 1025 по 1028 годъ; или слѣдуетъ предположить существованіе интерполяцій въ произведеніи, первоначальнымъ авторомъ котораго былъ Константинъ VII, сынъ Льва. Рейске склоняется въ пользу втораго рѣшенія дилеммы. Новѣйшіе изслѣдователи (см. Rambaud, *L'empire grec au X-me siècle, Constantine Porphyrogénète*. Paris. 1870, p. 131) указываютъ еще большее количество мѣстъ и главъ, не могущихъ принадлежать Константину VII, чѣмъ отмѣчено у Рейске, но въ концѣ концовъ все-таки признаютъ, что основа принадлежитъ Константину Багрянородному, сыну Льва Мудраго. Прежде всего ему принадлежитъ то, что теперь помѣщается въ концѣ первой книги сочиненія въ видѣ приложения (appendix), затѣмъ первыя 83 главы первой книги; да и во второй части болѣе беспорядочной и, очевидно, редактированной въ

царскаго чина⁴. Другіе называютъ сочиненіе *Обрядникомъ Византійскаго двора*, придерживаясь общепринятаго латинскаго обозначенія. Такъ въ книгѣ: „Изслѣдованія и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ“ (С.-Пб. 1875) приводятся: „Отрывки изъ *Обрядника Византійскаго двора Константина Порфирогенита*“. Отрывки эти слѣдующіе: 1) что должно наблюдать при коронаціи императора, 2) что должно соблюдать при коронаціи Августы, 3) что должно соблюдать при избраніи кесаря, 4) что должно наблюдать при производствѣ въ патрици, стр. 436—450.

концѣ X вѣка, есть фрагменты, переносящіе насъ въ царствованіе Константина VII. Вся компиляція въ совокупности есть дѣло того редактора, который занимался обработкою второй книги.

Въ предисловіи ко второму тому Рейске еще разъ обращается къ клиторологію (*κλιτορολόγιον*) Филовея, то-есть, къ изложешію послѣдовательности и порядка, въ какихъ различные сановники и чины вызываются къ представленію предъ императоромъ при обычныхъ раздачахъ царскаго жалованья и подарковъ въ извѣстные опредѣленные дни и въ какихъ должны быть размѣщаемы за столомъ при царскихъ обѣдахъ; сочиненіе тѣмъ болѣе авторитетное, что оно составлено специалистомъ дѣла, архитриклиномъ или гофмаршаломъ при дворѣ царей Льва и Александра, содержитъ въ себѣ полное перечисленіе всѣхъ тогдашнихъ военныхъ и гражданскихъ должностей и ранговъ (оно составляетъ 52-ю главу второй части) Равнымъ образомъ отмѣчаются другія, болѣе интересныя статьи—изложеніе обрядовъ и обычаевъ при приемѣ пословъ съ указаніемъ формулъ обращенія къ иностраннымъ государямъ, соблюдаемымъ въ византійской дипломатикѣ, отчетъ о снаряженіи критской и лангобардской экспедицій и т. д.

О своемъ переводѣ Рейске говорить, что онъ усердно старался сколько возможно содѣйствовать устраненію темноты, которая, съ одной стороны, обусловливается содержаніемъ оригинала, а съ другой—самымъ стилемъ автора соответствующимъ вѣку, когда онъ жилъ; эпитеты, какими издатель, великій знатокъ и цѣнитель классической прозы, ея изящества и простоты, характеризуетъ писателя, которымъ онъ съ такою преданностью занимался, не заключаютъ въ себѣ ничего лестнаго или даже снисходительнаго: *dictione satis horrida utitur*. Примѣчаніями своего предшественника Рейске воспользовался, не измѣняя ихъ существенно, но размѣщая ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, и включая, гдѣ нужно, въ составъ собственнаго комментарія.

О высокомъ достоинствѣ комментаріевъ Рейске мы уже говорили. Для молодыхъ начинающихъ ученыхъ, желающихъ посвятить часть своихъ трудовъ серьезнымъ занятіямъ византійскою исторіей и запастись надлежащимъ пониманіемъ совершенно особенной терминологіи, служащей для обозначенія всевозможныхъ сторонъ византійскаго быта, нельзя рекомендовать лучшей точки отправленія для этихъ занятій, какъ внимательное чтеніе избранныхъ отдѣловъ изъ книгъ О царскомъ чинѣ съ толкованіями Рейске. Кто пропустилъ къ тому случай и время, кто и потомъ не заглядываетъ въ нихъ чаще, тотъ осужденъ дѣлать совершенно неожиданные для себя промахи, по-

тому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не спасаетъ и справка съ Глоссаріемъ Дюканжа: величайшій, но совершенно извинительный, недостатокъ Глоссарія именно въ томъ и состоитъ, что онъ появился раньше комментарія Рейске и раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстно о самомъ существованіи сочиненія *De cerimoniis*. Мы могли бы привести весьма поучительные примѣры подразумѣваемыхъ промаховъ изъ своего личнаго опыта, а также изъ наблюдений надъ другими, самыми почтенными и заслуженными специалистами, но здѣсь тому не мѣсто. Въ заключеніе нужно прибавить для свѣдѣнія, что самъ Рейске успѣлъ издать только комментарий, относящіеся къ первой книгѣ сочиненія или къ первому тому его изданія. Комментарии ко второй книгѣ должны были появиться отдѣльно въ видѣ третьяго тома, но для этого тома уже не нашлось издателя, прежній отказался, ибо онъ не хотѣлъ подвергать себя дальнѣйшему имущественному разоренію, *rei familiaris iacturam augeri nolebat*, по выраженію Нибура. Бумаги Рейске послѣ его смерти были куплены датскимъ историкомъ Сумомъ (Suhm), а отъ него поступили въ Копенгагенскую бібліотеку; послѣ они были оттуда доставлены въ Германію изъ уваженія къ ходатайству Нибура, когда этотъ знаменитый историкъ подіи вопросъ о новомъ изданіи сочиненія *De cerimoniis* со всѣми комментаріями незабвеннаго Рейске. Такое намѣреніе осуществилось въ 1829 году ¹⁾.

Изданія сочиненій Малаля, Генесія, Константина Багрянороднаго, хотя они вышли внѣ парижской коллекціи, находятся во внутрен-

¹⁾ Кромѣ вышеуказаннаго общаго сочиненія о Константинѣ Багрянородномъ *Алфреда Рамбо*, можно указать нѣсколько устарѣлое русское сочиненіе, харьковскаго профессора *Зерина* „Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго“ (Харьковъ, 1858; мы знаемъ только первый выпускъ, посвященный биографіи Константина; втораго, въ которомъ приходилось бы специально заниматься его сочиненіями, не появлялось), а также соответствующее, не столь обширное въ сравненіи съ французскимъ, нѣмецкое изслѣдованіе Гирша: *F. Hirsch, Kaiser Constantin VII Porphyrogenetos* (Berlin, 1873); для ознакомленія съ содержаніемъ книгъ о царскомъ чинѣ (*De cerimoniis*) можно указать небольшую статью аѳинскаго профессора *Калики*, *Περὶ τοῦ τοῦ τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς* (О придворномъ византійскомъ уставѣ: *Καλλόγρα, Μελέται καὶ λόγοι. Ἐν Ἀθήναις*, 1882). Извлеченія изъ „Церемоній“ встрѣчаются наконецъ въ сочиненіи Краузе о византійскомъ бытѣ (*Krause, Die Byzantiner*), о которомъ еще придется упомянуть во второй части нашего обзорѣ. *Waeschke* (*Studien zu den Ceremonien des Konstantinos Porphyrogenetos* (Begrüßungsschrift zu d. 37 Philologen Versammlung. Zerbst, 1884) старается отыскать слѣды стихотворныхъ размысловъ въ разнаго рода торжественныхъ привѣтствіяхъ и восклицаніяхъ, приводимыхъ у Константина.

ней связи съ нею и должны быть разсматриваемы какъ ея естественное продолженіе. Такое же отношеніе существуетъ между луврскимъ собраніемъ и двумя позднѣйшими римскими изданіями, изъ коихъ одно прямо заявляетъ себя какъ Appendix, прибавленіе къ *Corpus historiae byzantinae*, притомъ новое, такъ какъ имѣлся въ виду образецъ, поданный изданіемъ Пахимера (Поссиномъ), которое тоже вышло въ Римѣ. Томъ *in folio*, который мы имѣемъ въ виду, появился въ 1777 году и содержитъ въ себѣ сочиненія Георгія Писидійскаго или, какъ его у насъ обыкновенно называютъ, Писиды, Θεοδοσία Діакона и латинскія стихотворенія Кориппа, относящіяся по своему содержанию къ исторіи Восточной имперіи въ VI вѣкѣ ¹⁾. Издателемъ былъ Фоджини (Foggini, Fogginius), ученый флорентецъ (1713—1783), съ начала завѣдывавшій Лаврентіанскою бібліотекою и прославившій себя открытіемъ одного изъ наиболѣе важныхъ и древнихъ списковъ сочиненій Виргилія, затѣмъ — членъ папской исторической академіи, учрежденной Бенедиктомъ XIV, книгохранитель (кустосъ) въ Ватиканской бібліотекѣ, а по смерти Еводія Ассемани, знаменитаго ориенталиста, — ея директоръ. Въ ватиканскомъ собраніи рукописей онъ между прочимъ открылъ и впервые издалъ сочиненіе Епифанія Саламинскаго о драгоценныхъ камняхъ. Что касается сочиненій Георгія Писидійскаго, то они уже давно интересовали ученыхъ. Отъ византійскаго лексикографа Свиды знала, что это былъ діаконъ и сосудохранитель Константинопольской великой церкви (св. Софіи), что онъ написалъ большую поэму на міровданіе, такъ-называемый Шестодневъ, а также нѣсколько стихотвореній, воспѣвающихъ подвиги императора Ираклія въ борьбѣ съ персами и аварами. Шестодневъ былъ уже разъ изданъ, хотя и въ неисправномъ видѣ, Фредерикомъ Морелемъ. Другія (стихотворныя) сочиненія Георгія были извѣстны по ватиканскимъ рукописямъ Гольстену, который даже переписалъ ихъ для извѣстнаго намъ сотрудника первыхъ парижскихъ византинофиловъ Мальтре, но дѣло на этомъ и остановилось: Мальтре только заявилъ о фактѣ въ предисловіи къ изданію Прокопія, а изъ твореній Георгія ничего не обнародовалъ. Ученый Пажи (Pagi), разбирая *Annales* Баронія

¹⁾ *Corporis Historiae byzantinae. Nova Appendix, Opera Georgii Pisidae, Theodosii Diaconi et Corippi Africani Grammatici continens. Romae, apud Benedictum Francesium. 1777.* Съ посвященіемъ папѣ Пію VI отъ имени издателя: *Petrus Franciscus Fogginus.*

и чувствуя крайнюю скудость свѣдѣній въ наличныхъ источникахъ о времени Ираклія, пытался отыскать манускриптъ Гольстена, предполагая, что подлежащія сочиненія Георгія содержатъ въ себѣ подробную хроніку царствования. Въ этомъ онъ ошибался; тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ дѣло остается въ такомъ положеніи, что для исторіи знаменитой борьбы Ираклія съ новоперсидскимъ царемъ Хозроемъ, для исторіи походовъ Ираклія въ прикавказскія и приевфратскія области, для исторіи страшнаго нашествія аваръ со славянами на Константинополь, въ 626 году, піитическія по формѣ, преувеличенно панегирическія по содержанию произведенія Георгія составляютъ наше главное пособие и источникъ. Въ обнародованіи ихъ и заключается главная заслуга *Novae Appendicis*, хотя и все другое, что здѣсь сдѣлано было для болѣе исправнаго изданія, а также для объясненія (комментаріи) духовной поэзіи Георгія Писиды, достойно вниманія: указываемъ, на примѣръ, на обширное и важное изслѣдованіе о Шестодневахъ, то-есть, о другихъ болѣе древнихъ греческихъ произведеніяхъ, описывающихъ созданіе міра въ шесть дней съ прибавленіемъ естественно-историческихъ свѣдѣній о землѣ и ея тваряхъ (извѣстенъ Шестодневъ Василя Великаго). Но издателю и комментатору византійскаго творенія, конечно, были не извѣстны его древніе славянскіе переводы, которые можно было бы не безъ пользы привлечь къ дѣлу при установленіи текста, дошедшаго до насъ въ довольно испорченномъ видѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что по отношенію къ Писидѣ Фоджини былъ только издателемъ, приготовилъ сочиненія Георгія къ печати и комментировалъ ихъ соотечественникъ Фоджини, ученый флорентіецъ Кверчи (*Quercius*), знакомый съ греческими рукописями не только своего роднаго города, но также Вѣны, въ которой онъ провелъ нѣсколько времени, и самой Ватиканской библіотеки, гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ Фоджини. Въ посвященіи тома папѣ Пію VI Фоджини говорить, что Кверчи взялся за трудъ по его внушенію и совѣту (*consilio suasique*). Кверчи, во первыхъ, написалъ обширное изслѣдованіе о трудахъ Георгія Писидійскаго, помѣщенное въ началѣ тома и служащее общимъ введеніемъ къ первой его и болѣе обширной половинѣ. Хотя оно и страдаетъ, можетъ быть, нѣкоторыми излишними подробностями и длиннотами, но все-таки достигаетъ главной цѣли: окончательно устраняетъ множество неточныхъ представленій о жизни и трудахъ Георгія Писидійскаго, которыя были возможны вслѣдствіе неправильнаго толкованія относящейся къ нему статьи Свиды и по

другимъ причинамъ,—были такіе ученые, которые даже смѣшивали нашего автора-поэта съ хронографомъ Георгіемъ Амартоломъ; даѣе общее введеніе сообщаетъ довольно полныя и отчетливыя свѣдѣнія о рукописяхъ, въ какихъ дошли до насъ сочиненія Георгія. Въ одной только Ватиканской библіотекѣ Кверчи нашелъ пять кодексовъ, заключающихъ въ себѣ сочиненія Писиды; сверхъ того, онъ имѣлъ въ рукахъ сборники Флорентійской и Туринской библіотекъ; онъ зналъ о существованіи многочисленныхъ списковъ внѣ Италіи (пяти въ Парижской, одного въ Вѣнской, Ескуріальской), но не имѣлъ возможности пользоваться ими послѣдними. Иные изъ нихъ, какъ Вѣнскій, по сообщеніямъ, которыя сдѣланы были съ мѣста, не представляли большой важности; за то одинъ изъ парижскихъ послѣ послужилъ къ исправленію многихъ испорченныхъ стиховъ въ историческихъ поэмахъ Георгія ¹⁾. Этому изданію установлена была принадлежность Георгію Писидійскому слѣдующихъ произведеній: 1) Εἰς τὴν κατὰ Περσῶν ἐκστρατείαν Ἰρακλείου βασιλέως: На походъ противъ персовъ императора Ираклія. Писида, какъ очевидецъ, воспѣваетъ въ трехъ отдѣленіяхъ, называемыхъ ἀκροάσεις, своимъ особымъ размѣромъ (ямбическій триметръ) военныя доблести и первые успѣхи царя въ борьбѣ съ Хозроемъ. 2) Εἰς τὴν γενομένην ἔφοδον τῶν βαρβάρων καὶ εἰς τὴν αὐτῶν ἀστοχίαν ἧτοι ἐκθεσις τοῦ γενομένου πολέμου εἰς τὸ τεῖχος τῆς κωνσταντινουπόλεως μετὰ τὸν Ἀβάρων καὶ τῶν πολιτῶν: На бывшее нашествіе варваровъ и ихъ неудачу, или описаніе бывшей войны подъ стѣнами Константинополя между аvaraми и жителями этого города. Короче сказать, эта поэма (541 стихъ, предыдущая 1098) называется Bellum Avaricum, πόλεμος ἄβαρικός. 3) Ἀκάθιστος ὕμνος: Акаѣистъ, несѣдальная пѣснь — въ честь Богоматери, какъ главной защитницы христіанской столицы. Написанное по случаю побѣды надъ аvaraми, это произведеніе доселѣ остается въ церковномъ употребленіи; оно пѣлось, а теперь читается въ субботу пятой недѣли великаго поста. Принадлежность его Георгію, хотя и не опирается на прямомъ свидѣтельствѣ рукописей, съ большою правдоподобностью разъяснена комментаторомъ, который отмѣтилъ и встрѣчающіеся въ акаѣистѣ намеки на аvarовъ и персовъ, а также присоединилъ находящійся въ греческой Трюди синаксарь о троекратномъ нашествіи невѣрныхъ на христіанскую столицу и троекратномъ ея избавленіи

¹⁾ Имъ воспользовался Пиндеръ, который сдѣлалъ сличеніе для Боннскаго изданія.

заступленіемъ Богородицы (нашествіе персидское и два арабскихъ).

4) Εἰς τὴν ἀγίαν ἀνάστασιν τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν: на Воскресеніе Христова. Небольшое стихотвореніе религіознаго содержанія съ намеками на современныя автору событія, на аваровъ и персовъ. 5) Ἦρακλῆας ἦτοι εἰς τὴν τελευτήν πτωσῶν τοῦ Χοσροῦ βασιλέως: Иракліада или на конечное паденіе царя Хозроя—въ двухъ частяхъ (ἀκροάσεις), заключающихъ 471 ямбъ.

6) Εἰς τὸν μάχιον βίον: На суету жизни, стихотвореніе нравственно-христіанскаго содержанія. 7) Ἑξαήμερον ἢ κοσμοργία: Шестодневъ или Мірозданіе—поэма въ 1910 стиховъ, посвященная патриарху Сергію, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ „естественнаго богословія“, между прочимъ содержитъ иногда довольно счастливыя описанія свѣтилъ небесныхъ, земли, людей, животныхъ, растеній, но заключаетъ въ себѣ и полемическій элементъ, направленный прежде всего противъ александрійскаго философа (VI вѣка) Іоанна Филопона; этотъ ученикъ Аммонія въ своихъ комментаріяхъ на Моисея слишкомъ вдохновлялся языческою философіей Платона, Аристотеля и Порфирія; по этому поводу Георгій вооружается противъ ложныхъ понятій о мірѣ не только его самого, но и его авторитетовъ, не исключая Евклида, Галліена, Орфея, Прокла и т. д.; для примѣра можно указать попытку осмѣянія теоріи Аристотеля о происхожденіи града. Ясно, что сочиненіе имѣетъ большое значеніе для исторіи естествознанія или по крайней мѣрѣ для исторіи понятій о природѣ и для характеристики образованія въ данный періодъ. 8) Κατὰ δυσσεβείας Σεούρου Ἀντιοχείας: противъ нечестиваго Севера Антиохійскаго. Обличеніе (опять-таки въ стихахъ) еретическихъ монофизическихъ мнѣній давно уже осужденнаго церковью восточнаго епископа (жилъ въ шестомъ вѣкѣ), вызванное, вѣроятно, оживленіемъ надеждъ остающихся его послѣдователей въ Арменіи и Персіи, съ которыми вступалъ въ примирительные переговоры царь Ираклій во время своихъ походовъ на востокъ 9) Ἐυχόμενον εἰς τὸν ἅγιον Ἀναστάσιον μάρτυρα: похвала св. мученику Анастасію, пострадавшему въ Персіи—единственное прозаическое сочиненіе Георгія. Существованіе его давно было извѣстно по указанію Свиды, но ученые напрасно разыскивали самый текстъ, пока онъ не былъ найденъ Кверчи въ флорентійской библіотекѣ; болландистами была издана другая редакція. Житіе Анастасія представляетъ большой историческій интересъ, такъ какъ оно характеризуетъ внутреннее броженіе и религіозную борьбу въ Сассанидской монархіи во время войнъ съ Израеліемъ и на канунѣ ея окон-

чательнаго паденія ¹⁾. Наконецъ 9) къ изданію сохранившихся сочиненій Писиды Кверчи присоединилъ различныя эпиграммы его, а также отрывочные стихи и выраженія, собранныя отчасти изъ древнихъ ватиканскихъ рукописей, частью изъ позднѣйшихъ византийскихъ писателей (Свиды и проч.); иное приписано здѣсь Георгію только по догадкѣ. Такимъ образомъ съ величайшимъ вниманіемъ собрано было все, что можно было найти изъ сочиненій Георгія Писидійскаго, и напечатано въ означенномъ порядкѣ въ сопровожденіи латинскаго перевода. Содержаніе и значеніе отдѣльныхъ произведеній ближе разясняются въ особомъ введеніи (*monitum*) къ каждому; сверхъ того, каждое снабжено своимъ комментариемъ. Комментаріи обнаруживаютъ громаднѣе начитанность въ богословской литературѣ греческой; но менѣе удовлетворительны по отношенію собственно къ историческимъ поэмамъ; для критической разработки текста оставалось еще многое сдѣлать, такъ какъ Кверчи располагалъ не всѣми древними списками сочиненій Георгія, а съ другой стороны, въ его время еще не вникали въ законы и приемы позднѣйшаго греческаго стихосложенія, какъ это начинаютъ дѣлать теперь ²⁾. Редакція остальныхъ частей тома „Новаго прибавленія“

¹⁾ Анастасій былъ сынъ персидскаго мага; ближайшимъ поводомъ къ его обращенію въ христіанство послужило то движеніе въ умахъ, которое было вызвано перенесеніемъ въ персидскіе предѣлы величайшей христіанской святыни—Креста Господня, похищеннаго послѣ взятія Іерусалима Хозроемъ; Анастасій отправился въ Іерусалимъ, находившійся подъ властью Персовъ, принялъ тамъ крещеніе и воротился обратно съ цѣлю обличать огнепоклонниковъ; былъ взятъ и замученъ. Въ житіи впрочемъ, есть указанія вообще на широкое распространеніе христіанства въ Персіи. Изданныя болландистами акты мученичества св. Анастасія собственно старше Похвалы ему, сочиненной Георгіемъ, и послужили для послѣдняго источникомъ.

²⁾ Мы уже указали, что историческія поэмы были переизданы въ Боннскомъ изданіи Э. Беккеромъ, который отчасти воспользовался копиями *Линдера* въ Парижскомъ собраніи рукописей, гдѣ нашелъ одинъ очень хорошій экземпляръ трудовъ Писиды. Новое и лучшее изданіе Шестоднева принадлежитъ *Гергеру*: *Claudi Aeliani varia historia ex recognosc. Hercherio Accedunt — — Georgii Pisidae Hexaemeron. Lipsiae; 1866.* Славянскій переводъ Шестоднева изданъ *И. А. Шлякинскимъ* въ *Памятникахъ древней письменности* (С.-Петербургъ. 1882), сборникъ, издаваемый Обществомъ любителей древней письменности. Что можетъ дать славянорусскій текстъ (къ рукописи 1385) для возстановленія испорченныхъ и темныхъ мѣстъ въ подлинникѣ, объ этомъ можно судить по интересной статьѣ проф. *П. В. Никитина*: „Замѣчанія къ тексту Шестоднева Георгія Писидійскаго“—*Журналъ Мин. Нар. Просв.* январь 1888 г. О стихосложеніи Георг-

принадлежать самому Фоджини, который, впрочемъ, былъ нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ Кверчи, ибо ему предстояло издавать не новое, а уже ранѣе извѣстное въ печати. Сюда принадлежатъ: 1) Θεοδοσίου διακόνου περί Κρήτης ἀλώσεως ἀχροάσεις πάντες: Діакона Θεодосія о завоеваніи Крита пять пѣсней. Поэма, которой предшествуетъ прозаическое посланіе автора къ патрицію Никифору, воспѣваетъ морской походъ и борьбу съ Сарацинами за обладаніе островомъ въ 960 году, въ царствованіе Романа II, героемъ которой былъ будущій императоръ Никифоръ Фока; именно этотъ великій подвигъ на пользу христіанства, состоявшій въ возвращеніи подъ власть имперіи такой старинной греческой области послѣ вѣковаго порабоженія Сарацинами (съ 824 года), прославилъ Никифора и открылъ ему путь къ престолу. Произведеніе Θεодосія было уже разъ напечатано венеціанцемъ Флам. Корнели въ изданіи, посвященномъ древностямъ Крита: Cornelius, Creta sacra (Venet. 1755). Фоджини присоединилъ свои примѣчанія, которыя, впрочемъ, теперь важнаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ они основаны на указаніи параллельныхъ мѣстъ только у продолжателей Теофана, у Кедрина и другихъ вторичныхъ компиляторовъ; исторію Льва Діакона знали тогда по однимъ извлеченіямъ Пажи (Pagi), а житіе Аѳанасія Аѳонскаго и совѣмъ было не извѣстно (объ этомъ рѣчь будетъ ниже). 2) Стихотворенія африканскаго поэта и ученаго Флавія Кресконія Кориппа, жившаго во второй половинѣ VI вѣка: а) Flavii Cresconii Corippi Africani fragmentum carminis Panegyrici seu praefationis librorum de laudibus Justini Augusti Minoris; б) Carmen panegyricum in laudem Anastasi Quaestoris et Magistri: небольшое стихотвореніе, которое, подобно предыдущему, служить какъ бы введеніемъ къ слѣдующему, болѣе обширному; и в) De laudibus Justini Augusti Minoris libri IV. Кориппъ, еще болѣе извѣстный своимъ сочиненіемъ (тоже въ стихахъ) о войнахъ Ливійскихъ (de bellis Libycis), гдѣ идетъ рѣчь о борьбѣ имперіи съ Маврами послѣ разрушенія Вандальскаго царства Юстиніаномъ, подъ главнымъ начальствомъ магистра Іоанна (сочиненіе поэтому носитъ другое названіе „Іоаннида“), написалъ очень пространнѣй панегирикъ по случаю восшествія на престолъ

гя см. еще статьи Гильберга (Hilberg) въ *Wiener Studien*, VI (18.6), pag. 293, IX (1887), pag. 207, Е. Миллера (Miller) въ *Journal des Savants*, Fevrier 1875, pag. 120, и также въ сочиненіи Е. Bouvy: *Poètes et mélodes. Etudes sur les origines du rythme tonique dans l'hymnographie de l'église grecque*. Nîmes. 1886, p. 168.

Юстина II; главное содержаніе его заключается въ описаніи обрядовъ, церемоній и торжествъ, сопровождавшихъ это событіе, и притомъ сообщаются драгоцѣнныя подробности о придворныхъ чинахъ, объ ихъ одеждахъ, о зданіяхъ константинопольскихъ; однимъ словомъ, здѣсь заключается матеріалъ, который слѣдуетъ принимать въ расчетъ при изученіи сочиненія De sermionibus Константина Багрянороднаго; упоминается здѣсь также о посольствѣ аварскомъ. Панегирикъ Юстину былъ изданъ въ первый разъ (въ 1681) испанцемъ Рюйцемъ (Ruizius) по рукописи, мѣсто нахождения которой онъ не далъ себѣ труда указать; позднѣйшіе издатели и комментаторы (Dempsterus, Barthius, Ritterhusius и др.) вновь издавали и поправляли текстъ только при помощи конъектуръ; да и самъ Фоджини шелъ тѣмъ же самымъ путемъ: многія поправки, внесенныя имъ въ текстъ по догадкѣ, признаются теперь счастливыми и удачными, но иныя, не смотря на все остроуміе, произвольными и напрасными. Только новѣйшему издателю сочиненій Кориппа (Іоанниды и Похвалъ Юстину II) удалось напасть на слѣдъ и воспользоваться мадритскимъ кодексомъ, который нѣкогда послужилъ Рюйцу. Впрочемъ, этотъ издатель, Парчъ (Partsch), сотрудникъ Monumenta Germaniae, отдаетъ всю честь какъ критической проицательности предшественника, такъ въ особенности историческимъ комментаріямъ, которыми Фоджини сопровождалъ напечатанныя имъ поэмы поздняго латинскаго поэта ¹⁾. Въ видѣ приложения къ тому напечатаны два письма итальянскихъ ориенталистовъ (de Rossi, Augustinus Antonius Georgius), заинтересовавшихся арабскимъ двустипшіемъ въ сочиненіи діакона Θεодосія, которое онъ передалъ въ греческомъ написаніи.

Дополненіемъ Парижской коллекціи византійцевъ считается также Анонимная Хроника отъ сотворенія міра до царствованія Валентиніана 1-го и Валента, изданная въ 1779 году Біанкони.

¹⁾ См. Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum. Tomi III. Pars posterior (Berolini, 1878). Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt. Recensuit Josephus Partsch. Въ предисловіи перечислены и характеризованы предшествовавшія изданія Кориппа, которыми теперь утратили всякое значеніе относительно текста, но сохраняютъ цѣнность по комментаріямъ. Нужно упомянуть объ изданіи *Маммукелли* (Іоаннида, 1820) и *Э. Беккера* въ Боннскомъ собраніи (вмѣстѣ съ Меробаудомъ): въ послѣднемъ одиѣ переечатки. Есть еще болѣе новое изданіе Кориппа: *M. Pe'schenig*. Corippi quae supersunt—въ *Berliner Studien für klassische Philologie*. Vierter Band (1886). Erstes Heft. Характеристика автора въ сочиненіи *Гро: Kurt Groh*, Geschichte des ostromischen Kaisers Justin II nebst den Quellen. Leipzig. 1889.

Названный италянскій аббать, уроженецъ Болоньи, ученикъ знаменитаго латиниста Фаччиолатти въ Падуѣ, профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ въ Флорентійской академіи (Мингарелли былъ его ученикомъ), во время своего пребывания въ Миланѣ открылъ въ Амбровіанской бібліотекѣ не имѣющую начала греческую рукопись, которая показалась ему заслуживающею вниманія и была имъ напечатана съ присоединеніемъ латинскаго перевода. Впослѣдствіи оказалось, что рукопись такого же точно содержания находится въ Мюнхенской бібліотекѣ, и въ ней отыскался и недостающій первый листъ книги. Здѣсь сочиненіе приписано Юлію Полидевку (Поллуксу), и съ этимъ именемъ хроника была издана по Мюнхенской рукописи нѣсколько позднѣе Гардтомъ (Hardt); за нимъ и Біанкони повторилъ свое изданіе, воспользовавшись дополненіями и лучшими чтеніями баварскаго кодекса ¹⁾. Въ сущности эта компиляція, представляющая почти буквальное сходство съ другими однородными (первою частію Льва Грамматика), не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ и не доходитъ даже собственно до византійскаго періода. Но когда мы будемъ говорить о трудахъ Газе, то-есть, въ частности объ его комментаріяхъ къ Льву Діакону, то мы увидимъ, что въ одномъ томѣ парижскихъ сборниковъ она имѣетъ продолженіе, чрезвычайно важное по содержанию и особенно въ литературно-критическомъ отношеніи.

Наконецъ, въ изданіи византійскихъ историковъ принялъ участие одинъ изъ ученыхъ іезуитовъ, пережившій закрытіе своего ордена. Это былъ Альтеръ (Alter), уроженецъ Силезіи, учившійся въ Ольмудѣ, вступившій еще юношею въ братство Исуса, а послѣ его уничтоженія папою Климентомъ XIV занимавшійся преподаваніемъ въ Пражской гимназіи, потомъ въ Вѣнскомъ *Theresianum* (лицей); получивъ мѣсто бібліотекаря (*custos*) университетской бібліотеки, онъ тѣмъ самымъ приобрѣлъ право читать лекціи въ университетѣ и преподавалъ древніе языки. Отъ классическихъ занятій, о хорошемъ на-

¹⁾ *Anonymi scriptoris historia sacra ab orbe condito ad Valentinianum et Valentem e vetere codice graeco descripta. J. B. Bianconi latine vertit, nonnulla adnotavit.—Bononiae, 1779. Julii Pollucis historia physica seu chronicon ab origine mundi usque ad Valentis tempora nunc primum graece et latine editum ab Ign. Hardt. Monachii et Lipsiae, 1792.—Julii Pollucis historia physica et chronicon a J. B. Bianconio e codice Mediolanensi ἀνεφελω primum descripta nunc e codice Bavarico aucta et pluribus emendata. Bononiae, 1795. Ср. объ этой хроникѣ Hirsch, Byzantinische Studien p. 92 и сл.*

правленіи которыхъ свидѣтельствуемъ известное въ свое время изданіе поэмъ Гомера, Альтеръ перешелъ къ дипломатикѣ; онъ знакомъ былъ также съ восточными языками и въ такой степени обладалъ славянскими, что оставилъ нѣкоторую память о себѣ въ исторіи славяновѣдѣнія. Вообще Альтеръ былъ едва ли не единственнымъ членомъ иезуитскаго ордена, который поддержалъ ученую репутацію своей корпорации при ея разрушеніи. Большая его заслуга по отношенію къ византийской литературѣ состоитъ въ изданіи хроники Георгія Франдзи ¹⁾, наилучшаго источника для послѣднихъ лѣтъ существованія имперіи, для подробнаго изученія обстоятельствъ, сопровождавшихъ осаду и взятіе Цареграда Магометомъ II, а также послѣдовавшее утверждение турецкаго ига въ Пелопоннесѣ, авторъ съ юности или даже съ дѣтства былъ близокъ къ императорскому двору, былъ любимъ фамиліею Палеологовъ, такъ что царь Мануилъ II (1391—1425) завѣщалъ своимъ сыновьямъ быть внимательными къ вѣрному слугѣ, и онъ сдѣлался не только совѣтникомъ, но и другомъ втораго его преемника, несчастнаго Константина XI, хотя и Іоаннъ VI былъ къ нему тоже весьма расположенъ. Благодаря своему положенію, Франдзи могъ писать о томъ, что самъ видѣлъ, что самъ испыталъ и претерпѣлъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣдней героической борьбѣ грековъ для спасенія города, и послѣ катастрофы попался въ турецкій плѣнъ; освободившись изъ него, онъ посѣтилъ Италію, гдѣ находились послѣдніе отпрыски династіи Палеологовъ подъ покровительствомъ кардинала Виссаріона (между прочимъ и Софія Оминышна, обреченія которой съ однимъ италіанскимъ династомъ говорится въ хроникѣ), и кончилъ свою горькую жизнь въ монастырской кельи на островѣ Корфу (около 1488 года), гдѣ и написалъ свое сочиненіе, проникнутое патріотическою скорбью и горячею преданностью православію, которую онъ сохранилъ среди всѣхъ невзгодъ, будучи далекъ отъ мысли видѣть спасеніе въ измѣнѣ ему въ пользу уни, какъ Дука. Подробнѣе о Франдзи и его хроникѣ см. въ статьѣ П. Д. Погодина: „Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1889 года.

¹⁾ Χρονικὸν Γεωργίου Φραντζῆ τοῦ πρωτοβεστιάριου εἰς τεσσαρὰ βιβλία διακεθεῖντων πρῶτον ἐκδοθέν ἐπιμελεῖα Φραγκίσκου Καρολοῦ Ἀλτερ διδασκάλου τῆς ἐλληνικῆς διαλέκτου δαπάνη δὲ καὶ γραμμασι τῶν Μαριθίων Πουλλίου. ἐν Βιέννῃ τῆς Ἰουστρίας, 1796.

Уже во второй книгѣ, посвященной царствованію Іоанна VI (1425—1448 г.), Франдзи разказываетъ отчасти о событіяхъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе (дѣла Пелопоннесскія), правда—эпизодически, сбиваясь въ тонъ мемуаровъ; здѣсь же находится и отдѣлъ о Флорентійской уни. Первая книга составляетъ собственно введение, заключая въ себѣ обзоръ исторіи со времени утверждения династіи Палеологовъ отъ Михаила VIII до Мануила II (1251—1425 г.), а также взглядъ на образованіе и развитіе могущества османскихъ турокъ: это написано на основаніи прежнихъ лѣтописцевъ (Акрополитъ, Григора) и устныхъ преданій. Вся третья и наиболѣе важная книга посвящена исторіи осады 1453 года. Въ четвертой говорится о турецкихъ походахъ въ Пелопоннесъ противъ деспотовъ Дмитрія и Ѳомы, братьевъ погибшаго императора, державшихся на полуостровѣ и продолжавшихъ обычные раздоры, и наконецъ, о собственныхъ приключеніяхъ автора, съ прибавленіемъ различныхъ матерій, нѣсколько постороннихъ исторической задачѣ: къ подобнымъ вставкамъ Франдзи вообще питалъ особенную склонность (во второй книгѣ—диспутъ царя Іоанна VI съ евреемъ о вѣрѣ, гл. 12—17; въ четвертой—еще болѣе длинное обличеніе магометанства).

Хроника Франдзи не была неизвѣстною и ранѣе Альтера. Она была нѣкогда издана Понтаномъ, но только въ латинскомъ переводѣ, притомъ сокращенномъ противъ подлинника, такъ что переводъ скорѣе имѣлъ видъ извлеченія ¹⁾. Понтанъ объяснялъ такой свой пріемъ крайними затрудненіями, которыя представлялъ подлинникъ, написанный грубымъ и варварскимъ, неправильнымъ и запутаннымъ языкомъ, и дурнымъ качествомъ единственнаго списка, въ которомъ хроника была ему доступна; по его словамъ, онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ іезуитомъ Гретсеромъ иногда просиживали по нѣскольку часовъ за однимъ словомъ и все-таки едва добивались до смысла. Это былъ тотъ самый кодексъ (писанный въ 1677 году) Мюнхенской бібліотеки Баварскаго курфюрста, который послѣ былъ въ рукахъ Біанкони

¹⁾ Вышла вмѣстѣ съ Θεοφιλάκτου Σιμοκάτου: *Theophylacti Simocattae—Historiae Mauricii Tiberii imp. libri VIII. Item Georgii Phranzae Protovestiarii Chroniconum de ultimis orientalis imperii temporibus, de Sultanorum Osmanidarum origine, successione, rebus gestis, usque ad Mahometem II, de rebus denique Peloponnesiacis ante et post captam Constantinopolim libri III.* — — — *Omnia ex Bibliotheca Sereniss. Maximiliani utriusque Bavariae principis deprompta, in latinum conversa a Jacobo Pontano Soc. Iesu. Anno MDCIV, Iugolstadii.*

выше упомянутого болонскаго профессора греческой литературы; послѣдній будто бы не только списалъ текстъ хроники для себя, но даже приготовилъ ея латинскій переводъ, который, однако, остался подъ слудомъ Самъ Альтеръ пользовался тѣмъ же спискомъ и издалъ только греческій текстъ безъ латинскаго перевода. Онъ вообще не думалъ, что при греческомъ текстѣ непременно нужно латинское толкованіе, и самое предисловіе къ изданію (*Προσίμνυ*), очень обширное, написалъ по гречески. Изъ этого предисловія видно, что Альтеру было извѣстно (по каталогамъ и разныхъ сообщеніямъ) существованіе и другихъ списковъ—на островѣ Хіо, въ Константинопольской патраршей библиотекѣ, въ Туринскомъ собраніи греческихъ рукописей (по указаніямъ Алляція и по каталогу Пасини), но ими онъ не могъ воспользоваться. Баварскій же кодексъ вслѣдствіе ходатайства канцлера князя Кауница былъ присланъ для пользованія Альтера въ Вѣнскую придворную библиотечку. Хотя Альтеръ, какъ видно изъ его замѣчаній объ указаніяхъ каталоговъ, догадывался о существованіи совершенно другой, болѣе краткой редакціи хроники Франдзи, но кажется, не думалъ даже предпринимать какихъ-либо попытокъ для ближайшаго ознакомленія съ нею. Она напечатана была гораздо позже по Ватиканскому списку кардиналомъ Май (Mai) съ коллекціи *Classici Auctores ex Vaticanis codicibus Romae*. 1827—1837. tom. IX, p. 594—при помощи Авг. Тейнера и нѣмецкаго филолога Франца, изъ коихъ первый снялъ копию, а второй оказалъ содѣйствіе при установленіи текста. Появленіе этой редакціи, обозначаемой надписаніемъ *Chronicon minus Γεωργίου Φραντζῆ* (*Χρονικὸν μικρόν*), должно было возбудить вопросъ объ отношеніи между двумя изданіями относительно хронологическаго первенства, который впрочемъ никѣмъ еще не былъ подробно изслѣдованъ: предполагается только, что первоначально была написана краткая хроника, отличающаяся совершеннымъ отсутствіемъ литературной обработки въ смыслѣ классической традиціи и свободная отъ эпизодическихъ длинныхъ вставокъ, болѣе имѣющая видъ погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Само собою разумѣется, что она могла бы служить немаловажнымъ подспорьемъ и при настоящемъ критическомъ изданіи Большой хроники (*Chronicon major*), но не только Альтеръ, не дожившій до ея появленія, а даже Эмм. Беккеръ, редакторъ Боннскаго изданія, не употребили въ дѣло этого пособія. Послѣдній, впрочемъ, слегка воспользовался при перепечаткѣ текста Альтера одною, недоступною для послѣдняго, рукописью Парижской библиотеки XII вѣка,

представляющею много хороших вариантовъ. Возвращаемся къ изданію Франдзи.

За текстомъ (стр. 102) слѣдуетъ нѣсколько замѣчаній къ нему грека Пахомія, потомъ подробное оглавленіе (Πίναξ) содержанія на греческомъ языкѣ (стр. 119), указатель мѣстъ и реченій изъ Священнаго Писанія, на которыя прямо или косвенно ссылался Франдзи въ своемъ трудѣ, указатель исправленій, сдѣланныхъ редакторомъ въ текстѣ рукописи (стр. 128—138): ихъ очень много, но остается вопросъ, въ какой степени всѣ они были необходимы, такъ какъ знаніе греческаго классическаго языка еще не ручалось за полное знакомство съ словоупотребленіемъ византийской эпохи, особенно по отношенію къ автору, сильно подчинявшемуся влиянію народной рѣчи. Далѣе слѣдуютъ приложенія: 1) изложеніе вѣры латинами, написанное и посланное папою Григоріемъ Римскимъ Герману (II) патриарху константинопольскому, 2) св. патриарха Константинопольскаго Германа и сущаго при немъ собора (синода) отвѣтъ на исповѣданіе папы и къ фременуріямъ (Fratres minores, минориты) отъ него посланнымъ, объ исхожденіи Св. Духа (до стр. 149), 3) краткое посланіе (πιστάμιον) папѣ Урбану отъ патриарха Нила, 4) Символы вѣры—Аванасія Великаго, апостольскій, никейскій, константинопольскій, 4) Ἱστορία πολιτικὴ Κωνσταντινουπόλεως (Политическая история Константинополя), 5) разказъ о разговорѣ (ιστορία περὶ διαλέξεως), который патриархъ Константинопольскій Геннадій имѣлъ съ султаномъ, послѣ того какъ онъ овладѣлъ городомъ, о чистотѣ и безупречности христіанской вѣры. Латинское изложеніе вѣры и отвѣтъ Германа, какъ объяснено въ общемъ предисловіи къ тому, изданы здѣсь въ первый разъ по рукописи Вѣнской библиотеки изъ собранія Бузбека (содержаніе кодекса подробно описано тамъ же). Краткое посланіе патриарха Нила къ папѣ Урбану тоже издано въ первый разъ по другой рукописи Вѣнской библиотеки. Символы присоединены въ виду того, что въ концѣ сочиненія Франдзи находится его собственное исповѣданіе при постриженіи въ монашество, а также толкованіе на никейско-константинопольскій символъ. Альтеръ помѣстилъ (въ предисловіи) длинное разсужденіе относительно различнаго чтенія того мѣста въ символѣ Аванасія, гдѣ говорится объ исхожденіи Св. Духа (самъ онъ нашелъ въ рукописи и читалъ: ἐκ πατρὸς ἢ ἐκ πατρὸς καὶ ἀναπαύεται ἐν οὐφῷ); онъ старается установить настоящее первоначальное чтеніе и приходитъ къ тому выводу, что прибавка „и отъ Сыва“ въ греческомъ текстѣ есть позднѣйшая внесенная подѣ

вліяніемъ латинскимъ. При этомъ старыя печатныя изданія исповѣданія сравниваются съ рукописными греческими редакціями, а также съ переводными армянскими и особенно со славянскими, которыя Альтеръ приводитъ по тюбингенскимъ изданіямъ катихизиса (Прима Трубера)—глаголическимъ и кириллицею, и по кievскому катихизису 1737 года. Такъ-называемая *Historia politica Constantinopoleos* содержитъ въ себѣ отрывочное изложеніе турецко-греческой истории со времени императора Мануила II до султана Селима II, съ 1391 по 1578 годъ; присоединенная къ Францзи ради родства содержания, она заимствована была изъ Турко-Греціи (*Turco-Graecia*) Мартина Крузія, который въ свою очередь получилъ списокъ этой небольшой хроники отъ Ѡ. Зигомалы, протонотаря Великой церкви. Сверхъ того, приложены изображенія Византійскихъ императоровъ съ цѣлю нагляднаго ознакомленія съ подробностями царскаго облаченія. Нужно замѣтить, что всѣ приложенія исчезли въ позднѣйшемъ Боннскомъ изданіи, гдѣ за то присоединенъ къ тексту латинскій переводъ.

Оглавление

I. Издание источниковъ.

СТРАН.

I. Отъ Иеронима Вольфа до Дюнанжа	1
---	---

Эпоха возрожденія въ Итали; занятія греческимъ языкомъ и классическою греческою литературою.—Ученые греки: Хрисолоръ, Виссаріонъ Никейскій, Феодоръ Газа и ученики ихъ; Лионардо Бруни и его переводъ Прокозія. Шестнадцатый вѣкъ: еллинизмъ во Франціи, Яни Ласкарисъ, Антоній Епархъ; переводы и изданія Коперника, Беата Ренава, Етьенней во Франціи.—Иеронимъ Вольфъ, какъ основатель византійской исторіи, Бузбекъ, Мартинъ Крузій.—Ксиландръ.—Бонавентура Вулканій.—Галоандръ.—Леунклавій, Гешель, Петавій, Гретсеръ и Понтанъ; Меурсій.—Алеманъ и Алляцій.

II. Время Дюнанжа	53
-----------------------------	----

Занятіе византійцами во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV.—Покровители ученыхъ занятій и собиратели греческихъ рукописей.—Людовикъ XIII.—Мазарини, Сегье, Фуке, Кольберъ.—Предшественники Дюнанжа: Лаббъ, Фабро, Гоаръ, Комбефизъ, Валуа; изданія Кантакузина, Кедрина и Никиты.—Воззваніе къ ученымъ или протретикамъ.—Дальнѣйшія изданія: Кодинъ, Дука, Анна Комнина, Георгій Сникелъ, Теофанъ, его продолжатели и т. д.; труды Дюнанжа: *Historia Constantinopolitana*.—Словарь средневѣковой латыни и греческій.—Топографія Константинополя и Византійскія фамили.—Изданія Зонары, Киннама и Пасхальной хроникки.

III. Восемнадцатое столѣтіе	149
---------------------------------------	-----

Ученый кружокъ Сенъ-Жерменскаго аббатства.—Мабильонъ и Моноконъ.—Буавенъ, Бандури и Лекъенъ.—Изданіе Григоры.—*Imperium Orientale* Бандури.—*Oriens christianus*.—Общая характеристика Парижской коллекціи.—Венеціанское изданіе византійцевъ.—Оксфордское изданіе Малаля.—Изданіе Генесія въ Венеціи.—Изданіе *De ceremoniis* Константина Багрянороднаго въ Лейпцигѣ Яковомъ Рейске.—Писидя.—Франдзи Альтера.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы. Строки.		<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
4	3	сверху рукописи	рукописи;
13	10	" Зосимы	Зѳсима
14	9	снизу Улиса	Улисса
22	7	" destinavi	destinavi;
"	16 и 12	" Θεοδορομъ	Θεοδοσιемъ
29	1	" Studioi	studio
30	5	" доведши	доведшій
40	11	" Кобелутти	Кобиллуціо
51	4	" Θεοδορυ	Θεοдора
55	4	" была рѣчь выше	рѣчь будетъ ниже
60	5	" Holsten	Holste
102	17	сверху Палеологу	Палеологу
105	12	снизу отъ Константина Великаго до Юлія Цезаря	отъ Юлія Цезаря до Кон- стантина Великаго.
158	9	" помни	поміни
178	16	сверху Θεοφανα	Θεοφανò

ДОПОЛНЕНИЯ.

Стр. 21, примѣч. I. О Дерншвамѣ см. статьи берлинскаго профессора Киперта (Heinr. Kierert): Hans Dernschwam's orientalische Reise 1553—1555, въ журналѣ *Globus* 1887 г. (LII, №№ 12—15), гдѣ сообщаются извлечения изъ его дневника. Онъ сопровождалъ Бузбека и, вѣроятно, имѣлъ въ виду и торговыя дѣла Фуггеровъ, такъ какъ стоялъ на ихъ службѣ.

Стр. 22. О сношеніяхъ Герлаха съ обоими Зигомалами можно теперь читать въ весьма интересной книгѣ Леграна: E. Legrand, *Notice biographique sur Jean et Théodose Zygomalaes*. Paris, 1889.

Стр. 68, примѣч. 3. Обширная корреспонденція Пейреска, столь важная для исторіи ученаго движенія во Франціи XVII вѣка, издается теперь въ отдѣльномъ обширномъ сборникѣ, котораго вышло два тома, подъ редакціею того же де-Ларрока: *Lettres de Peiresc aux frères Dupuy*, publ. par Tamizey de Larroque. Paris. 1888—1890, въ составѣ *Collection de documents inédits sur l'histoire de France. 2-me série*. Сверхъ того, нужно отмѣтить Леоп. Делиля (Léop. Delisle): *Un grand amateur Français du XVII siècle*, Fabri de Peiresc: *Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions*, Bulletin de Novembre—Decembre 1888 (t. XVI).

Стр. 164. Подробное изложеніе обвинительной рѣчи Целла противъ Керуларія находится въ статьѣ П. В. Безобразова: „Матеріалы для исторіи Византійской имперіи“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, сентябрь 1889 г.

Стр. 185, примѣч. Относительно принадлежности рисунковъ Теодосіевой колонны Дж. Беллини см. теперь статью Мюнца (Eugène Müntz) въ *Revue des études grecs*. Tome I (1888), pag. 318—325: *La colonne Theodosienne à Constantinople d'après les prétendus dessins de Gentile Beilini*, conservés au Louvre et à l'école de beaux arts. Какъ видно изъ заглавія статьи, принадлежность рисунковъ Беллини считается предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ.

